

Мы на земле, где вы живете...

ЗЕМЛЯКИ

Нижегородский альманах Выпуск двадцать шестой

> «КНИГИ» Нижний Новгород 2019

УДК 821.161.1(082) ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

353

Редактор-издатель *О.А. Рябов* Редактор *А.И. Иудин* Составители *А.И. Иудин, О.А. Рябов*

Общественная редколлегия:

Н.А. Бенедиктов, И.С. Горюнова, Е.Н. Крюкова, З. Прилепин, В.И. Седов, А.М. Цирульников, Г.В. Щеглов, Е.Р. Эрастов

Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2, издательство «Книги». Тел. (831) 412-16-04

E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Авторы благодарят **В.П. Камальдинова** за помощь в издании альманаха

353 Земляки. Нижегородский альманах. Выпуск двадцать пятый. Составители А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2019. – 480 с.

В очередном выпуске альманаха наряду с новыми произведениями известных писателей представлены наиболее интересные тексты молодых авторов.

тексты молодых авторов.
На страницах сборника читатель найдет также материалы по истории и краеведению, критический анализ новых книг нижегородских авторов. В отдельных рубриках — ироническая поэзия и проза, произведения для семейного чтения.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижегородской области.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246

© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2019

© Издательство «Книги», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ УЗЕЛКИ	 6
Инна ЧАСЕВИЧ ПИСЬМО ДЕДУ	 18 31
ГЛУБОЧИЦА Пётр РОДИН СПОЛОХ	 36
Игорь КУПРИЯНОВ ПОРА ПРОСНУТЬСЯ	 45
ОЗАДАЧИЛИ	 51
ЛЮБИТЕЛЬ ЧТЕНИЯ	 56
ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ	 65
ШАГИ В ВЫСОТУ	 80
Лирический портрет	
Елена КРЮКОВА Я ВСЕ ВРЕМЯ В ПАЛЬЦЫ БЕРУ ТВОЙ КРЕСТ	103
Юрий ФАНКИН РАЗВЕ СЕРДЦЕ РУССКОЕ ОСТЫНЕТ?	115
Ирина ДРУЖАЕВА ВЕРНУЛСЯ СОЛДАТ	 124
Из свежей прозы	
Юрий ЛУНИН	
ГОЛУБИ УСПЕНИЕ	 129 167
Павел ШУШКАНОВ КРУЖОК АСТРОНОМИИ	 177
Дмитрий ЛАГУТИН СЕРДЦЕ	 183
Татьяна ПАНКРАТОВА ПУСТОТА	 192
Александр КРАМЕР АНГЕЛ	 198 200
Георгий ПАНКРАТОВ ПИПКОЙ КВЕРХУ	 202
Александр ТИТОВ ЗАЧЕМ НАМ КОРОВА?	 209
Наталья КРАВЦОВА	 218
Роман ГУСЕВ	 223
ГУТЕНМОРГ	
ТУКУШКА	 229
ДРУГАЯ ПЛАНЕТА	 233
Сергей УТКИН СЛОМАННАЯ МУЗЫКА И ДРУГИЕ ДОСТИЖЕНИЯ	 236

Земляки-26

Лирический портрет
ЕВГЕНИЙ ЧИГРИН   И КАЧАЛАСЬ МУЗЫКА НАЯВУ   238   Андрей ДМИТРИЕВ   ПАРА НОЕВ СТРОИТ КОВЧЕГ   245   Алена БАИКИНА   ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ БЕРИ И ВЛАСТВУЙ   252   Вероника   ЖИЗНИ НЕОКОНЧЕННЫЕ ТАИНСТВА   256   Из будущих книг
Игорь ЛЕВИН   ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА   260   Виктор БЕРДИНСКИХ   БИБЛИОТЕКАРША   284   Олег СУХОНИН   ЗМЕЯ, ГЛОТАЮЩАЯ СВОЙ ХВОСТ   317
Стихи по кругу   Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ   343   Сергей КУЛАКОВ   344   Владимир ИЛЬИЧЕВ   345   Владимир ЛЕБЕДЕВ   346   Мстислав ШУТАН   347   Владимир КОЛАБУХИН   347   Олег МАКОША   349   Ксения КУЗНЕЦОВА   351   Татьяна ДЕВУШКИНА   352
Виктор БРУСНИЦИН ПО ЗЕМЛЕ И ВЫШЕ Михаил САДОВСКИЙ ЖИВОЕ СЛОВО Вехи памяти
Илья БЕРЕЛЬКОВСКИЙ, Ольга БЕРЕЛЬКОВСКАЯ ВСЁ, НЕ ОТНОСЯЩЕЕСЯ К СТИХАМ, БЫЛО ДЛЯ НЕГО ВТОРОСТЕПЕННЫМ СУдьба поэтического наследия Бориса Корнилова
ЕЙ ПРИХОДИЛОСЬ ВЫГОВАРИВАТЬ ЯКОВУ СВЕРДЛОВУ Александр ЦИРУЛЬНИКОВ ГОРЬКИЙ СТАЛ ГЛАВНЫМ ГОРОДОМ В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ 395 ЗАВЕТНОЕ СОРМОВО Борис ПИЛЬНИК 400 Борис КОРНИЛОВ 400 Нил БИРЮКОВ 401
Виктор КУЛАГИН

Земляки-26

Александр ЛЮКИН   40   Виктор АВДЕЕВ   40   Владимир МОЩАНСКИЙ   40   Николай СИМОНОВ   40   Юрий СИМОНОВ   40   Татьяна ТАРАСОВА   40   Маргарита ФИНЮКОВА   40
Палитра
Виктор МОЛЕВ: МОЮ БАБУШКУ В ДЕТСТВЕ ПОЦЕЛОВАЛ МАРК ШАГАЛ 40
$\mathcal{A}$ алекое — близкое
Пётр РОДИН КО АНГЕЛУ 419 Александр ЦИРУЛЬНИКОВ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ГРУЗ 42
E HOVODA
елена лихова ПОЛЬСКИЙ БИЗНЕС
СТРАННАЯ ШТУКА ЭТА ПАМЯТЬ
ЮФИМ
Русский смех
Евгений ОБУХОВ   44   НАШЕ ВСЁ   44   НА ПУАНТАХ   44   РЫЖАЯ, С ВЕСНУШКАМИ   44   Олег ЗАХАРОВ
Олег ЗАХАГОВ   45   РУССКИЙ ЯЗЫК. КРАТКИЙ КУРС. Пародии   45   Игорь АЛЕКСЕЕВ, иронические стихи   45°   Юрий ТУБОЛЬЦЕВ, миниатюры   45°
Семейное чтение
Любовь СИДОРОВА ВОЛІШЕБНЫЙ КАЛЕНДАРЬ . 45: Мария ШАКИРОВА МАСТЕР КАЛЛИГРАФИИ . 46:
Людмила МИЛЛЕР
ÄНГЕЛ 46 ДРАКОН 46 СЕРАФИМА 47 МОНЕТА 47

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ

УЗЕЛКИ

Уважаемый человек

Бывают же замечательные встречи на дорогах. Хочется поделиться!

Наши автомобилисты поймут, о каком месте идёт речь, хотя это совершенно не принципиально. Еду по Московскому шоссе, дальше мне надо проехать на Есенина — поворачиваю, при этом на повороте заезжаю колёсами на якобы встречную полосу, она в этом месте выделена карманом для машин поворачивающих. Нарушение налицо, хотя не нарушить при такой разметке сложно. Бдительные стражи правил движения тут как тут — блюдут.

- Капитан Картинкин. Документы. Нарушили, с нарушением согласны?
  - Согласен, отдаю документы.
- Пройдемте в машину, рукой показывает на патрульную машину, виднеющуюся за углом.

Он идет впереди, в окно передает мои документы напарнику и уходит, чтобы продолжить работу. Я сажусь на переднее сиденье. Напарник начинает оформлять какие-то бумаги. Вдруг, даже чуть запыхавшись, в окошко, открытое со стороны напарника, заглядывает капитан Картинкин:

- Коля, ты чего делаешь?
- Как чего протокол оформляю.

Узелки

– Ты чего – дурак, что ли? Не видишь – уважаемый человек? Возьми с него денег!

Вот такие замечательные встречи на дорогах бывают.

Просьбу твою помню

Работал я когда-то в книжном магазине. Не помню кем — то ли заведующим, то ли товароведом, ну, в общем, ответственным лицом. И вот постоянно у нас крутился грузчик Вова из соседнего продовольственного магазина, каждый день заходил. Иногда он плодотворно помогал нам: и машину разгрузить, и мебель подвигать, если надо, и за какой-нибудь чепухой в свой продовольственный сбегать. Услужливый был. В то же время мы с ним могли и бутылочку распить после работы. И честно сказать — крепко пьющий он был.

Часто он обращался, в связи с этой его особенностью, с мелкими просьбами: одалживался то рублём, а то и трёшницей. Но всегда через день-два отдавал — щепетильный был и обязательный в этом плане.

А тут как-то раз приходит он ко мне и говорит:

Беда, Лексеич, у меня случилась! Выручай.

-Какая, Вова, - спрашиваю, - у тебя беда? Как выручать?

– Телевизор у меня сгорел. Трубку менять надо. Двадцать пять рублей, значит. В получку отдам.

Дал я ему двадцать пять рублей, и — всё! Пропал наш Вова. Неделю я его не вижу, месяц его нет. А в соседнийто магазин захожу я каждый день: то за сигаретами, то за хлебом, то за пивом. Но и в магазине его я не вижу, хотя раньше всегда он у входа торчал, если работы не было. А тут два месяца не вижу.

И вот вдруг как-то заметил я его в подсобке, промелькнул он и скрылся где-то там, в недрах магазина. Я знал в том помещении все ходы и выходы и направился на поиски Вовы. А он уже мне навстречу идет и руками размахивает. Даже не размахивает, а как бы успокаивает меня и говорит:

– Я твою просьбу помню, Лексеич! Не беспокойся! После такого я уже ничего не смог ему ответить.

Узелки

Планы были

Служил я довольно непродолжительное время заместителем директора по снабжению в серьезном государственном учреждении. Его солидность определялась уже тем, что принадлежало это учреждение Министерству газовой промышленности и одних буровых установок на базе ГАЗ-66 у меня было 25 штук, а их надо обслуживать. В общем, министерство богатое, всякие «Союззарубежгазпромы» были ему подотчётны, и проблем со снабжением у нас было мало, только успевай по фондам своё забирать.

Работал у меня тогда снабженцем Мишка Ханбабаев. Ну, не Мишка он, конечно, а Мирхайдар, и вообще – Мирхайдар Камильевич. Такой стопроцентный татарин – хитрющий-хитрющий. Нет, опять неправильно: он был хитрым и умным одновременно — сочетание редкое, если учитывать, что хитрят только более или менее ограниченные люди. А вот у него — сложилось! Когда надо, он был умным, а, когда требовалось — хитрил немножко. И ему с рук сходили всякие мелкие проказы. Но — про это как-нибудь в другой раз.

И ещё о стопроцентности его говорит то, что в деревне, в Сергачском районе, у него жила бабушка, которая порусски не говорила и не понимала. Он своего трёхлетнего сынишку к бабушке в деревню на лето отправил, а осенью плакаться ко мне пришел — тот разучился по-русски говорить.

Мишка успевал выбрать по фондам всё, что нам полагалось, но, что не полагалось, он тоже успевал забирать. И лежало у нас на складе все, что нам требовалось, и то, что нам не понадобится в ближайшие сто лет, тоже у нас на складах лежало. Так Мишка кроме всего прочего еще знал, что лежит на складах нашего автозавода, Главволговятлегбумснаба и базы ОРСа ВОРПа, и знал, как это взять!

Долго как-то я всё это...

Надо короче.

Короче – иду я как-то по коридору к себе в кабинет с утра, рабочий день ещё не начался, а Мишка уже мне навстречу и почти орёт:

– Лексеич! Ты знаешь, что у нас новый главный инженер? Розенбаев теперь у нас главный инженер, сегодня назначили.

- Знаю, Мишка, говорю я ему, только не Розенбаев, Розенбаум. Сегодня знакомиться будем.
  - Как Розенбаум?
  - Да так Розенбаум.
- Вот это да! Значит, я ослышался. А какие планы были, и всё коту под хвост!

Заместитель генерального

Я только недавно узнал, почему генерального директора называют генеральным, чем он отличается от обычного директора и почему директор не всегда является распорядителем кредитов. Так вот, у генерального директора в подчинении бывают ещё несколько директоров: финансовый, выставочный и ещё может куча всяческих быть.

Но у генерального директора, как правило, бывают ещё и два простых заместителя. А зачем нужны два — объясняю: не для того, чтобы замещать его на время болезни, или командировки, или отпуска — нет!

Генеральному директору обязательно нужен заместитель, в хорошей физической форме, который мог бы спокойно, без какого-либо вреда для своего здоровья выпивать, сидя в ресторане, с нужными людьми либо обмывать уже заключенные договора и сделки. А часто даже ему приходится выпивать с ненужными людьми, чтобы отвлечь тех от решения проблем, которыми не хочется заниматься генеральному. Это – один!

Второй заместитель — это рабочая лошадка, это друг, советник, исполнитель, который пашет двадцать четыре часка в сутки и который знает и умеет больше, чем генеральный. Его и наверху, в министерстве или в правительстве, знают, но не подходит он им по каким-то непонятным критериям, а может, и наоборот — по вполне понятным: возраст, национальность, здоровье или политические взгляды.

Узелки

11

То, о чем я говорю, – не секрет, и это происходит не всегда и не везде; мой жизненный опыт говорит именно об этом.

В начале девяностых руководству города и области было ещё не совсем понятно, что им нужнее – горисполком или «Детский мир», Высшая партийная школа или концертный зал, книжный магазин или «Макдональдс». Вот среди этой неразберихи мне и удалось проработать некоторое время в некой новой структуре, арендовавшей помещение в Главном ярмарочном доме.

По роду своих обязанностей мне часто приходилось общаться с руководством «Нижегородской ярмарки», у нас сложились хорошие и деловые отношения, и я совершенно точно знал, кто и за какие участки работы отвечает. А уже чуть позже я заметил, что практически ежедневно, ну очень часто, ко мне в кабинет стал заглядывать сначала незнакомый, потом чуть знакомый, а потом уже и хорошо знакомый человек по имени Ашот Абрамян – понятно, что армянин.

Маленький, черненький, благоухающий парфюмами, с безукоризненно уложенной прической, он приходил ко мне каждый день с улыбкой и бутылкой хорошего коньяка. Каждый раз, выпивая со мной за компанию чашку кофе, он делал мне невероятные предложения по ведению совместного бизнеса: залить всю Центральную Россию армянским коньяком, запустить цех разлива минеральной воды «Арзни», выпускать спички по новой шведской технологии. Перечислять их все не имеет смысла, потому что реальной была только одна просьба, в которой я всё же сумел ему уклончиво отказать: он просил познакомить его с генеральным директором «Нижегородской ярмарки».

Забыл сразу отметить, что я прекрасно знал не только генерального, но и обоих его заместителей, правда, сейчас уже не вспомню их фамилии. Потому назову их просто Попов и Сидоров. Попов был толстым, угрюмым, неразговорчивым, но не мизантроп; ему было лет пятьдесят, и он сильно припадал на одну ногу, а потому ходил с клюшкой. Сидоров, напротив, олицетворял тот тип людей, которых зовут «рубаха-парень» — улыбчивый, высокий, да что объяснять,

если он до того был то ли заведующим сектором работы со спортивной молодёжью обкома комсомола, то ли командиром областного студенческого строительного отряда.

И вот мой Ашот Абрамян однажды приходит ко мне очень радостный и, тряся какой-то бумагой, говорит:

– Лексеич, всё подписал у генерального! Сегодня – не кофе, сегодня мы с тобой коньяк будем пить, – и протягивает мне бумагу.

В бумаге черным по белому излагалась просьба: разрешить на территории, прилегающей к Главному ярмарочному дому, оборудовать стоянку машин с платным туалетом, автомойкой и шашлычной. В углу было нацарапано: «Сидорову! Помоги человеку!» – и подпись генерального. Я с жалостью посмотрел на Ашота.

- Ашот, дорогой, надо было тебе просить у генерального, чтобы он отписал твоё письмо не на Сидорова, а на Попова.
- А какая разница? И тот зам генерального, и другой зам генерального!
- Ашот, Попов должен решать вопросы, а Сидоров должен будет с тобой пить в ресторане «Меркурий» вино или коньяк, как захочешь, пока у тебя здоровья хватит.
- Лексеич, у меня здоровья хватит, пока Сидоров не сделает всё, что мне от него надо.

В тот день, уходя с работы домой, я заметил, что Сидоров с Ашотом шли в ресторан «Меркурий», оживленно что-то обсуждая.

Самое интересное, что Сидоров всё сделал для Ашота и буквально через неделю Ашот зарегистрировал у нас в городе официально армянскую общину, не знаю, как он её назвал по документам, и стал её первым председателем. А через год и Сидорова забрал к себе заместителем.

Невезучий Барабанов

Недавно перечитал «Бравого солдата Швейка», посмеялся всласть. Нет, не был он, конечно, идиотом, а просто ему часто по-человечески не везло. Вот как Лешке Барабанову, нашему инженеру. Инженером Лёшка был

от бога и в науку не лез – понимал, что там не его епархия. И, когда ему предлагали соавторство в научных статьях, он придирчиво рассматривал степень своего участия в экспериментальной части и только после этого давал свое согласие на соавторство или не давал.

Теория – это ведь совершенно противоположный фронт жизни. Правда, физики-теоретики на экспериментаторов смотрят часто с надеждой. Хотя негласно всё равно считают себя элитой науки. Мне рассказывали, что, когда после окончания атомного проекта Сахаров стал подыскивать себе работу в Москве, подумывая о работе в ФИАНе, академик Гинзбург, у которого в отделе Андрей Дмитриевич в конце концов и оказался, с издёвочкой нескрываемой у него спросил: «Так вы и физикой хотите ещё заняться?», подчёркивая, что Сахаров лишь прекрасный инженер, но не физик.

Касаемо инженерной мысли известен мне факт, как отец наших кораблей на подводных крыльях Ростислав Евгеньевич Алексеев мучился-мучился, никак не выходили у него на крыло корабли, а все потому, что рассчитывал он профиль этого крыла, как в авиации, исходя из законов аэродинамики. Так бы и мучился до сих пор, если бы один хороший инженер (фамилию его я раскрывать не буду!) не рассчитал ему профиль крыла исходя из законов гидродинамики; и полетели корабли у Алексеева. Так что и прекрасный организатор не всегда хороший инженер.

Як чему?

Возвращаюсь к Лешке Барабанову. Давно это было – лет тридцать уже.

Лёшка выпивал раз в неделю, по пятницам. Выпивал он с мужиками из экспериментально-механических мастерских, в которых и сооружались приборы и оборудование для наших новых научных работ. Пьянел Лёшка моментально, с рюмки или с двух, и шел он к себе домой через дорогу. Жил он с мамой прямо напротив института, прямо дверь в дверь, в деревянном двухэтажном домике чуть повыше вытрезвителя. Иногда кто-то из мужиков потоварищески доводил его до крыльца, нажимал кнопку звонка и уходил.

Наши ребята программисты-математики рассчитали (уж не знаю, какими алгоритмами и программами они пользовались!), что Лешка должен попадать в вытрезвитель раз в три месяца. Но за пять лет, что я с ним проработал, он попал только один раз. Точнее, он попал в три разных вытрезвителя за один вечер.

А как это получилось?

Сначала его снял патруль из двух молоденьких лейтенантов прямо с крыльца собственного дома, когда он ключом отпирал свою дверь. Отвели его под ручки в вытрезвитель, благо тот находился через один дом: мимо музея Горького — и вытрезвитель. Там он сумел как-то объясниться со знакомыми работниками, и его отпустили. Знали его в этом ближайшем вытрезвителе не как алкаша, а как соседа — курили часто на одной скамеечке.

После этого Барабанов решил сходить и рассказать этот прискорбный и смешной эпизод своему товарищу, который жил неподалёку, на Ковалихинской улице. Лешка купил бутылочку красненького, зашел в гости к товарищу, они вместе выпили и посмеялись. Но вышедшего из гостей Барабанова снова встретил патруль, уже другой, теперь уже на машине. И отвезли его в вытрезвитель Советского района, что находился на улице Саврасова.

Там Барабанов ещё пытался шутить, рассказывая местным сотрудникам, что уже побывал сегодня в вытрезвителе, откуда его отпустили. Но суровые работники правопорядка Советского района шуток не понимали. Они жестко сказали, чтобы Алексей звонил домой родственникам и те привезли деньги за обслуживание. Барабанов позвонил своей маме, и та приехала, что выкупить своего дитятку.

По пути домой Барабанов умудрился отстать от мамы, а сев в трамвай, уснул. Разбудили его в трамвайном депо, где сдали с рук на руки дежурному при штабе ДНД, который позвонил куда надо, и направили Лешу в вытрезвитель Канавинского района. Там наш Барабанов и спал уже до утра.

Но всё равно у меня что-то не сходится: если теоретики рассчитали, что судьба должна догонять Барабанова в среднем раз в три месяца, то Барабанов должен был

побывать в вытрезвителях за пять лет двадцать раз, а он побывал только три. Значит, что-то должно было случиться ещё? И, наверное, покруче! Но я не дождался – уволился я из того института.

Экзистенциализм

Я не знал точно, что такое экзистенциализм, а вот случилось тут – и понял. Позвонил мне приятель (да и не приятель, а скорее дальний знакомец) и говорит, что у Ивана Плохова жена умерла. Рак скоротечный, что ли. А Иванто Плохов тоже мой приятель, с которым мы говорим по телефону раз в два-три месяца, — то есть поближе все же. И должен я был как-то отреагировать на это печальное событие.

А вот и застопорил я тут.

И до сих пор не знаю: звонить мне с соболезнованиями Ивану или не спешить.

А почему? А потому, что женат Иван Плохов был четыре раза.

Первая его в Лондоне живет со старшим сыном.

Вторая обобрала его до нитки при разводе — так получилось по-глупому: зарегистрировал он всё что мог на неё. Тогда все всё свое барахло на тёщ да на племянников регистрировали: под воров в законе косили — тем же ничего своего иметь не рекомендуется. И министры наши тоже иной раз в воров играют: на родню свои виллы да машины записывают.

С третьей (её Настей зовут, и знал я её) они вроде полюбовно разбежались: к Ивану Плохову даже две дочки от третьей приезжают в гости изредка. Только где-то в другом городе она вроде живет. Не помню где!

А последняя (а может, и не последняя) Галина – молодая больно, чтобы помирать. Она на двадцать лет моложе Ивана. И сынишке ихнему всего три года. Чего ей помиратьто? Правда, рак, говорят, теперь тоже крепко помолодел.

Так вот, не знаю я, которая жена померла. Выразишь ему соболезнование, а он меня пошлет подальше – может, надо поздравить было. Позвонил я только что приятелю

дальнему, который сообщил мне новость эту, а он и не знает, что Иван четыре раза женат был и жен у него четыре. Говорит: померла у Плохова жена, а которая — не знает.

И что мне делать сейчас, пока что ума не приложу.

Бабушка

Вот есть такие занимательные сюжеты, даже не сюжеты (сюжеты требуют развития) — просто наблюдения, что ли! Если развивать эти сюжеты, скажут: чего тягомотину развёл на пустом месте! С другой стороны — пропускать такие факты мимо тоже обидно, как бы даже транжирой выгляжу.

Когда я был маленький, была у меня бабушка. Я её не огорчал до самой смерти и вообще не огорчал, и дожила она чуть ли не до девяноста годов! Она меня очень любила, и всех мальчишек любила, а девчонок считала бесполезным материалом. Все мальчишки с нашего двора и с соседнего ходили к ней решать свои проблемы — авторитетом дворовым была моя бабушка.

Бабушка моя курила, курила пятьдесят лет: с пятнадцати до шестидесяти пяти, и бросила затем, чтобы мы с братом, её внуки, не заразились этой дурной привычкой, но мы всё равно стали курить. И курила она сигареты «Прима», которые резала опасной бритвой «Золинген» пополам, и эти половинки курила через янтарный длинный мундштук.

Как и в каждом старом дому, где жило несколько поколений одной семьи, где-нибудь в коридоре или на кухне, а может, и в гостиной, в каком ни на то заветном шкафчике или ящичке располагается так называемая «семейная аптечка», и хранятся там: йод, марганцовка, вазелин, вата, бинты, валидол, бесалол и тому подобное. Раз в году в этом шкафчике или в ящичке проводится ревизия, и обнаруживаются высыпавшиеся из фабричных упаковок, неопознанные разного цвета и размера отдельные таблетки.

Конечно, мои мама или папа эти маленькие разноцветные таблетки сразу бы выкинули, но в этом ящичке ревизию проводила всегда бабушка, и она сгребала их своей

Узелки

17

ладошкой и ссыпала в обычную пол-литровую стеклянную кружку, которая была уже её личной собственностью. Кружка эта очень красивая стояла на полке в кухне рядом с коробкой с солью и такой же коробкой с мукой.

Как у любого нормального человека, у бабушки моей иногда болело то ухо, то колено, а то и живот, а бывало, что и сердце. И тогда моя бабушка доставала свою заветную пивную кружку, что стояла у неё на кухне, на полке, высыпала из неё себе в горсточку несколько разноцветных таблеток: может, пять, а может, и десять — как получится, глотала их и запивала водой. Любопытный факт: и ухо, и сердце у бабушки после этого переставало болеть. А что она проглатывала — никто уже не узнает. Да и бабушка, я уверен, не знала. Ведь были в этой пивной кружке и пирамидон, и норсульфазол, и сульфадимезин. Но было там, видимо, и какоето и очень хорошее универсальное лекарство. Загадка!

«Роза»

Вот я оканчивал радиофак и сын мой – тоже радиофак! Из меня ничего путного в этом направлении не получилось. А сын мой типичный рациональный, логично действующий молодой человек, просчитывающий (не всегда верно!), видящий ошибки (даже грамматические!) и возмущающийся ими. Ну, отличник – с ними мне всегда трудно. А тут вдруг в нём проснулся поэт, в тридцать-то лет! Увидел он у нас дома в вазе огромные, полностью раскрывшиеся розы сорта непонятного – букет супруге подарили. Полез он в свой айфон и не нашел в интернете ничего похожего. Позвонил он тогда знакомой своей садоводше, разбирающейся в сортах и названиях, послал ей фотки – не знаю, говорит она! Такие необычные были те розы: большие и лепестки вывернуты, будто огромная тропическая многокрылая бабочка. И тут он и произнес это замечание, которое меня поразило:

– Просто они перезревшие!

Какая метафора! Просто здорово.

Я даже на следующий день вспомнил – РОЗА! Это уже применительно к даме одной.

Но я же тоже человек любопытный: пошел я в цветочный магазин, увидел там эти цветочки и спрашиваю у продавщицы:

- Это что за сорт?
- Софи Лорен, отвечает та мне.
- Нет, говорю я ей, Софи Лорен красными должны быть, а у вас тут и красные, и желтые, и белые. Как называется сорт вот с такими вывернутыми наружу большими лепестками? Похожи на отцветающие пионы. Может, они старые, перезревшие?
- Да нет свежие они, вчерашние. А это я сама все лепесточки из бутона выковырнула и пальцами их так размахрявила.

Юрский

Лет пятьдесят назад, а может, уже в начале семидесятых, ходил я на концерт Юрского в Кремлевском зале нашей филармонии. Читал он «Крокодила» Достоевского. Я сидел почти у самой сцены: ряд второй или третий. И вот перед самым выступлением, подойдя к самому краю и щурясь от слепящих софитов, он, пристально пытаясь кого-то разглядеть в зале, вдруг как-то радостно, потирая руки произнес: «О, да тут все свои!»

Помню и его полусогнутую фигуру, с осторожностью обращающуюся к крокодилу: «А как там у вас со свободой?», и сиплым голосом «Утро Стёпы Лиходеева», и пастернакову божественную «Рождественскую звезду». Но вот это его приобщение меня к его своим осталось со мной на всю жизнь, и, радуясь любой его роли, я всегда помню, что мы с ним свои.

ПИСЬМО ДЕДУ

«Здравствуй, дед»... Сколько раз я представляла, как могла бы написать тебе письмо и что начала бы его так – коротко и просто: «Здравствуй, дед». Такой же простой и короткой была и твоя жизнь... Знаешь, как-то даже странно писать «дед» тому, кого я сама старше на добрых пятнадцать лет... Да и писать письмо тоже, наверное, странно, когда знаешь, что адресат его не получит. Но очень хочется. И с каждым годом это желание не проходит, оно становится только сильнее. Одним словом: «Здравствуй, дел!»

Представляешь, а Надюша все твои пятнадцать писем сохранила. На желтой тонкой бумаге, протершиеся на сгибе до дыр, с плохо кое-где видимыми чернилами, она их все наизусть выучила. Жалела, что так мало было – поздно вы весточки друг о друге получили, поздно писать друг другу начали, когда война уже на перелом пошла и громили немцев по всем фронтам.

В самом первом своем «треугольнике» (жена твоя, кстати, всю жизнь их складывать могла), ты написал: «Что дети живы отношу это твоей материнской любви»... Эх, дед, не знал ты — какой силы была эта любовь и что ей стоило дочерей твоих сберечь. Не писала она тебе об этом, потому как жаловаться не привыкла, а может, считала — так оно все и должно быть и не герой она вовсе. А я все-

таки напишу — как выжила тогда моя «бабца»... Ничего, что я ее так называю? Тебе трудно представить, но твою жену, младше тебя на пять лет, я только седой помню и старенькой, а потом — совсем старенькой. Девяносто пять все-таки было... Гордились мы нашей «бабцой» не меньше, чем тобой — дедом-героем. Правда, гордость эта не сразу пришла: в детстве-то мы думали, герои — это те, кто под танк с гранатой или как ты — на пулемет, а бабушка и не партизанила даже. Кстати, о том, что в оккупации была, мы не так давно узнали — не жаловали раньше тех, кто на земле, немцами занятой, оказался, пусть и не своей воле.

Тебя забрали в первый день войны. Вернее, ты сам, после истошного крика соседки: «Война! Война, миленькие! Что ж теперь будет?!» — сказал спокойно и даже как-то буднично: «Надюш, собери вещмешок». И ушел, чтобы, как было сказано в твоей военной книжке, «явиться на призывной пункт в первый день объявления военных действий». И ты явился. Как повелось веками, постоял на пороге, подкинул под потолок Светланку, поцеловал «Белый Грибок» по имени Аллочка в вихрастую макушку, жену обнял, матери поклонился и ушел...

В военкомате спросили – умеешь ли в седле сидеть? Кивнул утвердительно, как же иначе – чтоб такой «шебутной» и не мог?! Вот и направили на два месяца в Лиски в учебный полк, премудрость кавалерийскую постигать. Полк, куда тебя определили на «учебку», стоял совсем рядом, и тебе через пару-тройку недель удалось на часик заехать к своим. Твоя старшенькая, которой тогда еще даже трех лет от роду не исполнилось, хорошо запомнила, как ты лошадь привязал у крыльца и в дом пошел, а она возьми и отвяжись. У твоей дочери всю жизнь перед глазами так и стоит картинка – улица, июльским солнцем залитая, на ней по своим делам люди снуют, а посередине дети малые играют – возрастом как сама Светланка, ну, может, чуть младше или чуть старше, а прямо на них лошадь несется – звуков громких испугалась. Они понять толком не могут – какая беда на них надвигается, как стояли посреди улицы – так и стоят. Лошадь все ближе, стало быть, и опасность ближе, тут те, кто мимо шел, – замерли

от ужаса... Но не таков ты был, чтобы детям пропасть дать. Любил их сильно – и своих, и чужих, – всех детей. Когда из дома на работу уходил, у Светланки всегда спрашивал: «Чего принести?» И заказ ее «колбаски и ситро» всегда выполнял. А на Новый год сам игрушки мастерил и Деда Мороза из папье-маше сделал красивого-о-о... Разве ж мог такой человек, как ты, от опасности детей не уберечь? В окно выглянул – проверить, все ли в порядке, картинку не маслом, а жизнью написанную, увидел, в секунду через подоконник перемахнул, в несколько огромных прыжков догнал свою Звездочку и на холке повис. Остановилась она, только бока раздуваются да ушами прядет – от гонки отходит... Смелый – мало сказать – отчаянный ты был! В детстве на кулачках драться ходил, хоть и пытались тебя за пианино усадить... Нет, играть ты на нем, конечно, научился, только не больно жаждал. А вот кулачные бои это твое было. Когда сестра младшая Нина в пору жениховства вошла – мало кто рисковал к ней подойти. Один на танцах нашелся – ангажировать решил, она отказалась со смехом: «Ты ж вон какая каланча, как мы танцевать-то будем? Разве что на руки возьмешь, так и завальсируем?» Парень тот не местный, потому не знал, с кем дело имеет. Он отомстить «пигалице» пригрозился, только товарищи поумнее быстро его на грешную землю спустили: «Ты хоть знаешь, чья она сестра?! Сашки Ширкина! Не, мы с ним ссориться не будем». Тот не унимается, а дружки-то пальцем у виска кавалеру неугомонному покрутили и ретировались от проблем. Ну и он, глядя на них, смекнул, что лучше не испытывать судьбу, сам тоже «огородами, огородами» и подальше от танцплощадки. Ведь здоровый парень был, тебя повыше и плечи пошире, а испугался даже не видя, одних слов уважительно-боязливых хватило. Нападать, конечно, ты ни на кого не нападал, но за своих постоять умел...

Через месяц после побывки домашней вас на фронт отправили. В тот день кто-то твоей Надюшке сказал, что эшелон с кавалеристами на станции стоит, отправления ждет. Как же она бежала!.. Никогда в жизни так не бегала. Вообще Надя с детства спортивная была, в детдоме навер-

ху «пирамиды» стояла — еще бы, «соломинка», как ее все называли, — она ж за пару секунд и на самой верхотуре уже. Не обидел ее бог быстротой и выносливостью, а все ж не успела... Подбегает к станции, а перед ней вагоны проплывают... как в кино... Сначала медленно, потом все быстрей, быстрей, быстрей, а она бежит рядом и в лица вглядывается — вагоны-то открытые, в них лошади, а рядом — бойцы стоят. И чудится ей, что увидела она тебя, коть и на секундочку, коть и на один вздох, а разглядела. Вроде ты даже крикнул ей: «Я вернусь, детей береги»... Не знаю, да и она сама не знала, точно — видела? Или только показалось?.. Хотя, наверное, это уже не важно, главное, то мгновение — вымышленное или наяву бывшее — ей душу согревало, когда совсем сил жить не было...

Поезд ушел в военную даль, оставив после себя черный дым, рвущийся в небо, и протяжный плач тех, кто на перроне остался. Надюща опустилась на землю, и на желтое в горох платье покатились слезы, смешанные с вокзальной пылью...

Надя, как ты на фронт отбыл, в госпиталь работать пошла. Сколько она бинтов перестирала – ужас, даже кожа на руках слезала. А уж чего там только не насмотрелась... Особенно часто вспоминала летчика... Он за простынкой лежал, отдельно от всех – полностью раздетый, его ничем нельзя прикрывать было. Летчик весь обгорел, ни одной клеточки здоровой – одна сплошная рана, а представляешь, молча лежал, не стонал даже! Как его только врачи с сестричками ни выхаживали, но все равно не спасли...

Еще лейтенантика молоденького помнила, тот все метался и кричал: «Пристрелите меня, пристрелите», – видать, терпеть боль сил не было. Ранения всякие попадались. Самые «такие» Надю отправляли обрабатывать, как женщину замужнюю. Не девчонок же посылать, когда у бойца ранение мягкого места имеется?! Он, бедолага, когда под артобстрел попал, на животе лежал, оттого ранение у него такое интересное получилось – все сидячее место как траншеями изрыто. Раны эти прочищать надо было, чтоб не гноились. Вот Надя бинты, растворами пропитанные, через них и протаскивала.

Закроет детей малых дома и в госпиталь, а что делать? Садики уже не работали, хорошо, когда мама твоя на работу не ходила — окопы рыть, тогда она с внучками оставалась. Вот раз возвращается Надя домой, а на подоконнике Светланка скачет и кричит в форточку, весело так, громко, радостно: «А нас бомбили!» Дети — они же маленькие, глупенькие — не понимали, что бомбы настоящие и убить могут. Как ту девушку в белом платье. Всю жизнь потом Надя белый цвет не любила — перед глазами трамвай разбомбленный вставал, и рядом девушка молодая, красивая, на земле лежит. Платье белое задралось, а вместо ног — пустота...

Бомбили часто. Когда снаряд в городской холодильник попал, все ринулись мясо по домам разобрать - с продуктами уже напряженка была. Надя с сестрой твоей, Ниной, вместе со всеми побежали. Схватили на радостях две туши, а по дороге одну бросить пришлось – тяжелые они были, да еще замороженные – разве долго пронесешь. На той дороге потом много туш коровьих валялось. А через несколько дней бомба в кондитерскую фабрику попала – опять все за продуктами побежали. Надя с Ниночкой, как все, за патокой поспешили. Чуть не погибла тогда твоя сестра – на передние ряды стали задние напирать, она равновесие не удержала и в бочку с патокой с головой нырнула. Из бочки Надя ее спасла, а волосы обрезать пришлось – ничем не отмывались - торчали во все стороны, как деревянные. Артобстрелы в это время шли почти непрерывно. Как выдавалась минутка затишья, Надя с Ниной сразу на речку бежали – за водой. Однажды только набрали воды – стрельба началась. Они на землю упали, а ведра перед собой поставили. Молодые были, глупые – разве ж спасли бы их ведра те от пули или осколка шального?... В один из таких походов за водой Надя в реке бойца нашего увидела... Мертвого... Шинель распласталась и на воде его держала, и плыл он вниз лицом по красивейшей реке Дон, неведомый защитник страны...

А потом пришли немцы... Они заходили в дома и выразительно показывали на входную дверь: «Матка, фьютьфють!» Надюща, хоть и побледнела, но стойко держалась,

а прабабушка Катя, мама твоя, как стояла, так на диван замертво и повалилась. Хорошо, немец незлой попался, добивать не стал, подождал, когда она в себя придет и все из дома выйдут. Ночью в чужой избе, куда набилось много народу переночевать перед дорогой, Надя заснуть не могла – лежала и думала: «Ничегошеньки с собой не взяли! Как же теперь совсем без всего?» Сон не шел. После полуночи она встала тихонько, чтоб никого не разбудить, выскользнула на темную улицу и, крадучись и поминутно озираясь по сторонам, стала пробираться к своему дому. Чуть-чуть, чтобы не дай бог, не скрипнула, приоткрыла калитку и шмыгнула в избу. На ощупь, в кромешной тьме, она нашла детское одеяло, свое зимнее пальто, маленькую кастрюльку, пару чашек и каравай хлеба. Все это она быстро сунула в рюкзак и так же незаметно, стараясь слиться с окружающими деревьями, пробралась обратно. Жителей сразу предупредили - кого в своих домах увидят- на воротах повесят... Страшно она рисковала тогда, а что было делать? Так хоть что-то удалось взять в долгую дорогу.

Утром всех погнали на станцию огромной колонной. Стояла одуряющая августовская жара. Надя шла в зимнем пальто — чтоб не потерять его в суматохе, иначе нечем будет потом детей укрывать, за спиной рюкзак, на руках — Белый Грибок, за подол Светланка держится. В какой-то момент Наде показалось, что она сейчас упадет и больше не сможет подняться. Одна мысль только держала ее на ногах — дети без нее пропадут, а она, бывшая детдомовка, все детство мечтавшая о семье, никак не могла этого допустить. Пот лился градом, застилая глаза, руки тряслись от тяжести младшей дочери. Светланка, из-за дикой жары постоянно просившая пить, плакала, потому что ей воды не давали. Жалко ее было нестерпимо, а что сделаешь? Воды было мало, ее экономили, но как это втолковать ребенку, которому трех лет от роду не исполнилось?...

Внезапно рядом с Надей остановилась немецкая машина. Шофер открыл дверь и поманил их рукой: «Садитесь». Первая мысль — отказаться? Могут расстрелять... Сесть? А куда повезут? Скорей всего, тоже на смерть. А вдруг нет, тогда куда? Неизвестность угнетала, казалось —

и так и этак плохо, но маленький, слабенький росток надежды «а вдруг все обойдется» все-таки вырос в ее измученной душе. Не зря же ее Надей назвали. Она залезла в машину, втащив детей. По толпе пронесся вздох: «Куда Надю повезли?» «Если что... только бы сразу и всех... Они без меня не выживут», - гладя выгоревшие белые головки, думала молодая мать. Немецкий офицер, полуобернувшись к заднему сиденье, спросил у девчонок через шофера-переводчика: «А где же ваш папа?» Твоя старшенькая, любительница колбаски и ситро, гордо заявив: «Фашистов бьет!», провалилась от усталости и жары в тяжелый сон. «Все...Теперь точно не пожалеют...Только б не мучили», - судорожно сглотнула Надя, боясь повернуть голову в сторону немца. Но тот неожиданно засмеялся и отвернулся к окну. То ли шофер что-то не так перевел, то ли не все немцы зверями были, по крайней мере в начале войны, то ли кто из девчонок ему своих детей напомнил, не знаю. А может, мама Надюшкина, покойная, дочь свою любимую, так рано оставленную в сиротстве, как ангелхранитель оберегала... Как бы то ни было, но не убили их, а подвезли почти до моста. Пока в машине ехали, Надя с детьми отдохнули и немного сил набрались, чтоб дорогу оставшуюся выдержать. Высадили их так же неожиданно, как и подсадили, - немцам в сторону сворачивать надо было. Шофер помог детям из машины выбраться и тут же газанул. Опять они в колонну влились, дальше со всеми пошли. Дорога мимо «Орловки» проходила, где больных держали, которые, как тогда говорили, умом повредились. Обитатели этого скорбного дома приникли к окнам, радуясь неожиданному развлечению – огромной массе разных людей. Они улыбались, махали руками, кричали чтото неразборчиво-веселое. Особенно запомнилась шедшим одна девушка. Она ходила взад-вперед у открытого окна и громко скандировала: «Дуня я, Дуня я, Дуня ягодка моя». Она была единственная, кто не обращал на идущих ни малейшего внимания. Людская толпа текла и текла мимо, а она все так же вышагивала по палате, монотонно выкрикивая песенку про Дуню... После войны Надя узнала, что обитателей сумасшедшего дома немцы расстреляли...

На станции всех выгнанных из родных домов людей погрузили в свинячие вагоны. Набили столько, что можно было только сидеть, это еще если повезет и займешь хоть какое-то местечко на полу, про полежать речи, конечно, не было... В дороге заболела и умерла твоя племянница Клавдюшка, то ли от жары, то ли от воды грязной... Правда, злые языки шептались, что Нина дочку мясом жареным накормила — ну, тем, которое они из разбомбленного холодильника в четыре руки тащили, мол, пожадничала, только свою накормила, объелась она, поди, вот и померла. Люди всякое болтать могут... На самом-то деле никто не знал — отчего и почему. На очередной остановке, на полянке, где земля рыхлая попалась, Нина с Надей руками могилку выкопали... Вот в ней и нашла последний приют Клава...

Жара страшная стояла, когда везли их на Украину, туда, где немец вовсю хозяйничал. Ехали несколько суток. Пили из луж на стоянках — платки положат на воду, чтобы муть внизу оставалась, и пьют. Однажды поезд у реки остановился, все кубарем на берег скатились — лицо и руки ополоснуть. А к воде подойти так и не смогли — берег вшами кишел! Надя такое первый и последний раз в жизни видела — чтобы весь песок был черными шевелящимися точками усыпан! После той остановки бабушку одну старенькую с поезда ссадили — успела, видать, она эту заразу подцепить, — на ней столько этих насекомых было — аж брови двигались, как живые...

Когда их на Украину привезли – кого довезли, конечно, – в село с жутковатым названием Погребищи поселили. Чтобы как-то выжить, Надя с мамой Катей шить стали – кому рубахи, кому юбки, бывало, и брюки, и платья, и пальто заказывали. Скоро по селу слух пошел – золотые руки у портнихи Катерины. Однажды даже немецкий офицер им шинель принес перешивать – не по размеру она ему оказалась, большая слишком. Как они тряслись, когда заказ отдавали: вдруг не понравится – всю семью расстреляют. Но офицер тот очень довольным остался. Хоть денег не заплатил, зато все живы остались, и то слава богу! Кусок ткани, который у них остался после переделки,

потом на хорошее дело пошел — сшила бабушка после освобождения девчонкам пальто, одно на двоих, зато теплое и сносу ему не было.

Чтобы Нину не угнали в Германию – тогда матерей с детьми маленькими не отправляли, – твою старшенькую за ее дочь выдали. Она Светланке крестной приходилась, та ее привыкла «мама Нина» звать – очень это пригодилось. Устроилась Нина на «каптахе» работать – птицефабрике по-нашему. Им там яйца разбитые иногда выносить можно было. Так они и жили: шитьем да кое-какими продуктами с «каптаха», еще и земляков угощать умудрялись. На Масленицу напекли две сковородки блинов, а Надя с бабой Маней ни одного так и не попробовали – пока последние дожаривали, остальных уже не осталось.

Больше всего Надю в Погребищах удивило, что не столько немцы, сколько полицаи лютовали - на всех срывались, даже животных не жалели. У Надюши собачка была маленькая, беленькая, Мухой звали. Однажды полицай к ним в палисадник зашел, она его облаяла – понятное дело, собака же. А он винтовку вскинул и выстрелил в животинку. Как она, бедная, заскулила, закрутилась вокруг себя – до шеи раненой достать пыталась! Когда изверг ушел, Муху в дом унесли, перевязали. Долго она страдала, скулила, повязку зубами стащить пыталась. Выходили ее хозяева. Вы же с женой как на подбор попались – добрые, душевные, всех жалели. Помнишь, как сам беспризорных в дом приводил? Надя для порядка повозмущается: «Саш, зачем? Вдруг украдут чего?» А ты улыбнешься своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой, жену обнимешь: «Надюш, брать у нас нечего, а их накормить надо», она вздохнет тихонько – а ведь прав муж, – и на стол накроет. И правда, ничего никогда не украли у вас и беды никакой не наделали те обитатели котлов асфальтовых.

В партизаны Надя не подалась — за семью опасалась, а продукты нет-нет да и передавала лесным бойцам на опушке, у края поля, рассказывала — кто где из немцев живет, где комендатура находится. Риск большой был — на предателе ведь не написано, что он предатель, нарваться на такого запросто можно было. У них в соседях муж-укра-

инец жену-еврейку три года прятал, про то многие знали, да молчали, а все же нашлась подлая душонка — выдала, ее незадолго до прихода наших расстреляли. Как летом и отца с сыном — связников партизанских. Лежали они оба русоголовые, в одинаковых вышитых рубахах...

Освобождали Погребищи под самый Новый, сорок четвертый, год. Весь день канонада стояла, крики, стрельба, а когда все стихло, самая нетерпеливая – Нина – на улицу выбралась. Все остальные у двери вслушивались, какая речь на улице - немецкая или русская, - уж больно неразборчиво говорили. Через несколько минут Нина вбежала – счастливая, радостная! С порога закричала: «Матом ругаются! Наши!» Тут все давай обниматься и на стол – накрывать – все, что было съестного, выставили и дверь в избу приоткрыли. По улице шли солдаты под проливным дождем – такой вот Новый год тогда был – незимний. С полушубков и висящих на веревочках рукавиц стекали потоки воды, валенки размокли, а они шли и шли гнать на запад проклятого врага. Иногда несколько бойцов отделялись от строя, забегали в открытые избы, остограмливались, на ходу хватали щепотку капустки или картофелину и бежали дальше – догонять своих. Следом другие – так Новый год и встретили...

Пасха в сорок четвертом ранняя была – апрельская. Накануне Надя решила хату побелить – выскочила на улицу разгоряченная воду вылить, тут ее ветром и прохватило – много ли надо было организму, измученному войной, недоеданием и вечным страхом за детей? Началось воспаление легких. Кашель был такой, что, когда дочки подходили к кровати и брались ручками за грядушку, боль сотрясала все тело. Надя стонала: «Не надо, не трогайте». Никакие лекарства не помогали, все хуже и хуже Надежде становилось. Мама твоя плакала, девчонки, чувствуя, что на их маленькие головки готова обрушиться непоправимая беда, ходили по дому на цыпочках, разговаривали вполголоса и все время смотрели, вытягивая тощие шейки на кровать, где лежала заходящаяся в страшных приступах кашля Надежда. Представляешь, и на этот раз бог ее спас. Ангел-хранитель явился в образе женщины-врача из стоявшей в селе части Красной армии. Зашла она подшить халат медицинский и случайно именно во время болезни попала, только ведь случайностей в жизни не бывает, я это точно знаю. Как услышала она кашель, взглянула на белое, почти прозрачное лицо молодой женщины, раскинувшейся в беспамятстве на кровати, сразу поняла всю серьезность положения. Она быстро вышла, так и не успев сказать, зачем приходила к портнихе Катерине, но тут же вернулась, неся в руках ампулы. Если б не военврач – где бы антибиотики нашли в то время?! Только они и помогли – болезнь отступила. Об этом Надя тебе, конечно, не писала — не такая она была, чтоб тебя, бьющего в пекле передовой немецкого зверя, огорчать...

Через месяц после освобождения Погребищ стали приходить от тебя письма. Когда Надя первый треугольник получила – глазам поверить не могла! «Жив, жив, жив!» – это слово стучало в голове веселой морзянкой, пело в душе весенней капелью. Домой она не шла, а летела – торопилась с радостной вестью. Два с лишним года ни одной строчки, ни одной весточки, уж и не чаяли узнать друг о друге, что живы. Да и как могли до оккупированных земель письма с фронтов доходить? Когда после госпиталя ты короткий отпуск получил, сразу домой поехал, а там одни обгорелые руины... Всю родню ты тогда дальнюю обошел, всех знакомых спрашивал: «Где мои, не слышали? Что с Надей? Мать жива? А дети?» Кто-то неуверенно сказал, что вроде на Украину их увезли – а дальше что с ними случилось, об этом уже никто сказать не мог. Тогда больше полагаясь на страстное желание увидеть семью живой, чем на твердую веру, что они на самом деле не погибли, ты оставил маленькую фронтовую фотокарточку с надписью на обороте: «Покажите своей маме своего папку» и адрес полевой почты. Непонятно, каким чудом, через какие сложные оказии, через какое долгое время, но адрес до Надюши дошел! И полетели треугольники с фронта на Украину и обратно. А ведь находились вы тогда всегото в двухстах километрах друг от друга, только для войны это все равно что на разных полюсах Земли – не дойдешь, не доедешь. Да и кто с передовой своих «навещать» пойдет?! В письме от четырнадцатого июля ты написал, что скоро в наступление и, если все пройдет удачно, приедешь в отпуск...

В начале августа к Наде вернулась ее открытка, в уголке было написано одно короткое слово. Как ни старалась, никак его разобрать не могла, и к кому ни обращалась помочь прочитать, все твердили: «Неразборчиво. Не прочтешь». В один из холодных августовских вечеров решила она печку открыткой этой растопить, поднесла спичку, и вдруг сразу прочитала слово то, в уголке написанное: «Убит». Никому она тогда о своем открытии не сказала, а через несколько дней Надю в военкомат местный вызвали. Сердце до последнего верить не хотело, но когда казенный конверт вручили, сразу все внутри оборвалось. Как домой дошла – не помнила. Как сестрам твоим про похоронку сказала, тоже не помнила. В память только одно врезалось, как, услышав во дворе голос твоей мамы Кати, они вниз со второго этажа сиганули, чтобы мать по заплаканным лицам не догадалась, что беда смертная в дом пришла. Внизу бочки с водой стояли – для нужд лаборатории, что на первом этаже располагалась, приготовленные. Вот в них-то они и попали. Смех и горе рука об руку ходят, даже на войне...

Бабушка говорила, ты на белом коне в Берлин мечтал въехать. Я иногда даже представляла, как бы ты в логове немецком на лошади смотрелся – высокий, красивый с шапкой кудрявых черных волос, со своей знаменитой на всю Гусиновку улыбкой. Интересно, почему этот ваш район так междусобойно называли – Гусиновка? Вроде гусей там не больно много наблюдалось?.. А после войны тот «птичий» район стали МОПРой величать. По названию улицы. Народ у нас такой – как чего скажет... Жаль, мечта о Берлине не сбылась... Ни на лошади, ни пешим...

Про то, что случилось двадцать первого июля, Наде твои однополчане рассказали, когда бывших фронтовиков и их семьи красные следопыты на тридцатилетие Победы в село Пища пригласили. Говорят, мясорубка страшная была, потому как соединялись тогда части Красной армии и партизанские отряды. Село Пища в самом котле оказалось. Немцы, что никак свои позиции сдавать не хотели,

дзот во дворе школы устроили, пулемет фашистский наши наступающие части косил, никакого сладу с ним не было. Последний оплот вражий столько бойцов положил, что наступление захлебнулось. Тогда во весь рост с гранатой в руках поднялся высокий черноволосый, с ослепительной белозубой улыбкой помощник командира взвода разведки, лейтенант Александр Ширкин... И на далекой украинской земле шагнул в вечность... Рядом с искореженным пулеметом валялись тела четверых мертвых немцев, рядом лежал русский боец. Наступление продолжилось, наши солдаты пошли в атаку, село было полностью очищено от фашистов. Лейтенанта похоронили там же, во дворе школы, где он совершил свой подвиг. А после войны герои тех дней нашли последний приют на кладбище под памятником с красной звездой. Надюща долго стояла у серого обелиска, гладя надпись, перебирая цветы и шептала: «Вот и свиделись мы, Саша...»

Я все-таки написала тебе письмо, дед. И мне почему-то кажется, что оно дойдет до адресата...

ГЛУБОЧИЦА

На улице послышались грубые окрики полицаев, отрывистая немецкая речь и лай собак. Фаина, отодвинув занавеску, выглянула в окно.

 Мам, гляди-ка, немцы по всем избам шарят, всех из домов гонят. Даже деда Митрича вытолкали на улицу.

Дед Митрич, самый старый в их селе, ноги лишился еще в Гражданскую, с тех пор ковылял на двух костылях, «прыгачил», как говорила веселая хохотушка Райка. Впрочем, она это делала не со злостью, по молодости чего только не ляпнешь, никто же не думает, что словами обидеть может. А Райка вообще на язык всегда скорая да острая, только сейчас она шла вместе со всеми, выгнанными из своих домов, побледневшая и как будто резко посерьезневшая.

- Мам, а куда это их всех? не унималась Фая, придерживая перед лицом занавеску и осторожно выглядывая в маленькую щелку между тканью и простенком. Окна в избе были большие, их еще Фаинин дед вставлял, хороший стекольщик был, все село к нему ходило, считай, каждый доме его окнами на улицу смотрел.
- Уйди, уйди, от греха! Не высовывайся, авось мимо пройдут, Дарья беспокойно заметалась по избе, а потом резко, остановившись, откинула крышку подпола.
  - Полезай! скомандовала она дочери.
- Зачем? Не хочу! отшатнулась та. Я не буду больше в окошко глядеть. Не хочу в подпол, там темно.
- Лезь, лезь скорей! И нос не высовывай, что б ни случилось. Меня заберут, ночью выберешься и в лес ступай, там партизан найдешь.
- Куда заберут? побледнела Фаина и бросилась к матери.

- Чует мое сердце, не к добру все это, наши-то им третьего дня дали жару, вон как поезд-то ихний пылал. Вот они, поди, и озверели. Давай, лезь! Хоть ты живой будешь.
- Мама, мамочка, я с тобой хочу, Фаина заплакала и прижалась к матери, – полезли вместе, нас не найдут.
- Найдут, милая, найдут. Увидят, что дома никого нет, искать начнут. Лезь, лезь, милая, скорей, ночью убегнешь.
- Я не хочу без тебя, мамочка, Фаина отчаянно мотала головой, еще крепче обнимая мать.

В это время громко скрипнула калитка, Дарья изо всех сил толкала дочь в подпол, одновременно силясь убрать руки Фаины, намертво вцепившиеся в материну кофту.

– Скорей, ну, скорей же!

В сенях загрохотали сапоги, мать уронила крышку подпола и попыталась загородить собой дочку. Ввалившиеся в избу немецкие солдаты, показывая на двор, громко скомандовали:

- Вон! Выход! Матка, вон! Шнеллер, шнеллер!

Рыжеволосый великан, схватив за руку онемевшую Дарью, вытолкал ее в дверь. Второй солдат выволок упирающуюся Фаину и пинком спустил ее по ступенькам. Дарья охнула, бросилась к упавшей дочери, сгребла ее в охапку, и, поставив на землю, прижала к себе.

— Шнеллер, шнеллер! — рыжий детина замахнулся прикладом, Дарья, закрыв собой дочь, повела ее мелкими шажками со двора. По всей улице, подгоняемые окриками и толкаемые в спину прикладами, почти бежали сельчане. Сзади ковыляла бабка Нюра, громко стучавшая клюкой, изо всех сил старавшаяся поспеть за всеми.

Людской поток стремительно приближался к колхозному амбару, стоявшему почти на окраине Глубочицы, рядом с большим и таким плодовитым лесом. Сколько в нем всегда черники урождалось, на все село хватало! Еще и гостям из Себежа оставалось — если к кому родные из райцентра приезжали, сразу в лес — за добычей шли. Тут тебе и черника, и малина, и грибы. А озера какие! Глубокие, прохладные, вода в них голубая-голубая, прозрачная, кинешь иголку и смотришь, как она вниз опускается... А на дне камушки, каждый видать. Красота в этих местах необыкновенная, нигде такой нет.

У открытых дверей амбара стояло четверо солдат. Тех, кто упирался, они, заталкивали внутрь, били прикладами по головам, спинам, рукам. Били без разбора и малышей, и стариков. Бабку Нюру пихнули так, что она упала прямо на оказавшуюся перед нею Дарью, и они обе рухнули вниз, не успев войти в дверь. Солдаты, схватив обеих женщин, небрежно поставили их на землю и грубо втолкнули внутрь.

В амбаре было все село. Дети плакали, женщины молились, Митрич переминался на своих костылях, вздыхая и что-то тихо бормоча под нос. Бабка Нюра беспокойно оглядывалась кругом, сама себе задавая бесконечные вопросы без ответов.

– Родненькие, нас зачем сюда всех-то? В Ерманию ихню забирать будут? А я то как же? Я куда ж с клюкой-то свойской? А? Родненькие?

Дарья обнимала дрожащую дочь, слезы капали на старую, застиранную кофту, а она, не замечая их, гладила Фаю по худой спине, приговаривая шепотом:

– Что ж я, дура, тебя не спрятала? Что ж я наделала, проклятущая? Что ж теперя будет-то? Что ж эти злыдни задумали?

Женщина рядом вдруг зашлась в крике.

– Убьют! Убьют всех! Гореть все будем! Гореть! И дитяти! Все!

Митрич, неловко повернувшись на своих костылях, закричал высоким старческим голосом, пытаясь перекрыть начавшийся со всех сторон вой:

- Цыц! Чего голосишь, дура?! А вы чего закудахтали? Одна несет невесть что, а вы выть вздумали?!
- А зачем нас сюда всех-то? не унималась баба с растрепанными волосами. Зачем? Соседей-то наших сожгли! Да-а-а, сожгли! Всех! Сама слыхала. Теперя нас жечь будут! За партизан. Господи! Я жить хочу, жи-и-ить.

Рядом опять заголосили. Стоящие у выхода, начали отчаянно колотить в дверь.

– Дитев! Дитев выпустите, изверги! Дитев пожалейте! Из-за запертой двери послышались лающие окрики, в деревянные стрехи под самой крышей начали впиваться

пули. Народ отхлынул вглубь амбара, началась давка, дети закричали, женщины забились в рыданиях. Бабка Нюра, потрясая клюкой, тоненько взвизгивала:

– Проклятые, ироды! Чтоб детев ваших холера забрала! Чтоб вас всех лихоманка свалила, чтоб обезножили все!

Митрич пытался угомонить народ, но его никто не слушал. Агония страха захватила разум, женщины пытались протолкнуть вглубь своих детей, отталкивая чужих, вспыхнули драки. Били друг друга с остервенением, словно вымещая на других ужас предстоящей смерти.

Неожиданно из самой сердцевины людской толпы раздалось: «Расцветали яблони и груши». Райка в каком-то безумии полукричала-полувыла хорошо знакомую песню. Все замолчали. В резко наступившей тишине явственнее стали слышны звуки с улицы. Раздалось ворчание моторов, один за другим заводились и куда-то уезжали мотоциклы, голоса немцев становились все тише. Наконец, наступила странная и оттого страшная тишина. В амбаре молчали, даже дети перестали плакать. Одна Райка сорванным голосом попыталась завести последний куплет, но на нее так зашикали, что и она перестала петь и стояла, переводя удивленный взгляд с одного лица на другое, пока ее глаза не приобрели былую осмысленность.

- Изверги убегли куда-то, первой нарушила молчание Рая.
- Послышать надо, может, того, бензин льют? спросил прошедший Гражданскую Митрич.

Стоявшие у дверей прильнули к стене, напряженно вслушиваясь в каждый шорох с воли.

- Не слыхать вроде... нерешительно протянула Дарья. Баба с растрепанными волосами недовольно шикнула:
- Вроде? Или не слыхать?
- Не слыхать... Вроде... так же нерешительно проговорила Дарья.

Баба, оттолкнув ее, сама приникла к двери. Снаружи амбара было так тихо, что, казалось, будто слышно, как плещется вода в Белом озере.

 Супостатов рядом нету, – наконец сделала она заключение и отошла от двери, растерянно поглядывая на сельчан. Все потрясенно молчали, не понимая, что это может означать. Неожиданно заскрежетал замок, и дверь открылась. Все отшатнулись, баба со спутанными волосами чуть не упала на стоящую рядом Дарью. В проеме двери появился пожилой немецкий солдат, который обычно сидел во дворе дома, где жил Митрич, и выводил на губной гармошке грустную протяжную мелодию. Частенько он, стараясь не попадаться на глаза своим товарищам, украдкой совал пробегавшим мимо детишкам то кусок хлеба, то банку консервов, то печенюшку.

– Вы идти на воля. Меня свизать. У мене киндер, трое. Я не хотеть убивать дети. Идти. Все идти. Шнеллер, бистро, бистро уходить.

Он протянул вперед руки, показывая, как их надо связать. В амбаре не шевелились, таким нереальным показалось спасение, что никто не мог в него поверить.

Они уехать, ждать. Гауптман ждать. Вы бежать, бистро бежать.

Первым вышел из оцепенения Митрич.

- Бабы, выходим, быстро, порядком выходим, не давим дружку, выходим, а ну, шнель! – скомандовал старик, и все, словно очнувшись от этих слов, подхватили детей и поспешили к выходу. На этот раз не было никаких драк, наоборот, бездетные женщины брали на руки чужих малышей. Две покрепче взяли под руки бабку Нюру и почти бегом понесли ее на улицу. Дарья дрожащими руками вязала руки немца, рядом прыгала Фая, подгоняя мать. Солдат кивнул головой, Дарья, таща за руку дочь, побежала догонять сельчан, уже почти достигших опушки. У самого леса она последний раз оглянулась на родное село, такое красивое этим летним утром. У открытых дверей амбара на земле сидел связанный немец. Словно почувствовав на себе ее взгляд, он поднял голову и кивнул, хотя вряд ли уже мог кого-то разглядеть. Фая дернула мать за край кофты, и, больше не оглядываясь, они устремились вглубь леса.

Пётр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

СПОЛОХ

В деревне Пустынь через два дня на третий звонили сполох.

Этот тревожный железный трезвон, созывавший, бывало, народ по какому-то срочному делу (чаще – на пожар), правильнее надо было бы, наверное, называть «набат». А вот пустынцы издавна, как завидят где вдруг зарево, так и вопят, поспешая, сломя голову к звонку: «Споло́х звонить надо, пожар никак!»

Две дубовые суковатые столбушки с поперечиной, похожие на покосившуюся букву П, сохранились так долго оттого, что основания их заботливо вставили в обрезки железной трубы. Сейчас они, часто посещаемые собаками для отправления известных нужд, яркой ржавчиной были похожи на две грибницы лисичек на выжженном злым июльским солнцем пригорке.

Пальцем отслужившего свой век тракторного трака часто-часто стучали при случае в подвешенный на толстой проволоке так же давно негодный лемех плуга. Далеко по оврагам и ручеинам, за все ближние и дальние деревни бывшего колхоза «Завет Ильича» разносился в испуганной деревенской тишине и сеял среди людей панику железный сполох.

При колхозах главным предназначением этого немудрёного сооружения было собрать многолюдные тогда брига-

ды мужиков и баб на работы с утра и после обеда. Тогда это были не заполошные и лихорадочные треньканья-перезвоны, а мелодичные и размеренные и в то же время требовательные сигналы к тому, чтобы колхознички поторапливались каждый по своим рабочим местам.

Сейчас же через два дня на третий автолавка завозила в Пустынь свежий хлеб. Изрядно поржавевшая квадратная фура «ГАЗели» останавливалась как раз у звонка, рядом с покосившимся крылечком Марии Кононковой. Вот она, полноватая, крепенькая ещё и голосистая бывшая артельная активистка восьмидесяти двух лет от роду, и была теперь главным звонарём.

С явным удовольствием и усердием колотила она железякой в лемех. Знатный получался сполох, но, слава богу, бежать кому с ведром, а кому с багром на пожар нужды не было. И хорошо знали это все остальные шестеро жителей: пять старух да хроменький дед Мирон, матерщинник и когда-то лучший пастух округи. Со старинной кирзовой хозяйственной сумкой первым, не считая Марии, к автолавке подошёл как раз он:

- Ну ты, Марьюшка, ёшь твою медь, и выдаёшь! Как есть сполох настоящий!
- Так ведь с вами, старперами, как же по другому-то? Прошлый раз шабрёнка твоя, Таисья Пекосина уткнулась в грядку да так и проспала весь вольный свет: и хлебец свежий, и рыбку мойвочку. А я ещё и подумала, что в церковь Троицкую она подалась, в аккурат Ильин день был. Вот я и набрякиваю для вас так, чтобы мёртвый услыхал.
- Ну мёртвый-то вряд ли, а наши-то вон все наперечёт показались. Значит, живёхонькие ещё, дед Мирон уселся на крылечке и задымил самокруткой.

Деревня Пустынь, как и многие в заволжской стороне, была деревней старух. Так случилось по жизни, что в годы ельцинских реформ нестарые ещё в большинстве своём мужики покинули эту не родимую, но роднущую и грешную по их жизни землицу, не дожив до пенсионного возраста.

Й главной причиной тому была водка, а точнее, её ядовитые подделки и разноцветное да пахучее содержимое

аптечных фанфуриков. Надо признать, что и при колхозето не ахти как на полях да на фермах все усердствовали. Но каждым страдным утречком и без всякого звонка к комбайнам да к тракторам кирзачами в траве торили мужики росные межи. Было дело: и председателя, и порядки артельные костерили почём зря. А на парткомах и профкомах уж в дело или без дела, но стружку и с выпивох тоже исправно снимали. На общих собраниях да на районных совещаниях передовиков подарками да грамотами оделяли. Трое орденоносцев только в пустынской бригаде было. К самому-то колхозному погрому и дороги к деревням асфальтовые провели, и квартир для молодых понастроили.

И вот как-то разом не стало колхозов, и будто бы хватились их мужички. Приезжие деляги в кожаных плащах да в шелковых галстуках постучали молоточком по столу в новом Доме культуры — паи земельные делили. Аукционом эта процедура называется. Занятно и смешно всё это наблюдать было.

Хренак киянкой по деревяшке – продано! Бумага с российским орлом выдаётся владельцу. А он (тракторист, к примеру) – хозяин пая земельного, в новый костюм для такого случая приодетый, идёт к президиуму и бумагу гербовую в пропахшие мазутом и вспотевшие от волнения пригоршни прилюдно принимает. Это уж попозднее, выпив по такому случаю да опохмелившись, поняли большинство новых землевладельцев, какое счастье им привалило.

По делянке землицы болотно-подзолистой в тех же колхозных полях заполучили, столбиками обозначили и задумались, что с ними делать. Из всех новоявленных вольных землепашцев лишь двое братьев Сусловых года три, пока кредиты за пустяшные проценты от государства получали, в фермерах походили. Горбатились не то что в колхозе: дня не хватало, так и ночи прихватывали! А по осеням похлопают по карманам (даже папку на молнии для бухгалтерии завели), бумажки все перешерстят, а дебет с кредитом ни в какую не сходится. Едва до братской драки дело не дошло.

Продали мужики по дешевке свидетельства на паи бывшему председателю да тем же шустрым аукционерам и стали потихоньку разбредаться кто куда. Кто на частную лесопилку устроился «бананы катать», кто калымил на стареньком тракторе. Кто в Москве разнорабочим вахтовым методом копейку добывать приловчился. Но частенько, по привычке, бывшие механизаторы по утрам и вечерам всё-таки сходились к колхозному гаражу.

Красной тряпицы – «флага трудовой славы» – на длинном шесте у диспетчерской уже не было. Пластиковое окошечко, в которое показатели передовиков вставляли, ктото поджёг и расплавил.

Вместо прежней матерщинной разнарядки эти посиделки сами собой частенько вызревали в пьянку. Разливанное море разнокалиберных и цветастых бутылёчков из вмиг образовавшихся ларьков, шинков и надомных кафушек хлынуло тогда в деревню. Поговаривали, что и наклейки приманчивые на них в чьих-то предбанниках лепили.

Пили всё. Настойка боярышника в пятидесятиграммовых пузатеньких скляночках из ячеек картонных аптечных коробок котировалась на уровне лучших коньяков. Знатоки умели различать его от не питьевого (для ванн), хотя посудинки и картинки на них были похожи почти один-в один.

Самой простой и самой слабенькой из всех аптечных напитков считалась настойка пиона. В ней было всего сорок градусов. Незаменимым средством, сравнимым с водкой «Посольская», считалась семидесятипроцентная настойка валерианы. Правильно принятые два её фанфурика (понемногу, прямо из посудинки, не запивая) с ходу вышибали сознание.

Муравьиный спирт применялся на крайняк, когда необходим был сильный толчок, типа куда кривая вывезет. Уж больно он резкий и удушливый, но зато самый дешёвый. Настойка пустырника приравнивалась по качеству к водке «андроповке» и была в большой чести даже у начинающих «фармакологов». Ну а на более низких полках в этой стране «фанфурии» красовались различные лосьоны и одеколоны, технический этиловый спирт, растворимый стеклочиститель, антифризы и тормозная жидкость. Ходило тогда поверье, что любой фанфурик, купленный в аптеке, всё же намного безопаснее водки от заезжих кавказцев.

Находились умники из приезжих дачников. Простые, кажется, вопросы задавали: «А что бы мужичкам свою,

41

из натуральных продуктов, самогонку выгонять да употреблять под хорошую закусь?»

Умники, а того политического момента не сознавали, что терпения и времени не хватало на всю эту возню. Надо было выключиться здесь и сейчас. А трезвыми глазами на весь тогдашний российский бардак смотреть они уже не могли.

Нашлась пара семей из той же деревни Пустынь, которые в этот моровой запой капиталец немалый сколотили на той же самогонке. Да и в неё для дешевизны и крепости чего только не добавляли, вплоть до куриного помёта и дуста.

Хлебный сполох в считанные минуты собрал у кононковского крылечка всех жителей на выгреб.

Самой молодой старухе было без году восемьдесят лет. Привоз хлеба в деревню с предварительным громким оповещением стал одним из самых значимых событий недели. Райповский шофёр Михалыч был не очень-то разговорчив, но самые главные районные новости докладывал исправно. На этот раз и их было негусто. Всего одна. Зато какая! Оказывается, на днях в райцентре вечерком у квартиры местного начальника полиции можно было наблюдать «маски-шоу» покруче телевизионных. Так прозвали местные остряки арест подполковника за взятки. И будто бы, когда скрутили и заковали рученьки главного блюстителя законности и порядка да перевернули его вверх тормашками, из штанов его денег бумажных высыпалось немерено. Будто две порядочные лужи сплошь покрыло. Михалыч, выгрузив два лотка обдирного хлебушка да два батонов, заторопился по своему маршруту – по деревням, где в последние годы по малочисленности жителей пришлось закрыть и сельмаги, и медпункты.

Расходиться не хотелось. Дед Мирон, которого в Пустыни уже давно прозвали Политологом, тщательно затушив окурок, готовился к выступлению, а его благодарная публика устраивалась на крылечке и завалинке поудобнее. Телевизоры были в каждой избе. Тем не менее, насмотревшись и наслушавшись всяких передач, старухи всегда просили Мирона перевести на простой и понятный деревенский язык, что означает то или иное событие и в России-матушке, и за рубежом.

Случай с полицейским начальником решили оставить на потом, когда посчитают, сколько в его фирменных брюках наличности убралось. По телевизору часто эти подсчёты у министров да генералов в квартирах да гаражах показывают, привыкли уж. Так что невелика новость, хотя вот она, эта самая коррупция, уж и к самой Пустыни, как змеюка какая, подползает.

На этот момент только что закончился футбольный чемпионат, и все каналы принялись новую пенсионную реформу расхваливать. Публика расхлопоталась, давление у всех поднялось.

- А что с нами после повышения пенсионного возраста будет?
  - Не урежут ли пенсии?
  - Как детки да внуки наши будут жить?
- Нельзя ли Путина попросить, чтобы он, как и обещал, не повышал возраст пенсионный?

С разных сторон посыпались к авторитетному докладчику вопросы. Зная себе цену, не торопясь и обстоятельно Политолог, он же многолетний пастух мирского стада Мирон Семёнович Кочетков, начал свой доклад, предварительно прикрикнув на публику, чтобы вели себя потише:

– Дорогие вы мои, пустынцы и даже россияне! – обратился он к своим землячкам. – Нам с вами больше на пенсию не выходить, значит, по возрасту пенсионному вопрос выносим пока за скобки. А по другим вопросам мы имеем с вами полные права обратиться и к депутатам нашим, и даже к самому Владимиру Владимировичу. Хоть сейчас вот, говорю, давайте запишем в протокол все наши требования и пожелания. Бумага, она всё стерпит. Но толку никакого не будет.

Вот тут вот участники пустынского «шоу» разволновались не на шутку.

- Как это так? Чай демократия на дворе уж который год, бюллетени за депутатов и президента в урну пропихивали!
- Без поднятия руки, с ходу хотела срезать соседа-говоруна Мария Кононкова.

А дед Мирон, будто ждал этого вопроса. Он поразгладил свои прокопчённые табачищем куцые усы и бороденку,

43

выдержал надлежащую паузу и вынул из-за пазухи вчетверо сложенную областную газету «Наша Правда».

Повысив голос, он заявил:

- Читаю всей уважаемой публике: «Президенту поступило одобрение реформы от всех областей, городов и весей!»
- A мы как же? Нас-то не спросили! это опять Маруся голос подала, но уже не так громко.

Вот в этот самый момент политолог Кочетков уже без подготовки, даже понизив голос и почти по слогам, как приговор выдал:

- Сама говоришь, соседушка, что бумажки с кандидатами во власть в красные коробочки протискивала. Так вот, кому ты доверила, тот за тебя и рапортует о всеобщем одобрении и поддержке повышения пенсионного возраста и других пунктов реформы по всем параграфам и статьям.
- Кому-кому, уже со слезой в голосе запричитала Мария Кононкова, кому в сельсовете сказали, тому жирную галочку и нарисовала. На всех выборах так было, что не живу.

Пришлось докладчику успокаивать бабушку Марию. Успокойся, мол, Никаноровна, не одна ты такая. Все одним миром мазаны. А что за нас всё уже порешали, так мы к этому давно привыкшие...

В деревне Пустынь били сполох. Старики с беспокойством, как могли, быстро выходили на проулки, оглядывали единственную улицу. Дымов-пожаров не видать. День был не хлебный, автолавку никто не ждал. Сбежались к звонку.

Мария Кононкова, как по покойнику, с причитаниями, неестественно выставив локти на прясле соседского крыльца, безутешно рыдала (по-деревенски – «рявкала»):

– Миронушка, богом прошу, чай дойди. Мужик ты всё ж таки, какой-никакой. Они и далеко-то не уехали, вон за плотиной музыка бухает. Гуляют, знать, ироды, совесть совсем потеряли! Один, который за рулём, нашенский, вроде Николая Гулялова сынок. В городе ларьки держит!

Оказалось, что у Мироновой многолетней соседки заезжие вольные торгаши-налётчики, пока она на огород

выходила, прямо из божницы образ Николая Угодника в медном старинном окладе выхватили.

- И как руки не отсохнут у паразитов!
- Ладно, фляги с погребушек да самовары в прошлом годе утащили. До святых образов очередь дошла...

Старухи сокрушались и пытались поддержать бабушку Марию.

Дед Мирон не торопясь раскурил свою фирменную козью ножку и пробурчал что-то невнятное. Получилось это у него так, что и Господа Бога помянул, и кого-то куда-то послал далече. Потом встал со ступеньки, приказал замолчать старушечьему отделению, прихватил свой любимый сучковатый подожок и направился к плотине. Старухи, как курицы, сбились в кучку и испуганно о чём-то шептались между собой.

Дед Мирон прошёл несуществующим уже полу́денным порядком, на котором места бывших усадеб обозначали лишь бурные заросли кипрея и малинника. Вспомнился бывшему пастуху его призыв после оглушительного щелчка плетью утром-ранником: «А ну-ка, та-та-та, доёнане доёна, выгоняй!» Это он раньше петухов таким призывом поторапливал хозяек, чтобы те коров в хлевах не задерживали.

На душе было муторно. Сам никогда усердно богу не молился. Так, исподтишка иногда, будучи при том же стаде, приходилось перекреститься в момент уж больно трескучей молнии. Но сейчас старик чувствовал себя лично и униженным, и оскорблённым, будто ему в душу, в самую серёдку харкнули. Это же надо, до чего дожили! Средь бела дня в божницу лезут! И никакой управы.

У каждого человека, наверное, есть своя речка детства. Дед Мирон, как по стенке пологого и не очень глубокого котла, в предвечерние сумерки по узкой тропке спустился к плотине на родной речушке Курач. От плотины осталось одно название. Две побуревшие доски-сороковки, буйные заросли осоки и камыша. Немного где и был за свою долгую жизнь Мирон. Но хоть бы и весь мир объехал, а попади он на свой Курач, с завязанными глазами определился бы, что вот теперь-то он дома. Эти запахи ив, болотистого

тумана, лягушачьих кочек и грачиных гнездовий такими были только здесь, и нигде более.

Облокотившись на подожок, он послушал тихое, умиротворяющее журчание воды. Сердце вдруг зачастило и будто покатило под горло. Рядом с табачным кисетом в кармане были и таблетки. Но Мирон, преодолевая кружь в голове закурил, полегоньку раздышался и поднялся в перелесок, откуда гремела музыка и слышались пьяные крики.

- Глянь, блин, снежный человек, знать, к нам пожаловал! один из шашлычников повернулся в сторону старика.
- Подходи, дедон, вздани на каменку коньячишка небодяжного!

Мирону трудно было стоять, но он не стал садиться на кочку, а кроме подожка уцепился ещё и за сучок сосенки: «Икону отдайте!».

- Чего-чего! молодой голопузый толстяк с удивлением и интересом, не выпуская из рук шампура с капающим с него салом, подошёл поближе к старику.
- Ты что, пень трухлявый, не предъяву ли нам сочинил? А ну, сгинь, чума болотная!
- У Мирона сил оставалось только на коротенькие слова с одышкой:
  - Отдайте, суки!

Самый молодой из компании подскочил к блестящему чёрному лимузину в ошмётках грязи и истошно заорал:

 Чтобы мешать отдыхать нам! Гош, посторонись, я эту чуду в колею закатаю.

Но закатывать деда Мирона никуда, кроме домовины, уже не надо было. Он стал серым, как его поношенная рубаха, и съехал под сосенку, откинув руку с подожком в сторону...

Старухи и дачник из соседней деревни нашли его под той же сосёнкой. Образ Николая Чудотворца лежал на нём. Лицом к лицу.

Игорь КУПРИЯНОВ

ПОРА ПРОСНУТЬСЯ

«Надо же, приснилось...» Он проснулся, но опомниться долго не мог. Будто наяву её голос слышал. Тот голос, что когда-то был родным...

Увидел он во сне — да так отчётливо! — свою первую жену. Красивую необычайно. Но не такую, какой она была, когда он влюбился в неё и было ей всего семнадцать лет. Совсем не такую, какой он встретил её в последний раз, когда стрельнуло в сердце: а ведь она долго не проживёт... Она стояла перед ним, вся озарённая каким-то внутренним сиянием, в какой-то нетелесной красоте. Спросила заботливо: «Плохо тебе?» Он пошевелился, хотел ответить, но горло было сдавлено — слова не выходили... «А я тебя люблю. По-прежнему», — сказала она. И растаяла. Но слова её долго звучали — физически ощутимо — в предутренней тишине.

В звенящих сумерках перед его раскрытыми глазами постепенно вырисовывались очертания квартиры. Знакомая вроде бы мебель, которую сам выбирал, покупал, привозил, желая слепить уют для новой семьи, однако всё это казалось громоздким, чужим. Уюта он не чувствовал. Рядом тихо лежала вторая жена. «Хоть бы поспала подольше. А то утро у неё, как обычно, начнётся с ворчания»...

А в памяти ещё жила другая картинка. Июльский день, и блики солнца на воде... И на встречных лицах, особенно

женских, сияли эти солнечные блики. Он шёл по набережной один: порядком уставший от семейной обстановки, он просто решил прогуляться; почти юношеское ощущение свободы окрыляло его...

 Смотри, какой мужчина представительный! – юная красотка, девочка совсем, кивнула на него своей подруге.

Теперь их первая встреча представлялась далёким событием, будто и не к нему относящимся... А тогда он подошёл к девчонкам с беспечной улыбкой:

- Да вы, наверно, школьницы ещё?
- Нет. Нам девятнадцать лет уже. Мы взрослые.
- А мне тридцать... один, он нарочно скинул со счёта годиков шесть-семь. Захотите ли вы общаться с таким... стариком?
  - Хм, двенадцать лет всего-то разницы...

В общем, Дашенька взяла его, что называется, в полный оборот. Не смутилась нисколечко и тогда, когда узнала его настоящий возраст: «Мужчина должен быть старше. Главное, чтобы мужчина умел зарабатывать. Чтобы мужчина обеспечивал жену, то есть семью». Ещё раньше она узнала, что он женат. Это её совсем не тревожило: «Мы с тобой назначены друг другу. Что было до нашей встречи, то не настоящее»...

Зарабатывал он тогда хорошо – дела его в гору летели. И, как представлялось ему, после общения с Дашенькой они продвигались успешнее: умела она (стерва этакая!) вкачать заряд уверенности в себе. Улыбнётся по-особому, как никто ему до той поры не улыбался; словечко нужное отыщет. Домой, к жене и доченьке любимым, он теперь не торопился.

– Работы у меня много, понимаешь, Оленька! Нельзя упускать, пока в руки идёт. А на дорогах пробки. Вот и задерживаюсь. Зря ты беспокоишься.

Но Ольга беспокоилась не зря. Дарье мало было кратких встреч и дорогих подарков. Так она подъехала к нему, не на кривой козе — на тройке бешеной, что он в упоении думал: «Наконец-то я нашёл женщину, которая меня во всём понимает!» В один из вечеров он решился окончательно.

Вернулся он в первом часу ночи; дверь открывал с тревожным сердцебиением, будто взламывал. В прихожей встретила дочка:

– Папа, я тебя ждала. Я не могла уснуть...

Он обнял её, не зная, что сказать. И ушёл он словно вор: утром, когда жены и дочки не было, собрал свои вещи, оставил записку...

Он прошёл на кухню босиком. Старался не шлёпать, свет не включал: «Разбужу, чего доброго». За сиреневым окном пробуждался город. Он вслушивался в редкий шум моторов — в ранний час по звуку определишь, какая машина проехала. Он всматривался в окна соседнего дома, где загорался свет, и думал: «Люди живут. Им хочется жить. С утра уже торопятся куда-то. Хотя... кто знает, как у них на самом деле? А мне-то этот день что принесёт? Опять попрёки, что я бездеятельным стал и слабовольным... Хорошо, хоть сын у бабушки. Побыть охота одному. Даша, наверное, на шейпинг свой пойдёт»... Потом заварил себе кофе, с надеждой жалкой взялся за планшет: может, выгорит что-нибудь по работе? В ушах опять звенел знакомый голос: «А я тебя по-прежнему люблю»...

- Квартира супер! Нет, а правда, что она лучше твоей старой?
- Не сомневайся, милая. Новый дом. Здесь зелени больше.

Квартиру старую он оставил жене и дочке. И сбережения какие-то. Поэтому был спокоен: «Не бросил же я их в нищете. Алименты будут получать приличные».

Видеться с дочкой Ольга ему разрешала. При нём она держалась, но не мог он не видеть теней под глазами. В одно из воскресений, когда бывшая супруга открыла дверь, он с порога услышал:

- Иришенька, такой телефон я тебе обязательно куплю.
   Вот пенсию получу и куплю...
  - «Тёща здесь», пробурчало в уме.
- —Добрый день!— он держался учтиво-непринуждённо.— Какой телефон ты хочешь, Ирочка?

Пора проснуться

Тёща засобиралась, но уловчилась подойти к нему наедине. И прошептала... Нет, прошипела:

– Что ж ты сделал-то, подлый ты человек! Ладно бы женщину в возрасте бросил. Она ведь намного тебя моложе...

Слова её неприятно опалили кончики нервов. «Ничего себе намного, – усмехнулся про себя, – на восемь лет всего-то вроде бы...» После этого незапланированного свидания в прежней семье он стал бывать реже. Потом и вовсе не появлялся.

Кто сообщил ему, что Ольга умерла? Кажется, брат её? Не зря предчувствовал: вид у неё был страшно болезненный. Тогда она спросила только: «Как живёшь?» И слабо улыбнулась...

На похороны он не пошёл. Боялся встретиться с Ольгиной роднёй, но больше всего – с дочкой. Как посмотрит она на него? Что сказать ей? «Наверное, не стоит лишний раз её травмировать», – на этом доводе и успокоился. А в том, что попросту боялся, никак не хотел признаться себе.

С Дарьей он жил поначалу прекрасно.

- Как мы сыночка назовём?
- Давай в честь дедушки Владимиром.
- Светик мой, я так рад, что ты родишь мне сына.
   Я давно хотел именно сына...

В Дарье ожило материнское чувство: как нежно лелеяла она малыша, дышала над ним. К своим вещам, к обстановке в квартире стала относиться аккуратнее. Но... прошло чуть больше года, и пыл хозяйский в ней угас.

- Дашенька, что ж так вещи-то у нас разбросаны? Ты красивая женщина, а кругом бардак!
- Знаешь, миленький. Я думаю, что мы скоро горничную заведём. А что? Отличная идея! и сидит себе перед зеркалом.

Вторая супруга нередко его раздражала. «Ольга не такой была», — мелькало мысль. Даже красивые черты, которые он прежде обожал, противными делались — до отвращения: «Подбородок-то как у лисы! И что я в ней нашёл?» На улицах, особенно летом, ловил себя на том, что

засматривался на стройные фигурки и смазливые личики, уплывая в мечты... Но охлаждение периодически размывали приливы нежной страсти, почти первой влюблённости. Самое-то страшное началось потом.

В позапрошлом году, в июле (он до подробностей помнил тот день), его компаньон и хороший товарищ предложил вложиться в одно выгодное вроде бы дельце. И он согласился, потому что Дашенька мечтала о новом особняке — на море! Но дело их прогорело, а товарищ с горя запил. И остался он один — со всеми проблемами бизнеса. Он надеялся, что найдёт сочувствие в жене; она же буквально разъярилась:

— Это мрак! Ты, видно, не думал, что у тебя жена... и ребёнок? Такие деньги профигачить! У тебя башка на плечах или?.. — и сама вдруг испугалась такой реакции. — Ничего. Ты мужчина хваткий, наверстаешь. Я в тебя верю.

Но наверстать он не сумел: неудача подползла вслед за неудачей. Начались домашние сцены, истерики. Он даже пробовал пить...

И снова голос – сквозь воспоминания: «А я люблю тебя, как прежде».

Ещё через год после рождения сына он подступился как-то к Дашеньке:

 Мне хочется, любимая, чтобы у нас с тобой и доченька была.

Тогда она отмахнулась:

– Успеем. Одного надо вырастить.

Недавно, когда дела его, по-видимому, стали поправляться, он снова обратился к ней:

 А всё-таки хорошо, если у Вовки будет сестрёнка. Ты совсем молодая, рожать можно без проблем.

Дарья усмехнулась презрительно:

– Вот именно что: я молодая, фигуру портить себе не хочу. Родила одного – и достаточно. Будешь с внуками потом возиться, если...

Она осеклась. Он понял: если доживёшь.

Ссутулившись, сидел он за столом за недопитым кофе; смотрел – помимо планшета – за окно. Небо посветлело

окончательно; лучи ещё невидимого солнца играли на стёклах, и от этого серая стена ближайшего дома казалась красивой.

«Вот-вот она проснётся, — стук сердца его отдавался в ушах. — И что мне делать теперь? Уйти от неё? А сынишка? И дочка — как память от Ольги — осталась. Надо чтото менять, дальше так невозможно. В последнее время не жизнь, а... Нет, кошмаром, пожалуй, не назовёшь. Какойто затянувшийся, нелепый сон. Пора бы проснуться»...

Прежде чем открыть дверь в комнату, он потоптался и невольно вздохнул: «Господи, помоги»...

ОЗАДАЧИЛИ

Когда Арсеньев открыл почтовый ящик, среди неизбежной рекламы и квитанций он обнаружил письмо на своё имя. Причём явно не деловое.

«В наше время, – думал он в лифте, – получить от когото из близких письмо (а почерк-то знакомый) – это почти событие! Привыкли эсэмэсками перебрасываться да по скайпу общаться».

- Ниночка, я письмо получил, сообщил он с порога.
- Надо же, радость какая! Засиял весь... Только дверьто ты закрой, с площадки дует...

На ворчание жены он не обратил внимания, аккуратно вскрыл конверт, и... радость его моментально растаяла. На сложенном вдвое листе плотной бумаги крупными буквами был выведен коротенький текст:

«ВЫ ВСЕ КОЗЛЫ. НЕНАВИЖУ!»

– Нина... Я чего-то не понимаю. Вот, посмотри.

Супруга взяла листок и смотрела на него, как показалось Арсеньеву, долго.

- Тоже мне шуточки! Неостроумно.
- А я так думаю: не шутка это. Может быть, мы кого-то обидели?.. Только кого? Не пойму.
- Брось! Нина махнула рукой. Кто-нибудь из твоих друзей дурачится.
- Нет. Если бы из друзей, тогда написали бы, что я козёл. А тут выходит, что все мы... Это кто-то из родни.

Он походил с письмом по комнате и сделал окончательное заключение:

Озадачили

53

- Точно из родни. Потому что ко всем нам обращаются.
- С моей стороны на такую глупость никто не способен,
   Нина даже губы скривила презрительно.
- Конечно! У вас в роду все идеальные... Только с моей стороны всегда всё плохо, последние слова муж произнёс в тихом раздумье.
  - Чего ты там бурчишь?
- Так, ничего... Разобраться надо, кто на нас так разобиделся. Понимаешь, Нина, нехорошо это...
  - Понимаю, смягчилась она. Попробуем, разберёмся.
- Просто мы, наверное, про кого-то совсем-совсем забыли, – тоненьким, но рассудительным голоском заявила Ксюша, их четырёхлетняя дочь. – Вот нас и обозвали.
   У нас, в детском садике, мальчишки тоже часто «козлами» дразнятся.

Арсеньев заглянул в комнату сына:

- Коля, в последнее время никто меня по телефону не спрашивал?
  - Да вроде нет. А что?
- Посмотри, какое послание я в почтовом ящике обнаружил.

Коля глянул на листок, усмехнулся:

- Не-е, я козлом быть не хочу. Я хочу быть мажором!
- Мозги у тебя не в порядке! рассердился отец. Быстро выключил компьютер и за уроки!

За ужином Арсеньев положил конверт с листком перед собой.

 Может, это тётя Галя? Мы давно у неё в гостях не были.

Нина тут же возразила:

- Я недавно у неё в больнице была. И тебе, между прочим, рассказывала. Только ты, как всегда, позабыл.
  - A Вера не могла?
- Не могла! Ты сам сказал, что почерк знакомый. Так что лучше своих перебирай.
  - Да я-то из своей родни, кажется, всех перебрал...
- Получше вспомни! продолжала атаковать его Нина. И женщин лучше не трогай. Мы на такое не способны.
   Это явно мужская проделка!

– В наше время, Ниночка, женщины на всё способны. Помнится, одна звезда почти такое же заявление на странице выложила – на весь мир.

Но жена его не слышала. Она мыла посуду.

- Постой-ка, постой-ка, Арсеньева вдруг осенило. Точно! Письмо написал Виктор Фёдорович. Он, конечно, дальний родственник, старик уже, но всегда во всех нас принимал ближайшее участие... Сколько мы его не видели?
  - Года два, если не больше, припомнила Нина.
- Нехорошо получилось. Мы совсем забыли про человека, который, может быть, тяжело болеет...
- Почерк-то молодой, на старика не похоже, Нина рассматривала конверт. – И вроде как хорошим одеколоном пахнет...
- А ты не помнишь, как он хвалился, что ему по чистописанию всегда пятёрки ставили... Как раз два года назад, когда он Колькины каракули увидел.
- Значит, ты с ним больше не встречался, не созванивался?
- Представляешь, Нина, я про него напрочь забыл! Как будто и нет человека...
- Вот так! А моя родня, выходит, виновата. Между прочим, у Коли в этом году почерк выровнялся...
- Как получилось? Арсеньев будто не слышал, что говорила жена. Даже когда всех в уме перебрал, про него не вспомнил... А ведь он такой человек обидчивый! Ему за восемьдесят перевалило немудрено и в детство впасть. Он всегда был таким, что мог и грубое словцо сказать при случае. Про него, может быть, и другие забыли: характер его не всем нравился. Больной, одинокий... Ведь он всегда моей жизнью интересовался, переживал по-своему.
- Так что же ты рассусоливаешь? наконец рассердилась жена. Позвони ему прямо сейчас.

Арсеньев с трудом отыскал записную книжку, набрал номер домашнего телефона забытого родственника... Он с ожиданием вслушивался в долгие гудки; они, наконец, сменились короткими...

Озадачили

- Не отвечает, доложил он жене. Его телефон я записывал лет десять назад… Номер мог измениться… А если он в больнице лежит?
  - А сотовый есть?
- Нет. Я вообще не припомню, чтобы у него сотовый телефон был... Хотя нет, был. Только я почему-то не записал.
- Давайте отправим ему телеграмму, подсказала Ксюша. – Мы же от бабушки телеграммы получали. Вот он обрадуется! И больше нас ругать не будет.
- Точно! Устами младенцев глаголет истина, обрадовался Арсеньев. Надеюсь, что адрес он не поменял. А навестить его всё равно надо, в скором времени.

И составили они телеграмму такого вот содержания: «Дорогой наш Виктор Фёдорович! Мы все тебя любим! Жди в гости. Арсеньевы».

Через день, вернувшись с работы, Арсеньев заметил в своём мобильном телефоне пропущенный вызов. «Потом перезвоню, — решил он, — после ужина». А после ужина смотрел хоккей, и только перед сном он вспомнил про звонок: что-то сердце ему тяготило.

- Алло, алло! Кто мне звонил? он ушёл на кухню, чтобы не мешать жене. Она уже спать легла.
- Ну здравствуй, Лёшенька, здравствуй, потянулся из трубки пьяненький голос. Позвонил-таки!..
  - Борис? Ты, что ли?
- Да, это я. Борис! Ты не прикидывайся, что не узнал, голос был полон ехидства. Письмо от меня получил, налеюсь.
  - Какое письмо?.. Постой! Это ты про козлов написал?
  - -A кто же ещё? Я!-голос в трубке звучал торжествующе.
  - Но при чём тут моя семья? Если я тебя чем-то обидел...
- Семья тут ни при чём. Я написал всем вам в твоём лице.
  - Кому нам? Ты выражайся точнее.
- Вам! Одноклассникам... таким-сяким! в трубке грохнуло грубое слово.
  - А-а, теперь понятно. Я смотрю, что почерк знакомый...

- Ещё бы не знакомый! Сколько раз ты у меня домашнее залание списывал?
- Борис, что-то случилось? пытался сочувственно спросить Арсеньев. Ты, конечно, сейчас пьяный. Но всётаки объясни...
- А вот и случилось, что вам на меня наплевать! Когда я хорошо зарабатывал, вы все мне звонили: Боря, давай встретимся, давай в кафе сходим, посидим... А когда я без работы остался, хоть бы одна зараза из вас про меня вспомнила!

—Да я разве про это знал?.. Ты не перебивай, послушай... Арсеньев пытался что-то объяснить, доказать. Но было бесполезно. Ворочаясь под одеялом, он долго думал: «Надо же... Живёшь-живёшь себе спокойно и вдруг (ни с того ни с сего!) оказываешься виновным перед кем-то... Я Борису перезвоню. Обязательно перезвоню. Когда он трезвый будет. Когда выслушать сможет»...

Наутро он всё рассказал жене. А в четверг, на следующей неделе, они всей семьёй пошли в гости к Виктору Фёдоровичу — с цветами и конфетами. Арсеньев вспомнил, что его дальний родственник всегда любил «Птичье молоко».

Глеб РУБАШКИН

Выкса

ЛЮБИТЕЛЬ ЧТЕНИЯ

Познакомился я с ним в школе, во время урока физкультуры. То есть занятий у меня как раз и не было, – детей с такой бледной кожей к кузнице спортивных достижений не допускали. Урок был не последним – идти домой было без толку. Бесцельно послонявшись по коридорам и не найдя ни одной свободной классной комнаты, я притулился на лавочке в раздевалке и раскрыл заранее припасенную книжку.

- Эй, очкарик, а ты что тут делаешь, почему не на уроке? окрик невысокого старшеклассника с красной повязкой на рукаве быстро возвратил меня в суровую действительность. У него было узкое смуглое лицо с острым носом и темно-карими глазами, а его черные волосы отросли гораздо длиннее, чем приветствовалось школьной администрацией. Из форменной одежды на нем были только брюки. Вместо белой рубашки и школьного костюма спортивная куртка с тремя знакомыми всем полосками.
- Я? Ничего такого. Книгу читаю. У меня от физкультуры освобождение, богатая практика давно научила меня в таких случаях сразу готовиться к худшему.
- Понятно все с тобой халявишь, дежурный понимающе мотнул головой и, ловко проворачивая между пальцами сигарету, приблизился на довольно опасное рассто-

яние, – а читаешь-то что? Ого, «Три мушкетера»! Не мал еще для такого? Что ты тут понимаешь?

- Да все понимаю! во мне неожиданно проснулась смелость. Я уже давно просил родителей ее купить. А мы тут недавно ездили в Москву и нашли недорогой экземпляр на распродаже. Я и фильм смотрел, где Боярский играет, но в книжке все еще интересней.
- Ну ты крут, ботаник! усмешливо резюмировал мой собеседник. А ты знаешь, что у нее есть еще два продолжения «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»?
- Нет, а ты читал? любопытство взяло верх над страхом.
- Прочитал только «Двадцать лет спустя». «Виконт де Бражелон» слишком толстая неинтересно стало. Вообще у нас дома все эти книги есть. И не только эти. Батя собирает. А я беру какие нравятся. Слушай, чего тебе здесь сидеть? Пойдем в коридор, подежуришь со мной на вахте, а то у меня напарник не пришел скучно одному. Ты что еще читать любишь?

Этим дежурным был Вадик Королев. Он был старше меня на два года и жил в одной из двух единственных в нашем районе пятиэтажек. Как оказалось, Вадик очень много читал и интересно рассказывал. У местных пацанов он был свой — так же бухал, ходил на разборки, воровал по-мелкому, зажимал по углам девчонок, жег покрышки на Пасху, собирал мопед, ловил рыбу бреднем. Пока мы с ним дежурили, он не умолкал. Видимо, нашел себе благодарного слушателя для непопулярных во дворе тем. Мы успели обсудить с ним все любимые книги, среди которых оказалось много общих — «Дети капитана Гранта», «Последний из могикан», «Зверобой», «Всадник без головы» и даже вся серия книг про волшебника Изумрудного города.

— Эй, профессор, чё торчишь на проходе? Проваливай! — неожиданно на горизонте вместе со своим увесистым подзатыльником нарисовался долговязый Гоша из параллельного класса. Он пользовался любой возможностью, чтобы меня подоставать. — А то, если плохо видно куда идти, я тебе по фонарю зажгу под каждым глазом, хочешь?

- Длинный, отвянь от него! повествовательный тон и литературная речь Вадика резко изменились на привычное в нашем районе наречие. – Вали отсюда, не мешай. Не видишь – разговариваем.
- Джаник, ты чего? голос у Гоши приобрел заискивающий оттенок. – О чем с ним можно разговаривать?
- Да уж побольше, чем с тобой, колхозная душа! Вали давай! Постой! Сигаретка есть? Давай сюда! Давай, давай! Теперь вали!

От такого неожиданного заступничества я совсем осмелел.

- Вадик, а почему он тебя Джаником назвал? Ты же русский.
- Меня все так называют. Я просто в траве хорошо разбираюсь.
  - В какой траве?

58

– А этого тебе знать не надо. Читай лучше книжки, – обрезал Джаник.

* * *

Оказалось, что отношение к тебе дворовых пацанов может постепенно поменяться, если ты не задираешь нос от высоких оценок, помогаешь с домашкой, играешь вместе со всеми в футбол, не убегаешь и стараешься дать сдачи, когда тебя быют, не жалуешься родителям и учителям.

Я часто приходил во двор между пятиэтажек, общался с пацанами, в том числе и с Джаником, но в общие авантюры не ввязывался. Никто меня за это прилюдно не осуждал. Мы даже с Гошей примирились. Он стал здороваться со мной за руку и называть по имени. Как-то под Новый год я пересекся с ним в магазине в очереди за хлебом – его тогда по талонам продавали.

- Слышал, что от Лесхоза голубые елки спёрли? ехидно усмехаясь, спросил он у меня.
  - Нет, не слышал.
- А я думал знаешь. Вы же там постоянно со своими ошиваетесь. Видел, какие там елки растут. Голубые ели... – Гоша с загадочным видом взял паузу почти по Станислав-

скому, — ...и пили. — Он громоподобно заржал, как любой человек, для которого свои шутки самые смешные. – Знаешь, какие они дорогие? Их даже посадили так, чтобы сторожу из окна было видно. А елки взяли и спилили все за ночь! Менты наутро все дороги рядом облазили – следы от протекторов изучали. Так и не нашли ничего. Ну, тупые!

- Почему тупые?
- Потому что следы надо было искать не от покрышек. Это Джаник ушлый их наколол – привязал к санкам две лыжи, подъехал ночью тихонько, ручной пилой елки спилил и увез. А по следам получилось – лыжник проезжал.
  - Ну он дает! А зачем они ему?
- Как зачем? Одну домой, наверное, поставит батю порадует. А другие на базар отвезет – бабосы нужны. Работы нету. Он же из путяги выпустился, а на всех заводах сокращение - не берут никого. Джаник учился хорошо, он головастый. Движок в батиной машине сам перебирал. Только куда сейчас устроишься... Сейчас с Ванюковыми трется. Ну, знаешь, - у которых уже полсемьи пересидело. Гуляют вместе, бухают. Может, не только бухают... – Гошино лицо приобрело многозначительное выражение, -Втянут они его во что-нибудь серьезное... Ромашку знаешь? - кореш его - ходит за ним, вытянуть оттуда пытается. Да все без толку.

Через пару месяцев от ребят я узнал, что Джаника посадили. Нет, не за елки. Они с Ванюковыми и еще парой пацанов выставили два киоска и несколько человек раздели – шапки, кошельки, часы. Восемнадцати ему еще не исполнилось, и он вместе с младшим Ванюковым загремел в одну из областных колоний для несовершеннолетних. Отец от него как бы отрекся – на свидания не ездил и не писал. Только верный друг детства Ромашка почти каждые две недели мотался на перекладных и возил ему передачи.

В это время я уже учился в техникуме. Появились новые друзья, и времени на общение с нашей районной братвой оставалось мало. Осенью меня свалил грипп. Как-то раз, маясь от безделья дома на диване, я бесцельно щелкал пультом от телевизора. Вариантов, что посмотреть, тогда было немного – три федеральных канала и один 60

областной. Не знаю – действовал ли тогда закон о защите авторских прав, но как раз на областном канале время от времени показывали голливудские фильмы и мультики с гнусавым пиратским переводом. На это я и надеялся.

Но в этот раз вместо фильма показывали какую-то передачу о молодых заключенных. Я уже хотел машинально переключиться на другой канал, но мое внимание на мгновение приковал к себе парень, который давал интервью — выбритая «под ноль» голова, огромные карие глаза, оттопыренные уши, распахнутая тюремная роба. А на груди — увесистый православный крест из непонятного металла. Речь у парня была непривычно культурная и грамотная для зека.

— Это большое испытание. Тяжелое испытание для меня. Здесь я решил пересмотреть все свои прошлые поступки и готовиться к другой, новой жизни. Я обучаюсь здесь на токаря и плотника. Когда выйду, то смогу строить дома или работать на станке. В этом мне очень помогает вера в Бога, которую я здесь обрел. — При этих словах парень прикоснулся кончиками пальцев к нагрудному кресту. — К нам часто приезжает батюшка из ближайшего прихода, и мы много беседуем с ним о добре и спасении души.

Господи, это же Джаник! Лысый, худющий – я не смог узнать его с первого взгляда. Сюжет быстро закончился, а у меня в памяти еще долго оставались его глаза – глаза побитой, жалобно скулящей собаки. Что-то в его взгляде совсем не вязалось с теми красивыми и правильными словами, которые он произносил.

Следующей зимой он вышел.

* * *

Я изредка видел Джаника в нашем районе. То одного, куда-то угрюмо спешащего, не подняв головы, то с Ромашкой – улыбчивого и приветливого, то в компании странных бледно-зеленых доходяг в больших кепках и с грубыми наколками на руках — напряженного и настороженного. Пацаны говорили, что это его приятели с зоны.

 Шмаль они через него толкают, – по привычке прищурив левый глаз, как всегда уверенно выдвигал свою версию Гоша, — а может, чего и посерьезней. И называют они его не Джаником, а Крысой. Знаешь, что такое «крыса» на фене? Это значит, что он у своих что-то спер, а они его за это, скорее всего, очень серьезно наказали. Представляешь, как на зоне наказывают? Ну и хорошо, что не представляешь. Вот и бегает перед ними, булками месит. Ромашка все бьется за него. Да только тухлое это совсем дело, по-моему...

Весной я встретил Джаника по дороге из техникума. Он шел, пошатываясь и ничего не замечая, по противоположной стороне дороги, весь промокший и грязный, без шапки и в драных ботинках. Куртку он снял и остался в непонятного цвета кофте, разрисованной масляными пятнами и жжеными дырками. В руках Джаник нес ту самую курку, из которой выглядывал щенок — белая дворняжка месяцев пяти-шести с большим черным пятном на левом глазу. Щенок дрожал мелкой дрожью, хаотично подергивая крупной, усыпанной колючками и наростами грязи, головой. А Джаник, казалось, механически гладил его, бормоча какие-то несвязные слова — наверное, успокаивал.

Через месяц весенняя распутица подсохла, и поводов появляться на улице стало больше. В один из прохладных, но уже солнечных дней, я увиделся на городском рынке с Ромашкой — невысоким крепышом с широкими скулами и глубоко посаженными зелеными глазами. На обычные «Привет, как дела?» он разразился совсем необычной для него эмоциональной речью.

- Да лучше всех! Бегаю вот, ботинки нам с Джаником ищу утепленные и пуховики. Уговорил его наконец на Север податься калымить. К середине мая как раз один знакомый мужик бригаду собирает крыши крыть. Деньги хорошие обещает. Да и вообще... Он бывший спецназовец. Порядок у него, дисциплина в бригаде. В рабочие дни пить нельзя, а то не допустит. Бабки никогда не зажимает, с заказчиками хорошо умеет толковать.
  - А Джаник разве умеет крыши крыть?
- Научим! Он быстро учится. Ты же знаешь, какой он головастый. Да и руками много чего может. Надо только, чтобы упыри эти его до отъезда не доставали. При этих

словах крупные руки Ромашки со сбитыми костяшками на пальцах сжались в кулаки.

Ну вот и увози его поскорей! Удачи вам!

62

- Спасибо! - Ромашка весь буквально светился. Попрощавшись, он углубился в торговые ряды, наполненные разного рода обувью.

Дней через пять после этого я надолго задержался после уроков в техникуме - мы готовили номер к смотру художественной самодеятельности. У дома меня поджидал отец, очевидно, чем-то обеспокоенный.

- Тут твои друзья заходили местные. Сказали, что у них там что-то случилось. Помощь нужна. Если сможешь, ждут тебя во дворе у пятиэтажек. – тут папа не удержался и выдал: – Ты смотри! Драться позовут – не ходи! Это у них моча в голове играет и здоровье подевать некуда, а тебе с твоими проблемами там делать нечего!
- Пап, у меня своя голова на плечах, ты чего? обиженно отпарировал я.
- Ну ладно, ладно, папа сразу же отступил, хоть волноваться и не перестал. – Поешь и иди, если уж так нужно.

В сквере у пятиэтажек собралась почти вся наша местная братва. Многие что-то шумно обсуждали. Кто-то разливал по стаканам самогон и нарезал ножом-бабочкой бутерброды. Несколько человек уже не держались на ногах и просто дремали за столиком для домино или на лавках у подъездов.

- Что случилось? спросил я Гошу, который, как всегда, с высоты своего роста беспристрастно взирал на происходящее.
- Джаник повесился. Поминаем вот. Ну, и деньги собираем его родителям, – Гоша сплюнул сквозь зубы, – на похороны. Есть что с собой? – давай мне. Вот, хорошо, – одобрительно буркнул он, пересчитывая купюры.
- А как?.. банальный вопрос комом застрял у меня в горле.
- Как, как... Петлю из веревки сделал, на балке в подвале закрепил и удавился. Или тебя не это интересует? – Гоша в очередной раз проверял меня на прочность.
- Он ведь с Ромашкой калымить собирался уезжать... Что случилось-то?

- Собирался. Да, видно, что-то у него произошло недавно. Он как с Ромашкой ехать согласился, две недели не пил, вещи собирал в поездку, плитку вот взял у меня на газу. А дня три назад опять вроде эти с наколками к нему приезжали. О чем толковали – не знаю. Он никому не сказал. Даже Ромашке. Три дня ходил как потерянный. А утром его в подвале нашли. В морг увезли – вскрывать. Ромашка с ним поехал. Скоро уже вернется.

- Смотрите, опять эти блатные нарисовались! - крикнул кто-то из пацанов, указывая на дорогу во двор.

Из припаркованной на обочине бело-ржавого цвета «семерки» со сколами и вмятинами на кузове вылезли четверо похожих друг на друга типов в кепках, спортивных штанах и кожаных куртках. Их туго обтянутые кожей черепа и впалые щеки сразу же навеяли мысли о вполне определенных героях фильмов ужасов. Не хватало только длинных, высовывающихся изо рта клыков. С руки одного из них свисали массивные черные четки.

- Че-то будет сейчас... совершенно спокойным тоном заключил Гоша и вдруг резко обернулся на шум, доносившийся за нашими спинами. – Держи его! Держи скорей! – изменив своему обычному флегматизму, закричал он пацанам, указывая на Ромашку, который приближался к нам бешенными скачками. В правой руке Ромашка держал топор.
  - Ромашка, ты куда?
- Да я урою сейчас этих сук поганых! его желваки на скулах ходили ходуном, а костяшки пальцев побелели.

Гоша резко вскочил и повис у Ромашки на плечах, другие пацаны выхватили из рук топор.

– Остынь! Это урки! Они тебя потом на ножи посадят. Или уработаешь сейчас кого-нибудь из них и на зону загремишь, а из тебя там такое же домашнее животное сделают. Будешь потом за дозу у них отсасывать. Держи его крепче, пацаны! – Гоша был выше и тяжелей Ромашки, но одному ему было с ним не справиться.

Ромашку повалили на землю. К уркам пошел Афанасий – он сам только недавно вышел. Минут десять они о чемто тихо и без эмоций разговаривали. Потом тот, который с четками, смачно сплюнул себе под ноги и полез в машину. Остальные не заставили себя ждать. Тарахтя и отфыркиваясь, «семерка» медленно развернулась и выехала со двора.

Ромашку еще удерживали некоторое время, пока он трепыхался и ревел, как бешеный медведь. Потом затих.

- Пустите меня! Пустите, я сказал! Все, проехали. Он сам отряхнул с себя налипшую грязь, поднял и нахлобучил на голову смятую кепку и нетвердой походкой двинулся назад в сторону своего дома.
- Куда он теперь? Может, надо с ним пойти? робко спросил я.
- Не надо. Пить он пошел. В подвал... Пусть лучше пьет. Так хоть забудется. А то натворит дел. Я ему передачи возить не буду, с деланным безразличием ответил Гоша.

Вечерело. Холодный ветер и мелкий противный дождь быстро растолкали всех пацанов по квартирам, подвалам и подъездам. Только белый щенок с черным пятном на левом глазу, мелко дрожа, жалобно скулил, забившись под лавку.

Михаил ЧИЖОВ

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

У девочки Аллочки детство выдалось не совсем удачным: отец трагически погиб, когда ей не было и шести лет. Мама Аллочки — учитель русского языка и литературы в средней советской школе — из сил выбивалась, чтобы обеспечить дочке счастливое будущее. Счастье в мамином понятии определялось количеством денег. «Будут деньги — будет всё, что захочешь», — повторяла она эти слова как заклинание.

В школьном мире миллионного города Тамара Марковна, мама Аллочки, считалась человеком неординарным и ищущим. Для английской школы, где она преподавала, профильным, разумеется, был язык Туманного Альбиона, но и отечественная литература как заметная часть мировой культуры тоже была не на последнем месте. Тамара Марковна этим умело пользовалась. Всех учеников, которым она преподносила тонкости изящной словесности, она мысленно делила на эффективных, середняков и дефективных. Деление, будучи неформальным, проявлялось на практике самым что ни на есть реальным образом. Эффективных она усаживала на ряд парт, стоящих у окна, середняки, согласно названию, сидели в среднем ряду, а «дефективные» ютились бедными родственниками в ряду у глухой стены. Пересесть из одного ряда в другой представлялось проблемой почти неразрешимой. Исключения, как в правилах русского языка, случались, но носили они односторонний характер. Путь из лучших в худшие был лёгок и прост – стоило лишь не угодить «Царице Тамаре» (так за глаза её звали не только ученики). Восхождение «дефективных», а среди них удивительным образом большинство составляли дети из небогатых семей, в передовики учёбы никоим образом не предусматривалось.

Темноволосая, небольшого роста с приятным лицом и выверенными движениями Тамара Марковна была сама вежливость, предупредительность и аккуратность. Родители, в основном возмущённые отцы, частенько приходили хлопотать за своих «дефективных» детей, которым она безжалостно ставила двойки за сочинения.

– Тамара Марковна, – говорил тот или иной отец прерывающимся от волнения голосом, – может быть, имеет смысл дополнительно позаниматься с моим сыном.

Царица Тамара отлично понимала, о каких дополнительных занятиях идёт речь, но, зная финансовые возможности родителя (у неё была картотека на этот случай), мелочиться не собиралась.

– Ну что вы, что вы. Ваш сын очень способный мальчик, он сам замечательно справится с возникшими трудностями, – и на лице её расплывалась обезоруживающая улыбка.

Отцам очень хотелось спросить напрямую, почему же «способному» мальчику упорно ставятся двойки, но они боялись окончательно испортить отношения со злопамятной учительницей.

Между тем социализм год от года подгнивал, а Тамара Марковна приходила к мысли, что своё изобретение можно с выгодой продавать. Иногда она в состав «дефективных» вводила деток знатных и обеспеченных родителей, «умеющих жить» — так тогда говорили. Хваткие отцы таких детей, отлично понимая подоплёку, не приходили в школу, а через секретарей приглашали Царицу Тамару к себе в кабинет. Она не ломалась, чётко ведая, что рыбак рыбака видит издалека. Деньги в конвертах она брала не смущаясь, ведь они были оплатой её труда за дополнительные занятия с отставшим по литературе учеником.

Так в жизни Тамары Марковны появились знатные покровители. В школе она заняла исключительное место, с ней носились словно с писаной торбой, боясь чем-то обидеть или сделать попытку высказать своё мнение, не схожее с «царицынским». Опыт убедил Тамару Марковну, что путь к богатству лежит через связи с высокопоставленными чиновниками и известными людьми. Их-то она и использовала, чтобы свести Аллочку с дочерью известного в городе профессора медицины. Маша Соткина — кто может ей составить конкуренцию? Никто! Мама Тамара день за днём, не ленясь и не отвлекаясь на «мелочи» жизни, обучала Аллочку системе обольщения нужных, то бишь полезных людей. Семена житейской науки дочерью не отторгались, а удачно прорастали на благодатной, с детства подготовленной почве.

Аллочка с годами поднялась и расцвела, унаследовав от рано ушедшего отца прекрасные черты внешности. Классически прямой нос, пышные каштановые волосы, крупные глазки, блестевшие словно морская гладь при ясной погоде. И хотя благодаря «репетиторству» мамы Аллочка не выглядела нищенкой, но прикид Маши Соткиной, щеголявшей в импортных тряпках, привозимых из-за границы отцом, был, безусловно, моднее и выше качеством. Это обстоятельство угнетало Аллочкино самолюбие так, что даже её исключительно привлекательная внешность ставилась ею на второй план. Красоту, по её мнению, может унаследовать любая колхозница, а вот одёжка, по которой встречают, гораздо важнее.

Как-то, уже студенткой института иностранных языков, прогуливалась она с Соткиной по центральной улице родного города, застроенной пышными, не потерявшими привлекательности особняками столетней давности. Маша, оглядев один из них оценивающим взглядом рыжеватых глаз, внезапно выдала:

 В таком вот, ну, или похожем на него, особняке я буду жить.

Аллочка в душе изумилась этому наглому с её точки зрения пророчеству и подумала с неприязнью: «Шалишь, милочка, это я буду жить здесь, а не ты». Она даже покраснела

от возбуждения, а Маша, лучшая подруга, заметив это, спросила непринуждённо:

– Что-то случилось?

68

– Нет, ничего, ничего, просто соринка в глаз попала. – И Алла потёрла правый глаз, освобождаясь от мнимой напасти.

И так эта завистливая мысль напрягла её мозг и отложилась в нём крепко-накрепко, что стала вроде путеводной звезды. Вскоре тайные мысли Аллочки стали сбываться. Скопив «репетиторские» взносы, Тамара Марковна купила кооперативную трёхкомнатную квартиру в новостройке для уважаемых людей города. Обставилась импортной мебелью, и зажили бы они припеваючи вместе с дочкой, но... онкология.

Профессор медицины, отец подруги Машки, к которому она обратилась за помощью, цинично шепнул Аллочке на ушко, что не стоит особо тратиться на лечение мамы, ибо положение безнадёжно. Сам же, отстранившись от прекрасной Аллы, внимательно и смачно изучил доступную глазу анатомию прекрасных форм. Прошёлся не спеша загоревшимися глазами по Аллочкиной высокой груди, стянутой блузкой с глубоким вырезом, тонкой талии в широком ремне, задержался взглядом на развитых бёдрах под темно-серой шерстяной юбкой.

– 90-60-90? – скорее утвердительно, чем вопросительно шепнул профессор на ушко Аллы, положив руку на талию.

Сердце юной особы дрогнуло в смелой надежде: «Вот оно, счастье! Не надо кого-то искать и охмурять. Жирный, глупый карась сам плывёт на горячую сковородку. Выпотрошу, подложу сладкой сметанки, пожарю и съем, облизывая пальчики. Ничего страшного в том, что он - отец подруги. В жизни не то бывает! Вот будет достойный ответ Машке на её похвальбу об особняке».

Аллочка с шаловливой дерзостью закрыла нежными пальчиками профессорский рот.

– Не сейчас, – и многообещающе улыбнулась.

Лицо профессора зарделось.

Похороны маман прошли скучно и тоскливо. Все очень жалели печальную Аллочку. И хвалили её за мужественный, достойный вид. Совали «бедной девочке» крупные купюры, предназначенные скрасить безрадостные, тяжёлые дни. Никто ещё не знал, что Аллочка отнюдь не скучала, активно сближаясь с профессором, который выделил умирающей Тамаре Марковне отдельную палату, наняв круглосуточную сиделку. Ему как главному врачу областной больницы это ничего не стоило.

Дни мутной перестройки между тем заканчивались. Впереди замаячило светлое капиталистическое будущее для тех, кто уже достиг высоких должностей. Говорили, что полки в продовольственных магазинах пусты и неопрятны, но только не у Аллочки. Деликатесов в её холодильниках хватило бы на роту голодных солдат. Люди болеют и умирают и при социализме, и при капитализме. Болеют, но мечтают выздороветь при любых обстоятельствах, а значит, им нужна помощь, за которую они щедро платят. Профессору несли и везли, и надо честно сказать – за дело. Руки профессора оставались золотыми. Хирургом-онкологом он был уникальным. Ему давно предлагали место в Москве, но он, посмеиваясь, отвечал:

– Здесь я король, меня знает вся область, а в Москве... – он замолкал, смежив веки. – А впрочем, и из Москвы ко мне едут.

И это было правдой, хотя она казалась неестественной в век всеобщей интеграции. Некоторые москвичи, действительно, спешили лечь под его золотые руки, чтобы именно они священнодействовали внутри их бессмертных тел.

Используя как предлог желание дочери жить в столице, профессор через обязанных ему москвичей купил жене и Маше квартиру в Москве. Сам же переехал к Аллочке.

Избавившись от соперниц, Аллочка с успехом блистала в родном городе. Послушный её воле профессор развёлся с женой и оформил брак с Аллочкой. Она же настойчиво, как курочка, по зёрнышку клевала славу, пытаясь насытить зависть. Но эта своенравная дама оказалась прожорливой, как бездомная собака. Восторженных мужских вздохов по поводу её красоты во время губернаторских приёмов и поездок с мужем на заграничные медицинские симпозиумы стало не хватать. К тому же она вспомнила

о данном себе же обещании жить в особняке центра города. Аллочка потеряла покой, обдумывая способы и средства для достижения цели.

«Нужна реальная власть», – догадалась она. По её убедительной просьбе профессор выдвинул свою кандидатуру в законодательное собрание области. И с легкостью прошёл...

«Тогда всё было легче, тогда политикам не надо было иметь много денег, чтобы тратиться на избирательную кампанию, тогда, в середине 90-х, всё решало звучное имя», – думал через двадцать лет умирающий и постаревший профессор, лёжа в отдельной палате своей же клиники. Он в то время совсем и не подозревал, с какой целью Аллочка, порхающая сейчас неведомо где, уговорила его стать депутатом. Лишь изредка в его мозгу вспыхивали, словно забытые детские стишки, слова материнских наставлений о том, что в гонке за власть, славу и деньги приходится оставлять на старте совесть, как тёплую одежду, сковывающую движения при беге. Эта некогда позабытая истина теперь проснулась, терзая сознание, как некогда мифический орёл терзал печень прикованного к скале Прометея. Но не слишком ли он самонадеян, сравнивая себя с этим титаном, подарившим людям огонь? Хотя... Профессор чуть не закричал от этой неудобной и жестокой мысли и, застонав от физической и моральной боли, беспокойно завозился. Впрочем, он тоже дарил людям надежду на выздоровление и не только обнадёживал, но и излечивал. Разве это не тот же прометеев огонь? В общем-то ему везло до определённого времени, и жизнь была очень даже неплохой: чистой и честной. Есть ли у него время, чтобы всё или почти всё вспомнить и оценить с одной, самой верной и самой бескомпромиссной точки зрения. Точки зрения умирающего.

Так когда же он начал совершать сделки со своей совестью? Наверное, с той давнишней гонки за кресло главного врача. Сейчас он уже не уверен, так ли срочно это кресло было ему нужно. Став главным врачом, он спихивал почти все административные вопросы на своего зама, чтобы

не разменять талант хирурга, но должность, должность... Она всегда в России ценилась и ценится выше таланта, знаний и умений. «Я начальник, ты — дурак, ты начальник, я — дурак». Доктор наук?! Ну что доктор, когда об этом знают только твои благодарные пациенты, и то не всегда. Ну принесут они тебе дорогой коньяк или текилу, или деньги, пусть и немалые. Главный врач имеет связи и знакомства с сильными мира сего. Он распределяет деньги, связи, людей. Рас-пре-де-ля-ет! И этим всё сказано.

Старый профессор опять завозился от беспокоящих мыслей и даже покраснел, как в молодости. Или ему стало жарко? Странная штука судьба. Почему-то большинство его коллег умирали от хворей, которые стремились обуздать. Неужели на самом деле мыслям свойственно реализовываться?

Он-то лучше других знал, что ему недолго осталось жить, и не жалел себя...Впервые он «упал», женившись по расчёту на дочери заведующего кафедрой хирургии. Юношеский максимализм. Он оправдывал себя, что ему надо работать, работать, работать, постигая тонкости профессии. Циничный, как большинство хирургов, он рассуждал трезво: секс непременно нужен со здоровой женщиной. Опять же потомство нужно оставить. Не будет же он, как Леонардо да Винчи, заниматься онанизмом, чтобы утихомирить настырный тестостерон и не терять время на ухаживания или тем более на любовь. Любовь?! Что это? Простое влечение к особи противоположного пола, свойственное всем животным, или нечто возвышенное, отдаляющее людей от них? Его не занимали подобные глупые вопросы, мешающие основному делу жизни.

Стажируясь в США, он обратил внимание, как нежно возятся американцы с такой неясной и запутанной категорией, как счастье. Они даже записали в Декларации независимости странные слова о неотчуждаемых правах, среди которых на первом месте свобода и счастье. Право на счастье! Каково! Профессор ясно вспомнил, что химерой счастья, как инфекционной болезнью, он заразился от Аллочки. Ему, как неразумному школьнику, стало стыдно за ту минутную (да какую, к чёрту, минутную — гораздо

больше) слабость, охватившую его перед чарами юной красотки. Став мучеником тёмной страсти, до сих пор непонятной ему по происхождению, профессор превратился в слепое орудие, в инструмент строительства неведомого здания, с кратким названием «счастье». Зачем оно профессору, знавшему своё призвание и верно служившему ему? Знание своего места и роли привносило в его жизнь радость. Счастье, о котором постоянно говорила Аллочка, — бег зверька в беличьем колесе.

Профессор опять завозился, словно пытаясь освободиться от неудобных мыслей, сковавших тело и мозг. Вспомнился пошлый анекдот: каким органом думает зрелый мужчина, возбуждённый чарами молодой особы. Одно верно и вроде бы хорошо — Аллочка подарила ему наследника, но она же и украла смысл настоящей жизни. Сын. Он не хочет быть не только хирургом, но и просто врачом. Восемнадцатилетний сын не знает, кем он хочет работать. Работать. Даже такого слова в его лексиконе нет. Нет его и у Аллочки.

Профессор с мазохистским наслаждением вспоминал все свои грехи. Опять же по просьбе Аллочки он затеял аферу (по-другому не скажешь) с переселением жильцов из коммуналки в старом, историческом особняке на главной улице. Далась ей эта квартира, а у него будто отшибло мозги. Но тут нашла коса на камень. В одной из комнат коммуналки жил опустившийся с виду интеллигент в засаленном берете, нахлобученном на засаленные волосы. Знаменитый в городе портретист. О, связей у него оказалось великое множество. Художник ни за какие коврижки не хотел покидать насиженное в буквальном смысле место. Вспыхнул, словно спичка, скандал, яро поддержанный либеральной тусовкой и печатью. У профессора вдруг выявилось множество тайных недоброжелателей, а то и врагов, ждавших своего часа. И он пробил. Падать пришлось тяжело и долго. Чем выше гора, тем мучительнее приземление. Затёртая истина! Она никогда не теряет своей актуальности и, подобно тусклой серебряной ложке, всякий раз обновляется при соприкосновении с полировочной пастой жизни

И вот на старости лет он уже не депутат и не главный врач. «Где же эта паскудная Аллочка?» — подумал прозревший профессор, впрочем, ничуть не желая её шумного прихода. Так, скорее по привычке, он задал себе этот житейский вопрос...

Подруги после похорон профессора зло судачили, что Аллочка вместо креста выдрала из забора доску и прибила к ней табличку. Но даже такая крутая мера экономии не помогла Аллочке улучшить материальное положение. Однако она не сдавалась, всем своим видом показывая, что всё хорошо и маркиза по-прежнему прекрасна. После ухода профессора статус её подруг заметно снизился, но и «выступать» пред ними стало легче – они не знали шика светской жизни. Аллочка своим видом, поведением и словами вдалбливала им: «Я не такая, как все!» Новым подругам она казалась инопланетянкой, что очень устраивало постаревшую, но молодящуюся Аллочку. Их беспардонная лесть грела себялюбие, снижала зверский аппетит зависти. За глаза же подруги её привычки и поведение характеризовали глаголом «звездить». Работать она не хотела и не умела, и теперь её содержал повзрослевший сын, которого она по старым связям и с великими ухищрениями впихнула в один из местных банков.

Постоянно «звездить» — не простое дело. Это жизнь пришпоренной лошади, вечно ощущающей занесённый над собой бич с плёткой о семи хвостах, в каждом из которых вплетён кусок свинца. И он время от времени ожигает лошадь, заставляя её совершать усилия, порой несовместимые с жизнью. И пришла пора, пробили куранты, засвистал над головой Аллочки бич омоложения. Надо всем показать, что возраст не властен над нею. Надо показать. Но где взять деньги на подтяжку обвисших брыл, ведь мужчины любят прежде всего глазами?

– Ярик, – обратилась она к сыну, названному по последней моде на старые русские имена. – Ярослав! – повторила Алла, придавая голосу всю возможную серьёзность и важность. – Мне нужны деньги.

- Что ты опять собралась покупать? недовольным тоном откликнулся сын. Опять у тебя нечего надеть?..
- Не ехидничай над мамочкой, строго оборвала его Алла. На этот раз всё гораздо важнее, чем какая-то блуз-ка. Мне нужно тысяч 60–80 для лифтинга.
- Лифтинг что это за зверь такой за тысячу долларов? Ярослав прикинулся простачком. И зачем тебе он?
  - Я хочу сделать подтяжку лица.
- Ты мечтаешь подцепить молодого мужика? Смотри не промахнись: некоторые умирают после этих операций, сын попытался напугать мать.

Но не тут-то было.

- Ты просто не в курсе. Сейчас есть современные аппараты, и всё проходит без надрезов и прочих вмешательств скальпелем. Время хирургии, время хирургов заканчивается, с вызовом ответила мать.
- Не знаю, не знаю, я не специалист. Только ты, пожалуйста, не трогай отца. Ты ему в подмётки не годишься, и лицо Ярослава побагровело.
- Что ты, что ты, сынок, я и не думала его трогать, завиляла Аллочка, это так, к слову пришлось.
- Вот что, подумав минуту, выдал сын, я дам тебе денег... он сделал паузу, на могильный памятник отцу.
   Аллочка залилась слезами.
- Ты и отец бессердечные мужланы. Вот кто вы такие! Грубые, сухие, жестокие мужики, Аллочка забилась в рыданиях.
- Не плачь лишние морщины появятся, а на них деньги нужны, сухо заметил Ярослав, вызвав дополнительный поток слёз.
- Не любишь ты меня, кричала Аллочка сквозь слёзы. И отец твой, сухарь, не любил меня. Никто меня не любит, не жалеет! А ведь я не такая, как все.

Ярослав молчал, ожидая, когда у матери закончится истерика. Он в двадцать пять лет ещё не создал семьи, хотя отдельное жильё у него было, но... В кого-то влюблялся, приводил девушек на показ матери, прислушивался к её мнению. Теперь до сына дошло, почему мать раз за разом отклоняла его выбор. Она боится, что останется

без денег, если он женится. Теперь ей понадобился новый спонсор, ведь без конца отклонять невест сына она не сможет.

Может, тебе заодно увеличить и размер груди, и накачать губы? – с издёвкой спросил Ярослав.

Аллочка поняла, что своими упрёками хватила через край, и пошла на мировую.

– Не издевайся над бедной вдовой, – притворно вздыхая, обронила Аллочка. – Я согласна. – Она помолчала и добавила: – Я согласна установить памятник. Давай деньги.

Сама же при этих словах спланировала, что деньги на памятник заслуженному онкологу страны выцыганит у руководства департамента здравоохранения. И с легкостью душевной и широкой улыбкой на лице через неделю пошла на операцию омоложения.

«Ах, совсем как девочка! Ах! » – щебетали подруги, приходя к ней на чай. Для тех, кто не славословил её, путь в её дом был закрыт. «Ах! Ах! Ах!» – приятны звуки восхищения. «Я не такая, как все!» – ликовала Аллочка.

Выбить деньги в департаменте оказалось делом безнадёжным. Как бы ни были велики её актёрские способности, как ни прекрасны были её ужимки и намёки, как бы ни были печальны и скорбны её слова и укоризны, ничто не сработало.

И, как кошка, понимая, чьё мясо съела, Аллочка скрылась из родного города, приняв приглашение погостить от подруги-одноклассницы из Петербурга. Ведь в глазах людей она несла мученический крест несчастной вдовы. Бедную вдову принято жалеть. Скромная замарашка Нюрка (так Аллочка про себя называла подругу из параллельного класса) во всё время обучения сидела у её матери в «дефективных», перебиваясь с тройки на двойку. Лишь дружба Анны с Аллочкой позволяла ей получать годовые тройки по литературе и русскому. В какой-то степени Анна была обязана Аллочке в благополучном завершении школьных мучений и, узнав о бедственном положении школьной подруги, пригласила её к себе.

Поездка потрясла Аллочку до самой последней клеточки. Первый неприятный толчок под сердце Аллочка

получила при встрече на Московском вокзале в Санкт-Петербурге. «Замарашка Нюрка» оказалась отнюдь не Золушкой, к которой она ехала, чтобы показать себя во всей красе. Прикид подружки был самым стильным из всех, что пришлось видеть Аллочке после смерти профессора, а сама Нюрка излучала лоск западной элиты: тонко выверенное самодовольство, показная скромность, учтивый, тихий голос.

- Аллочка, ты как всегда в прекрасной форме, заученной фразой Нюрка поприветствовала подругу, деликатно обнимая её.
- Ну что ты, что ты, возразила Аллочка, я по сравнению с тобой безродная нищенка.

Такими любезностями обменялись подруги после долгой разлуки. Второй укол Аллочка получила, когда Нюрка подвела её к шикарному чёрному «Лексусу», за руль которого она уверенно уселась, разместив Аллочку рядом с собой, чтобы, как водится, поболтать на извечные и нескончаемые женские темы. И совсем-совсем Аллочка потеряла дар речи, когда они подъехали к особняку. Это был настоящий замок с двумя огромными башнями, похожими на французский Пьерфон, который она с профессором однажды посетила как туристка. Там замок был на холме, под которым раскинулась живописная деревенька, здесь тоже не низкое место, чайкой парящее над бескрайним озером. Отличались эти два замка ещё и тем, что на Руси, как и положено в веках, поместье скрывалось от нескромных глаз за трёхметровым кирпичным глухим забором, оборудованным камерами видеонаблюдения. Кованые массивные ворота меж двух вычурных столбов и отсутствие какой-либо калитки подсказывало наивным, что пешим вход сюда запрещён.

Внутри – краше и богаче, чем во Франции. Необъятный холл, облицованный коелгинским мрамором сверху донизу, пригодный по размерам разве что для велотрека, десятки гостиных (комнатами назвать их язык не повернётся). Хрустальные люстры под высокими потолками казались небольшими светильниками, огромные зеркальные окна с подоконниками из итальянского мрамора, напольные

вазы, инкрустированные золотыми и серебряными нитями, казалось, только что вывезены из египетских пирамид, будуары, обтянутые китайским шёлком с просторными сексодромами и зеркалами во всю стену, дубовая мебель, кожаные диваны и кресла в кабинетах и бильярдных, широкие лестницы облицованы полированным гранитом и лабрадоритом с синими пятнышками-глазками, подмигивавшими остолбеневшей Аллочке. Камины, туалеты, ванные комнаты на каждом из трёх этажей, оборудованные джакузи с позолоченными кранами, ручками и прочими блестящими прибамбасами, сверкающими тысячами солнц, подземная парковка на десяток автомобилей от самых крутых до раритетных, о стоимости которых можно было говорить только шёпотом. Разве сказочной Золушке такое могло присниться? Нет, никогда!

Роскошь была чрезмерной, показной, вызывающей и потому отдавала безвкусицей, как всё потерявшее меру и сдержанность. Глядя на всё это режущее глаз благолепие, нормальный человек непременно бы вспомнил русскую поговорку: «Заставь дурака молиться – он и лоб расшибёт!» Но только не Аллочка, для которой этот блеск золота (самоварного или настоящего – не суть важно) был жизненным мерилом, успешно изученным и усвоенным с раннего детства. То, что впитано с молоком матери, перефразируя другую известную мудрость, невозможно вырубить топором. «Замарашка Нюрка» с тщательно скрываемой гордостью водила Аллочку по залам своего дворца и внимательно следила за её реакцией. Удивление или восхищение на нём – законные основания для Нюркиного торжества. Аллочка, отнюдь не простушка, терпеливо сдерживалась от криков радости при виде чужого богатства. Профессорской жене тоже перепадало счастье бывать в высших кругах, не допускающих движение мышц лица от удивления.

— Ты — жена маршала? — всё же не вытерпела Аллочка. Она с великим трудом выдавила эти три слова из перехваченного волнением горла. Аллочка понимала, что спрашивать о происхождении денег, а уж тем более богатств, — моветон, но удержаться провинциалке при виде такого чванного великолепия было выше всяких сил.

– Не бери в голову, Аллочка, живи у меня и наслаждайся. Всё, что у тебя перед глазами, то и твоё тоже, – широким жестом Нюрка распахнула руки.

«Если б это было моё, – завистливо подумала Аллочка, – я б развернулась не так, как ты. Моя фантазия гораздо выше твоей».

Логика Аллочки была устроена так, чтобы даже в мыслях никоим образом не допускать своей вторичности. Но тут логика под давлением фактом вынужденно дала сбой. Огромная жаба зависти и жадности сжала её грудь старыми слесарными тисками. Вплоть до физической боли. Аллочке вдруг стало трудно дышать, а сердце забухало, словно поминальный колокол, звон от которого был слышен лишь ей. Кровь густо прихлынула к лицу.

– Аллочка, что с тобой? Тебе плохо? Устала, родненькая, с дороги, а я, дура, замучила тебя своими новостями да ходьбой по дому. Давай я отведу тебя в твою спальню.

И эти два словечка «твою спальню» и ласковость подруги совсем подкосили Аллочку. Она доковыляла, ничуть не рисуясь, до «своей спальни» и рухнула почти без чувств на широкую мягкую удобную кровать. Но достоинства постели уже не интересовали её. Не спалось. В огромном доме была гробовая тишина: никто не приходил, не стучал ногами по паркету, не гремел посудой. Да если бы и гремел, то звук в этих громадных пространствах замирал бы, словно писк комара. Ничто не отвлекало Аллочку от убийственных дум. Пришла вроде как спасительная мысль, что богатство это ворованное или воровское и что как ниточке ни виться, конец найдётся. «Ну и что? – отрезвила себя Аллочка. – Ни один чёрт не отберёт богатство, не те времена сейчас». Ещё порассуждав, она трезво решила, что вряд ли приглашение ей было выслано без ведома хозяина этого великолепия. Где он, кстати?

Словно отвечая на её вопрос в спальню заглянула подруга.

– Как ты, Аллочка? Пойдём ужинать! Мужик мой вечно на работе, ты не стесняйся. Посидим, выпьем винца за встречу.

Потрясения этого тяжёлого дня для Аллочки ещё не закончились. Ей предстояло ещё одно испытание — лицезрение гостиной с домработницей, подававшей им нескончаемые блюда ужина, наливавшей вино из французских подвалов с многолетней выдержкой. Аллочка еле досидела до конца, мычала что-то невнятное на вопросы Нюрки, ела и пила без аппетита. Да какой к чёрту аппетит, если сердце полно чёрной зависти.

Три дня растянулись на длинный кошмарный сон. Наконец Аллочка не выдержала это нечеловеческое испытание и, хмуря тщательно выщипанные брови, прошептала:

– Анночка, я уеду завтра. Сердце болит за сына.

Хотя она вспомнила о нём лишь сейчас. Анна согласно кивнула головой.

– Я тебя очень хорошо понимаю.

Вернувшись в родной город, Аллочка тут же занемогла и слегла в постель. Резко похудела от частой бессонницы. Навещавшему её сыну она что-то невнятно начинала рассказывать, потом резко замолкала, уставив взгляд в одну точку. Помолчав, доставала мятый-перемятый носовой платочек и, нервно теребя его в трясущихся пальцах, громко несла несусветную околесицу.

Психиатр, осмотрев её, вынес вердикт, что Алла Альбертовна неизлечима, но в психиатрической лечебнице нет свободных мест...

Павел КЛИМЕШОВ

ШАГИ В ВЫСОТУ

Ты должен, значит, ты можешь. Кант

1

Ноябрь. За окном студёно синеет вечер. В тесной столярной мастерской, душистой от древесины, сидят двое — Малыгин и Светлов. На верстаке — початая бутылка и шмат сала, в руках наполовиненные стаканы. Окраинные соседи обмывают малую сделку: мастер Малыгин изготовил два подрамника для живописца Светлова. Скромный обмыв обязателен и привычен, потому как ещё крепче связывает заказчика с исполнителем, а мудрёно говоря, искусство с жизнью.

Да, они сидят на крепких самодельных табуретах, размеренно выпивают и говорят; известно: русская выпивка — это славная прелюдия к душевному разговору. За полчаса давние приятели успели переброситься о том, «как оно ничего», сокрушённо коснулись международной политнеразберихи, а теперь взволнованный Светлов вывел разговор на заветное:

– Ты, Степаныч, удивляешься, по кой я каждый рассвет в нашем лесу. Странно это слышать от кондового столяра. Ты пойми: лес даже сейчас живой! Да, листва на земле, деревья голые, но они только дремлют. Идёшь в тишине и темени, а лес не молчит – то одно деревце взвизгнет под

ветром, то другое, полуупавшее, застонет... Скрытная жизнь продолжается.

- Ты только за этим и ходишь? поднимает кустистые брови Малыгин.
- Не только. Я встречаю зори. Сейчас они жёлтые и холодные, не то что летом. Но даже в ноябре чертовски красивые! Вот и сегодня я просто остолбенел от красоты. Внизу желтизна, а чуть выше, за кронами, пронзительная лазурь и лёгкое бледно-розовое и даже сиреневое... Всё будто кистью широко набросано, зыбкое и переменчивое, через минуту-две совсем другое...
- И на кой это тебе? удивляется Малыгин. Всё пшик, в карман не положишь.
- Да, не потрогать, не положить. А этого и не надо. Я смотрю и запоминаю. Может, когда-нибудь напишу... А нет, так не раз вспомню.
  - Чудной ты, Михалыч! Одним словом, художник.
- Как ты. Ведь сам говоришь, как любишь работать с деревом. Цвет, текстура, прочность или мягкость... Неужели когда работаешь, не чуешь, как оно постанывает под тво-им рубанком?
  - Не до этого мне. Надо дело делать.

Раздосадованный Светлов, сутулясь, ставит недопитый стакан, вынимает пачку сигарет и, вздыхая, закуривает. Хозяин столярки вопросительно смотрит на него, потемневшего лицом и хмурого.

- Ты чего, Михалыч? Обиделся, что ли? Я ведь по-простому, по-рабочему.
  - Нет, всё в порядке. Просто малость устал то да сё...
- Чего с Алкой, что ль? Опять выкобенивается? Сколько вы с ней сорок с хвостиком? Неужели не привык?..
- Всё ништяк. Не бери в голову. Сейчас оклемаюсь, допьём.

В самом деле, думает он, ну чего я взъелся? Чего расхорохорился? Ну, шляешься по лесу ни свет ни заря, как распоследний ротозей. Ну и ходи, собирай свои восходы, любуйся пока не растворилось в пшик. Так ведь это только тебе нужно, одному тебе. А другим не до того — забот выше крыши. Взять того же Степаныча. Некогда ему по

утрам прохлаждаться – дом надо обустраивать. Банька тоже рук требует. А огород? А гараж?.. Ты-то чего рожу скривил? Тоже Левитан выискался. Срамота да и только...

Светлов успокаивается, светлеет лицом и даже смущённо улыбается. В тускловатом свете лампочки он будто обновленно видит привычный верстак, столярные инструменты, натруженные до тёмного лоска, и давнего приятеля в заношенной фуфайке, краснолицего, густо морщинистого с серебристой щетиной на щеках и подбородке. Он голубоглазо-озорно смотрит и тянется к бутылке.

- Давай ещё по одной. За мир и дружбу между народами и за нас с тобой.
  - За это грех не выпить.

82

Выпив на посошок, Светлов, взяв подрамники, начал собираться. Малыгин проводил его до калитки. Поручкались и дружески разошлись. Светлов возвращался по окраинной улочке. Справа и слева темнели частные дома с редкими оранжевыми окнами. Подмораживало. Грунтовка была тверда, каждый шаг отдавался глухим стуком. Но не улочка, не дома, не чёрные костистые огороды занимали внимание – широкий студёный закат топил взгляд. Там, за тёмным массивом деревьев и многоэтажек, над сизым заречьем простиралось неоглядное алое, оно плавно перетекло в оранжево-жёлтое, над которым тяжко нависало смутно-синее; и вот алое постепенно меркло, приобретая бурый оттенок, оранжевое пронзительно зеленело; от минуты к минуте закат мрачнел, синева затопляла его, выблёскивая переливчатой звёздностью, а слева над окраиной пронзительно серебрился лунный серпик. «Запомню и обязательно напишу!» – прошептал Светлов.

Окраинный паренёк Лёшка Светлов в конце пятидесятых окончил ремеслуху и поступил токарем в цех, где работал отец. При его поддержке дела пошли неплохо, и потому вскоре Лешку перевели в ученики токаря-расточника. Выражаясь по-современному, расточники были цеховой элитой: им доверяли самую ответственную работу – размечать и растачивать сверхточные пресс-формы. Даже сам участок был обособлен – от шумного цеха расположен в отдельном помещении, высоком и светлом. Сами заграничные станки стояли внушительной чередой вдоль глухой стены и отливали лоснящейся краской. По первости Лёшка очень робел: он впервые столкнулся с оптической системой, цепко уловляющей микроны. Глянешь в длинный окуляр, а там грубо рябит и бугристо топорщится металлическая грань заготовки, на глаз абсолютно гладкая. Мало того, перед работой надо было произвести сложные расчёты, определить координаты будущих отверстий и фигурных окон. Голова шла кругом! Но с помощью старших ребят, балагуров и шутников, он вскоре освоился и стал своим в доску. Моральная уверенность подкреплялась высокой зарплатой – элита есть элита, рабочая интеллигенция! Правда, вне завода после смены это были обыкновенные задушевные мужики, не чуждые традиционной расслабухи – коллективной выпивки в пригородном парке. Чего только Лёшка не наслушался! От выходок раздолбая Хруща с его «кузькиной матью» до бытовых бабских выкрутас. Правда, в это он тогда не слишком погружался – отвлекало увлечение рисованием.

А начиналось ещё в бараках, когда пацаны погожими летними днями разбредались по сараям и кто чем ширкали по бумаге, кое-как раздобытой. У кого-то получалось, у кого-то нет, зато Алексей всегда рисовал «похоже» ведро так ведро, собака так будто уличный Рекс, хромой дядя Ваня Клюкин так и вправду хромой – одна нога короче. Помнится, пацаны, шмыгая носами и шумно дыша, налегали на Лёшину спину и ахали: «Ништяк!.. Ну ты даёшь!..» В цеху он тоже рисовал – в обед, когда станочники дружно забивали козла, с натуры набрасывал портреты и раздаривал их на память. Мужики благосклонно принимали, некоторые похваливали, а кое-кто молча показывал большой палец. От рисунков постепенно перешёл к акварели – писал сизоватые бараки на фоне изумрудных лужаек, отдельные берёзки, что зеленели на задах за сараями; а вот портретов пока избегал: пробовал было написать

седую бабушку в нарядном платке – так нет, вышла грязная мешанина...

Как ни странно, это сильно огорчило. Казалось бы, что это? – так, ерунда, пустяк или как его? – хобби, а задело за душу. Потому и пошёл в изостудию при заводском клубе. Там – такие же, как и он, работяги, влекущиеся к искусству, что отстранённо недоступно, а потому вдвойне притягательно. Вёл занятия городской модно одетый художник, говорил он несколько свысока, с богемным налётом, то и дело сыпал всякими «измами», демонстрируя блёсткие репродукции; у неподготовленных студийцев голова шла кругом от иностранных имён – Сезанн, Пикассо, Моне, Ван Гог... Собственно учёбы как таковой не было – всякий раз обсуждались принесённые этюды, пробы пролетарской кисти, как правило, кургузые и аляповатые. Конечно, руководитель Игорь Смольников, жестикулируя и стараясь всячески смягчить свои инвективы, порицал композицию, цвет и колорит в целом, настаивая на том, что надо больше писать с натуры, чаще ходить на выставки, рассматривать художественные альбомы – расширять культурный кругозор, короче говоря.

Алексей купил самоучитель по рисованию и после смены, особенно в выходные дни, часами штудировал домашние натюрморты — кастрюлю на плите, тарелку с супом, нож с буханкой хлеба. То и дело заглядывал в самоучитель, подражая тамошней штриховке, выходило всё более и более похожим. С гордостью приносил в изостудию. Смольников одобрительно кивал, говорил, что прогресс налицо, но предупреждал: дело вовсе не в похожести (для этого есть фотоаппарат), подготовительный рисунок важен, только это — голый скелет, который следует одеть «плотью» — добротным цветом, мощным и точным.

И крылышки Алексеевы опадали. «Кто я? — слепой кутёнок, выползший на белый свет. Солнце слепит, и я ничего не вижу, тащусь на ощупь. Куда идти, не знаю... Не забиться ли в насиженную нору, где привычно пахнет станочной эмульсией, густой и молочно-белой, где кисловато несёт обработанной сталью, размеренно гудят станки?..»

3

Но не сдался, устоял, не бросил. Теперь Алексей понимает: при эмоциональной поддержке Анны Снегирёвой – монтажницы, что работала в соседнем цехе. Молодой токарь-расточник давно приметил эту светловолосую, телесно крепенькую, озорную девушку. В толпе своих товарок она даже издали выделялась пшеничной копной волос, размашистой жестикуляцией и звонким смехом. Не раз он жадно ловил её взглядом из дальнего угла заводской столовки, не раз поджидал после смены у проходной, не раз пытался заговорить, но... робел. И вот однажды пересилил себя, втиснулся в пёструю толпу монтажниц и взял Анну за руку. «Ого! – воскликнули подружки. – Попалась, Анька, попалась. А ты, ухажёр, крепче держи её, а то упорхнёт, не увидишь как»... Не упорхнула. Просто уже была наслышана о толковом пареньке из инструментально-штампового, да к тому же, говорили, художнике. Так, от смены к смене, от провожалок до провожалок, от вечерних стоянок до полуночных поцелуев у входа в общежитие, где из четырёх этажей три верхних были женскими (потому и название -«монастырь») – да, от всего этого дело дошло до свадьбы, правда, небогатой, но весёлой и шумной.

Первоначально жили у Алексеевых родителей в тесной комнатушке на городской окраине. Никаких неудобств не замечали. До них ли, когда было невмоготу разлепить горячие тела! Почитай, жаркими ночками и вечерами то украдкой, а то и в открытую любились до изнеможения, сгорали, казалось, без остатка, но нет! — не только остаток, но и немереная силища бросала их друг ко другу, слеплялись губы, соединялись потные тела, бешено содрогались до сдавленных стонов и невольных слёз...

Как жадно он рисовал любимую! Одетую и обнажённую с распущенными волосами, на постели, у озарённого окна, сидящую, откинувшуюся на локоть. Анна очень нравилась себе и в зеркале, и на рисунках — везде светилась её счастливая красота.

Позднее, когда они переехали в новую квартиру на третий этаж выстроенной заводом хрущобы, всё продолжалось

86

по-прежнему. Теперь их ничто не сдерживало – так что медовый месяц перетёк в целый год, а потом во второй. Анна забеременела... Но радость обернулась горем: девочка умерла на третий день. И мир померк... Алесей едва отходил жену – она чуть не наложила на себя руки. Срочно приехали её деревенские родственники – тётка с дядей, из-за ранней кончины родителей вырастившие её. Так, сообща, сочувственно увещевая, напирая на то, что вся жизнь впереди, успокоили, помогли утвердиться на твёрдой земле. Алексей надолго забросил кисти с красками – ему казалось, что он полуослеп, что утратил цветовое восприятие и всё окрест окрасилось в тяжкое свинцово-серое, даже майские небеса, ещё недавно воздымавшие в свою невесомую голубизну.

Станочники хмуро сочувствовали, ободряюще похлопывали по плечу, редко что говоря, а если и прерывали молчание, то для того, чтобы произнести общеизвестное: «Это вам – испытание. Больно, конечно, а наперёд сильнее станете»... И в самом деле, уже на второй месяц Алексею полегчало. Не всё потеряно, думалось ему, нам всего по тридцать, здоровьишко есть, любовь не завяла, родим, да ещё не раз. Я – коренной работяга, отец и дед всю жизнь ломили и мне велели. И что я понял по жизни? Да немногое: что есть мочи проливай трудовой пот да насыщай семенем подругу – продлевай род свой. Разве не так? Я академиев не кончал, знаю, что говорю. Остальное – пустая болтовня ради умничанья да отвода глаз.

Анна выздоравливала дольше. Материнство было омрачено, новорожденная стояла перед глазами – пухленькая, с голубенькими веками и горячим ротиком. Как она плакала, как морщила лобик! Сердце обмирало, и хотелось орать в голос. Наверное, так и было, потому как толпились подле неё врачи и другие роженицы, как уговаривали, как успокаивали, пичкали таблетками... Но Анна металась и кричала, кричала, кричала...

А всё начиналось благополучно. Видный парень выбрал её и ходил следом, как привязанный телок. Товарки завидовали: «Ну, Анька, отхватила ты! Этаких, как твой, днём с огнём поискать. Подфартило так подфартило!» Да, ей повезло. Симпатичный, высокий, молодой, а уже в почёте, хорошая зарплата, не пьёт да ещё художник. Мечтала ли когда о таком? Чего она видела в своей Елховке? Нищета, сиротство да нуждища. Тётка со своими троими надрывалась, в ночь-полночь бегала на скотный к своим коровам, из последних силёнок сводила концы с концами, а тут ещё на тебе – сиротка-племянница... Трещит хребет – а не бросишь: родная кровинка-то! Анна не привередничала, видела, что почём. А как стукнуло шестнадцать, подалась в город – на завод рабочие требовались. Ничего, освоилась, в общежитие к пятерым подселили, девчонки хорошие – тоже из деревень, свои в доску. Подучилась, за конвейер села, наравне со всеми паяет, не отстаёт. Деньжат, правда, маловато – не до жиру, быть бы живу! Мы – народ работящий, неизбалованный.

А замужество – удачное. Лёшенька хороший, ласковый. Правда, чересчур серьёзный не по годам. Всё больше про искусство да про живопись эту. А я в ней – ни бум-бум... Ну красит, и ладно; как говорится, чем бы мужик ни тешился, лишь бы водку не пил и с чужими бабами не крутил. А чего ещё надо? Хозяйственный, деньги до рубля – домой. Никаких лишних трат, только разве на краски да на эти – как их? – холсты... Но это всё мелочи, главное – он мой, мой до скончания века! А уж обнимет – мочи нет, как сладко, и стонешь, и стонешь, как прокажённая, и ещё хочется. А он не против. Так и любимся ночи напролёт...

И всё бы хорошо, да как вспомню покойную Катеньку, сразу не по себе. И всё не то и не так. Даже Лёша пристающий немил бывает, оттолкнула бы, да сдерживаюсь: он ни в чём не виноват... А кто? Видать, бог. Наверное, он – больше некому. А почему? Как-то после смены я эдак-то сомневалась, а старшая наша по конвейеру Тамара Ивановна, женщина в годах, остановила меня: «Не говори, милая, "почему" да "за что", нет, думай "для чего". Неспроста этакое испытание, неспроста. Это маленькое несчастье допущено ради будущего большого счастья. Верь в это, верь. Нам, бабам, в этой жизни не мёд с мандаринами

88

даден. Ты ещё молода, погоди, наглотаешься... А пока не скисай, мы тебя не бросим, да и муж у тебя крепкий, держись за него, не упускай».

И вот долгожданная вторая беременность. Оба Светловы воспрянули, но и насторожились. Алексей ходил за Анной, как за малым дитём, – этого не ешь, лучше то; не надрывайся на работе, береги себя и ребёнка; сходи в женскую консультацию, посоветуйся с врачами о том-то и о том-то. Мало ли что – бережёного бог бережёт

Будто бы сама она этого не знает! Анна как учуяла в себе живую кровинку, и ходить и дышать по-другому стала. Товарки радовались за неё, холостые открыто завидовали, замужние по-женски советовали и предостерегали. А она от недели к неделе полнилась ощущением двойственности: теперь её тело – вместилище новой жизни, её продолжение и полнота. Да, теперь она не та прежняя, не та, растерянно стенающая и скорбящая; нет, отныне Анна Светлова – вся чуткое прислушивание к внутреннему, сокровенному, важнейшему в мире.

Алексей с радостью наблюдал, как полнела, округлялась жена; его удивляла эта перемена и в то же время почему-то уязвляла: слишком ничтожна роль мужчины - оплодотворил и на сторону... Пусть так, окорачивал он себя, у каждого своя роль, всякий вклад важен, бог сотворил – не нам отменять. Да, пока я в стороне, ну а дальше, когда малыш появится? Да я в лепёшку расшибусь, но обеспечу сполна!

На восьмом месяце начались отклонения, пусть несущественные, но всё же. УЗИ показало, что у мальчика небольшие проблемы с ножкой. Да вовсе и не проблемы – так, некоторые недочёты. Но ничего страшного; мамаша, не волнуйтесь: во время родов мы исправим, и ваш богатырь будет вторым Нуреевым... Слава богу, всё обощлось! Из роддома Алексей вёз Анну и Максимку (так было заранее решено) на импортной заказной легковушке; роженица в буквальном смысле утопала в цветах. Золотая осень воистину блистала, солнечный свет бил в накал, окраинные берёзы плавно сорили листвой, голенастые мальвы ярко пестрели соцветиями. Да, Светловы упивались праздником Жизни!

И позднее, в первые месяцы, этот праздник длился, осеняя многозаботные будни семьи. После работы Алексей старался навёрстывать в уходе за малышом: он стирал пелёнки, развешивал их на кухне, готовил как умел ужин, кипятил воду для купания, помогал Анне, когда она осторожно обливала сына из ковшика, поддерживая рукой под спинку. В часы относительного затишья он рисовал кормящую мать; малыш сытно чмокал, покусывая дёснами сосок; Анна, склонив голову, улыбалась, изредка счастливо взглядывая на мужа. В такие часы Алексея брала торжественная оторопь: боже, он запечатлевал вечную Марию с ребёнком на коленях! Как забыть десятки – да что там! – сотни репродукций с икон и картин величайших художников всех времён и народов. И ему, работяге-дилетанту, выпала честь приобщиться к незабвенному мотиву. Как бы то ни было, и он в череде воспевающих великое Материнство – первооснову бытия человеческого!...

В бригаде за него радовались. Ручкались особо размашисто и крепко, поглядывали с добрыми улыбками и уже ничуть не обижались, когда он отказывался разделять с ними парковые посиделки, - понимали: кормящий отец семейства, ему не до глупостей.

Действительно, мир преобразился. Теперь и в цеху, и дома, и на природе был не прежний Алексей, но Алексей Михайлович Светлов, токарь-расточник первого разряда, молодой отец и самодеятельный живописец, постигающий тайны высокого Искусства. Казалось, новым, высветленным взглядом вооружился он отныне, а потому ещё ненасытнее писал всё, что попадало в поле зрения. Холсты, даже малые, закончились, Алексей перешёл на картон, а когда и он был записан с двух сторон, писал акварелью на ватмане или брал обычный альбом и рисовал в нём цветными карандашами. В считанные месяцы маленькая комната, которую он приспособил под мастерскую, что называется, стала ломиться от работ разного формата и материала. К неудовольствию Анны, возбуждённый супруг

снял оконные занавески для того, чтобы в помещении, выходившим на северо-восток, было больше света. Занятая ребёнком, Анна неделями не входила в запылённые, пропахшие красками и растворителями Алексеевы владения; он сам в меру сил следил за порядком, часто настежь растворял окна, чтобы проветрить, но при этом наглухо закрывал дверь — не приведи бог сквозняка... Так помалу возникали некоторые домашние неудобства, по обоюдному согласию переносимые, но не исключено, что со временем они приведут к серьёзным конфликтам.

6

Максимка рос здоровым: за исключением жидкого стула и капризов из-за режущихся молочных зубов, особых трудностей не было. Как у всех, был детский сад, потом первый класс, прописи, азы математики; со взрослением повышалась нумерация классов, появлялись новые увлечения (хоккей, потом новомодное карате, позднее компьютерные игры); из худенького пацана вырастал стройный спортивный юноша, очень похожий на мать – такой же беловолосый, с девичьими голубыми глазами и отцовской статью. К огорчению Алексея, сын никакого интереса к рисованию не проявил, но было деланное разглядывание нарядных отцовских работ и полузаинтересованное перелистывание художественных альбомов. Зато Максим зачитывался приключенческой литературой, также о мировых мореходах-первооткрывателях и вообще о путешествиях. Отец и тому радовался: пусть читает сколько влезет, только бы не увлёкся спиртным, а ещё страшнее – наркотиками.

Анна гордилась сыном: ещё бы! — почти отличник, учителя не могут нахвалиться, не раз публично благодарили родителей за серьёзного, во всём положительного старшеклассника. Анну можно понять: единственный, с такими нервными испытаниями доставшийся ребёнок, родимая кровиночка, бесценное продолжение рода и её, деревенского, и Алексеева, городского. И до чего пригож да статен её Максим! До того пригож, что уже сейчас нет отбоя от девушек. Только бы не избаловался, не размяк в ласках —

мы, бабы, если нам дать волю, кого угодно в бараний рог согнём, отравим своими мягкими телесами, зацелуем до полусмерти, вывернем мужицкую душу наизнанку: не они, а мы, женщины, по-настоящему сильный пол; на нас, прозорливых, стоит мир... Взять моего Алексея. Да, хозяйство соблюдает, картины пишет, жаль только, продавать не хочет — раздаривает родственникам и оставшимся заводским друзьям... Да, мне нравится, когда работы похожие: это — наш лес, это — лесное озеро, это — я в розовой кофте, там — Максим у компьютера... Это хорошо и понятно. А вот когда он отчебучит несусветное — какие-то каракули или перекошенные морды, а то сплошные пятна ни на что не похожие, тогда я отворачиваюсь и часто отвечаю: «Нет, не нравится, непонятно».

Сам Алексей точно знает: мерило «похоже – не похоже» – ложное и по сути гроша ломаного не стоит. Кое-что читал об этом у маститых искусствоведов и согласен с ними. Ну сколько можно тиражировать сентиментальные виды берёзовых рощ, зеленовато-голубых озёр под серебристыми ивами, пенистых морских прибоев вдоль изумрудных пальм?! Сколько можно талдычить одно и то же?! Увидишь уличные выставки-продажи братьев самодеятельных, там этого добра с переизбытком; жалость сковывает горло: «Ну чего вы, братцы, завели шарманку? Легко и привычно? Деньжат хочется? Понятно – у самого мошна полупуста... Но ведь это не искусство, это – беспомощные поделки! Загляньте в альбомы-то: вон куда мировые мастера ушли. Дух захватывает!»

Да, ему и самому обрыдла эта похожесть: ну какой прок от тысяча первого крашеного «видика»? Что глаз видит, то и выводит кисть. А то ли отражают твои замыленные гляделки? Так ли уж примелькались те же есенинские берёзки или песенные ивы над прудом? Кто тебе сказал? Кто убедил? Пошловатый «здравый смысл»? Так ли он неколебим?.. Нет, теперь, после многолетнего письма, Алексей уверен: не то, что входит в тебя через глаз, а то, что от восприятия выходит через душу, – вот единственный творческий путь, если уж говорить о настоящем творчестве, а не равнодушной мазне.

92

Светлов окончательно убедился в этом во время прошлогодней поездки в Питер. А повод к ней был праздничным: сын играл свадьбу в славном граде Петра. Максим не зря зачитывался книгами о морских приключениях – его призвали служить на Балтийском флоте. В первый мореходный год он завалил родителей восторженными письмами, эти ахи были понятны и несказанно радовали. Что он видел на городской окраине? Хрущобы да лес с илистыми озёрами, на которых дуром орали лягушки. Ну, школа, друзья, подруги – это немало, но и только. А там – безмерная водная ширь, шторма и штили, но главное - матросский долг защитника Родины! Признаться, Алексей и сам в юности подумывал о морских просторах, но судьба сказала: нет, встань к токарно-расточному станку, точи металл, закаляй душу – вот твоя законная стезя... Сыну он втайне завидовал – и службе его флотской да в Питере, и женитьбу на красавице Оксане, тамошней по рождению, дочери простых, но интеллигентных родителей, потому как в их крови - трагический опыт блокалы.

Когда приехали туда, Алексей с Анной воспринимали окружающее с открытым ртом: каково лицезреть закоренелым провинциалам знаменитые на весь мир дворцы и музеи! Новые родственники провезли их по всему городу, показали Зимний дворец и знаменитую площадь, провели гранитной набережной вдоль ветровой Невы, постояли подле ростральных колонн на стрелке Васильевского острова... Голова шла кругом от невиданных красот Невского проспекта, того же Грибоедовского канала, когда плыли по нему на плоском прогулочном катере... Из-за праздничных хлопот Алексей успел посетить один Эрмитаж, но и этого хватило сполна: он затаив дыхание рассматривал вблизи полотна Матисса и Пикассо, Гогена и Ван Гога, он ощущал себя растерянным первоклашкой в стенах всемирной Академии – было стыдно за себя невежественного, но и распирала гордость оттого, что способен воспринимать недостижимое.

Наверное, от пьянящих впечатлений, а вовсе не от выпитого за свадебным столом там, в Питере, ему приснилось, будто его домашнюю выставку пришли посмотреть мировые светила. Алексей, заливаясь потом робости, следил за реакцией того же Пикассо или Матисса. Быстроглазый Пабло с вороной чёлкой скользнул краешком глаза и демонстративно отвернулся; внимательный очкастый Анри, очень похожий на профессора, долго присматривался к ядовитой зелени светловских рощ, к коричневым водам осокистых озёр, затем молча отошёл, явно опечаленный; зато рыжий, простоватый Винсент с чахоточным лицом долго и пристально вглядывался, чему-то улыбаясь, потом подошёл к замершему Алексею и коротко пожал руку. Что это означало, устроитель домашней выставки так и не понял.

8

Питерская поездка окрылила. Оба Светловы были рады новому родству - сватья Антонина Григорьевна и Иван Романович были несколько моложе, но тоньше и одновременно проще: видимо, сказывалась непоказная столичность; в день-два они крепко подружились, обещаясь родниться и помогать молодым. А те несказанно рделись, когда гости кричали ритуальное «горько», от молодых исходило некое свечение – счастье всегда красит. Алексей, кроме всего прочего, подарил и молодожёнам, и сватьям две свои работы – утренний и вечерний пейзажи. Нежнорозовый, в переливах прозелени и лазури восход над огнистым сизым окоёмом; заря широкая, а над жёлтым нежно зеленеет лазурь с невесомой голубенью, а выше – глухая синева с лунным серпиком и пронзительными звёздами... Всё это Алексей писал по памяти после одиноких прогулок в окрестностях окраины. Наконец-то почти без помех ему удалось выразить восторженную душу – этюды с натуры укрепляли кисть, но притупляли воображение. Конечно, просматривая работы после тех же русских классиков живописи – Левитана, Репина, Сурикова, – Алексей понимал: у них не было буквального следования виденному.

Художники уточняли композицию, меняя расположение предметов или объектов, сгущая или высветляя освещение, а значит, и цвета, - короче говоря, заново воссоздавали окружающее. Для чего живёт художник? Только ради того, чтобы создавать собственный мир. Живя на окраине, общаясь с заводчанами или соседями, Алесей не раз убеждался: с головой ушедшие в заботы, они смотрят как бы вскользь, мимоходом; в монотонном быту не важны тонкие оттенки цвета, особенности домашних предметов, а тем менее уличные строения или деревья – не до того озабоченному россиянину, тяжко выживающему в первокапитализме. И только художники, что «не от мира сего», пристально, жадно видят окружающее, им важны десятки оттенков зелёного, плотность утренней зари, тончайшие небесные переходы от лазури к голубизне и лиловой звёздности. Это пиршество цвета – их духовный хлеб. Вот к чему надо стремиться Алексею, если он намерен посильно овладеть тайным языком живописи. «А просто рисовать зачем же? Купите фотоаппарат», - однажды вычитал он у поэта...

Человек окраины, он редко бывает в центре миллионного мегаполиса, много приятнее бродить по лесу либо по окрестным лугам. Это малая родина, которая давно стала единственной, большой. Здесь он дышит не надышится родниковым воздухом, здесь он допьяна опет птицами, если весна и лето; здесь он заслушивается голосами сквозного, печального леса, если осень. В любую погоду, в снег или дождь, он ни свет ни заря идёт к лесному массиву, что в двухстах метрах от дома. Солнце ещё не взошло (рассветы по осени поздние), кроны костисто-черны на фоне смутных небес, но лес не молчит! Верховой ветер раскачивает вершины, они соприкасаются, переплетаясь ветвями, а уж если есть престарелый сухостой, прильнувший к здоровым товарищам, тогда лови и удивляйся вздохам и даже стонам, столь похожим на человеческие. Идёшь промёрзшими тропами, шелестишь холодной листвой, минуя мутный ледок луж, и слушаешь голос засыпающей растительности; ещё намедни весь подлесок был зелен, хоть и полуприсыпан листопадом, а нынче утренник сразил припозднившиеся травы, и они полегли под лиственным пологом. Всё ожидает снега... А меж тем широко желтеет на востоке, и ещё чётче, вплоть до мельчайшей ветки, чернеют кроны, ещё твёрже обозначена вертикаль стволов. Замедленно светлеет — и вот вспыхивают первые отсветы, поминутно розовеют самые вершинки, глубины проясняются, уже различимы цветовые оттенки стволов — серые осин, пёстрые берёз, глубинно-тёмные дубов и лип. А рассвет роскошно расцвечен! Уже розовеют высокие реактивные следы, сиреневеют тонкие облачка, а над широким жёлтым сочно зеленеет...

Хмельным возвращается домой Алексей. Он запомнил новый рассвет и обязательно когда-нибудь напишет! Подходит к дому, а на противоположной стороне небес — там, на западе, по широкому розовому, будто некой циклопической кистью брошены размыто-голубые бесформенные облака. Божественная акварель, да и только!

9

Художественные занятия мужа Анна принимает – был бы милый рядом! Правда, глубоко вникать в них ей недосуг: хоть и на пенсии, а всё равно подрабатывает - прибирается в соседнем магазине. Руки требуют работы – заводская закалка, она пожизненная. К тому же мысленно она там, в далёком Санкт-Петербурге, в густонаселённом спальном микрорайоне, где живут Максим и милая сноха Оксана. В сыне она полностью уверена (её кровинка!), а вот в Оксане... Нет, не то что она избалована, но ведь другая, городская, с крутым характером. А впрочем, бог с ними, стерпится – слюбится, и помочь бы им на первых порах, пока они одни, а появится ребёнок? Нет, она бросит всё и помчит в Северную столицу, чего бы ей это ни стоило. Правда, муж бы в этом помог, - но почему не продаёт картины? Ведь просили как-то соседи уступить, пусть по дешёвке, но срочно, потому как день рождения у зятя. Нет, не уступил. Я, говорил, не художник, просто балуюсь постариковски, а продавать не имею права: это - не искусство... И чего он выдумывает про какое-то «искусство»,

и на кой ляд оно ему? Он – работяга, и нечего, говорят, переться с суконным рылом в калашный ряд. Там – профессора да академики, у них – миллионы, им что – живи не хочу! А нам что?

Как есть от земли да от станков, так начинали, точно так и помрём... Да нет, я не против – рисуй в своё удовольствие, но и о жене подумай, как ей в шестьдесят с ведром да шваброй?! Я не железная. Вот уж и ноги стали болеть и давление скачет – какая жизнь-то была? Не сахарная. Да, Алексей не пьёт, не курит и с чужими бабами не якшается. Но ведь занимается какой-то ерундой. Деньги бы зарабатывал – другое дело. А скажи – обидится и неделю разговаривать не будет. Всё в свой лес да лес, там – его волюшка. Ладно бы летом – всё-таки ягоды, грибы; а то осенью, какого рожна там ему надо? Я уж креплюсь, помалкиваю в тряпочку, а ведь комнату совсем захламил – одни картины, картины, кисти да краски! Протушил своей химией – дышать нечем. Ты, говорит, собой не занимаешься; почитала бы хорошую книгу (вон у нас их сколько!), так нет, одни сериалы смотришь и всё без разбору; а там одни бандиты да проститутки – какая, мол, польза твоей душе? Да просто не до этого мне – я не барыня и не Пугачиха, копейку зарабатывать надо, не до твоего Достоевского или как там их? О сыне со снохой думать надо: они – наше продолжение. Так-то, дорогой мой.

10

Чего взять с усталой, не совсем здоровой, подорванной на работе жены? Я её понимаю и ни в чём не упрекаю. Что досталось пережить круглой сироте! Помнится, из проходной выходила выжатой – конвейер есть конвейер, а пайка в платах мелкая, микроскопическая, без малого микронная, и так час за часом с небольшими перерывами – 55 минут работа, 5 – отдых. Прямо-таки живые автоматы... И как ещё силёнки оставались напоказ хохотать и кокетливо отмахиваться от обожателей? Я тогда ни черта не понимал – любовный угар ошпарил. Но молодость есть молодость – куда от неё денешься? Полюбил её, и всё!

Чёрт разберёт, что к ней влекло: тело или душа? Это позднее я узнал от нашего философа (забыл фамилию), что тело женщины – это и есть её душа. Теперь-то понятно. почему я тогда напрочь потерял голову и сошёл с катушек. Сладкие, очень сладкие деньки! Не хотелось разлепляться губами и горячими телами – так бы и жить, как сиамские близнецы!.. Да, всё было хорошо, я ни о чём не жалею; наоборот – продлить бы те медовые деньки! Конечно, года ушли, страсть поиссякла, и теперь не любовная бредь есенинская, а спокойная дружественность соединяет, и ничто не разорвёт этой связи. Конечно, полного понимания, на беду, уже нет - слишком меня, грешного, подзанесло от размеренного, всем привычного быта. Не моя ли вина в том, что хочется хотя бы малость возрасти над собой, провинциальным работягой? Да, трудновато; да, мозги устали от станочного шума и кисловатого металла; да, не в коня корм, - но куда деваться от нестерпимой жажды непознанного, как отмахнуться от нутряного зова?! Я же не скотина неразумная, у которой только одно: пожирнее есть да послаще пить. Ведь правда?

А женщины... женщины, как думаю: в отличие от нас, бесшабашных, загульных мужиков, существа земные в лучшем смысле слова. За ними – окончательное продление жизни: все племена, какие ни есть и какие будут, рождены или обязательно появятся на свет из женского лона. И ничто и никто это не изменит. Они и вскормят грудью, и возрастят вопреки всему во имя любви вековечной. А мы, мужики, только оплодотворители; правда, и это немало. Укаждого своя Богом завещанная роль, каждый нужен. Этопервооснова, а всё остальное по большому счёту – сор. Всё, что полнит бытиё, так или иначе влияет на него, - самое насущное, в том числе культура и искусство. По поводу политики этого утверждать не берусь – так опасна, так разрушительна она теперь, сколько в ней лжи и ненависти, и уже не верится в идеалы абсолютного добра, свободы и равенства. Какое там! – гляди того, какой-нибудь сумасшедший в форме генерала нажмёт на роковую кнопку – и обуглится, и полетит в тартарары наша крошечная планета, поди, одинокая, осенённая жизнью в студёных безднах.

Зато культура, искусство – наша надежда; пожалуй, последнее, что остаётся не отравленным.

Или же и здесь человечество умудрилось напортачить?! Ну, тогда всё, кранты, как говорили цеховые мужики.

11

Солнечные дни пресеклись, теперь над окраиной тяжко нависли серо-свинцовые небеса, такой же отсвет накрыл окрестности. Посмотришь в окно – и тревожно веет чемто студёным и пасмурным: то ли скорым снегопадом, то ли снегом с дождём.

Так и вышло — в ноябрьскую ночь выпал первый снег. Алексей засобирался в лес — манили новые картины. Привычную древесность не узнал: матовая снежность преобразила, из грустно-беспросветной лесная вертикаль стала лёгкой, почти невесомой. Припорошённые стволы и каждая, даже самая мелкая веточка, была тонко декорирована белым; укрылся сплошной пеленой ещё намедни пёстрый листопад, схоронились обледенелые лужи, и теперь идти было плавнее, только влажный снежок расслабленно похрустывал. Ветра стихли — и лес молчал, если не считать летучего синичьего пересвиста и отрывистого голоска снегиря. Всё было по-праздничному ново, да только никакого восхода Алексей не увидел — непроницаемая свинцовая пелена скрыла созревшую было зарю. Надо привыкать к зимним порядкам, менять освоенную палитру.

На обратном пути зашёл к Малыгину. Тот всё такой же, как в прежний раз: краснолицый, с седой щетиной на моршинистом лице.

- Ну, как прогулка? Вот и первый снежок... Для меня зима долгий отпуск: огород обустроен, дом подновлён, так что захаживай, не помешаешь, редкозубо улыбается столяр.
- Да я по делу. Два подрамника понадобились. Вот размеры.
  - Hy и разрисовался ты! Вроде всё про всё изобразил?
- Жизни не хватит, чтобы «всё про всё». Мне бы хоть малую малость ухватить, не до большого.

- Ну и чего ты в нашем лесу увидал? Всё исхожено вдоль и поперёк.
- Нет, Степаныч, не так. Хоть по сто раз на дню ходи, не надоест всё вокруг новое и меняется каждую секунду. Почитай, так же, как в наших головах: думы текут, переплетаются не остановить.
- Мне особо думать не об чем. Строгать да колотить надо.
  - Вот и мне красить и красить...

С тем и расстались, уговорившись по исполнению заказа «раздавить мерзавчик»

А дома ни с того ни с сего раскапризничалась жена.

– Ты разгрёб бы свои картины, а то теснота, как на складе. Одна пылища да вонь, аж голова разболелась. Во что превратил комнату? Ни шагу шагнуть – везде рамки да рамки. Терпение кончается! Дождёшься – выкину на помойку, пусть бомжи разбирают...

Он и раньше слышал подобное, но не с таким ожесточением. Что с Анной случилось? Ведь столько раз приходилось говорить о заветном деле. Ну не может он без него, не может! Что теперь – бросать? Переломить кисти? Сжечь холсты? Да это же самоубийство! Неужели она не понимает?..

Когда Анна ушла на работу, он, смирив обиду, разобрал тесно приставленные к стенам работы и сплошняком развесил их на кухне, в прихожей, в зале и пару даже в туалете. Этот импровизированный вернисаж оказался внушительным по объёму и многоцветности. Квартира преобразилась, Алексею казалось: стало легче дышать и на душе светлее. Пожалуй, он впервые наглядно обозрел свой творческий путь. Да, именно «творческий путь» – твердил он без грана самоуничижения. Было видно, откуда он шёл и куда устремлён.....

Ранние подражательные пейзажи (сплошной «недолевитан»!) с годами преобразился – выработался свой мазок, своя фактура, особый «окраинный» колорит. Но главное, чего недоставало – внутреннего трепета, движения к небу и солнцу. В этом смысле Алексей не переставал восхищаться Ван Гогом: вот где переизбыток стремления, все холсты – страстное супердвижение; так и слышится,

100

как шелестят травы, шумят под ветрами деревья, плещутся воды и «звезда с звездою говорит»! Но просто подражать нельзя. Нет, будь добр, выработай свой кровный язык, если не можешь, значит ты – никто!

12

Придя с работы и неожиданно попав в домашний музей, Анна была поражена. Ещё бы, ни у кого из подруг и соседей она этакого не видывала. Долго рассматривала работу за работой, поначалу хмурилась, но мало-помалу лицо её просветлело — она успокоилась. Тем более вторая комната, высвобождённая и чисто вымытая, с вновь повешенными тюлевыми занавесками, казалась вдвое просторней и светлей. Ну слава богу! Наконец-то осознал свою неправоту, услышал меня. Мне твои картины не мешают, не думай и сердито не дуйся на меня — я хочу как лучше. Вот приедут сватья в гости, тут их и поселим. Пускай полюбуются на твою красоту...

И в самом деле, на днях питерские родственники звонили и сообщили, что собираются приехать к Новому году. А перед ними к Светловым собирается заглянуть на денёк их знакомая, что работает в частном музее («Эрарта» — запомнил Алексей). «Она увидела ваши подарки, — сообщала Антонина Григорьевна, — и ей очень понравились работы, как она выразилась, "лица необщим выражением"... В общем, приедет, посмотрит, отберёт десяток-другой: музейщики намерены устроить небольшую выставку».

Эта новость по-доброму сразила смущенного Алексея. Значит, всё было не зря, значит, справедлив древний завет: делай что должно, и будь что будет!.. А что там, впереди, как говорила покойница мать, один Господь ведает. Пусть Алексей маловер — но Его вышней воле безропотно отдастся. На кого ещё полагаться?..

13

И правда, вскоре приехала питерская гостья. С вокзала она позвонила, Алексей собрался и встретил её. Это была эффектная женщина средних лет, но выглядела моложе:

ярко одетая, с броской косметикой и короткой причёской. Ехали в шумной маршрутке (от растерянности Алексей не взял такси). Ирина не отрываясь глядела в окна: легендарный Энск, сыгравший важную роль в русской истории, ей нравился. Алексей как бы видел её глазами сперва могучую Волгу, по-осеннему свинцовую, затем крутой откос с многобашенным красным кремлём на вершине, широкие площади и проспекты, старинные здания и новомодные цветастые высотки; и ему делалось всё тревожнее по мере приближения к окраине: не скривится ли, не побрезгует ли рафинированная питерская дама нашими обшарпанными хрущобами, голенастыми тополями вдоль раздолбанной шоссейки, мусорками с копошащимися возле них стаями голубей, чаек и голодных собак? Но нет, Ирина, то и дело улыбчиво оглядываясь на хмурого Алексея, приговаривала: «Классно... Сочно... Красиво...»

Когда пришли в тесную квартиру, Анна засуетилась, невольно мешая гостье раздеться; Алексей, дабы смягчить неловкость, без обязательных предисловий распахнул входную дверь в зал. Ирина вошла и застыла у порога. Рассеянный осенний свет, умягчённый голубоватой снежностью, свободно полнил комнату, нежно выделив живопись — и она засветилась оттенками голубовато-розового рассветного, иссиня-фиолетового ночного, золотистозелёного дневного; с особенным смыслом глянули со стен портреты, со сдержанным вызовом выступили натюрморты. Ирина шагнула на середину, Алексей робко за ней. «Ну что же, весьма недурно, свежо... А главное — самобытно! Я иного и не ожидала. Поздравляю вас, Алексей. Вы — настоящий художник и зря уничижаете себя... Хотя как знать, если вам это необходимо».

Он ощущал это ещё острее после того, как Ирина, почти не колеблясь, отобрала двадцать работ, после того, как они старательно упаковали их, после того, как Алексей вызвал грузовое такси и проводил гостью на вокзал, — да, после всей долгой, волнующей процедуры ему стало не по себе: будто бы самое заветное увезено, и теперь он гол как сокол, впрочем, таковым почти всегда чувствовал себя рядом с работами — слишком самостоятельными они были,

слишком независимо жили своей затаённой, безмолвной жизнью.

В отличие от громкой, возбуждённой жены Алексей тонул в молчании: он — бесплотная тень на опустевших стенах; он — безвольное ничто, а там, в чопорном Питере, теперь — всё. Да, именно так, хотя грустно осознавать это.

14

Ночь выдалась промозглой. Задувал морозный северозападный ветер, как раз с питерской стороны. От волнения Алексею не спалось, он вышел во двор. Меж домами, стиснутый и свитый в воронку, ветер был пронзительным; но это только бодрило. Придомовые берёзы сиротски мотались, широко размахивая ветками, ноги заметала острая позёмка. Но Алексей этого не замечал: он смотрел в небо. В исчерна-синей бездне мерцали голубоватые звёзды; взглянув в сторону смутного юга, Алексей увидел привычную Венеру, она светилась чуть крупнее, весомее... Но что это? – поперёк зенита медленно движется как бы сдвоенный звёздный объект. Да, он крупнее, огнистее Венеры и блистает гораздо ярче, и скользит, скользит посвойски среди извечной звёздности. Всё ясно – это международная космическая станция! Радостно осознавать, как высоко шагнул человек.

Лирический портрет

Елена КРЮКОВА

Я ВСЕ ВРЕМЯ В ПАЛЬЦЫ БЕРУ ТВОЙ КРЕСТ...

Ангелица

Старик, упала я. Старик, воды. Старик, кругом увалы и хребты. Летела я в широких небесах – А там и месяц высох и зачах. Крыло мое!.. А перья все в крови, Во ржавчине, мазуте, масле, льду... Старик, ты Божью Матерь не зови. Не видишь – человек попал в беду. Мне чем-нибудь... крыло перевяжи. Бинтом. Портянкой. Красным лоскутом. Муаром – через грудь – роскошной лжи, Где орден всходит солнцем над крестом. Да подцепи же... – рваной простыней Военной свадьбы, с коей в ночь шагнул И ногу потерял... кто там с тобой?!.. Мальчонка... рот – два зуба, свист и гул?. Старик и мальчик – кровных два ведра На коромысле века. Ближе, ну!.. Я ангелица. В небесах дыра Прорезалась. Я как в нее шагну И упаду – на площадь во снегу, И бычит храм свой лбище золотой... Дуй, ветер, дуй! Я больше не могу. Я – коркой в грязь – у снега под пятой.

Я сломанные крылья волоку. Отец мой, Сын мой, я узнала вас. Я молока метели на веку Хлебнула. Я лила метель из глаз. Я на метели ела и спала, Сражалась, кровь на серебро лия... Вас обниму, пока не снидет мгла, Крылами изувеченными

Я.

Молитва о горах

Лишь закрою глаза – и отвесно обрывается скал лазурит... О, я верю, что Время – чудесно, только страшно, что Время творит.

Горы, острые, словно рубила, душу грубо стесали огнем. Я молилась им. Я их любила – ныне, присно, и ночью, и днем.

На гольцы я взбиралась! Глядела на зеленые шкуры Саян! И тугого шаманского тела бубен пел, ненасытен и пьян!

Я вратами зрачков забирала, всю всосала жестокую синь Глаз охотницких старца Байкала,

злую Хамардабанскую стынь!

Стрелы гиблые, меч мой каленый, меч Гэсэра – слепая гора! Да звезды, до меча Ориона дотянулись, допели ветра...

Улетела я нищею птицей. Причастилась сладчайшей беды. Глотку выжгла мне – мнила напиться! – боль железнодорожной воды.

Я устала – той нечеловечьей, той усталостью, где топоры Острых звезд ищут шею и плечи, и сребристой лучины горы

Не видать – в этом каторжном гуле, в сальных, кучно набитых возках, В сумасшедшем сем граде, где пули – в пистолетных стальных кулаках!

Здесь, где, пшенкой давясь, умирают – в пересохших колодцах квартир Больнокомнатных! Где удирают за кордон, будто чистят до дыр

Я все время в пальцы беру твой крест...

Снеговой наш ковер, грязно-русский, обветшалый, в разводах пурги!.. Где, гора моя, меч ты мой узкий в небесах смоляных, где – ни зги?!.

Узел зол и страстей не развяжет мне никто на краю забытья, Лишь Сибирь-Богородица скажет: «Утоли вся печали твоя...»

И молюсь, лик горе подымая, лик в морщинах подъявши горе – Я, бастылка, я, пижма немая, я, багульник в пурге, в серебре,

В шубе латаной, козьей и драной, на равнине, где воет метель: Дай мне, Господи, да без обмана во горах ледяную постель,

Чтоб уснула я сладко и строго в междузвездной пуржистой пыли – Под присмотром Охотника-Бога, близ объятья небес и земли,

Чтоб забыла – при свете Вершины – в ослепительной сини стальной – Как рыдал надо мною мужчина, как ребенок угас предо мной,

Как бросала в отчаянье матерь мне тряпье для скитальной сумы, Чтоб раскинулась звездная скатерть от Елабуги до Колымы,

И спала б я в роскошном просторе, позабытая миром моим, И горела б, как шапка на воре, золотая Гора Серафим.

Псалом. Славься

Господи славлю Тебя как могу В тишине во сне наяву на бегу Славлю Тебя косноязычным ртом Славлю сейчас а как будто потом Будто через горы и волны лет Господи Ты ведь лучше знаешь: времени нет Славлю сердцем распятым издырявленным в край В спину-грудь палили Мой крик: не стреляй Все глухие не слыхали Ты слышал один Ты со мною плакал в застольях годин Ты со мною к устам – рюмку с красным вином И глотали вместе И рыдали об одном Ты со мной – о моем Я с Тобой – о Твоем Меня с Тобой распинали кололи копьем И я зрела как швырял прочь копье тот солдат И вопил: верую нет дороги назад А я домой тихо с Голгофы шла На меня лаяла собака из-за угла И не было сил камень бросить ей в бок Потому что собака ведь она тоже Бог Господи Ты же в каждом почему же тогда Все врут жрут предают сейчас и всегда Как же долго и страшно к безгрешью идти Господи тьма солдат у нас на пути И у каждого копье И у каждого – «калаш» Господи да ведь Ты не убъешь не предашь Ты только в улыбку Себя перельешь Пред лицом увидев сверкающий нож Вот щека одна Вот другая щека Π од ногою — земля Она Тебе велика Обернусь на Лысый холм погляжу Кровь заката тихо течет по ножу

Я еще не знаю что воскреснешь Ты Я вдыхаю запах сухой пустоты Я рыдаю кричу задыхаюсь бегу Господи славлю Тебя как могу

Лодки

Медвежьи шкуры прошитых туч Бог кинул себе под бок. Кровавый гарпун – трехзубый луч Заката – торос поджег.

Лед зеленее, хмельнее вина, Синей, чем шаманий топаз. То Тьмы страна. То Смерти страна. И в мертвом лбу – круглый глаз

Звезды, по имени Сириус. Вон! – Над горизонтом, пьян, Мохнат и дик, танцует он, Седой, беззубый шаман.

И серый, убитый волк реки - Заиндевел волчий бок!.. – Лежит. Созвездья над ним высоки, Тяжелый зенит глубок.

И звезды со звоном в тучи летят, Как в валенки – горсть монет. Две лодки на мерзлом приколе стоят В виду граненых планет.

Хрусталь Венеры. Марса пироп. Луны Чингисов клинок. И лодка носом уткнулась в сугроб, Как в брюхо матки — белек.

И лодка другая... – о, кто-то в ней Недвижно и мертво спит... И Тьма безумьем бездны огней На обе лодки глядит.

Акушерка

Я акушерка Римма, а на деле -Великая я жрица Тиу, в силе, в теле. Египетских младенцев принимала. В атлас их завернув, в корзины клала И так несла – с поклоном – фараону... Ты что орешь?! Ты ноги к небосклону Мне задери еще!.. да тужься, бочка, Ты, нищенка, ты, фараона дочка Из Рощи Марьиной... – такая работенка: Из пуза выпростать, как надо, ребятенка... Он лезет темечком – а ты его обратно – Во мрак, в пещеру, где алмаз надвратный... Кто выдумал нам жизни продолженье?! Скрестить, раздвинуть ноги. Лишь движенье К зачатью. Сумасшедшая дорога – От человека – через блуд – до Бога. Через любовь?! – вареньевые сопли. Ее костяшки в кулаке засохли. Плод – оправданье ржави, лжи и корчей. А после родов жизнь становится короче. Как будто ногу отрубили, руку... Кричи! Вопи! Всю вылей в песне муку. Ее страшнее нету, бабьей, древней... Я Тиу. Повитуха я царевны Нофрет. Мне платят жалованье редко. Марш в родовую! – козочка, кокетка, Прорезала макушка Властелина Бесплодный мир!.. ...мать, ты хотела сына?.. – Вот он... гляди, весь смугленький и гладкий... Нет, он не будет красною заплаткой На черноте бараков... на безумье Бесснежных рвов... Сегодня полнолунье, Мамаша, бедная. Ты выпишешься скоро. Молись, чтоб людоедом или вором Не стал. Молись. Молитва лишь поможет. Мороз молитвы матери... по коже...

Египет... Палестина... Русь... что завтра будет? Не знаю я. Кричат младенцы-люди. Орут. Вопят. Рождаются. Страдают. Когда уснут во мгле земли, не знают. И я, толстуха, жрица, повитуха, Сегодня – девка, через миг – старуха, Все так же пуповины обрезаю, Все так же после родов выпиваю Спирт из мензурки... весь халат в кровище... Все так же снег идет. И ветер свищет. Все так же движется холодным морем время, И баба так же хочет скинуть бремя, И я прошу сестричку-козопаску, Что докторам бесстыдно строит глазки: Пока наш фараон не заявился – Налей еще... ведь человек родился...

* * *

Я уповаю на Тебя рвут марлю с выдохом и хрустом Рвут бинт страданием слепя в палате чисто чудно пусто В палате глухо ледяно на помощь звать не хватит крика Я позабыла так давно улыбку сестринского лика Звон скальпелей и вилок звон на бедной памятной године Я лишь исполнила закон – проплыть под синевой на льдине И снизу дышит синева и сверху рушится и льется И я плывя дыша едва ладонь тяну слепому солнцу Я уповаю на Тебя не постыжуся не отрину Дрожит соленая губа сухую простыню – под спину Моя держава бытие Спаситель мой и Защититель Одно прибежище мое одна суровая обитель Вот доигралась на врага я безоружна выходила Сама себе не дорога живое жалкое кропило Разбрызгивала соль и свет и боль и радость и рыданье Кричала людям: смерти нет хрипела в позднем покаянье Летела за Тобой во Ад уподобляясь снежным хлопьям Дороги не было назад а я по кольям шла по копьям А нынче кетгут мертвый бинт и острый нож чужой умелый А я живой железный винт весь от мороза поседелый

Меня загнали в темный паз меня вворачивают туго Во время слишком тесный лаз чтоб крепко там обнять друг друга А может держится на мне вся эта жестяная лодка И не окажемся на дне и улыбнемся дивно кротко Мне больно выгибаюсь я ору мечусь мне ловят руки Ты Боже вся моя семья не вынесу с Тобой разлуки Возьми что хочешь отними остави круглой сиротою Но Ты иди между людьми ко мне – легчайшею стопою Но Ты мне руки протяни боль обрати в тугое пламя В палате чистой мы одни в Твоем пустом и голом храме Здесь росписей навеки нет Здесь только мы под конхой плачем За литургией звезд планет И я гляжу лицом незрячим Лишь на Тебя лишь на Тебя как больно с болью нету сладу Господь прибежище судьба любовь и крепость и отрада Разбей меня я Твой сосуд расколоти – Себе на счастье Но рвут бинты и нож несут – разрезать сердце мне

на части

И пересохшею губой вылепливаю плача нити Господь мой я всегда с Тобой и на Голгофе и в зените И коль пройдешь во тьме палат меня в стерильный снег вминая

Пятой

Тебе я крикну: Свят

И Ты прошепчешь мне: Родная

* * *

Я все время в пальцы беру Твой крест. Мой нательный крестик, медный, истертый. Я его целую, и вижу — до звезд — Ход времен, неуклонный, печальный, гордый.

Он же, Господи, маленький... нежный такой, Как стрекозка... на лист нимфеи слетела... ...и в яремной ямке горит тоской По Голгофе, огнищем втекая в тело.

Помню церковь в Сухуми... огромный храм... И послушницу эту, девчонку, в черном... В рясе – тучей, в наряде слишком просторном Для худышки, открытой морским ветрам...

Перед нею – стеклянная эта витрина... На запястье качает седой гайтан... «Надевай... Во имя Отца и Сына...» Так глядит – меж ресниц – смоляной буран.

Я под теми буравящими зрачками Выю так подставила... Марией Стюарт... И скользит позолоты дешевой пламя Мне на грудь – рекой вдоль истрепанных карт...

Так глядит тот овал, нежней дынной кости, Из апостольника цвета дегтя, угля... Тайный шепот: «О, мы на земле лишь гости...» И акцент этот горский – камни, земля.

И стояла с нательным крестом... все безумства Откатились прибоем... отхлынула мгла... В Благовещенском солнечном храме сухумском На меня со стены Богородица шла.

Сколько лет пролетело? Вся жизнь пролетела. Стала музыка вся и слепой, и глухой... Ты впивайся мне, крестик, в иззябшее тело, Сядь, стрекозка, на лилии лист сухой.

Загадала: когда обмоют меня, Обрядят в дорогу, осыплют цветами, Пусть горит над ключицей язык огня, Медь зелено-алая на стертом гайтане.

Боже мой... Терн венца... Огляди окрест Окоем Свой пустынный... немой, ослепленный... Я все время в пальцы беру Твой крест И, дрожа, целую, – а он – соленый...

Птица

Я взмахну камчатной скатертью над столом. Я Пасхальную скатерть, радуясь, постелю. На прощальную скатерть поставлю не яства – дом, Напоследок не налюбуюсь, как все люблю.

Цвета крови вот – яйца, и вот сладимый кулич, Весь усыпанный сахарной пудрой, подобной звездам... Вот кагор, и во тьме вина отразится Лик, Что не выдам, не оболгу, не убью, не предам.

Вот еще год прошел. Отдалился дней голый лес. Отзвенели зальделые ветки на полночном юру. И мне все равно, сколько лет назад мой Господь воскрес: Да, сегодня, воистину, на мощном, теплом ветру.

Я уйду, и мой дом со мною уйдет в запределье держав. Ваша матерь... дети-внуки, помните, помнить сколь суждено!

А Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ,

И стучусь я, птица, веселым клювом в Пасхальное ваше окно.

Псалом. Ночь

Моя молитва – мое объятье. Моя молитва – любовь моя. Снимаю жизнь я, как будто платье, Устала в тесной одежке я.

Устала, Боже... Уплыли силы... Ни от сумы... ни от тюрьмы...

Я жизни Божьей, Я жизни милой, Я жизни светлой Молюсь из тьмы.

Соборование

За все Тебя благодарю. Себя я ветром подарю Снегам Твоим. Струится жаром – январю – Кадила дым.

Курится ладан и плывет. Плывет в зените звездный плот. И я стою Средь храма. Бог — восток, восход. Хор ангелов опять поет Нам ектенью.

На службе, в этот поздний час, Пока огонь еще не сгас, Кануна медь Пылает, – значит, не для нас Чернеет смерть.

Вся жизнь отверстая – Господь! Весь Міръ – преломленный ломоть, Глоток вина. И нам любви не побороть: Она – одна.

А только к сердцу так прижать, И целовать, нести, держать, И лоб крестить, И есть давать, из кружки пить, И снова плакать и любить, Прощать и жить.

Быть одному, как в поле рать, Рыдать, сражаться, умирать, Воскреснуть вновь — Затем, что голос слышал ты У исчезающей черты: Бог есть любовь.

114 Елена КРЮКОВА

115

Поет и плачет иерей. Стоят старухи у дверей. На лбах елей. И на ладонях, на щеках, И на минутах, на веках, — Лей, время, лей.

Соборования свеча
В руке тепла, нет, горяча,
И воск течет
И застывает друзой слез.
Прости меня, прости, Христос,
За злой безвременный мороз,
Безумный лед.

Средь храма Божьего стою. Возьми, о Боже, жизнь мою, Возьми и смерть. На небесах в Твои глаза В Раю, где грешникам нельзя, Хочу глядеть.

И пред иконою Твоей, Средь храмины, среди людей, Как среди гула площадей, С колен не встать. Гореть, молиться и сгорать, Смеяться, плакать, забывать, И каяться, и умирать, И воскресать.

Юрий ФАНКИН *Муром*

РАЗВЕ СЕРДЦЕ РУССКОЕ ОСТЫНЕТ?..

Колодец

Брёвна мохом покрыты, Воздух тронула прель. Стариковски сердито Тарахтит журавель.

Поутратила свежесть, Потемнела вода, И приходят всё реже С коромыслом сюда.

Сколько лет, не стеная, Ты поил всё село! О, вода ледяная! – Стужей губы свело.

Сколько было у сруба Ожиданий, разлук. Что шептали здесь губы Над сплетением рук?

Вспомни, сруб мой сутулый, Вспомни звёздный корец, Сколько вёдер тонуло, Обручальных колец...

Ты постой у колодца, В глубину погляди, Где расходятся кольца От набухшей бадьи.

Песни прежних околиц У колодца слышней... Даже в старый колодец Не бросают камней.

В лунную ночь

Горит луна, влюблённым в наказанье, Рождая полуночную тоску. И ты идёшь с закрытыми главами По золотому окскому песку.

Ты глубоко и безмятежно дышишь, Не уставая обречённо спать. Ты ничего не видишь и не слышишь, Ты никого не хочешь понимать.

Горит луна, как будто заклиная Мои седины в русой бороде. Не подходи, тебя я умоляю, К той непроглядной омутной воде.

В час полнолунья встань пред образами, Утишь свою полночную тоску И не броди с закрытыми глазами По золотому окскому песку.

Я был богач

Я из подстепья, как и Бунин, вышел. Наш дом других богатством превзошёл: Не из соломы – из железа крыша, Не земляной, а деревянный пол.

Я на коня заскакивал с разгона, Так, чтобы были все удивлены. Был лес и пруд. Была в углу икона. И был отец, вернувшийся с войны.

Был чёрный хлеб, а над кроватью завесь, И был цветок за лавкой, на окне. Я был богач. Пустое слою «зависть» Не липло, как репейники, ко мне.

117

Вот жизнь прошла, прошла-промельтешила, Колесами вагонными стуча. Я не обрёл ни дачи, ни машины, Но не утратил чувство богача.

Состарились девчоночки-царевны. Пустили лес бесхозный под пилу. Уж нет отца и нет моей деревни, Но дивный Спас по-прежнему в углу.

Дергачи

Не игрушка ли с заводом? – Поиграет, замолчит... На лугу, за огородом, Заскрипели дергачи.

Над игрушкою потешной Месяц сгорбленный встаёт. Этот звук, сухой, тележный, Мне покоя не даёт.

Вспоминаю то, что было: Как в июньский сенокос На караковой кобыле Ехал юный водовоз. Поскребу свою макушку И уйду грустить в ночи... Кто заводит ту игрушку? Где припрятаны ключи?

* * *

Я в поезде сажусь к окну. Деревни русские повсюду... Я в тех местах едва ли буду: Мне жизнь отмерили одну.

Как я хотел бы час иль два Побыть в избе, мне незнакомой, Где дверь увенчана подковой, Где не подслащены слова.

Спросить: Давно ль в районе сухо? Как сыновья? Отец-то жив?.. И деревенскую краюху Разрезать, к сердцу приложив.

Облака

Не насытить глаза синевою, Не смотреть на неё свысока... Над моею седой головою К горизонту плывут облака.

Пусть они опускаются ниже И плывут с каждым годом быстрей, И, как в детстве, волнуюсь и вижу Очертания птиц и зверей,

Любованье недолго продлится, Впереди – расставанье и суд. Но святые небесные птицы Подберут, обогреют, спасут.

На поле Куликовом

Какой туман над поймою клубится! Стога и лес в серебряной пыли... В таком тумане можно заблудиться. В таком тумане тонут корабли.

Отволгла за ночь конская подпруга. Застыла в жёстком стремени нога. В таком тумане тёплый голос друга Похож на клёкот старого врага.

В таком тумане можно хазарянку Расцеловать, как любушку-жену. Здесь так легко затеять перебранку И на рассвете покориться сну.

Не делай, друг, отчаянного взмаха. Не жмись к давно погасшему костру. Пусть тяжело, как мокрые рубахи, Качаются знамёна на ветру.

Лишь острый меч да отчие молитвы, Соединясь, преодолеют зло... Князь, не спеши! Ещё не время битвы. Ещё над полем солнце не взошло.

Монолог Ильи Муромца

Я – Илья! Моё ратное слово – Как молитвы святой благодать. Я – Илья! На мне места живого Ни друзьям, ни врагам не сыскать.

Как болит моё бренное тело! Как тоскует в неволе душа!.. Где Держава? Остались уделы Да князьки, что живут на ножах. 120

Провели воробьёв на мякине. Заключили преданья под спуд. Где Алёша? Где славный Добрыня? Не заставу, дворцы стерегут.

Разорвали славянское братство, Где не делят: чужое – моё... Может, в иноки завтра податься? Поменять на молитву копьё?

Ах, судьба, роковая судьбина! – Золотая тяжёлая клеть... От удара не в сердце, а в спину, Видно, мне суждено умереть...

Подорожник

Были спуски круты и пологи, Были тучи и синь-синева. А теперь на короткой дороге Подорожник – родная трава.

Подорожник – простое названье... Как он выжил, сквозь щебень пророс, Одолев вековое попранье Бесконечных сапог и колёс?

Незаметно в пыли расцветая, Он в суглинок проник глубоко... Ах, ты, травушка наша святая, Как же мне до тебя далеко!

Волки

Прямо в тучу солнце село. Темень – Господи, спаси! Волки серы, волки смелы Разгулялись на Руси,

Знаком дьявольским клеймены, Кровью вспоены людской. Слышишь, русич, по заслонам Их протяжный, злобный вой?

Долго ль в бешеном запале Им метаться и кружить?! Кто сказал, что их позвали Нашу землю сторожить?

* * *

Ехали на тройке с бубенцами... Хризантемы нежные цвели... Лошади распроданы отцами. Хризантемы белые в пыли.

Соколы забились под застреху, Обживая воробьиный кров. Не дойти теперь и не доехать До цыганских пламенных костров.

Красные рубахи на просушке. Не звенит гитара, не поёт. И цыган, кудрявый, словно Пушкин, Ширпотреб китайский продаёт.

Комарёнок

Комарёнок долго вился, Совершая свой облёт... Наконец в предплечье впился, Кровь славянскую сосёт.

Ничего себе комарик! – На глазах растёт пострел: Округлился, словно шарик, Как от водки, захмелел.

Злое племя Люцифера, Разгулявшийся наглец... Где же совесть! Где же мера? Осторожность, наконец?

Я могу тебя прихлопнуть, Навсегда прервать полёт. Или ты успеешь лопнуть — Кровожадность подведёт?...

* * *

Быстрая птица кружит над рекою. Берег вчерашний окутала мгла... Хочется воли, но больше – покоя, Хочется света, но больше – тепла.

Может, и нам пролетать над стремниной, Прежде чем пасть присмиревшими ниц... Как совместить этот зов ястребиный С робкой душой одомашненных птиц?

* * *

Выхожу один я на дорогу, Ту, что Сергий в ночь благословил, Не надеясь больше на подмогу, Я иду, пока хватает сил.

Потерял я воинов и друга. Мне достались с княжьего плеча Мятый шлем и рваная кольчуга, Да осколок острый от меча.

Разве сердце русское остынет, Если ночь при зареве, как день?.. Вдоль дороги мельницы пустые Да зола сожжённых деревень. На полях кусты чертополоха, На лугах некошеная сныть... Пусть один и пусть трудна дорога, Но ведь должен кто-то выходить!..

Пролейся!

Над приокской былинною кручей, Где до срока засох первоцвет, Ходят-бродят тяжёлые тучи, А дождя долгожданного нет.

Не звучат колыбельные песни. Пожелтели кряжи-тополя, — Ты пролейся, пролейся, пролейся! — Молит тёмное небо земля.

Ни дождинки, ни благостной сини, Плачет дрозд над горящим гнездом... Но уже осеняет Россию Богородица светлым перстом. 124 Вернулся солдат... 125

Ирина ДРУЖАЕВА

Городец, Нижегородская область

ВЕРНУЛСЯ СОЛДАТ...

Утро Пасхи

Утро Пасхи славное! Колокольный звон. Солнышко державное Вновь взошло на трон. Искромётной прядкою, Кисточкой лучей Освящает сладкие Шапки куличей. Золото сусальное Сыплет в синь небес. И в купель хрустальную Погружает лес. Причащает благостью Ледяных криниц Опьянённых радостью Перелётных птиц.

Старуха ночь

Ночь вошла в свою избу чёрную. Свечи звёздные разожгла. Млечной сыворотки бездонную Кринку, сослепу, пролила. И, склоняясь старухой сонною, Льёт в лампаду вечности свет. Пред Земли печальной иконою Тихо крестится на рассвет.

Солдатка

Были очи синие, Словно васильки. Были ночи длинные, Славные деньки. Да коса до пояса, Будто мягкий лён. В те глаза и волосы Парень был влюблён. Поцелуи сладкие, На губах ваниль. Праздники с трёхрядкою. С суженым кадриль. Да была короткою Девичья весна. Счастья птицу кроткую Отняла война. Всласть досталось хлебушка С горькой лебедой. Запивала долюшку Ледяной бедой. Смолоду укуталась В грусти тёмный плат. За работу спрятала Сердце из заплат. С верою, не жалуясь, Прожила свой срок. Лишь былинка малая. В поле – бугорок...

Вернулся солдат

Вернулся, вернулся солдат. С жестокой войны воротился назад. Блестит на груди боевая медаль. Изранила тело холодная сталь. 126

Пройти довелось через огненный ад, Не ради чинов и не ради наград: За близких, родных, за веселье и смех, За счастье своё и за счастье для всех. Прошёл рядовым миллионы дорог, С Победой ступил на родимый порог. Ликуют детишки, и плачет жена – От радости... Лиха досталось сполна.

Солдат воротился. Гуляет народ: Нехитрая снедь, и столы у ворот. И праздник, и радость. И тут же – печаль. Ведь некого больше деревне встречать. Полыни горчей самогона глоток: На каждой соседушке – вдовий платок. Родная деревня, пятнадцать домов. Осталось в деревне четырнадцать вдов. Четырнадцать русских простых мужиков Страну защищали в бою от врагов: В полях Подмосковья, за Курской дугой. И шли похоронки – одна за другой...

Ах, как же боец торопился домой! Вернулся один на пятнадцать домов. И плакал солдат, поминая друзей: Соседей, родных из деревни своей. Солёные слёзы, да горечь вина. Как много надежд погубила война. Но видит солдат, как шумит у плетня Со всей деревушки, смеясь, ребятня. Был год довоенный на деток богат. От детских улыбок оттаял солдат:

Он к ним воротился, за них воевал, И жизнью своей ради них рисковал. Вернулся, вернулся, вернулся домой, К семье воротился кормилец. Живой!

Вернулся, вернулся, вернулся солдат...

Опустевшая деревня

Старая деревня брошена в глуши. Запустенье, ветер. Всюду – ни души... Горбится старухой в мареве лесов, Глохнет без ребячьих звонких голосов. Избы, как монашки – в латаную бязь, Кутаются в крыши, горестно склонясь. Завывает ветер в грудах кирпичей. И горшки уныло стынут у печей. Улица безлюдьем душу бередит. Окнами-глазами в прошлое глядит. Помнит, как гудели печи от огня, Как с полатей висла гроздью ребятня. Помнит запах пота страдною порой, Петухов горластых, стадо под горой. На столе – пшеничный солнечный калач, Сарафанных ситцев радостный кумач. Как в престольный праздник кланялся народ Да водили девки плавный хоровод. Как рвала гармошка душу на куски От исконно русской вековой тоски...

У часовни древней лоб перекрещу. О судьбе деревни молча погрущу.

Старая пекарня

Деревянная старушка, Закопчённая избушка. Вновь баюкает, как няня, Память старая пекарня.

Припорошена мукою, Гладит ласковой рукою, Тестом, всхлипывая, дышит, Печкой огненною пышет. Колыбельную в сторонке Сонно шепчет для мышонка.

В негу сумрачного дома Лунный свет течёт в окошко. И крадётся тихо дрёма, Словно ласковая кошка, Чтоб под месяцем лучистым В сон закутаться пушистый.

Дым над крышею клубится, Детство радостное снится... Дух земли взмывает в небо: Запах солнечного хлеба. Тёплый, вкусный, ароматный Дух, святой и благодатный...

Из свежей прозы

Юрий ЛУНИН

д. Следово, Московская область

ГОЛУБИ

Мне было тогда двадцать семь. Университет я окончил в двадцать три. Соответственно, я уже четыре года жил на земле в качестве взрослого человека, то есть такого, которому больше нечем подпитывать иллюзию, что жизнь есть нечто ожидающее его впереди, и который, таким образом, вынужден просто жить.

Видимо, чего-то в этой *просто жизни* мне крайне не хватало, иначе вряд ли я записался бы в автошколу.

Это теперь я с трудом представляю себя без автомобиля, а тогда я обходился без него так же легко, как некурящий обходится без сигарет. Мир машин волновал меня в то время так мало, что если бы меня попросили составить список из тысячи предметов, которые мне интересны, то, исчерпав свои настоящие приоритеты уже на первых ста номерах и начав заполнять оставшиеся девятьсот позиций всем, что только взбредёт в голову, я включил бы в этот список самые ничтожные вещи, но ни за что не догадался бы включить в него автомобиль. На людей, которые с жадностью читают журнал «За рулём» и при каждом удобном случае устремляются в гараж, я всегда смотрел со смешанным чувством удивления и жалости, как на инопланетян с какой-то безотрадной планеты.

Поэтому тот факт, что я всё-таки очутился на водительских курсах, я не могу объяснить ничем другим, кроме как полуосознанной мечтой вернуться во времена студенчества; меня ведь и занесло на эти курсы в апреле — самом юном и обещающем месяце в году.

Впрочем, объяснение так себе. Остаётся непонятным, что именно так привлекало меня, двадцатисемилетнего взрослого человека, в моих студенческих годах, вся прелесть которых держалась на уже упомянутой иллюзии. И, наконец, почему именно автошкола?

Видимо, надо смириться с тем, что истинные мотивы многих человеческих поступков, часто таких понятных и обыкновенных с виду, навсегда останутся в сумерках.

Как бы там ни было, одно я могу сказать с уверенностью: повернуть время вспять занятия в автошколе под гордым именем «Орлан» мне не помогли. В лучшем случае эти занятия напоминали один из тех снов, где хорошо знакомые сцены из прошлой жизни преподносятся сознанию с какими-то нелепыми коррективами, вроде бы не особо значительными, однако способными придать безумный, а порой и зловещий характер целому. По крайней мере, после подобных снов человек редко просыпается в хорошем настроении.

Да, я снова сидел за партой, видел лектора у доски, слышал дружный смех над чьими-то глупыми вопросами; «а дайте, пожалуйста, кто-нибудь листочек и ручку»; «молодые люди, если вам не интересно, выйдите за дверь; почему остальные обязаны слушать вашу болтовню?» – и так далее. Однако достаточно было одного взгляда на саму собравшуюся в аудитории публику, чтобы приятное чувство узнавания тут же сменилось растерянностью, даже тревогой: девочки с аккуратно заплетёнными косами, едва перешагнувшие за школьный порог, сидят вперемешку с пышногрудыми домохозяйками, звенящими бижутерией и лоснящимися от жирного крема против морщин, а дистрофические юноши с жуткими «тоннелями» в ушах - одногруппники угрюмых заводских мужиков, в чьих огромных ладонях блокнот и ручка смотрятся как нечто хрупкое и неестественное.

Всех этих людей привело сюда одно-единственное желание - получить водительские права, но это желание или слишком обыденно, или слишком эгоистично, чтобы послужить основой хотя бы для маломальского человеческого сближения. За полчаса, проведённых в очереди к бесплатному стоматологу, люди умудряются установить гораздо более тёплые взаимоотношения, чем за несколько недель водительских курсов. Кажется, что между будущими водителями уже вьётся та пустота охраняемой неприкосновенности, которая впоследствии будет виться между их машинами на многополосной трассе. Когда в час пик смотришь на эти машины с какой-нибудь высокой точки, расстояние между ними кажется таким ничтожным, что поневоле удивляешься: насколько напряжённой должна быть забота человека о целостности его персональной железной клети, чтобы ни один из элементов многотысячного потока ни разу не «поцеловался» с другим. И всё же иногда это происходит.

Однажды, – кажется, уже в конце мая, – подходя к зданию, где наряду с парикмахерской, турагентством и конторой ритуальных услуг гнездился и мой «Орлан», я увидел трёх девушек из моей группы. Они стояли у набитой мусором урны, вокруг которой было наплёвано и набросано окурков. Одна из них не очень умело затягивалась сигаретой. Она была, наверное, моего возраста, а двум другим, некурящим, я дал бы лет по двадцать, не больше. Вот уже несколько недель я знал этих девушек в лицо, но до сих пор не знал, как их зовут, и не испытывал ни малейшего желания это узнать. Честно говоря, я даже считал вполне нормальным не здороваться с ними. Они, разумеется, платили мне тем же.

Я остановился неподалёку от них, закурил (до начала занятий оставалась ещё пара минут) и невольно подслушал их разговор. Девушки никак не могли решить, пойти им, как обычно, на лекцию или купить по банке коктейля и посидеть на лавочке в сквере, ведь сегодня такой классный день. Все аргументы за и против были названы, но девушки проговаривали их снова и снова, — наверное, затем, чтобы в какой-то момент обнаружить, что большую часть

лекции они уже проболтали, и увидеть в этом решающий аргумент в пользу сквера.

Я докурил и, чтобы бросить окурок в урну, вынужден был слегка потеснить их компанию. В урне не нашлось места для моего окурка, и он упал на заплёванный асфальт. Почему-то эта мелочь ввела меня в лёгкую растерянность, и в течение нескольких секунд я неподвижно стоял среди девушек, которые тоже немного растерялись и поэтому стихли. Затем я кашлянул и отправился на лекцию, и они продолжили свою медлительную дискуссию.

На лекции я машинально записывал что-то в тетрадь, в то время как мысли мои почему-то были с этими девушками. Сначала я каждую минуту невольно взглядывал на дверь аудитории, ожидая, что они вот-вот появятся, а потом, когда стало ясно, что они выбрали сквер, стал воображать, каково им сейчас там, в сквере: не жалеют ли они о сделанном выборе? не скучно ли им друг с другом? смеются они или говорят о чём-то серьёзном? А ещё меня почему-то интересовало, когда они познакомились и подружились: до или после поступления в автошколу?

Незаметно все связанные с ними вопросы слились во мне в одно беспокойное чувство, чем-то похожее на ревность. Как будто мне открылось, что прямо в эту минуту, сидя в сквере, девушки испытывают то прекрасное, что давно мечтаю, но не могу испытать я сам.

Лекция закончилась, я вышел на улицу и пошёл в сторону дома. Правда, той весной мне ещё трудно было назвать это место своим домом. Это была первая в моей жизни съёмная квартира, в которую я переехал из родительской меньше полугода назад.

Истинный мотив этого поступка ускользает от меня точно так же, как и в случае с поступлением в автошколу. Знаю одно: ни отношения с матерью и отцом, ни бытовые условия проживания не подталкивали меня к переезду. «Уже пора», – так объяснил я им своё намерение жить отдельно, в соседнем городе, и теперь затрудняюсь что-нибудь к этому прибавить.

Наверное, в соседний город без видимой на то причины удаляется тот, кто в глубине души желает удалиться ещё

дальше, — может быть, на самый край света, — но почему-либо не решается это сделать. Кого-то удерживает чувство долга, кого-то страх неизвестности, кого-то обстоятельства. Меня же удержала моя нелепая, раньше опыта пришедшая мудрость, которая подсказывала, что для экспериментов с чужбиной вовсе не обязательно порывать с любящими тебя людьми и, удалившись за несколько морей, нашпиговывать свою биографию однообразно пёстрыми приключениями. Она говорила, что достаточно проехать полчаса на автобусе, зайти в самый обычный дом, потом в такую же обычную квартиру — и бросить там свои вещи.

Действительно: мне вполне хватало съёмной однушки в соседнем городе, чтобы время от времени ощущать себя в её стенах на самом краю света – в предельной удалённости от всего родного. Это ощущение неизменно рождало во мне тоску, которая в первое время так угнетала меня, что, едва почуяв её приближение, я тут же трусливо нырял в какое-нибудь отвлекающее занятие: выполнял за компьютером работу на неделю вперёд, готовил чтонибудь бессмысленно экзотическое к своему одинокому ужину, читал лёгкую оптимистическую литературу, смотрел мультфильмы детства; наконец, глазел, прихлёбывая пиво, в телевизор. Но в какой-то момент, которого я теперь не вспомню, я принял решение не прятаться от этой тоски, и с тех пор она стала самым важным и, пожалуй, самым желанным переживанием моей повседневной жизни. Отныне, ощутив её близость (обычно это происходило в час вечерних сумерек или посреди пасмурного дня), я выключал компьютер и телевизор, гасил повсюду электрический свет и ложился на кровать. Я предоставлял тоске хозяйничать во мне, а сам напряжённо наблюдал за её работой. Мне казалось, что чувство вселенской чужбины, разлитое в воздухе, вот-вот сгустится до предела, станет самим воздухом, - и тогда я смогу различить в нём черты какой-то наивысшей, навсегда спасительной человеческой родины.

Итак, я шёл после лекции на эту квартиру. Вариантов пути было несколько, и я выбрал тот, что пролегал через сквер; мне хотелось увидеть девушек. И я увидел их там.

Они сидели на скамейке и громко смеялись. Они были довольно пьяны или, по крайней мере, хотели казаться друг другу пьяными.

- Ну как? окликнула меня старшая, когда я проходил мимо. Интересно было?
- Я думаю, вам было интереснее, ответил я, замедлив
- Ой, а расскажите нам, про что там говорили! попросила одна из младших.

Я охотно проследовал к их скамейке, закурил и вкратце пересказал лекцию.

- Ой, а давайте мы все остальные лекции тоже прогуляем, а вы нам каждый раз будете так пересказывать? сказала другая младшая.
- Ну уж нет, сказал я. Вы так сопьётесь, а я буду виноват

Старшая девушка достала из сумки банку с коктейлем и протянула мне.

 Давайте спиваться вместе, – сказала она, и младшие засмеялись.

Я тоже посмеялся, открыл банку и с удовольствием глотнул коктейля.

- Вообще правильно, сказал я. Надо пить, а то ведь скоро все будем деловые, за рулём.
- Хорошо бы, завздыхали девушки и дружно постучали по скамейке.

Мы чокнулись банками. Мне показалось, что старшая смотрит на меня по-особенному, не так, как младшие. Я понимал, что это, может быть, её самый обычный, всегдашний взгляд (откуда мне было знать?), но это было не так уж важно.

Эта старшая имела склонность к полноте, но назвать её полной было нельзя; скорее подходило слово «крупная». У неё были чёрные и мелкокурчавые, как у негритянки, волосы и широкое смуглое лицо с большими широко посаженными глазами и пухлыми губами. Белки её глаз и зубы светились одной и той же приятной голубоватой белизной. Из-за высоко расположенных прямых плеч её облик, и без того слегка иноплеменный, приобретал уже нечто

туземное и заметно терял в женственности, и в то же время было совершенно ясно, что эти плечи свидетельствуют не о животной ловкости и силе, а о чём-то другом, чего я, правда, не смог бы назвать.

Младшие вскоре ушли, и я сел на скамейку; уйти с недопитым коктейлем в руке показалось мне невежливым. Я узнал, что девушку зовут Кристина, и сказал, что могу проводить её до дома. Кристина сказала, что не против прогуляться, но предупредила, что живёт не очень-то близко. Я сказал, что время у меня есть. Так оно, в принципе, и было.

Мы встали. Кристина, танцевально двигая бёдрами, натянула повыше джинсы, которые сильно сползли. Кажется, её фигура, на вид не такая уж экзотическая, была, однако, из тех, на которые трудно подобрать точно подходящую по размеру одежду.

Я купил нам в дорогу ещё по банке коктейля, и мы пошли по городу. Разговор не особенно клеился. Обычно, когда так говорят, имеют в виду, что собеседники испытывали некое взаимное неудобство. В нашем с Кристиной случае это было не так. Нам было вполне комфортно, потому что ничто не мешало нам в любую секунду разойтись в разные стороны; просто, говоря о каком-нибудь предмете, мы не могли быть уверены, что действительно говорим об одном и том же, и, главное, мы никак не пытались это исправить. Например, она к чему-то упомянула, что её мама стопроцентная сова, а сама она скорее жаворонок, и ничто не подсказывало мне, как лучше отреагировать на эту информацию: сообщить в ответ, какими из этих птиц являемся, по моему представлению, моя мама и я, или просто промолчать. В результате я зачем-то сказал, что не особенно верю в эту птичью классификацию, и тут же почувствовал, как моя реплика улетела куда-то в «молоко».

Мы проходили мимо заброшенной железнодорожной станции. Кристина озабоченно огляделась по сторонам и сказала:

 Извиняюсь, конечно, но мой мочевой пузырь сейчас лопнет.

Она вручила мне свою сумку и банку с недопитым коктейлем, отбежала и, ловко пригнувшись, скрылась в темноте

под перроном. Я из пустой деликатности отвернулся и повернулся обратно через полминуты. Кристина шагала в мою сторону, подтягивая на ходу джинсы и облегчённо улыбаясь.

– Как мало человеку надо для счастья! – сказала она.

Мне представилось на мгновение, что это начало нашего свидания: я заранее пришёл сюда, подождал её, как положено, несколько минут (сумка и коктейль не в счёт), — и вот она, моя любимая девушка, идёт ко мне со словами: «Как мало человеку надо для счастья!»

Я вернул ей сумку и коктейль, и мы пошли дальше, продолжая беседовать в прежнем духе, но почему-то наш путь стал казаться мне приятнее. Может быть, дело было в том, что наступал вечер.

Мы подошли к её подъезду. Кристина остановилась напротив меня и сказала:

– Спасибо, добрый человек, что проводил даму до дома. Дай, что ли, я тебя за это поцелую.

Она обвила мою шею руками, и мы несколько минут целовались.

- Пока, - сказала она и, показав мне ладонь, скрылась в черноте подъезда.

Я пошёл домой, не вытирая рукавом губ, очень влажных от её поцелуя. От моих губ пахло её дыханием.

«Странно, – думал я. – Можно вести с человеком пустой разговор и ничего о нём толком не узнать, а потом сразу узнать его дыхание».

Через день была очередная лекция. Я немного опаздывал, поэтому на лестнице, по которой я поднимался, никого не было. Вдруг я услышал за собой шаги. Я обернулся и увидел Кристину.

– Привет, – сказал я.

Мы остановились посреди лестницы и снова целовались. В этот раз во время поцелуя мы почему-то начали шумно, взволнованно дышать; позавчера, у подъезда, мы так не дышали. Мне до сих пор непонятно, является такое дыхание бессознательным проявлением страсти или это осознанный сигнал, который свидетельствует о том, что страсть присутствует и оба согласны дать ей волю.

Мы услышали, что по лестнице кто-то спускается.

 Можем сейчас поехать ко мне, – сказала Кристина шёпотом.

Поехали, – сказал я.

Мы очень быстро (не помню теперь, держась или не держась за руки) достигли стоянки такси, спросили первую на очереди машину и уселись позади шофёра. Кристина назвала адрес, машина тронулась.

Всю дорогу я внимательно наблюдал за тем, как равнодушный к нам шофёр орудует коробкой передач. «Когданибудь, – говорил я себе, – я буду так же уверенно водить машину». Не то чтобы я очень к этому стремился; я просто думал об этом, пока мы ехали.

Мой водительский опыт на тот день ограничивался занятиями на компьютерном тренажёре; все учащиеся нашей автошколы обязаны были «отъездить» на таком определённое количество часов. Тренажёр, как мог, имитировал реальную обстановку вождения: ученик пользовался настоящей коробкой передач, педалями газа, тормоза и сцепления, а на большом экране, послушная его манипуляциям, двигалась картинка условного города. Катаясь по этому городу, можно было задавить пешехода или врезаться на полном ходу в жилой дом, не испытав при этом ни страха, ни мук совести. А ещё можно было съехать с проезжей части на зелёный газон и, сбрив пару десятков кустов, прибыть в то место, где приветливый муляж мироздания внезапно обрывался и перед тобой вырастала непроницаемая стена из хаотично шевелящихся квадратов. Собственно, основную часть времени, отведённого мне на тренажёр, я посвящал именно тому, что стучался в эту стену передним бампером. В наушниках при этом раздавался звук удара о нечто твёрдое. Странно: казалось бы, ничто так не разоблачало трёхмерную фальшивку, как эта стена, однако именно в ней я чувствовал нечто наиболее подлинное, сближающее подделку с реальной жизнью.

Не помню, как мы выходили из машины, как поднимались по лестнице и входили в Кристинину квартиру. Помню, как из тёмного коридора я проследовал за ней в её светлую комнату, большую часть которой занимал разложенный диван, кое-как накрытый пушистым бежевым пледом. Кристина закрыла за нами дверь и подошла

ко мне. Целуясь, мы задышали ещё чаще, чем на лестнице в автошколе, а потом легли на диван и были вместе.

Потом мы несколько минут молча лежали. Я обратил внимание на то, что противоположная стена сплошь увешана рисунками. Я встал и, прогуливаясь голым по узкому проходу между диваном и стеной, стал разглядывать рисунки, как на какой-то странной современной выставке, где от посетителя требуют раздеться.

На мой взгляд, рисунки были крайне слабыми. Мне пришло на ум, что так, наверное, рисует большинство взрослых людей, не имеющих ни малейшей предрасположенности к изобразительному искусству и вследствие этого берущихся за рисование только по необходимости, — например, когда попросит ребёнок. Так рисовала моя мать.

В том, что рисунков на стене Кристининой комнаты так много, была для меня неразрешимая загадка, — ведь это означало, что человек, рисующий так же плохо, как моя мать, тем не менее всё рисует и рисует.

Я невольно обернулся к Кристине.

- Только без комментариев, сказала она и закрыла голое тело пледом. Я знаю, что я бездарность. Все мне это говорят.
  - Прямо так и говорят? искренне удивился я.
- Да, сказала она. Мама. Отчим. Подруга, которая закончила художку...

Я внимательно посмотрел на Кристину. Я всё ещё не мог ощутить, что мы говорим об одном и том же. Мама, отчим, подруга, их беспощадная критика — всё это по-прежнему казалось мне чужим и непонятным, и я подумал о том, что, ничего не зная о человеке, можно, оказывается, не только узнать его дыхание, но и познать всю близость его тела.

- Здесь есть один-единственный рисунок, сказала Кристина, – который я считаю удачным.
- Давай я попробую его найти, предложил я и снова повернулся к стене.

Я сразу догадался, что искать надо либо в центре стены, либо над письменным столом. В центре стены ничего примечательного я не обнаружил: похожие на коряги человеческие фигуры, скучные и явно без особой охоты нарисованные

деревья и здания. А из тех рисунков, что были над столом, моё внимание привлёк один, на котором было изображено несколько голубей, клюющих на асфальте какие-то крошки.

Голуби были разные: каждый в особенной позе, каждый, если можно так сказать, со своим характером: один, к примеру, одноногий, а другой — с большим уродливым наростом на лапе. Если все остальные рисунки Кристины отражали одно лишь стремление научиться, наконец, прилично рисовать, то в этом читался порыв искреннего интереса к простой уличной сценке.

Особенно мне понравилось, как художница передала разобщённость голубей. Они были заняты крошками, а друг на друга им было абсолютно плевать. Их фигурки располагались на листе в приятном ритме, как бы составляя цельный узор картины, но от этого реальное равнодушие птиц друг к другу становилось лишь очевиднее. Может быть, передать разобщённость голубей не представляет на самом деле никакой сложности; может быть, их и невозможно изобразить иначе как разобщёнными, — и всё же в рисунке ощущалась творческая находка. Даже та самая топорность линий, которая на остальных работах Кристины обезображивала натуру, здесь могла сойти за осознанный и уместный художественный приём.

Рисунок был выполнен чёрной гелевой ручкой, но на шейках у двух или трёх голубей виднелись красные, зелёные и голубые штрихи. Этими штрихами Кристина, несомненно, пыталась передать перламутровый перелив оперения. Никакого перламутра у неё, конечно, не вышло, но и это казалось скорее удачей, чем недостатком. Всё сходилось: полная разобщённость при единстве ритма, примитивная схема перламутра вместо самого перламутра.

- Этот? спросил я.
- Да, кивнула Кристина. За этот рисунок мне не стыдно. В нём я что-то уловила. Она откинула одеяло, протянула ко мне руки и пошевелила пальцами. Не хочешь опять ко мне?..

Потом мы, всё ещё голые, сидели на кухне и пили вино, которое Кристина нашла в холодильнике. Кристина сказала, что я красиво смотрюсь на фоне окна, сходила в комнату

и вернулась, вооружённая гелевой ручкой и самым обыкновенным школьным альбомом для рисования. Она закинула ногу на ногу и, положив альбом на колено, стала энергично чиркать ручкой по бумаге. Я сидел неподвижно, изредка поднося ко рту стакан и делая глоток вина.

Внезапно Кристина издала звук, похожий одновременно на рычание и на стон, и, приподняв альбом, с силой ударила им себе по колену.

– Блин, ну почему люди в жизни такие красивые, а у меня они получаются такими страшилами?! – полузаплакала-полузасмеялась она. Она по-собачьи выкатила язык, закатила глаза и, опустив руки, ссутулилась. Её груди, небольшие и заострённые, принадлежащие как будто не молодой женщине, а девочке с избыточным весом, некрасиво повисли, а лицо густо покраснело.

Я подошёл к ней, чтобы посмотреть на свой недорисованный портрет и сказать что-нибудь ободряющее, но Кристина быстро перевернула альбом рисунком вниз.

– Не надо на это смотреть! – почти крикнула она и напряжённо застыла с лежащими на альбоме кистями рук, тоже, к моему удивлению, покрасневшими.

Я погладил её пружинистые волосы и наклонился, чтобы поцеловать её, но она резко отдёрнула от меня лицо.

– Не целуй меня! – сказала она отрывисто, голосом какой-то злой старухи. – Я бездарность!

Я почувствовал, что её движения и слова серьёзны не до конца, что в них есть доля игры, — но такая игра не умиляла меня, а, напротив, отталкивала. Мне стало вдруг стыдно нашей наготы. Из глупого приличия я постоял возле Кристины ещё с полминуты, а затем побрёл в комнату одеваться.

Одеваясь, я увидел её в дверях.

- Всё? Уходишь навсегда? - спросила она с интонацией, наполненной вместо мелодраматизма, вроде бы неизбежного для подобных фраз, чем-то принципиально иным - трудно сказать, чем.

-С чего ты взяла? - ответил я. - Я просто решил одеться. Она посмотрела на меня с недоверием, которое почему-то внушило мне чувство опасности, но, поразмыслив, одобрила моё решение:

Вообще-то правильно. Маму иногда отпускают пораньше.

Она тоже стала одеваться.

В тёмном коридоре, надев ботинки, я протянул к ней руки, чтобы мы поцеловались на прощание, но она лишь подставила мне щёку и зачем-то спросила:

- Как ты думаешь, мы получим эти дурацкие права?
- Когда-нибудь уж точно получим, ответил я, пожав плечами. – Вон сколько машин в городе. В каждой из них сидит человек с правами.

И я ушёл.

Оставалось всего-навсего две лекции. Явившись на первую из них, я не сомневался, что теперь мы с Кристиной будем сидеть рядом, поэтому придержал для неё соседнее место. Но вышло иначе. Она появилась в аудитории с большим опозданием и, даже не взглянув в мою сторону, проследовала к своему обычному месту рядом с двумя младшими девушками. Я заметил, что у неё сильно накрашены губы и глаза. По-моему, до этого я ни разу не видел на её лице косметики.

Во время занятий она то и дело смешила своих приятельниц, так что получила, наконец, замечание от преподавателя. Когда же в аудитории начал нарастать привычный шум, призванный довести до сведения преподавателя, что его время истекло, и, глянув на часы, он громко и бесчувственно затараторил «важную информацию организационного характера», – Кристина раньше других сорвалась с места и, на ходу забрасывая сумку на плечо, устремилась к выходу.

– Вообще-то я ещё не закончил, – сказал преподаватель, провожая Кристину недобрым взглядом, но она как будто не услышала его. Она так торопилась уйти, что даже забыла совершить своё обычное действие – подтянуть джинсы, – и, глядя ей вслед, я не мог сосредоточить внимание ни на чём другом, кроме её оголившейся кожи с неловкой чёрточкой тени.

На заключительной лекции всё повторилось почти точь-в-точь: снова она явилась с опозданием и снова пошла к своим девушкам, не посмотрев в мою сторону; снова

она хихикала с ними и получила замечание; наконец, она снова была ярко накрашена. Разве что на этот раз вместо джинсов на ней была длинная чёрная юбка. Я впервые видел её в юбке.

Я с некоторым напряжением ожидал той минуты, когда поднимется шум и преподаватель, как обычно, перейдёт к «важной информации организационного характера». Я готовился увидеть, как, забрасывая на плечо сумку, Кристина раньше остальных выбегает из аудитории, чтобы исчезнуть из моей жизни надолго, может быть навсегда. Однако шум поднялся, преподаватель заладил своё, а Кристина осталась на месте. Тогда я понял, что нам предстоит какой-то разговор.

Я вышел из автошколы и закурил. Через минуту она появилась на улице в своей привычной компании. Все трое опять увлечённо над чем-то смеялись, но, увидев меня, младшие быстро поцеловали Кристину и ушли, заметив напоследок, что она потрясающе выглядит.

Хорошо, что ты не ушёл, – сказала Кристина. – Потому что у меня что-то для тебя есть.

«Голуби», – подумал я сразу, и моя догадка тут же получила частичное подтверждение: она достала из сумки и протянула мне самодельный конверт из разноцветной обёрточной бумаги.

- Вот, сказала она. Считай, что это подарок на память.
- Спасибо, сказал я, стараясь сделать вид, что не имею никаких предположений насчёт содержимого конверта. Насколько я понимаю, ты не хочешь больше общаться со мной?
  - Я думала, это ты не хочешь, сказала Кристина.
  - С чего ты взяла?
  - Не знаю, сказала она. Мне так показалось.
  - Пойдём ко мне, предложил я.
  - Зачем? спросила Кристина.

Я не ожидал такого вопроса и не сразу нашёл, что ответить.

– Не знаю, – сказал я. – Я думал, нам неплохо вместе. – И зачем-то добавил: – Я живу один.

Несколько секунд она смотрела на меня очень странно: под этим взглядом я показался самому себе тонким садистом — человеком, который при помощи какой-то подлости получил над Кристиной тайную власть; приглашая её к себе домой, я делаю вид, что она свободна отказаться, в то время как оба мы прекрасно знаем, что никакой свободы у неё нет.

Пойдём, – сказала она.

Я взял её за руку и повёл к себе.

Я жил недалеко от автошколы. Собственно говоря, я и предпочёл «Орлан» всем остальным заведениям подобного рода исключительно из-за его близости к моему месту жительства.

Как только мы зашли в квартиру, я обнял Кристину и стал её целовать, потому что не видел никакой причины не делать этого. Мы снова начали шумно дышать, как вдруг она осторожно, но твёрдо отстранила меня.

- Что-то не так? удивился я.
- Да нет, сказала она. Всё нормально. Просто сейчас у нас опять будет это, а потом мы снова разбежимся...
- Во-первых, сказал я, тронув указательным пальцем её нос, никто в этом доме не заставит тебя делать это, если ты сама не захочешь. А во-вторых, мы не обязаны разбегаться. Ты можешь остаться у меня.

По-видимому, Кристину сильно удивили эти слова. Она неестественно долго поправляла воротник моей рубашки, и в глазах её в это время что-то застенчиво расцветало, — а потом произошло неожиданное: с оглушительным топотом она бросилась вприпрыжку ко мне в комнату. Мои соседи снизу отличались настолько болезненной чувствительностью к шуму, что мои же соседи сверху, прежде чем включить у себя электродрель, спускались за разрешением не ко мне, а к ним, причём далеко не всегда это разрешение получали, а если осмеливались действовать вопреки запрету, то потом об этом жалели, — поэтому, услышав Кристинин топот, я напряжённо застыл в прихожей; я ожидал в лучшем случае стука по батарее, а в худшем — истеричного звонка в дверь и дальнейшей ругани. Ни того ни другого, однако, не последовало; видимо, соседей не было дома.

Я пошёл в комнату, размышляя, сообщить ли Кристине о соседях, чтобы она в дальнейшем вела себя тише, или не стоит.

Кристина стояла у окна и смотрела на улицу.

- Прикольный видок, сказала она. Такое одинокое дерево…
- Да, сказал я и встал рядом с ней. Это дерево часто утешает меня своей... мне захотелось подобрать точное выражение и, подумав немного, я его подобрал: ...своей терпеливой неподвижностью, когда неохота садиться за свою нудную работу.

Я думал, сейчас она спросит меня о моей нудной работе и мы наконец-то почувствуем, что говорим об одном и том же. Но произошло другое: той же детской припрыжкой Кристина подскочила к моей кровати, прыгнула в неё рыбкой, быстро перевернулась на спину и, замерев, посмотрела на меня с игривым и каким-то животным восторгом. Я смотрел на неё с удивлением и слышал, как медленно стихают под ней пружины кровати.

– Если хочешь, – сказала она взволнованно, – можешь открыть конверт...

Я сделал шаг в сторону компьютерного стола, на котором лежал конверт, но она тут же остановила меня:

 Нет, не надо! Извини. Потом откроешь, когда будешь один. Иди ко мне.

Мы снова были вместе.

Потом я пригласил её на кухню выпить чаю. Я заварил чай с крымскими травами и, когда наполнял им чашки, захотел сказать о напитке что-нибудь красивое — вроде того, что сказал про дерево.

 У тебя бывает такое, – сказал я, – что какой-нибудь вкус или запах уносит тебя куда-то?

Она посмотрела на меня стыдливо и тут же отвела взгляд, ничего не ответив. Это могло означать и «да», и «нет».

– Вот с этим чаем, – продолжал я, – у меня всегда такое происходит. Когда я его завариваю, а потом делаю первый глоток, я как будто вижу горы, сосны, слышу море и крики чаек.

Кристина покраснела. Сосредоточенно, частыми глотками она пила чай и смотрела на дно своей чашки, больше никуда.

Подлить тебе? – спросил я, когда её чашка опустела.
 Она медленно помотала головой, и на кухне воцарилась тишина.

Я смотрел за окно. Вечерело, по небу тревожно летали ласточки, где-то вдалеке смеялись и плакали дети, в щелях меж домов промелькивали машины, и мне стало странно, что время от моего рождения до моей смерти и всё то, что находится сейчас за этим окном, я должен называть одним и тем же словом — словом «жизнь».

- Ты какой-то потрясающий, - сказала Кристина, заставив меня вздрогнуть. - Я таких раньше никогда не встречала. Правда.

Я почувствовал, как сильно забилось моё сердце.

Я не думал, что когда-нибудь услышу о себе что-то подобное. Признаться, я часто до этого задавался вопросом, наградила ли меня природа какими-нибудь необычными способностями, и, стараясь глядеть на себя как можно более беспристрастно, не обнаруживал в себе ничего сверхъестественного, за исключением разве что повышенной чувствительности к разного рода мелочам, до которых мало кому вокруг меня есть дело, — да и то: эту чувствительность можно было скорее записать в недостатки, потому что она нередко уводила меня от простой сути вещей.

Теперь, когда Кристина назвала меня потрясающим, я стал поспешно перебирать в памяти всё, что говорил и делал в её присутствии. Не найдя ничего примечательного, кроме пары романтичных фраз, я грешным делом подумал, что, может быть, как-то особенно хорошо проявил себя в том, что она называла это. Как и все, наверное, мужчины, в определённые минуты я легко опускался до скотской теории, согласно которой всё многообразие чувств, возникающих между мужчиной и женщиной, является не более чем преломлённым отражением постели. Однако, анализируя время от времени и эту сферу своей жизни (как правило за просмотром откровенных видеороликов),

я чаще всего приходил к выводу, что и тут природа не наделила меня ничем сверх меры, — и у меня не было повода считать, что с Кристиной я сумел прыгнуть выше головы. К тому же я точно знал, что это — просто не может быть для неё важно. Да, она, как и я, взволнованно при этом дышала, и её движения мало чем отличались от движений других девушек, которых я знал, — и всё же во время нашей близости меня не оставляло чувство, что кто-то однажды выдал ей это занятие за что-то совсем другое и она до сих пор верит. Так ребёнок, которому делают болезненный укол, думает, что это его кусает комарик.

- Что же во мне потрясающего? поинтересовался я.
- Не знаю, сказала Кристина, пожав плечами. Просто ты необыкновенный. Ты как будто откуда-то не отсюда.

Я видел, что она хочет сказать что-то ещё, но сомневается, нужно ли это говорить.

– У нас в городе есть один художник, – сказала она наконец. – У него *очень* классные картины. Он талантище, правда. Но ты, по-моему, круче, чем он. Не знаю почему, но ты точно круче.

Я долго глядел на неё, от растерянности не зная, что ещё спросить, и вдруг увидел в её взгляде и изгибе бровей что-то дразнящее. Я тут же вспомнил девочку, которая лет двадцать тому назад, слегка раскрыв соединённые «лодочкой» ладони, показала мне на секунду своё самое драгоценное стёклышко. Скорее всего, это было проявлением большой симпатии, однако, убирая сокровище в кармашек платья, девочка смотрела на меня точно таким же дразнящим взглядом. Он как бы говорил: «Поглядел – и хватит. Будешь со мной дружить – покажу на подольше».

Всё, – сказала Кристина загадочно. – Мне пора...

Она закрыла руками обнажённую грудь и убежала в комнату – снова с громогласным топотом.

- Пожалуйста, не надо смотреть! сказала она, когда я к ней подошёл. (Я снова не знал, имеет ли смысл рассказывать о соседях.)
  - Почему не надо? спросил я. Я ведь всё уже видел.
  - Потому что. Потому что мне надо уходить, а я не хочу.
  - А кто мешает остаться? спросил я.

– Никто, – сказала она и, встав, застегнула юбку. – Просто я знаю, что я очень быстро тебе надоем. Потому что я бездарность. Я пустота. Правда.

Мне стало грустно от её слов, но я не знал, что сказать. Мы вышли в прихожую – она одетая, я всё ещё голый.

- Давай не будем видеться до экзаменов, предложила она. А то я и так туповатая, а если мы ещё и будем видеться, я даже эту дебильную теорию выучить не смогу.
- Как скажешь, ответил я и почему-то подумал, что так действительно будет лучше. Я оглянулся на кухонное окно и обрадовался туче, которая надвигалась на город. Я уже предвкушал, как с уходом Кристины лягу на кровать и буду вглядываться в тёмный воздух своей одинокой квартиры.

Йо Кристина не уходила. Она сосредоточенно смотрела мне в глаза и явно хотела найти какие-то нужные слова, после которых ей самой было бы легко и даже радостно выйти от меня, но ей не удавалось их найти. Она была красивой в эту минуту.

- Когда я сейчас уйду, сказала она медленно, решив, как я понял, искать нужное на ощупь, ты только не открывай конверт сразу. Сосчитай хотя бы до ста, нет, лучше до ста пятидесяти и только потом открывай. Хорошо?
  - Хорошо, сказал я, и мы помолчали.
- А можешь вообще не открывать. Там ничего особенного.
  - Нет уж, я открою. Мне уже не терпится.
  - Ты хоть знаешь, что там?
  - Вообще никаких идей. Я заинтригован.

Мы ещё помолчали.

- Ты ничего не сказал про мою юбку, пожаловалась она нестрого. – Скажи, только честно, хорошо мне в юбке или нет?
- Я не знаю, хорошо тебе в ней или нет, но выглядишь ты в ней замечательно.

Она ненадолго задумалась, а потом её лицо устало просветлело.

– Ты по-тря-са-ю-щий, – проговорила она, на каждом слоге легонько ударяя меня в грудь макушкой, а потом

опять внимательно посмотрела мне в глаза. — Знаешь, у меня дома есть куча разных юбок, которые я ещё ни разу не надевала. Они из разных стран. По-моему, они обалденные. Они должны тебе понравиться. Вот. Ну всё. Пока.

Она грустно поцеловала меня в щёку и ушла.

Я стал ходить по квартире, добросовестно считая вслух. Досчитав до ста пятидесяти, я сел за компьютерный стол и распечатал конверт. Как я и ожидал, там были «Голуби».

Почему-то на этот раз рисунок не показался мне таким удачным. То особенное, что я в нём обнаружил, когда он висел в Кристининой комнате среди других рисунков, как будто выветрилось из него, в то время как недостатки, которые роднили его с остальными работами, казалось, проступили наружу. Я перевернул листок, чтобы «Голуби» не перестали мне нравиться окончательно, и увидел на обратной стороне алый отпечаток напомаженных губ. На этот отпечаток я глядел гораздо дольше, чем на рисунок; меня завораживала точность, с которой отобразилась на бумаге каждая маленькая складка губ человека, ещё несколько минут назад бывшего у меня дома, а теперь находящегося где-то далеко, смешавшегося с той непонятной мне жизнью, которая ширилась за окном.

Я поднёс листок к лицу и, зачарованный, прислонился к отпечатку губами.

В комнате потемнело почти как ночью, и вскоре за окном зашумел ливень. Я лёг на кровать и внутренне затаился. Темнота сгущалась в углах комнаты, которую неизвестные мне руки неизвестно сколько лет назад оклеили дешёвыми бумажными обоями розового цвета; с годами обои порыжели, а сейчас, в темноте, они казались фиолетовыми. Скудная лакированная хозяйская мебель, видимо из-за резкой перемены влажности воздуха, время от времени издавала слабые щелчки, словно наделённая жалкой крупицей собственной жизни. Уличный ветер касался моего тела, на котором не было никакой одежды.

«Ты потрясающий, – звучало в моей голове. – Ты откуда-то не отсюда. Я таких раньше никогда не встречала...»

Я уснул и увидел необычный сон. Я шёл по бесплодной пустыне среди серых каменных глыб и вдруг остановил-

ся возле глыбы особой породы: она была не то бирюзового, не то изумрудного цвета и среди общей однообразной серости смотрелась волшебно, похожая скорее на живое существо, чем на камень. Я откуда-то вспомнил, что эта глыба является главной целью моего путешествия, и тут же попробовал сдвинуть её с места. Она не поддалась, и я впал в отчаяние, как вдруг понял, вернее тоже откудато вспомнил, что для обладания этой глыбой достаточно всего-навсего отколоть от неё небольшой фрагмент и положить его себе в карман. Я взял один из обычных серых камней, валявшихся под ногами, и ударил им по волшебной глыбе. Всё получилось как нельзя лучше: от глыбы тут же отделился правильный, словно уже огранённый, фрагмент. Я повертел его в руках, положил в карман и пошёл дальше, не ощущая почему-то никакой радости. Мне страшно было посмотреть назад, потому что я знал, что, оглянувшись, увижу на месте драгоценной породы обычную серую глыбу.

Пару дней спустя начались практические занятия по вождению, а вместе с ними невыносимая жара и засуха. В течение месяца я по нескольку раз в неделю, обливаясь потом, управлял настоящей машиной под руководством маленького старичка инструктора. Реальное вождение оказалось для меня мукой: я боялся дороги, меня постоянно тянуло на обочину, я то и дело глох. Мной овладевало уныние ребёнка, запертого в тесном чулане, и я малодушно мечтал о скорейшем и как можно более долгом перекуре. Старичок быстро нащупал во мне эту слабость и охотно ей потворствовал, будучи не прочь сэкономить на топливе; насколько я понимаю, для него это был один из немногих источников сверхурочного дохода. Надо отдать ему должное: для перекуров он подыскивал места одно другого живописнее. Мы входили в какую-нибудь тенистую рощу, он усаживался на пенёк и, запивая бутерброд чаем из термосной крышки, спокойно разглагольствовал о ничтожности моих шансов получить права без взятки. Я сидел на траве у ног своего учителя и, слушая его, курил. Затем, прибегая к трогательным недомолвкам и иносказаниям, старичок пытался укоренить во мне мысль, что без дополнительных

занятий (за отдельную, разумеется, плату) ничего более полезного, чем возможность побыть на свежем воздухе, я из нашего с ним общения не извлеку. Я находил какоето бестолковое удовольствие в том, чтобы строить из себя дурачка, не понимающего, на что ему намекают; старичок же, как видно, не обладал достаточной деловой наглостью, чтобы назвать вещи своими именами, и довольно быстро отступал. Вытряхнув себе в рот последние капли чая, он привинчивал к термосу крышку, и оба мы знали, что следует делать дальше: я должен тут же закурить очередную сигарету, а он – в очередной раз повторить историю о том, как он бросил курить, продымив до этого двадцать лет. В истории не было ничего необычного, за исключением того, что, бросая вредную привычку, старичок какое-то время продолжал покупать себе сигареты, но в момент потребности не закуривал их, а потрошил и растаптывал. Закончив рассказ, старичок взглядывал на часы и говорил, что пора бы, наконец, и позаниматься. Это означало, что сейчас мне предстоит не торопясь доставить его до дома и «отработать заезд в бокс», то есть припарковать машину у самого его подъезда, после чего мы пожелаем друг другу всего хорошего.

Вообще мне нравилось наше общение. Насколько тоскливой бывала мысль о предстоящем свидании с автомобилем, настолько же приятно было размышлять, в каком на этот раз милом местечке мы со старичком разыграем наш абсурдный спектакль. При этом я прекрасно понимал, что если бы не автошкола, ни мне до этого человека, ни ему до меня не было бы в этом мире никакого дела; по крайней мере, нам уж точно никогда бы не взбрело в голову совместно провести время на природе. Странно, но, пожалуй, в этом-то для меня и заключалась главная прелесть нашего общения.

О Кристине я в эти дни думал очень мало. Уже через несколько дней после нашей последней встречи я спрятал её рисунок между книгами на полке, потому что он пробуждал во мне хоть и лёгкое, но неприятное беспокойство, постоянно напоминая, что Кристина где-то есть, что она ждёт нашей встречи; это напоминание усложняло

мою жизнь. Вместе с тем я не исключал возможности, что Кристина – моя будущая жена.

«Ведь каким-то образом люди знакомятся и женятся, – думалось мне. – Вполне возможно, что это происходит именно так. Откуда мне знать?»

За пару дней до экзаменов в моей жизни произошло то, что принято называть «маленьким чудом».

Возвращаясь домой после заключительного занятия со старичком, я встретил дядю Женю – человека, с которым меня объединяло какое-то хитросплетённое многоюродное родство. В нашей семье дядю Женю считали чудаковатым и довольно тяжёлым человеком. Он догадывался об этом и давно уже жил своей отдельной, мало кому известной жизнью, которая, как выяснилось, протекала в одном городе с моей. Эта жизнь, по скупым свидетельствам очевидцев, была на удивление путёвой и складной, и всё же казалось, что от неё исходит лёгкое излучение обиды по направлению к остальной родне. Так вышло, что единственным человеком, которого это излучение всегда обходило стороной, был я. По крайней мере, каждый раз, когда дядя Женя меня встречал, он приходил в такое воодушевление, будто я давно числился без вести пропавшим или погибшим и вдруг нашёлся живым и невредимым. Особое отношение, которым отметил меня этот человек, чем-то мне льстило и вместе с тем немного пугало меня – пугало тем, что оно раз и навсегда оформилось в период моего младенчества и, проходя сквозь годы, не претерпевало никаких изменений. Казалось, дядя Женя упорно отказывался видеть во мне кого бы то ни было, кроме того четырёхлетнего пупсика, который однажды сразил наповал женщину-педиатра, громко и отчётливо прочитав надпись на больничном стенде: «Детские инфекционные заболевания и средства их профилактики». Наверное, всё дело было в том, что эти легендарные, почти былинные слова, без воспоминания о которых впоследствии не обходилось ни одно семейное торжество, я изрёк, восседая на дяди Жениных руках; это он принёс их в семью, вписал их золотыми буквами в книгу семейной памяти. Обстоятельства, при которых именно ему,

а не кому-нибудь другому, было поручено сводить меня в детскую поликлинику, так и остаются для меня загадкой; сам факт, что такое поручение было когда-то возможным, словно запечатывал мои уста всякий раз, как я собирался спросить о подробностях у родителей или у самого дяди Жени.

Он крепко ударил меня ладонями по предплечьям, мы обнялись.

- «Детские инфекционные заболевания, - сказал он, - и их профилактика».

Затем он сделал мне свою обычную, но как всегда внезапную и весьма болезненную сливу, после чего спросил:

Что, товарищ мой, невесел, буйну голову повесил?
 Мамка титьку не даёт? Девка замуж не берёт?

Эти вопросы, подобно английскому «How do you do?», никогда не требовали ответа по существу. Я всего лишь должен был смущённо замямлить что-то нечленораздельное, чтобы дядя Женя принялся тыкать меня пальцем в живот, приговаривая: «Что мямлишь? Что мямлишь? Да! есть! так точно! Ты солдат или нет?» И я уже готов был замямлить и даже напряг рефлекторно мышцы живота, но в последний момент, видимо ощутив, что перенасытился игрой по заданному сценарию на практических занятиях по вождению, решил озадачить дядю Женю неожиданной импровизацией. Я поведал ему о своих неудачах на водительском поприще: о страхе дороги, о недобросовестной работе старичка и его неутешительных прогнозах на мой счёт.

Неожиданная импровизация имела и неожиданные последствия. По мере приближения моего рассказа к концу дядя Женя делался всё более мрачным; я никогда раньше не видел его таким. Когда же я замолчал, он заговорил со мной холодно, почти пренебрежительно:

- Ладно. Эту старую крысу я знаю, от неё ничему хорошему не научишься. Ты площадку-то хоть откатаешь?
  - Площадку? Наверное, удивлённо пожал я плечами.
- В общем, так, сказал дядя Женя. Теорию и площадку сдавай как хочешь, а с городом что-нибудь обкашляем.
  - Как это? спросил я.

– Каком кверху! – возбудился дядя Женя. – Совсем уже сдурели! По норам своим рассовались, как суслики! Забыли, что такое семья, что такое родная кровь! Дождутся, пока передавят всех поодиночке!

С огнём в глазах он заговорил о том счастливом времени, когда все помнили, что такое семья и что такое родная кровь, когда собирались за одним столом, когда без стука входили друг к другу в дом. Наконец голос его дрогнул:

– Они никто не знают, но я же за тебя глотку кому хочешь перегрызу, потому что я тебя вот таким на руках держал...

- Дядя Женя, я прямо не знаю, что бы я без вас делал. Не знаю, как мне вас отблагодарить... залепетал я, как бы заслоняясь этим лепетом от священного родового сияния, в котором так внезапно преобразился мой дальний родственник.
- Отблагодарить... с брезгливой скорбью передразнил он меня. Когда помру, на могилку ко мне загляни, сто грамм сам выпей, а пятьдесят под крестик мне вылей. Вот и будет «отблагодарить». Всё. Бывай.

Он дал мне какой-то немощный, смазанный подзатыльник и быстро ушёл, то ли забыв, то ли не пожелав протянуть мне на прощание руку.

Я смотрел ему вслед, и в голове у меня суетливо билась мысль: «Догнать его и попросить за Кристину. Сказать, что моя невеста, что люблю её».

Но я не побежал; мне было стыдно.

Я шёл домой, странно взволнованный встречей с родственником. Что-то похожее я испытал однажды при виде капельки крови в желтке яйца, выбитого мной на сковородку.

Настал день экзаменов. Отделение ГИБДД, где предстояло сдавать теорию и площадку, находилось за чертой города, и маленький автобус был туго набит пожилыми дачниками и, само собой, соискателями водительских прав. Я кое-как втиснулся в заднюю дверь и сквозь заросли чьейто рассады разглядел Кристинию лицо. Кристина стояла в другом конце автобуса, её компанию составляли всё те же девушки и парень с обезображенным угрями лицом, тоже из нашей группы. Этот парень изо всех сил старался приободрить Кристину, и она — не столько, думаю, благодаря

его усилиям, сколько из уважения к ним — время от времени реагировала на его шутки бесцветными носовыми смешками, которые быстро переходили в новый приступ унылого хныканья.

Сосредоточив своё внимание на её лице, я хорошо различал сквозь автобусный шум все её слова.

— Я бездарность. Я не сдам, — затягивала она свою песню, без сожаления аннулируя весь объём только что проделанных парнем работ по её душевной реанимации. Парня это не обескураживало: снова и снова он принимался дурачиться, импровизировать, изобретать — и каждый раз единственной наградой за его труд было жалкое подобие смеха на Кристинином лице. Его несгибаемое упорство, казалось, говорило о том, что этой награды ему вполне достаточно, но в какой-то момент он приблизился к Кристине, прижал её голову к своей груди и сказал:

– Чувак, не тоскуй. Думаешь, *мне* легко? Сам с утра колёс от живота наглотался...

Он как-то сверх приличия долго продержал её в своих объятьях. Сначала он гладил её волосы быстрыми неаккуратными движениями, как бы в виде детской игры, но потом движения стали медленнее, серьёзнее, и он прижался к макушке Кристины своей угреватой щекой. При этом его глаза, невидимые для компании, замерли в каком-то блаженно-вдумчивом выражении, которое так не вязалось с его недавней энергией.

Кристина заметила меня, оторвала голову от его груди и жалобно замахала мне рукой. Я тоже помахал – медленно, уверенно и просто. Парень от растерянности глупо оскалился и захлопал себя по карманам, но быстро переключился на Кристининых подружек, которые тоже были не против его психологической поддержки и не избегали его прикосновений. Меня посетила неприятная мыслы: эти прикосновения, совершаемые под невинным дружеским предлогом, являются для него скрытым и, возможно, единственно доступным источником интимного трепета.

Мне стало стыдно, я отвернулся.

Автобус подъехал к нужной остановке. Соискатели прав шумно высыпали на улицу и потянулись к отделе-

нию ГИБДД. Я остановился, чтобы закурить. Кристина отделилась от своей компании, подошла ко мне и молча остановилась напротив. Я видел, что она рада мне, что она готова обнять и поцеловать меня, просто ей необходимо знать, что я так же этого хочу. Но я не стал ни обнимать, ни целовать её. Казалось, её это не удивило.

- Ну как? спросила она. Готов?
- Трудно сказать.

Я кивнул на здание, в котором уже скрылась толпа, и мы не торопясь пошли в его сторону.

- Та же фигня, сказала Кристина. Хотя мы даже скидывались на дополнительные занятия: девчонки, Виталик и я. Брали у инструктора машину часа на два и катались по очереди на площадке. Она помолчала. Вообще было прикольно. Ржали постоянно. Виталик такой парень хороший, с чувством юмора. Жалко его: видишь, какие у него проблемы с кожей.
- Ничего, сказал я, подумав. Когда-нибудь он встретит девушку, для которой его внутренний мир будет важнее, чем его проблемы с кожей. И это будет любовь так любовь.
- У тебя всё в порядке? спросила Кристина. Ты как будто какой-то расстроенный.

Я пожал плечами и сказал, что вроде бы всё в порядке. Мы вошли в здание.

Теорию мы сдали успешно — и я, и Кристина, и Виталик с девушками. Когда мы вышли из аудитории, Виталик обнял девушек за талии и, вытянув губы, легко получил от каждой из них звонкий поцелуй. С Кристиной он такого проделывать не стал — видимо, из-за меня. Он ограничился тем, что пожал ей руку, причём сделал это с подчёркнутой деликатностью, почтительно пригнувшись и бережно взяв её ладонь в обе своих. Затем точно таким же способом он поздравил с успехом и меня.

Всех, кто не провалил теорию, привели сдавать площадку. Этот этап заключался в выполнении трёх заданий: «змейка», заезд в бокс и въезд на эстакаду.

Первый экзаменуемый сбил один из колпачков «змейки», потом не справился с заездом в бокс и был отправлен на пересдачу. По толпе прокатился тревожный шум. Кристина закинула под язык какую-то таблетку и страдальчески вздохнула.

 Это какая-то пытка, – сказала она то ли мне, то ли Виталику, то ли просто в пространство. – Я не выдержу. Отпустите меня. У меня порок сердца.

Тут я услышал свою фамилию и направился к машине, возле которой меня безразлично поджидал мой старичок. Кристина успела дотронуться до моего плеча и, кажется, пожелала мне ни пуха ни пера, но я ничего не ответил.

Дальше всё происходило как во сне. Лишь выбравшись из машины на улицу, я понял, что сдал. Старичок тихонько мне поаплодировал. Я зашёл под большой навес, где пряталось от солнца большинство экзаменуемых, и на меня посыпались преувеличенные похвалы:

- Красавец... молодчина... лучший...

Я чувствовал, что мало кто по-настоящему радуется за меня; в похвалах читался суеверный страх потерпеть неудачу в наказание за проявленную зависть.

Передо мной возник Виталик с выставленным в виде микрофона кулаком.

Как вам это удалось? Поделитесь секретом вашего успеха!

Я подыграл ему как умел: принял солидный вид и сказал что-то про годы упорных тренировок. Слушая меня, Виталик широко улыбался, выставляя напоказ хорошие белые зубы, такие странные на фоне его ужасной кожи. Клоунада до странности затянулась: он задавал всё новые и новые вопросы, и я почему-то продолжал на них отвечать. Я делал это машинально, глядя на лицо Виталика и со страхом воображая, что будет, если посреди нашего интервью я возьму и скажу: «Господин корреспондент, а почему у вас так много прыщей?» — хотя я отлично знал, что не хочу и не буду ничего такого говорить.

За время нашей беседы ещё два или три человека завалили площадку. Затем прозвучала Кристинина фамилия, и это помогло нам с Виталиком остановить наше затянувшееся дурачество.

Кристина направилась к автомобилю, как обычно подтягивая на ходу джинсы. Копна её мелкокурчавых волос

подпрыгивала при ходьбе, как хвост у пони. У меня болезненно забилось сердце. Я пожелал, чтобы этот день как можно скорее кончился и я оказался в своей одинокой квартире.

Кристина залезла в машину и сильно хлопнула дверью. Силуэт её головы беспомощно торчал в окне; она была похожа на зверька, подвергнутого какому-то жестокому эксперименту во имя науки.

– Давай, чувак, сделай это... – переживал Виталик. Он сильно покраснел от волнения, и из-за этого его прыщи стали вдруг незаметными, словно их и не было.

Кристина завела машину, стронулась, проехала пару метров и, сбив первый же колпачок «змейки», заглохла. Её голова с заблестевшим от пота лбом суетливо завертелась внутри машины, пружинистые волосы запрыгали в разные стороны.

Чувак, соберись, ещё не всё потеряно... – шептал Виталик, скрестив пальцы.

Кристина завелась снова и, забыв нажать на сцепление, зачем-то вдавила в пол педаль газа. Двигатель отвратительно заорал, а затем что-то в нём лопнуло — и настала мёртвая тишина. Всё застыло, только позорное облако газа, извергнутое автомобилем, медленно отправилось к небу, а в салоне, будто в газовой камере, беззвучно металась тёмная человеческая фигура.

Я увидел подъезжающий к остановке автобус и побежал к нему, стараясь бежать не слишком быстро, чтобы это не выглядело как побег.

Автобус вернул меня в город, и я около двух часов шатался по его раскалённым малолюдным улицам с такой же раскалённой и полупустой головой.

В условленное время я вышел к центральному универмагу. Возле него, на парковке, уже собралась группка людей, которые, как и я, сдали площадку и теперь ожидали последнего, самого трудного этапа. «Управление транспортным средством в реальных городских условиях», – кажется, так это называлось.

Я увидел Лену – одну из двух Кристининых подружек. Без вечной напарницы я даже не сразу узнал её. Внутри

группки не прекращалась оживлённая болтовня, разбавляемая нервными смешками; казалось, близость генерального испытания сумела немного размягчить корку всеобщего взаимного безразличия; одна только Лена стояла неподвижно и молча, держась рукой за ручки большой кожаной сумки, висевшей у неё на плече, и устремив свой взгляд в неопределённую даль. Слабый, не дающий прохлады ветер слегка шевелил на её висках отдельные волосы, которые не поместились в завязанный на макушке тугой клубок. Лена была маленького роста, с худыми, не очень стройными ногами; они торчали из короткой юбки подобно цветочным тычинкам. Под вязаной безрукавной кофточкой едва читалась её грудь.

Я видел, что Лена заметила меня, но, кажется, она была вполне готова к тому, чтобы мы проигнорировали друг друга; видимо, я по-настоящему существовал для неё как собеседник только в присутствии её напарницы и Кристины.

Я встал рядом с ней, помолчал с минуту, потом заговорил:

- Что, из вас четверых только ты?
- Как видишь, ответила Лена, даже не взглянув в мою сторону.
  - Волнуешься?
- Нет, спокойно сказала она. Я уже заплатила взятку. Пять минут позора и всё хорошо.

Она была совсем не такой, какой казалась в компании.

- А в чём будет заключаться позор?
- Мне сказали, что я должна буду только нажимать на педаль газа, а всё остальное проделает инструктор.

Её глаза всё так же равнодушно глядели вперёд. Мне хотелось сказать ей что-нибудь ещё, но подъехали сотрудники ГИБДД, а вслед за ними инструкторы, и Лена направилась к скоплению машин. Оба мы стали ждать, когда прозвучат наши фамилии.

Моя фамилия прозвучала раньше. Я откликнулся, гаишник скользнул по мне взглядом, затем подозвал к себе моего старичка и дал ему короткую инструкцию, после чего старичок проследовал к своей машине, открыл капот, понажимал пальцами на какие-то трубки и довольно громко сообщил гаишнику о неисправности автомобиля. Гаишник велел старичку удалиться и экономным, но понятным жестом пригласил меня в учебную машину, принадлежащую непосредственно отделению ГИБДД. Я подошёл к машине и уселся за руль. Благодаря таинственному могуществу дяди Жени мне предстояло пережить те самые пять минут позора, о которых говорила Лена.

Справа от меня, расслабив все свои мышцы, кроме челюстных, при помощи которых он жевал жвачку, сидел молодой инструктор в чёрной блестящей рубашке с длинным рукавом, а за моей спиной, источая пугающе приятный и сильный аромат туалетной воды, разместился всё тот же гаишник в белоснежной рубашке с погонами. Внешность его была какой-то обманчиво мужественной: тяжёлому подбородку с ямочкой и прямым волевым губам соответствовали довольно узкие плечи, слабо развитые мышцы рук и маленькие, ускользающие от прямого взгляда глаза.

Гаишник щёлкнул авторучкой о значок на своей груди, неторопливо, как бы неумело, записал что-то в папку и негромко произнёс:

– Газ держим на двух тысячах оборотов. Кроме педали газа, ничего в машине больше не трогаем. Понятно?

От волнения я на секунду замешкался с ответом.

- Понял, нет? неожиданно рявкнул инструктор, повернувшись ко мне.
  - Понял, понял, ответил я тихо.
- Что ты там «понял-понял»? Не «понял-понял», а просто «понял» надо отвечать! Ещё раз: ты понял, что тебе сказали делать?
  - Понял, ответил я.
- Вот так. А то «понял-понял» он. Бабушке своей будешь так говорить.

Затем была включена видеокамера. Глядя в объектив, я назвал дату экзамена и своё имя.

Мы тронулись. Гаишник называл маневры, которые следовало выполнить; я покорно держал ногу на педали газа (которая одна не была продублирована в правой части учебной машины и, видимо, только поэтому и была мне

доверена) и пялился на стрелку тахометра, в то время как инструктор незаметно для камеры управлялся со сцеплением, тормозом и коробкой передач, включал поворотники и даже ухитрялся рулить, больно задевая меня при этом локтем.

Когда в результате совместных усилий мы очутились на грязной пустынной улице, протянувшейся между заводом резиновых изделий и шеренгой заржавленных гаражей, гаишник скомандовал:

– Выберите место для остановки.

Инструктор, не прекращая месить челюстями жвачку, из которой наверняка уже высосал всю сладость, щёлкнул рычажком поворотника, подрулил к обочине, надул и тут же поглотил жвачный пузырь, дёрнул рычаг ручного тормоза и, заглушив машину, откинулся в кресле. В гнетущей тишине он бессмысленно уставился на глухой бетонный забор завода, окаймлённый колючей проволокой.

Маршрут завершён. Количество штрафных баллов – ноль, – констатировал гаишник. – Экзамен сдан.

Отработанным, похожим на рефлекс движением инструктор отключил камеру и уронил руку обратно на ручной тормоз.

Тишина сделалась невыносимой. Я медленно отжал педаль газа и несмело взглянул на инструктора.

— Что ты вылупился? — вскинулся на меня инструктор, расширив глаза. Он явно ждал от меня ответного хамства, которое тут же позволило бы ему перейти к открытой агрессии; уверен, он мог бы и полезть на меня с кулаками. Но я промолчал. Тогда, растянув рот в ядовитой улыбке, он с расстановкой, смакуя каждое слово, произнёс: — Пошёл вон отсюда, осёл.

Говорят, при непомерном превышении скорости стрелка автомобильного спидометра, подобно стрелке часов, заходит на очередной круг и начинает заново показывать самые скромные значения. То же и с улыбкой инструктора: переизбыток ненависти делал её почти ласковой на вид.

Я выбрался из машины. Инструктор вышел следом за мной. Я уже приготовился к самозащите, но оказалось, что ему всего лишь нужно пересесть за руль. Бросив на меня

последний уничтожающий взгляд, он с умеренной, оптимально дозированной силой захлопнул дверь. Машина коротко взревела и скрылась, обдав меня выхлопной вонью.

Я стоял посреди проезжей части, как бы оглушённый всем, что пережил за последние несколько минут. Почему-то особенно сильное впечатление произвела на меня та расчетливая бережность, с которой инструктор захлопнул дверь; захлопни он её с силой, с негодованием, у меня словно ещё оставалась бы надежда, что я сохраняю в его глазах хоть какую-то человеческую значимость.

Едва опомнившись, я тут же зашагал по заводской улице, не зная, куда она меня выведет, и желая лишь одного: как можно скорее убраться отсюда.

Улица казалась бесконечной. Между забором и проезжей частью пролегала болотная канава. Влага из неё, как видно, испарилась от засухи; жухлые стебли торчали из торфянистой ржавой мякоти, а в основаниях стеблей грудились пластиковые и стеклянные бутылки, камеры и покрышки, шприцы и презервативы, а также истлевшие останки птиц, кошек и собак. Я бы испугался, но не удивился, обнаружив здесь человеческий череп. Среди этого жуткого ассорти, словно отделённые от меня защитным стеклом и, что главное, прекрасно осведомлённые о своей защищённости, невозмутимо сновали крысы.

Я довольно долго шагал вдоль канавы, поневоле глядя в неё; на этой улице её содержимое служило, пожалуй, единственным развлечением для глаза. Хоть картина была и малоприятной, но иногда в неё вкраплялись такие непредсказуемые элементы, как пластмассовая нога манекена, полуразобранная пишущая машинка, треснутый глобус, — и возможность их обнаружения служила мне в пути чем-то вроде интриги, помогая двигаться дальше.

На одном крохотном участке канава была чуть глубже, чем на остальном своём протяжении. В углублении ещё хранилась вода, и эта вода послужила прибежищем для доброй сотни лягушек. Они кишели, карабкаясь друг на друга. Рядом с живыми плавали кверху брюхом мёртвые, видимо задохнувшиеся на дне под тяжестью остальных, а потом, уже трупами, всплывшие на поверхность. Лягушки

не умолкая квакали, и в их кваканье под беспощадным солнцем мне слышался горестный плач неудачников, сделавших ставку всей своей жизни на проигрышный водоём — на эту вот заводскую канаву — и уже бессильных исправить ошибку. Это была заунывная песня конца.

Я довольно долго стоял возле лягушек и слушал эту песню, а потом пошёл дальше, продолжая исследовать канаву. Вскоре мимо меня проехала машина — та самая, из которой я не так давно вылез. Она обогнала меня метров на сто, остановилась, высадила девушку Лену и уехала. В отличие от меня Лена не стояла в задумчивости посреди проезжей части; закинув за плечо свою сумку и взявшись за её ручки, она уверенно зашагала вперёд, в том же направлении, что и я. Я тут же потерял интерес к канаве и, ускорив шаг, стал догонять Лену. Я почувствовал, что она нужна мне сейчас: благодаря ей я надеялся выяснить что-то важное — об этом дне, об этом городе, о всей моей жизни.

- Ну что? Можно тебя поздравить? сказал я, догнав её.
- Поздравлять рано, ответила она спокойно. Вот накоплю ещё полмиллиона на машину – и тогда можно будет поздравлять.
  - Смотрю, ты богатая, сказал я.
- Если бы я была богатая, сказала она, я бы уже три года назад села за руль.

Она рассказала, что не получает никакой финансовой помощи от родителей; живёт ещё с ними, но, как только купит машину, сразу снимет квартиру поближе к столице. Она работает в торговой сфере и одновременно учится. Она сама оплачивает учёбу, сама заработала на водительские права и уже скопила триста тысяч на машину.

Так что до богатства мне ещё как до Китая пешком, – заключила она.

Я думал, сейчас она спросит о том, как прошёл последний этап экзамена для меня, но, похоже, ей это было совсем не интересно.

- Ты сейчас домой? спросил я.
- Нет, сказала она. Я сейчас загорать и купаться.
- На городской пруд? Там же так ужасно.

О да, – сказала она, – воистину ужасно. Поэтому я еду
 в другое место. Где почти никогда не бывает людей.

– А это далеко?

Она шла на удивление быстро, я с трудом за ней поспевал.

- Всё относительно, сказала она.
- Здорово, сказал я. Возьмёшь меня с собой?
- Так и быть, согласилась Лена и вручила мне свою сумку. Кристина про тебя говорила, что ты прямо какойто волшебный. Только давай договоримся: никому про это озеро. Я не хочу, чтобы оно превратилось в очередной лягушатник.

Мы прошли заводскую улицу и оказались на окраине города. Там мы поймали автобус с трёхзначным номером; я на таком ни разу не ездил. Я заплатил кондуктору за себя и за Лену. Через полчаса мы сошли на какой-то лесной остановке. Место было само по себе приятное; оно напоминало те места, где мы со старичком убивали время наших практических занятий. Мы вошли в лес, и через несколько минут пути перед нами открылся небольшой водоём. Его берега были заболочены, но крепкие деревянные мостки позволяли беспрепятственно дойти до воды. Я разделся, быстро прошёл по мосткам и нырнул в воду. Я доплыл до противоположного берега и, когда развернулся, увидел Лену. Её купание состояло в том, что она держалась обеими руками за край мостков и слегка покачивала своё тело в воде, не замачивая волос.

- Ты не умеешь плавать? спросил я.
- Не умею, ну и что в этом такого? сказала она.
- Ничего. Хочешь, я покатаю тебя?
- Нет.
- Почему?
- Нет, повторила она. Это даже не обсуждается.

Мы вышли на берег, она расстелила полотенце и легла на живот. Я расположился рядом на траве. Я лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел на Лену.

Лена ловко расстегнула на спине лифчик купальника и достала из сумки тюбик с кремом. Среди вещей, которые

она перебирала в поисках крема, я успел заметить перцовый газовый баллончик. Лена протянула мне тюбик.

– Вотрёшь в спину?

Я стал втирать в её кожу крем. Я решил, что буду делать это до тех пор, пока она не попросит остановиться. По сути, втирание превратилось в массаж.

Приятно, – сказала Лена. – Я прямо готова уснуть.
 Всё, спасибо, достаточно. А то мне уже неудобно.

Я занял прежнее положение. Через минуту Лена спокойно повернулась на спину, оставив лифчик на полотенце, и так же спокойно посмотрела мне в глаза. Я приблизился к ней, поцеловал и начал ласкать. Через равные промежутки времени она издавала один и тот же короткий звук, похожий на писк. Когда я решил пойти в своих ласках дальше, она спросила:

- У тебя есть с собой, чем защититься?
- Нет, ответил я.
- Тогда всё, не надо, сказала она и снова легла на живот.

Она достала из сумки книгу. Это были «Братья Карамазовы».

- «Братья Карамазовы», сказал я. Моя любимая вещь у него. Тебе нравится?
- Не знаю, сказала она. Больно у него все странные. У каждого какая-то своя философия. В жизни так не бывает.

Я вдруг почувствовал острое желание уйти. Связь этого желания с последними словами Лены не была прямой. Может быть, я был отчасти с ними согласен. Но мир после этих слов как-то опустел, оголился, и мне показалось, что без Лены он станет хоть немного полнее.

- Спасибо, что показала мне это озеро, сказал я. Я, наверное, пойду.
  - Пока-пока, сказала Лена и перелистнула страницу.

Я вернулся домой без сил, повалился на кровать и сразу уснул. Когда я проснулся, уже смеркалось. Я сразу ощутил сильнейшую тоску, но не испытал при этом обычного желания отдаться ей, равно как и прежнего желания укрыться от неё за каким-нибудь занятием, — и это сделало

её настоящей тюрьмой. Я коротко вспомнил о своём детстве, о своих родителях и неожиданно прослезился, как будто мои родители уже умерли. Потом я достал с книжной полки Кристинин рисунок и, сев за компьютерный стол, внимательно посмотрел на него. Кажется, я достал его в необъяснимой надежде, что он поможет мне заплакать понастоящему, зарыдать в голос. И действительно: из голубиных фигурок, теряющихся в сумерках, ко мне прорывалось что-то неуловимо горькое; я чувствовал огромную жалость, которая относилась не к Кристине и не ко мне, а к чему-то, что было разлито между нами в воздухе этого мира. Главная мысль этого рисунка и качество его исполнения утратили для меня всякую важность. Важным стало другое: живой человек наносил на бумагу линии и штрихи, а потом подарил свою работу мне.

Но заплакать я всё-таки не смог.

В первую субботу сентября город отмечал свой день. Я гулял по парку с пакетом вина, завёрнутым в праздничный номер городской газеты, которую раздавали бесплатно при входе в парк. Громко звучала безвкусная весёлая музыка, лопались шарики, протыкаемые дротиками в маленьких уличных тирах. День был ясный и тёплый.

На одной из праздничных палаток, белых в зелёную полоску, висела вывеска: «От сердца к сердцу. Купи рисунок — помоги ребёнку». Внутри палатки передвигались Кристина и Виталик в одинаковых жёлтых майках. В середине каждой майки было большое сердце, в котором помещалась фотография утыканной медицинскими трубками девочки, нуждающейся, видимо, в дорогостоящем лечении за границей. Внутренние стены палатки были сплошь увешаны Кристиниными рисунками, точь-в-точь как стена её комнаты. Горожане подходили к благотворительной палатке, выбирали картинку и опускали купюру в прозрачный контейнер с жестяной крышкой.

Я остановился в десятке метров от палатки, чтобы понаблюдать за Кристиной и Виталиком. С кожей у Виталика дело не улучшилось, но это, как и прежде, не отражалось на его общительности и уверенности в себе. Он балагурил

с покупателями, с Кристиной – и Кристина то и дело обнажала прекрасные белые зубы в улыбке.

Я ждал, когда между ней и Виталиком произойдёт нечто такое, из чего я смогу понять, встречаются они или просто дружат. О первом мог бы свидетельствовать поцелуй в губы или, по крайней мере, любое другое проявление нежности, которое исходило бы от Кристины, а не от Виталика. Но ничего подобного я не увидел. Я видел только, как после каждой проданной картинки Виталик сам целует Кристину – либо в плечо, либо в висок, либо в макушку.

Какой бы характер ни носило их единение, мне виделось в нём нечто печальное. Я смотрел на Кристину с искренней жалостью и чувством вины. В моей голове сама собой родилась и звучала мысль: «Я лишил её счастья быть со мной». Я не сразу распознал гордыню, так открыто сквозившую в этой мысли, а когда распознал, то усмехнулся и пошёл домой.

Я шагал, глотая вино, и изредка произносил вслух:

– Счастье! Быть со мной!

Мне хотелось расхохотаться от этих слов, и я пробовал, но смех получался ненастоящий.

С этого дня та тоска, которая посещала меня в моей съёмной квартире, словно выпустила из себя всё таинственное, что было ей присуще прежде; это была обычная тоска мужчины, нуждающегося в женщине.

Прошло совсем немного времени, и я познакомился в городе с девушкой, которая удивительно скоро узнала от меня, что в моей квартире лучше не топать. Она стала моей женой и родила мне двоих детей.

Рисунок с голубями потерялся так же неприметно и загадочно, как теряются многие предметы прошлого.

Я люблю свою жену, люблю детей. Каждое лето мы ездим на машине на море. И, как уже было сказано, сегодня я не представляю своей жизни без автомобиля.

УСПЕНИЕ

1

Бабушка сказала:

Завтра пойдём в церковь на крестный ход. Успение завтра.

Я принял новость без протеста. Успение, подумал я, это, наверное, такое событие, на которое надо успеть и тогда всё будет хорошо.

В тот день я дал отпор мальчику, который давно мешал мне жить.

Мальчик был на год старше меня, но при этом трусоват. Он долго и тщательно исследовал возможности моего терпения, прежде чем, наконец, пришёл к выводу, что они безграничны.

Начиналось так: ставит он мне жёсткую подножку во время футбола - я растягиваюсь на земле и решаю, что отомщу ему тем же в ходе игры. Но он теперь нарочно держится подальше от меня. Я же ношусь за мячом как угорелый, и обида вымывается из меня вместе с потом. Он чувствует это и постепенно приближается. Он не делает сразу новую пакость, нет. Наоборот: он смеётся громче остальных над моими шутками, даже по-дружески кладёт руку мне на плечо. Мне это льстит, я начинаю считать его другом. Но дружба длится недолго. Убедившись в моём доверии, мальчик выжидает секунду, когда я завязываю шнурок, подбегает со спины и бьёт мне что есть силы ногой под зад. Я кувыркаюсь через голову и в гневе вскакиваю – а он уже снова далеко, показывает пальцем и смеётся. Потом опять по новой: осторожное приближение, короткое заискивание, видимость дружбы – и очередная пакость...

Многократно повторяя эту схему, мальчик постепенно ужесточал издевательства, а заискивание день ото дня сводил на нет. И ему удалось приучить меня к своему террору: я сносил пинки, тычки, подзатыльники, подножки, начиная думать, что, наверное, этот мальчик гораздо сильнее меня, раз он себе такое позволяет. А он уже и отбегать перестал. Сделает пакость – и хохочет мне в лицо.

Конечно, меня это угнетало. После очередного и, пожалуй, самого изощрённого издевательства, — когда он помочился на меня с дерева, — я от души расплакался. Открытая, через край идущая подлость часто обезоруживает, рождая в человеке растерянность и тоску, которые заглушают голос мести. Я не бросился на обидчика. Я убежал к бабушке и дедушке и, заикаясь от слёз, рассказал им обо всём.

Бабушка засобиралась к родителям обидчика, выяснять отношения. Дед остановил её.

– Не надо, бабуля. Ругаться – не божеское дело.

Бабушка удовлетворённо затихла. Видимо, подумала: «Ага, наконец-то. Может, скоро и сам, старый, соберётся в храм». А дед увёл меня к себе в комнату и там спросил:

- Тебе нравится такое отношение этого мальчика?
- Нет.
- Тогда скажи ему в другой раз: «Знаешь, парень, а я ведь больше не буду терпеть. Если ты снова меня обидишь, я сделаю тебе больно».
  - А если он всё равно обидит?
  - Тогда нужно сделать больно. Нужно бить.
  - Как? Я это не умею.
  - А я тебе сейчас объясню.

Дед объяснил мне, что бить лучше всего в челюсть — не раздумывая и без подготовки, но точно. Показал, как верно сжимать кулак, нарисовал ручкой кружок у себя на ладони, и я довольно долго бил в этот кружок основной ударной рукой. Потом даже попробовал освоить двойки, которые давались сложнее. Впрочем, дед сказал, что, скорее всего, понадобится только один точный удар. Напоследок я спросил деда, вспомнив его недавний прилив религиозности:

Но разве это божеское дело?

Дед помедлил с ответом, но всё же не растерялся:

– А как же! Сколько уже этот мальчик на тебе грехов совершил. А стукнешь его по челюсти разок – и перестанет. Будет хорошим мальчиком и станет с тобой дружить. Вот увидишь. Даже на день рождения тебя позовёт.

Деду я доверял безоговорочно. На следующий день я вышел во двор с готовностью осуществить его план.

Мальчик тут же пронёсся мимо меня и так сильно толкнул плечом, что я не удержал равновесие и упал. Я выполнил первую часть плана — словесное предупреждение. Мальчик отреагировал на него кривой усмешкой, но тут же отдалился от меня на десяток шагов, как делал прежде, а затем даже использовал давно забытые приёмы — медленное приближение и заискивание. Я ощутил дыхание загадочной красоты, заключённой в простоте дедушкиной комбинации. Она уже действовала. С интересом и даже вдохновением я продолжал проводить время на улице, наблюдая за своим угнетателем. Как ни странно, в этот вечер мы с ним снова расстались почти друзьями.

- H-да. Хитрый, видать, попался товарищ, рассуждал дедушка, расспросив меня о подробностях сегодняшнего дня, хитрый и подколодный. Хочет опять нас усыпить. Ты, смотри, не дай ему это сделать.
  - Да нет, дедушка, мне кажется, он больше уже не будет.
- Хорошо, если не будет. Но... дед задумался, а потом поглядел на меня серьёзно. Но гляди: если ещё раз обидит, уже не предупреждай, а бей.
  - Почему?
- Потому что предупредить ты уже предупредил. Если сказал, а не сделал грош цена твоим словам. Такой закон. Мальчик снова будет тебя мурыжить, и другие будут, и ты уже никогда от этого не отделаешься. Давай-ка повторим одиночный, а потом двоечку...

И мы ещё немного позанимались.

На следующий день всё случилось молниеносно. В первую же пятиминутку прогулки мальчик плюнул на мою майку с расстояния нескольких шагов. Заворожённый тем, как спокойно я подхожу к нему, он лишь успел сказать, что хотел

171

плюнуть не на меня, а просто плюнуть, но тут я осуществил вторую часть комбинации. Причём, желая порадовать дедушку, выполнил двойку. Первый удар прилетел аккуратно в челюсть, а второй угодил в нос. Мальчик упал. Потом медленно поднялся на ноги. Он смотрел то на собственную ладонь, на которую накрапывала кровь, то на меня. В глазах его слились удивление и ужас, будто в ладони он держал ни больше ни меньше собственное сердце. Потом он разревелся как младенец и убежал домой. Смутно предчувствуя чтото нехорошее, я тоже поспешил к бабушке и дедушке.

Не успел я отчитаться деду в окончательном выполнении его плана, как в квартиру без стука ворвалась мать пострадавшего мальчика. Она потрясала кулаком одной руки, а другой держала за шею самого потерпевшего, который теперь почему-то глядел на мир без скорби, а с ехидным любопытством. Казалось, ему была интересна планировка квартиры, в которой мне сегодня достанется за его разбитый нос.

- Вы что ж это, старичьё, своего *гнидёныша* на привязи не держите?! начала мама. Кинули вам, значит, молодые его на шею, так вы думаете, я вас отвечать не заставлю?! На коленях у меня, хрычьё, ползать будете!
- Ты чего кричишь, Наташа? тихо вышла из кухни бабушка, уставив кулаки в бока. Она говорила без гнева, но ясно было, что готова в любую минуту сделать какое-нибудь не совсем божеское дело. Мы с дедом переглянулись, стоя в конце коридора, и дед кивком пригласил меня к себе в комнату.
  - Сама разберётся, сказал он.

Из дедовой комнаты мы слышали голос тёти Наташи, уже далеко не столь грозный. В бабушкиных же репликах возрастали наступательные интонации. Казалось, она вырастала над тётей Наташей подобно девятому валу. Рассказ про обписанного внука стал победной точкой.

- Было дело? спросила бабушка у мальчика. Что молчишь? Я ведь всё-о видела из окна!
  - Было... промямлил мальчик.
- Вот! Бы-ыло! Так что забирай-ка ты сама своего гнидёныша, – пригвоздила она, – и научи его дома уму-

разуму. А то я, чего доброго, сама тебя отвечать заставлю, кошёлка!

Тут уж мы с дедушкой не выдержали и высунулись из комнаты – не провела бы и бабушка тёте Наташе одиночный или двойку.

Но бабушкина атака была завершена. Раскрасневшаяся мама глядела на своего сына испепеляющим взором. Затем она вышла, так дёрнув его за собой, что он запнулся о порог и, судя по звукам, больно упал в подъезде.

Гости ушли. Мы отправились на кухню пить чай. Дед принялся подшучивать над бабушкой, мол, такая церковница, свечки-платочки, а может при желании разогнать парад на Красной площади. Бабушка не смеялась и не отвечала деду. Она сидела безучастно, не притрагиваясь к чаю и пряникам. Глаза её блестели. В её сердце уже звучал заунывный голос совести.

- Ничего, бабушка, успокаивал дед. Отмолишь. Знаю я, что ты не любишь эту пословицу, а всё-таки верно ведь сказано: не погрешишь не покаешься. М? Как ты думаешь?
- Ой, ну что ты понимаешь! взмолилась бабушка. Бабку с внуком бес крутит под большой праздник, от причастия уводит, а он не погрешишь, говорит, не покаешься. Ты думаешь, что говоришь-то?

Бабушка довольно сильно постучала себе по голове кулаком, показывая деду всю нелепость его излюбленной пословицы. Но дед был спокоен. Он добился, чего хотел: тяжкое чувство окончательного духовного падения поутихло в бабушке. Поутихло, уступив место практической энергии.

Йменно тогда я и узнал, что завтра непременно иду с бабушкой на праздничную службу в честь Успения, да ещё и должен буду исповедаться, чего прежде никогда не делал. Далее мне было поручено сию минуту разыскать моего прежнего угнетателя и попросить у него прощения, ибо сказано: «прежде причастия — примирись».

– И маме пускай передаст, что я перед ней извиняюсь за свои слова, – сказала бабушка и почему-то отвесила передо мной низкий поясной поклон.

Я вышел на поиски мальчика, встретил его во дворе, тихого и какого-то женственного, и тут узнал кое-что ещё. Я узнал, что мой дедушка настоящий гений, ведь когда я обронил перед мальчиком своё ничего не значащее «извини» и протянул ему руку, он страдающе улыбнулся и пригласил меня к себе на день рождения. Действительно, это был настоящий дедушкин триумф, вдвойне удивительный тем, что празднество предстояло только в конце осени и с приглашением явно можно было подождать. Я не понимал, почему в человеке, которому пробили двойку, непременно возникает жажда увидеть на своём дне рождения того, кто его отлупил. Честно говоря, сбывшееся дедово предсказание для меня до сих пор остаётся загадкой.

А в тот день мне осталось только выслушать несколько непонятных молитв, стоя перед иконным уголком в бабушкиной комнате, и лечь спать с мыслью, что завтра надо подняться быстро и послушно, а то ведь можно и не успеть, и тогда Успение не состоится.

2

Я и прежде бывал с бабушкой в храме, в который она ходила. Храм был старинный, загородный, вдалеке от высоких домов и шумных улиц. Там я с удовольствием, хоть и совершенно бездумно, причащался; пожалуй, с ещё большим удовольствием поглощал после этого запивку и кусочки просфоры; мне нравилась необычная обстановка храма, нравилось, что здесь нужно следить за своим поведением: не бегать, не болтать, не смеяться, — чтобы потом с удвоенной радостью и каким-то особенно полным правом делать это на улице.

Теперь настал у меня возраст исповеди – причащаться, не исповедавшись, было теперь нельзя.

Бабушка велела мне исповедоваться в том, что я стукнул мальчика, и отправила меня к батюшке, придав ускорение незлобным шлепком.

— Hy? — улыбнулся пожилой священник и пригнулся ко мне, когда я подошёл к аналою. От его бороды пахло ладаном и ещё чем-то таким, что вроде как не имеет запаха:

постом, молитвами, колоколами — по крайней мере, так мне показалось тогда.

- Что расскажешь, брат?
- Мальчика стукнул, тихонько сказал я.
- Сильно стукнул?
- Да. Даже у него пошла кровь.
- За что же ты его так? сказал священник с не очень большим сожалением, будто я не побил человека, а дёрнул, например, кота за хвост.
- Он меня постоянно обижал. Пописал на меня с дерева, потом плюнул на меня даже.
  - И ты разозлился и стукнул.
- Нет, я не злился. Мне просто дедушка сказал, что надо стукнуть.
- Но ведь бить человека это плохо, заметил батюшка и испытующе заглянул мне в глаза. Казалось, ему просто интересно беседовать со мной. Господь-то, брат, учил не бить. Он говорил: «Ударили по правой щеке подставь левую».
- Дедушка сказал, что если я не ударю этого мальчика, он меня будет всегда обижать и сделает на мне очень много грехов.

Священник коротко посмеялся. Казалось, он сейчас так же спокойно и беззлобно докажет неверность дедушкиного понимания христианства. Но вместо этого он вдруг на секунду погрустнел, а потом вздохнул.

– Н-да... Ладно, – сказал он. – Ты только знаешь что, ты помолись сегодня на службе за этого мальчика. Посмотри на икону Богородицы и скажи: «Господи, Царица Небесная, пусть у этого мальчика всё будет хорошо. Пусть он не болеет, пусть родители у него не болеют, пусть он вырастет хорошим». Только от души помолись, по-настоящему. Помолишься?

Я кивнул.

– Ну вот и договорились.

Он положил мне на голову епитрахиль, прошептал надо мной молитву, а потом велел поцеловать крест и Евангелие.

Началась служба. Я как обычно вёл себя тихо и благочестиво: крестился, когда все крестились, кланялся, когда все

175

кланялись, – но не ощущал в душе обычного покоя и уюта. Причиной тому был злосчастный мальчик. Мне предстояло помолиться за него. Если бы батюшка разрешил это сделать кое-как, одними словами, так же, как я бросил ему своё «извини», то я был бы спокоен. Но сделать это надо было «от души, по-настоящему», и я не знал, как этого добиться. Всё же что-то подсказало мне, что надо вообразить мальчика в ту его минуту, когда он был наиболее жалок. Я стал припоминать такую минуту. Я вспомнил, с каким удивлением и ужасом он глядел на окровавленную ладонь, но это не помогло, потому что тут же перед моим мысленным взором возник его злорадный взгляд, с которым он чинил мне пакости. Я вспомнил, как злобно увлекла его за собой мама, как он споткнулся о порог и загремел на лестничной клетке под её проклятия. Но тут же выплыло его самодовольное, хоть и опухшее, лицо, когда он только входил вслед за мамой в бабушкину квартиру и с невозмутимым любопытством оглядывался в ней. Мне даже на мгновение захотелось ещё разок стукнуть по этому лицу – какая уж тут молитва. Но тут я вспомнил другое: как он, оскалившись в неестественной улыбке, позвал меня к себе на день рождения. Не знаю, что так тронуло меня в этом нелепом жесте. Наверное, сама его нелепость. Но я вдруг подумал, что ведь у этого мальчика тоже бывает день рождения, что он так же ждёт подарков, что родители целуют и обнимают его в этот день.

Тогда я представил картину, свидетелем которой не был. Он стоит с охапкой подарков, так что они чуть не вываливаются у него из рук, почему-то стоит в шортах и белых носках, натянутых почти до колен, глаза его блестят счастьем, и никого он не хочет описать с дерева в эту минуту, ни на кого не хочет плюнуть. Это был совершенно другой мальчик. Я порадовался за него, взглянул на икону Богородицы с Младенцем и поспешно перекрестился — впервые сам, а не следом за остальными, — чтобы словно припечатать возникшее во мне хорошее чувство крестом. После этого мне снова стало легко: мне показалось, что я выполнил залание батюшки.

Служба прошла быстро и даже как-то весело. Я причастился и, не опуская крестообразно сложенных рук, устре-

мился к запивке. Запивку разливала из чайника кругленькая, как колобок, бабушка с остреньким носиком.

 Руки-то уж опусти – не у чаши, – сказала она просто, без строгости и плеснула в серебристый ковшик из чайника.

Я выпил малинового компотцу с волокнами разваренных ягод, скушал дольку просфоры и попросил добавки.

- Это тебе не конфетки с чаем, сказала мне маленькая девочка в толстой волосатой кофте и бантами на голове. Кажется, она была внучкой кругленькой бабушки и сейчас в точности воспроизвела слова, которые часто слышала от неё.
- А ты не осуждай, сказала бабуся-колобок. Вот возьму и налью ему ещё, чтоб не вылазила.

Я мог бы посмотреть на девочку с торжеством, но не стал: такая она была тоненькая, хрупкая, утопающая в своей кофте крохотной головой с синими жилками на висках, и юбочка у неё была надета поверх толстенных шерстяных штанов. Я попросил бабушку, чтобы она угостила и девочку. Бабушка похвалила меня за доброту, плеснула девочке компотцу и дала просфорки. Мы отошли на шаг и, поглядывая друг на друга, насладились церковным лакомством. Потом девочка взяла меня под руку и повела к подсвечнику, чтобы показать, как она управляется со свечами: огарки вытаскивает, задувает и складывает в специальную коробочку на полу, новенькие, положенные на подсвечник, зажигает от уже горящих, подплавляет снизу и всаживает в углубление, не боясь огня. Иногда благочестиво крестится и кланяется. Я уже и сам готов был попробовать, да она бы, наверное, и разрешила в награду за мой благородный поступок, - но тут со стороны алтаря донёсся торжественный шум. Понесли на улицу хоругви и иконы. Начинался крестный ход.

Батюшка заметил меня и велел дать мне закреплённый на лёгеньком древке фонарь с горящей внутри свечой. Девочке такого не досталось, и я предложил ей нести фонарь по очереди. Мы пошли рядом.

Пока в храме шла служба, на улице шёл сильный дождь. Теперь весь посёлок был залит солнцем позднего лета —

самым нежным и приятным солнцем во всём году. Бабушки умилённо крестились:

– Матушка Богородица улыбнулась солнышком...

Крестный ход предстоял далёкий, почти через весь посёлок, потому что праздник был престольный. Верующие отправились в путь.

На сырой асфальт после дождя повылезали черви – десятки, сотни нежно-розовых червей. Я их обходил и перешагивал, а люди наступали прямо на них, устремив взгляды на хоругви, на небо, на солнце. И батюшка, возглашая: «Пресвятая Богородице, спаси нас», – тоже шёл по червям.

– Смотри, все идут по червякам, – зачем-то сказал я девочке, которой только что передал фонарь. Но девочка не ответила. Даже не поглядев себе под ноги, она побежала вперёд, к голове крестного хода, чтобы сохранить в руках доставшуюся ей драгоценность. Для неё этот фонарь был нелёгкой ношей, но она, кажется, не чувствовала никакой тяжести. Тогда я ясно ощутил, что она – другая. Не уличная, не дворовая, а церковная девочка. И, кажется, впервые в жизни я ощутил одиночество, ощутил себя лишним. Мне стало стыдно, что я пробовал полюбить вредного мальчика по совету священника. Я вспомнил о дедушке и захотел поскорее к нему.

Павел ШУШКАНОВ

Брянск

КРУЖОК АСТРОНОМИИ

А телескоп купили самый дешевый, хотя Илья Петрович просил модель посолиднее, с оптикой, способной показать больше, чем слегка увеличенные мерцающие пятнышки в небе. Но и на том спасибо. Последние годы вообще приходилось рисовать Солнечную систему на доске. А тут вдруг телескоп. Вот и старая идея открыть кружок астрономии проснулась, задышала. И, вопреки ожиданиям, комплектация оказалась почти полной. Только специальных салфеток для протирания линз не нашли и одного крепления, которое удалось заменить куском проволоки.

– Ну, что, пойдемте?

Егоров поежился, наматывая на шею шарф.

- Холодно там, Илья Петрович.
- А ты думал, как на звезды смотреть? Через окошко?
   Одевайтесь теплее и выходим. А ты Егоров, помоги мне вынести телескоп.
  - Можно еще Димку в помощники возьму?
  - Можно.

Они не спеша одевались и по очереди выходили в морозный декабрьский вечер. Вторая смена давно отзвенела, но во всех окнах школы еще горел свет. Усталые технички гремели ведрами и оттирали с пола грязные разводы.

В кружок записались четверо. Илья Петрович никого не упрашивал и не заставлял, но четверо из шестого «В» принесли ему список, выведенный аккуратным почерком

Кати. Изначально в списке было трое, но напросился последним Егоров – ему нравилась Катя.

– Ладно, ищем ровную площадку и зовем меня, – распорядился Илья Петрович. – Катя, шапку надень! Да, мне тоже жалко твою прическу – но уши еще больше. Хотя бы капюшон.

Катя нехотя послушалась. Их белого мохнатого капюшона выглядывал только кончик розового носа. Рядом стояла румяная Юля в шапке с помпоном. Она грела руки, дыша на них, хотя из кармана торчали вязаные перчатки.

- Илья Петрович, а на что смотреть будем?
- На тебя, хохотнул Димка, опуская треногу телескопа на утрамбованную площадку.
  - Дурак! сказала Юля, но шапку поправила.

Илья Петрович посмотрел в небо. Ни облачка. Обычный городской вечер. Пара ярких звезд и огрызок Луны над крышами.

– Готовы?

Ответили мычанием.

- Тогда подходим. Начнем с самого далекого и интересного. Посмотрим на Юпитер.
- Может, на Луну? предложил Егоров. Она вон какая большая. Горы там, кратеры.

Илья Петрович покачал головой.

– Неразумно. Луна всю ночь висеть будет, а Юпитер скоро зайдет. Егоров, направляй вон на ту звезду над домом. Да не на квартиру, Егоров, я все вижу! Выше подними.

Звезды почти не мерцали, небо было черным и какимто грязным. Илья Петрович вспомнил, как он впервые увидел настоящее звездное небо — каким ни за что не увидишь его здесь. Он, притихший, сидел на заднем сиденье старого «москвича» в теплом пальтишке и шапке, а отец отчаянно гнал машину подальше от города. Он был в расстегнутой куртке и шумно сопел, играл желваками. Стояла темень, только фары освещали пустую дорогу. Где-то там, далеко позади, остались крики мамы, звон посуды, грохот двери. Далекий Актюбинск бледной полоской таял на горизонте. Во все стороны расстилалась ровная заснеженная степь. Отец остановил машину, вы-

нул из бардачка пачку сигарет и вынырнул в ночь. Через какое-то время он аккуратно постучал двумя пальцами в стекло.

– Эй, выходи. Выходи, что покажу.

Илья неловко выбрался из машины, кутаясь в пальто.

– Смотри, Илюш, красота какая!

Воспоминания прервал хриплый Димкин кашель. Телескоп стоял в стороне, а дети толпились вокруг Егорова. Рассматривали что-то в его руках.

– Егоров, что за собрание?

Тот деловито вытер нос рукавом.

- На Юпитер смотрим, Илья Петрович. Красивый.
- А почему телескоп в стороне?
- Так, Илья Петрович... он продемонстрировал телефон, на экране которого во всем своем великолепии сиял полосатыми облаками газовый гигант.
- Ну что мне с вами делать? Телефон в карман, глаза в телескоп.
  - Но там не так красиво.
  - Зато он там настоящий.

Дети пожали плечами и вернулись к китайской оптике. Некоторое время смотрели по очереди. Потом Димка тихо поинтересовался:

- Илья Петрович, а можно на Луну посмотреть?
- Давайте. Хотя Юпитер и заслужил большего внимания. Кроме того что это самая большая планета Солнечной системы, он еще и позволяет существовать жизни на Земле. Его гравитационное поле не дает крупным космическим странникам проникать за орбиты внутренних планет, Илья Петрович вздохнул. Ладно, смотрим на Луну. Только осторожно и недолго она яркая.

Ребята начали ворочать телескоп.

– A как понять, в каком доме сейчас Юпитер? – поинтересовалась Катя.

Илья Петрович снял шапку и потер ладонями виски.

– Катенька, есть существенная разница между астрономией и астрологией. Знаешь какая? Бесконечная. Я тебе объясню все завтра на уроке, а пока потри рукавицами щеки – совсем красные.

Дети любовались Луной, восхищались. Да, в первый раз она действительно производит впечатление. Приближенная десятками линз поверхность сияющего мертвого мира казалась им чужой и таинственной, пугающей. Горы, темные ямы морей, лучи гигантских кратеров — все застыло в пустоте и холоде космического вакуума. Илья Петрович поежился.

...Илья поежился. Посмотрел вверх. Отец накинул на его плечи свою куртку. Дым от сигареты струился по снегу, словно туман, а наверху горели звезды.

Такого неба не увидишь в городе. Сложно поверить в то, что оно вообще может существовать — яркое и в то же время глубокое, черное. Млечный Путь сверкающей белой полосой протянулся до горизонта, казалось, что можно разглядеть каждую звездочку из тех многих миллиардов, что клубились в нем. И звезды, огромные, горящие, обрели цвета. Вега над самой головой, яркая, словно Луна, — бесконечно далекая и огромная звезда, к которой с немыслимой скоростью летит сквозь ночь Земля. Звезды были похожи на снег, падающий из сердца галактики, а в самом центре космического снегопада стоял он, Илья, в куртке отца, в смешной зимней шапке.

Отец положил руку ему на плечо.

- Красиво?

Илья кивнул. Его глаза сияли, как звезды. Разве может небо быть таким? Отец подмигнул и тоже посмотрел вверх.

Прочертил короткую огненную линию метеор, словно оставил царапину на небе. Бесшумно летели по своим орбитам спутники. Илья прижался к отцу, сжал огромную руку. На мгновение ему показалось, что он отрывается от земли, голова закружилась, и он сжал отцовскую руку сильнее...

Димка тер глаз, сняв варежку.

– А я говорил, что слишком яркая. Долго смотреть нельзя. Юля, ты руки не отморозила?

Юля пожала плечами и полезла за перчатками.

- A еще что-нибудь есть такое же яркое и интересное? спросила она.
  - Как Луна? Сейчас нет. Венера будет, но утром.

Дети покивали головами.

- A еще?
- Бывают кометы. Они стоят в небе долго, много ночей очень яркие, с огромными искрящимися хвостами.
  - А вы видели такую, Илья Петрович?

Он кивнул.

– Видел. В девяносто седьмом. Еще у себя, в Актюбинске. Невероятное зрелище. Она восходила бесшумно, но казалось, что я слышу грохот и гул. Ее звали Хейла – Боппа.

Дети полезли в телефоны.

- Что-то не очень, Йлья Петрович, Димка показал фотографию.
- Не очень. Много ты понимаешь. Сейчас Марс взойдет, смотреть будем.

Девочки поглядывали в сторону двери, за которой было тепло и светло.

- Замерзли?
- А еще что в небе бывает? спросила Юля вместо ответа.
   Илья Петрович улыбнулся.
- Я всегда мечтал увидеть вспышку новой. Это самое красивое и яркое зрелище во всей вселенной, но пока еще ни одного на моем веку не случалось.

Катя откинула капюшон и глубокомысленно произнесла:

 Да, рождение новой звезды – это, наверное, очень красиво.

Илья Петрович снисходительно покачал головой.

Катенька, ну вообще-то это не рождение звезды, а ее смерть.

Катя недоуменно взглянула на него.

– Тогда почему же ее называют новой?

Димка скомкал снежок, отправил в Егорова и получил такой же в ответ. Потом завизжали девчонки.

– Так, а что, урок разве закончен?

Он посмотрел вверх. А небо и правда было скучным. Высоко между крыш мигал самолет. Забытый телескоп смотрел пустым глазом на редкие звезды.

...Илья задремал по дороге, укрывшись отцовской курткой. Разбудила его внезапная тишина. Они стояли. За окошком поблескивал в свете фонаря снег на пустой улице. Дверь в их подъезд была распахнута, на кухне горел свет.

Илюш, – отец тронул его за плечо. – Илья, вставай.
 Нужно идти домой.

Заспанный Илья выбрался из машины. Шагнул к подъезду, вдруг остановился и обернулся.

- А ты?
- А я в другой раз, Илюш. Потом, отец прижал его к себе и шепнул на ухо. – Я не плохой человек, Илья.

Он стоял, смотрел, как отъезжает машина. В подъезде слышался топот ног. Над головой мерцали тусклые городские звезды...

Дети убежали на край школьного двора. Юля возмущалась, отряхивалась, мальчишки были похожи на живых снеговиков. Катя стояла в сторонке и многозначительно поигрывала снежком. Урок давно закончен, пора по домам, но разве теперь загонишь?

Илья Петрович подошел к телескопу, заглянул. Небо было серой пленкой, под которой, он знал точно, скрывалась та невероятная россыпь звезд, которую отсюда не увидеть, как не увидеть отсюда Актюбинск и далекий восемьдесят седьмой.

Девчонки завизжали, мимо пролетел, кашляя, Димка с охапкой снежков.

Илья Петрович остановил его, поправил воротник. Потом подхватил телескоп и побрел к школе.

Дмитрий ЛАГУТИН

Брянск

СЕРДЦЕ

Зазвонил телефон. Старик схватил трубку, зацепив локтем чашку с чаем. Раздался глухой стук, и по полу во все стороны брызнуло.

- Пап? донеслось из трубки.
- Да. Что там?
- Еще делают.
- Почему так долго?
- Говорили с медсестрой, она сказала, что такие операции быстрее не делаются. Сказала, что надо ждать.

Старик свободной рукой провел по лицу, надавил на веки.

- Держи меня в курсе.
- Андрей может приехать, забрать тебя.
- Аня.
- Пап...
- Аня.

Короткие гудки.

Старик положил трубку. Посидел, глядя, как чай подбирается к краю серого, в ворсинках, тапка. Позволил коснуться подошвы, потом убрал ногу, наклонился, поднял чашку. Из нее со шлепком выпал пакетик. Старик оперся на стол, встал – и, переступив через бурую лужу, пошел за тряпкой.

Вечерело. Квартира плыла в сумерках. Старик, охая, опустился на колени и принялся возить тряпкой по луже.

Закончив, он замер и некоторое время сидел на полу, глядя в стену и не выпуская тряпки. Потом медленно поднялся, отнес ее в ванную и вернулся.

В кухне уныло гудел холодильник, пахло чем-то кислым. Старик подошел к окну. Небо густело, кое-где проступали бледные звезды, но казалось, что еще светло. Во дворе бегали дети, гуляли с собаками взрослые. Между домами напротив сияла широкая вертикальная полоса — было видно реку, противоположный берег, небо бледнозеленого оттенка, вплотную прижимавшееся к горизонту. За рекой загорались огни.

Ползла неспешно лодка. Показалась из-за тридцать девятого дома, темным пятнышком протянулась по почти белой воде, дав на себя полюбоваться, и скрылась за сорок первым.

Старик постоял, глядя за реку, потом дернул форточку — в кухню ворвался каскад голосов, гудков и прочих составляющих привычного уличного шума. Где-то заиграла музыка, где-то закричали птицы, старика обдало прохладой осеннего вечера, занавески заплясали.

Зазвонил телефон.

Старик рывком обернулся, кинулся к столу.

- -Hy?
- Что «ну»? переспросил хриплый мужской голос.
- A, это ты.
- Я. Не рад?
- Извини.

Старик опустился на стул.

- В конце месяца будем собираться. Ты как?
- Не знаю.
- Почему?
- Просто не знаю.
- Валя! раздался с улицы женский крик. Домой!

Голос в трубке запнулся, потом проговорил неуверенно:

- Ну, как узнаешь позвони, что ли.
- Да, конечно, вздохнул старик. Ты извини, день такой...

Помолчали.

– Все в порядке? – спросил голос.

- Да... Не знаю... старик откашлялся. Не хочу говорить.
- Конечно... проговорил голос. Конечно. Ты звони, не пропадай.

– Хорошо.

Короткие гудки.

Старик положил трубку, пошарил рукой по столу и зажег лампу. Потом встал, заглянул в чайник – есть ли вода? – и повернул ручку. Задрожало с готовностью синее пламя.

Старик повертел головой, дотянулся до завернутого в полиэтилен пульта и включил телевизор, темневший над холодильником.

В бело-голубой студии сидели двое – постарше и помоложе – друг напротив друга. За ними по широкому экрану плыли слайды. Старик прислушался. Говорили о Столыпине.

- Я глубоко убежден, говорил тот, что помоложе, что не погибни он, революции удалось бы избежать.
- Логика в этом, конечно, есть... разводил руками тот, что постарше. Но мы должны понимать...
  - Валя! снова закричала женский голос. Домой!

Старик посмотрел на окно. Звезд стало больше – и сияли они ярче. Тридцать девятый и сорок первый были усыпаны пестрыми прямоугольниками окон.

Старик взял со стола чашку, повертел в руках, обдал водой. Потом отставил в сторону и сел.

Телевизор демонстрировал одну за другой черно-белые фотографии. Люди в мундирах, с орденами. Фуражки, бороды, здания с колоннами.

Старик постучал пальцами по столешнице, пригладил виски. Потом взял трубку, на мгновение закрыл глаза и, приложив ее к уху, набрал номер.

Гудки.

- Да, пап.
- Ну что там?
- Пока ничего. Ждем.

Старик помолчал.

- Ты там как? Может... Давай Андрей приедет.
- Аня.

- Папа, это же безумие какое-то. Ну, время ли... для всего этого?

Старик повысил тон:

- Аня.
- Как хочешь.

Коротки гудки.

— ...самую фигуру его, самый его образ, духовный и даже, я думаю, физический, как трудолюбивого и чистого провинциального человека, который немного неуклюже...— читал с листка тот, что помоложе.

Засопел, задрожал и, наконец, завизжал чайник. Старик встал, погасил пламя, кинул в чашку пакетик и, морщась, залил кипятком. Потом посмотрел на часы и подошел к окну.

Сразу за рекой небо мерцало холодным светом, выше тонуло во мраке. На том берегу вспыхнул и засиял самый яркий огонек из всех – похожий на маяк.

Старик снова посмотрел на часы, перевел взгляд на телефон. Покусал губы. Потом медленно подошел к столу, поднял трубку, зажал ее между ухом и плечом.

Валя! – раздалось от окна.

Старик нахмурился, шумно выдохнул и простучал по кнопкам.

Занято.

Старик скривился точно от боли и с грохотом вернул трубку на место.

– Все это мелочи, – продолжал декламировать, не поднимая глаз от листка, тот, что помоложе, – но характерна их сумма. Он занят был всегда мыслью, делом; и никогда «своей персоной», суждениями о себе...

Старик глубоко вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и сел. Поднес к губам чашку, но было слишком горячо.

Тот, что постарше, слушал внимательно, поглаживая бородку. Едва его собеседник закончил, программа прервалась – и экран замелькал рекламой. Старик сморщился – и выключил.

За стеной раздались голоса. Старик прислушался, попытался разобрать слова, но не смог. Встал, неуверенно прошел взад-вперед по кухне, постоял у окна, открыл и за-

крыл холодильник. Потом долго смотрел на телефон. Наконец, потер ладонью затылок и вышел в коридор, а оттуда в комнату. Свет он включать не стал, наощупь добрался до дивана и лег.

Но сон не шел. Старик лежал, глядя в потолок. По потолку тянулись, сталкиваясь и сливаясь, полосы света. Стрекотали на комоде часы. Старик лежал, сложив руки на животе.

За окном залилась истошно чья-то сигнализация, завыла надрывно, тонко, на все голоса. Потом стало тихо. Прогромыхали наверху тяжелые шаги, показалось, что вздрогнула и чуть слышно зазвенела люстра.

Сна не было.

Когда старик вспомнил о чае, раздался звонок в дверь. Тут же – еще один. Старик подскочил, едва не упав, и зашаркал в коридор. Не посмотрев в глазок, зазвенел ключами и распахнул дверь.

Никого не было. Старик услышал, как гудит, удаляясь, лифт.

Он постоял еще с минуту – по ногам потянуло холодом, пахло сыростью – потом закрыл дверь, прошел в кухню, сел и включил телевизор.

В студии появилась женщина строгого вида, в очках, с огромными красными бусами на шее. Она говорила назидательным тоном, а мужчины слушали и кивали. Тот, что помладше, порывался что-то вставить, но раз за разом осекался.

Старик одним махом опустошил чашку и откинул голову назад, коснувшись затылком стены. Потом дотянулся до телефона и проверил, хорошо ли лежит трубка.

Женщина договорила, удовлетворенно сложила руки на коленях — и передача снова ушла на рекламу. Старик встал и прошагал к окну.

Было темно. По двору в поисках места ползал автомобиль. Свет от фар блуждал, изгибаясь. Из-за тридцать девятого показалась луна. По реке, вздрагивая, тянулись огоньки. Промелькнула мимо окна тень — летучая мышь. Старик приблизил лицо к стеклу, подышал на него, тут же стер мутное пятно ладонью.

Потом вернулся к столу, сел, опустив подбородок на грудь, положил руки на колени и замер. Сперва он смотрел на свои ладони, потом веки сомкнулись, и со стороны могло показаться, что он спит.

Заурчал в подъезде лифт. Этажом выше запели. Потом стало тихо. Старик пошарил рукой по стене и выключил свет – кухня провалилась в темноту. От окна сквозь занавески вилось холодное неровное сияние. Загудел нервно холодильник, в комнате еле слышно стрекотали часы.

Старик сидел, не шевелясь. По пальцам пробегала тонкая дрожь.

На квартиру навалилось грузное, плотное беззвучие. Притих холодильник; стрекот часов становился все реже, истончался – и, наконец, выскользнул куда-то и исчез. Старик услышал биение собственного сердца. Раз удар, два удар, три удар... Громче. Еще громче. Сердце стало увеличиваться, заняло целиком грудную клетку, вышло за ее пределы. Сердце росло как воздушный шар, отбивая гонг — раз удар, два удар, три удар. Сердце заполнило кухню, ударило еще раз, другой, третий — и поплыло сквозь стены — в комнату, в подъезд, к соседям, за окно. Мир сотрясался и пульсировал — раз удар, два удар, три удар.

Старик боялся пошевелиться, пальцы дрожали.

И тут зазвонил телефон.

Все тело свело судорогой, он выбросил руку вперед – и трубка громыхнула, повалившись. Щелкнул выключателем и, щурясь от нахлынувшего света, схватил трубку, перевернул, прижал к уху.

- Слушаю! воскликнул он хрипло.
- Сделали, пап. Все хорошо.

Старик уронил голову на стол, прижался к нему лбом.

- Что говорят?
- Что еще какое-то время будет здесь, а потом переведут. Угроз нет.

Старик тяжело дышал.

- Пап.
- Да.
- Приезжай, а? Она в сознание приходит... Ну сколько можно?

Старик замолчал, облизал пересохшие губы.

Пап.

Старик не отвечал.

Пап.

Он отнял лоб от стола, провел рукой по волосам.

– Не... Не знаю, Аня... Не могу.

В трубке помолчали.

- Папа.
- Да?
- Вы плохие люди. Оба.

И она бросила трубку.

Старик сидел и слушал гудки. Сердце гремело, как молот по наковальне. Он медленно водрузил трубку на место. По телу разливалось тепло, в голове шумело. Старик встал, сполоснул чашку и поставил ее на полотенце дном вверх. Потом погасил свет, проверил газ — ощупав каждую ручку — и ушел в комнату. Там он, не раздеваясь, лег, укутался в плед и закрыл глаза.

Этажом выше запели.

Старику снилось, что он идет по берегу – к реке. Песок засыпается в тапки и скрипит. Река светится, над ней ползет неспешно луна. У самого берега качается лодка. Стучат о борт весла, от носа куда-то в песок тянется веревка.

Старик идет медленно, ежится от ночной прохлады, кашляет.

Наконец он добирается до кромки воды. Тапки тонут в мокром песке, от реки пахнет листвой. Старик делает шаг, другой – и ноги по щиколотку уходят в ледяную воду. Он охает, хватается за влажный борт, перевешивается через него и вползает в лодку, на дне которой хлюпает та же вода. Старик садится и озирается – река пустынна, противоположный берег прячется в тумане, сквозь белое марево моргают еле заметно огни. Он с большим трудом развязывает веревку и бросает ее на берег. Потом кладет ладони на тяжелые весла и пробует грести. Весла спотыкаются, скребут по песку.

Лодка медленно трогается.

Старик шумно дышит и гребет, то и дело оборачиваясь. Но берега не видно, над рекой тянется туман. Хлюпает

на дне лодки вода, ногам холодно. Слышны всплески – и вместе с веслами взмывают в воздух ледяные брызги – некоторые из них долетают до щек и обжигают. Старику тяжело и страшно, но он продолжает грести.

Туман окутывает лодку, и дальше старик движется будто в молоке. Воздух влажен, старику кажется, что он не дышит им, а пьет его. Далеко вверху появляются и тут же исчезают точки звезд. Старик оглядывается через плечо и видит далеко в тумане огни. Там берег.

Становится холоднее. Старик то и дело бросает весла и дышит на посиневшие ладони. Старается грести быстрее, но лодка ползет как ползла. Грудь точит кашель, зубы стучат. Сердце снова начинает грохотать — раз, два, три. Старик озирается, поджимает ноги, стучит ими по дну.

Когда он уже готов бросить весла, лодка врезается носом в берег. От толчка старик подается назад, изгибается, пытаясь удержаться — и падает вперед, на колени, едва успевая выставить руку перед собой. Не переставая стонать, встает, выпрямляется и, обхватив руками борт, вываливается на песок.

Но берега не видно. Вокруг старика – белая пелена, из нее выглядывает одиноко нос лодки. Старик щурит глаза, машет руками, чтобы разогнать туман. Кричит, зовет на помощь, изо рта при этом вырываются облака пара. Старик, чуть не плача, обхватывает себя руками и медленно, охая и останавливаясь, бредет в сторону огней. Они не приближаются.

Воздух становится все холоднее, в тумане сверкают то ли снежинки, то ли кусочки льда. Старик идет из последних сил, стиснув зубы, зажмурившись. Но идет не долго — ноги его подкашиваются, он оседает на землю и закрывает лицо трясущимися руками. Туман становится гуще, старик несколько раз негромко кого-то зовет — и тело его начинают сотрясать рыдания. Слезы катятся по щекам на ледяные ладони, с них падают на песок. Сердце гремит.

Вдруг он вскидывает голову — сквозь оглушительные удары он слышит что-то еще. Вытягивает шею. К нему приближаются тяжелые глухие шаги. От каждого — вздрагивает земля. Старик вжимает голову в плечи и ждет.

Шаги все ближе – и старик видит сквозь туман исполинский силуэт.

Очертания становятся яснее и, раздвигая плечами пелену, перед стариком возникает могучая фигура в три человеческих роста. Белый мундир, ордена. На поясе — вся в вензелях — сабля. Спокойное, задумчивое лицо. Старику знакомо это лицо, он видел его в телевизоре, о нем говорили двое — помоложе и постарше. Потом еще вступила женщина с бусами и никому не давала вставить слово.

Столыпин смотрит на старика, потом наклоняется и берет его на руки, как ребенка. Старик прижимается к белому мундиру и молчит, по лицу продолжают катиться слезы. Столыпин делает шаг, еще один – и, не глядя на старика, идет вперед. Перед глазами старика мерцает орден, блики скользят по краям и тают в тумане. Старик успокаивается и согревается. Подносит ладони к губам и дышит в них. Веки сами собой смыкаются – и он засыпает.

Татьяна ПАНКРАТОВА

Мытищи, Московская область

ПУСТОТА

Игорь стоял в стороне, смотрел на ринг и словно не замечал боя. Изредка он на автомате произносил фразы, смысл которых для него уже вовсе терялся.

– Уходи! Держи угол! Слева!

Он говорил то, что говорил всегда, он стоял там, где стоял всегда, он думал о том, о чем думал всегда, и сам не понимал, о чем. Какая-то невероятная пустота дышала отовсюду и сжимала его в плотное кольцо. Избиение казалось ему слишком обычным делом, и он попросту уже не замечал его. Разве это важно, кто кого бьет и за что, зачем это нужно, больно кому-нибудь или нет, — это же работа, обычная рутинная работа.

- Илюха-то гле?
- Где-где... стоящий рядом мужчина с досадой махнул рукой, спился совсем, черт. Спирт уже пьет, на заводе ворует. Целыми днями возле магазина торчит. И главное, где деньги берет, вроде все уже пропил, с работы еще год назад турнули. Машину разбил наглухо.
  - Промыли бы ему мозги!
- Да бесполезно все. С ним чего только уж не делали. Он кодировался раз двадцать, а толку что. Вчера на земле валялся, синий весь... Руки бы не подал.
  - А сам-то что, не валялся, что ли?

- Обижаешь... Я никогда... Игоряш, ты меня знаешь, я на всю жизнь завязал... У меня Маня...
  - Ага, а у Бутуза на днюхе я, что ли, в лужах тонул?
- Да это когда было. Да и потом повод, повод ведь был, а без повода не резон...
  - Хорош на сегодня! Все пацаны, до среды!

Игорь быстро зашагал к выходу. Он и не заметил, как оказался дома. В коридоре на старой разломанной табуретке сидела Лена. Она только что вернулась из бассейна и досушивала влажные волосы полотенцем. Сегодня была очень странная вода, она заметила это сразу, слишком мягкая, что ли, как размокшая вата, облепляющая со всех сторон, или недостаточно мокрая. Впрочем, может, она просто отвыкла за лето и поэтому не узнавала воду. Бассейн был гордостью города и находился в новой школе для богатых детей. Он был маленький и стоил дорого, но там работала Ленина подруга, которая проводила ее бесплатно.

- Что есть? не глядя на нее, спросил Игорь.
- Там в желтой кастрюльке картошка с мясом, как-то жалобно ответила она.

Лена была невысокого роста, с удивительно детским лицом и голосом. Она уже привыкла, что водку в магазине ей без паспорта не продают, а через дверь все время спрашивают, дома ли взрослые. Лена часто жаловалась на это подругам, но в душе гордилась своей детскостью и миниатюрностью.

Она не была его женой, но была уверена, что будет. Когда-то давно он говорил об этом, а потом как-то забыл. Лене хотелось хорошую свадьбу. А денег на хорошую свадьбу у них не было, да и на плохую, впрочем, тоже.

Она всегда мечтала, не было такого момента, чтобы она не мечтала о чем-то, но мечты ее были очень наивные и скоро проходили. Она рассказывала их Игорю. Сначала он умилялся, потом посмеивался, а после и вовсе перестал обращать внимание.

- Игорь!
- Че? чавкая, отозвался он.
- Я тебе хотела сказать...

Пустота

- Лен, ты же видишь, я устал, давай потом... резко оборвал он.
- Ты меня не любишь совсем? Ты меня даже не замечаешь! Как будто меня нет.
- Тъфу, что за черт, хоть дома будет покой? Он отшвырнул ложку, резко отодвинул тарелку и вышел из-за стола.

– Игорёчик! – заплакала Лена и попыталась его обнять. Он оттолкнул ее к стенке. И она словно тряпичная кукла упала на пол. Сложилась, как складываются раскладные алюминиевые стулья. На маленькой голове набухла большая шишка.

«Это ничего, это бывает, это у всех бывает. Просто устал, злится из-за работы, и я опять под руку, – успока-ивала себя Лена. – А он меня любит, очень любит, любил когда-то...»

И она вспоминала, как они вместе ходили в школу. Долго ходили и дружили, а классе в одиннадцатом он сказал: «Ты такая красивая» и поцеловал. Больше он ничего не говорил, но удивленная Лена была безумно счастлива, ей казалось, что с ней происходит что-то волшебное. По всему двору было развешано сырое белье. Они пробирались сквозь мокрые простыни и пододеяльники и, скрываясь за ними, целовались. А потом у Игоря умерла бабушка, родителей у него не было. И тогда она переехала к нему в эту крошечную двушку. Вспоминала, как она хотела поступить в институт и как Игорь ее отговаривал. Говорил, что сейчас денег нет, что надо заработать, а потом уж... И она перестала мечтать... Временами она вспоминала об этом, и ей начинало казаться, что это выход... Но потом она осаждала себя тем, что ничего не помнит со школы, почти совсем. Да и в их маленьком областном, почти сельском городе, не было института. А чтобы уехать, нужны были деньги, а денег не было никогда. Игорю все не везло с работой, Лена работала на швейной фабрике и получала небольшую зарплату, кажется тысяч десять, иногда пятнадцать, в основном на эти деньги они и жили. Помочь им было некому.

Ее родители еле-еле доживали на копеечную пенсию. Когда ей становилось совсем жутко, так что в ее малень-

ком теле все переворачивалась от страха, она хотела уйти к родителям. Уходила и вспоминала, что те живут в комнатке в коммуналке и даже спать ей там будет негде. Она плакала и долго бродила по городу, а потом возвращалась.

Соседи снизу опять ругались:

– Я тебя ненавижу! Уйди, тварь!

И сильные удары сотрясали дом. Там жили мать и дочь. Дочь выпивала и приводила домой каких-то мужиков. Мать выгоняла их, они ссорились, дрались. Мать тоже запила с горя. Так было каждый день.

Господи, эти удары. Это так страшно. Я все думаю,
 что там кого-нибудь убьют, — тихо сказала Лена, все еще сидя на полу в той же позе, как она упала.

– Тебе-то что?

Игорь лежал на кровати и курил. Сверху опять начали сверлить.

- Достал, меня урод! подскочил Игорь и бросился к двери.
  - Игорь! испугалась Лена.

И было дернулась за ним, но остановилась.

Игорь бешено давил на звонок. Через минут пять и несколько ударов ногами по двери из квартиры вышел маленький, тщедушный, трясущийся мужичок.

- Опять сверлишь! Я тебе говорил!
- Э-ээто не й-аа! Э-ээт све-верху!
   начал заикаться мужичок.

Он выглядел таким жалким и ничтожным, что Игорь махнул рукой. И выплеснул эту злость на Лену, стоящую в дверях.

 Чего тебе тут! Что уставилась? Вечно нос суешь куда не нало!

Лена уже не плакала и даже не среагировала на удар. Несколько минут она, скрючившись, лежала на полу. Это происходило с ними так часто, что они уже перестали замечать. Она встала и отерла кровь со щеки, словно ничего не случилось.

Он достал бутылку водки и отхлебнул из горла, а потом вытащил две стопки, налил себе и ей.

Лена была в красном свитере. Она жалела, что надела его именно сегодня, теперь его не отстирать. Давно, еще года два назад, ей удалось где-то раздобыть этот свитер. И среди всех ее немногочисленных вещей она любила его больше всего. Тонкая, с невыразительной внешностью, в нем она казалась заметнее. Теперь он был заляпан кровью и уже не казался таким красивым, как раньше.

Она выпила, как пьют дети или женщины: понюхала, потом зажмурилась и сделала несколько глотков.

- Как там с работой? осмелев, спросила она.
- Никак!
- Совсем ничего?
- Совсем. Кому я нужен?!

Он словно бы хотел заплакать и не мог.

Ночь была густая и теплая для начавшейся осени. Игорь давно спал, она все ворочалась и не могла уснуть, болели ушибы и раны, болело все тело, болело где-то внутри. Она встала и вышла на улицу. Ветерок загудел в волосах, и стая листьев осыпалась на нее. Лена шла, ничего не замечая и не узнавая. Кричали пьяные люди, кричали коты, лаяли собаки. Ее будто кто-то вел. Она перестала чувствовать боль, она перестала думать. И если бы кто-то сказал ей сейчас, что она идет куда-то ночью одна, она бы очень удивилась и возразила бы, что всё это совсем не так, что она спит в кровати, там дома рядом с Игорем.

Когда-то в школе она читала Анну Каренину. И всегда думала: «Если бы со мной такое случилось, ну, если бы вдруг были какие-нибудь обстоятельства, что жить бы уже не хотелось. Я бы не так умерла. Какая ужасная смерть. Ведь поезд разрезает человека на куски. Нет, нет, лучше повеситься, утопиться... Но не так, нет...»

С чего вдруг она это вспомнила? Лена подошла к путям. «Анна Каренина», — засмеялась она про себя. И все с той же непонятной веселостью встала на рельсы. Ей вдруг подумалось, а что если ее вдруг сейчас не станет, просто не будет, и все, и тогда больше не будет драк, побоев, боли, равнодушия, ничего не будет, совсем ничего. Или же чтото и там есть, да нет, если бы было, если бы... А может, там

и лучше, она где-то читала, что лучше, но где это «там», ей никто никогда не говорил.

И тогда все поймут, снова подумалось ей, пожалеют ее и скажут что-то доброе. Эти все и был Игорь. Да нет, не скажут и не поймут, и не подумают, наверное, и не заметят. Последнее, что она успела увидеть, — огни поезда, свистящего и летящего на нее в темноте.

У них не было телефона. Игоря разбудил звонок в дверь. Это звонил участковый, бойкий молодой парень, недавно отслуживший. Он сказал Игорю, что Лена попала под поезд, что опознавать почти нечего, что при ней были документы и что одета она была в красный свитер и джинсы.

Игорь подтверждал, но не верил. Он не верил и после похорон. И все ждал, когда она придет.

По привычке он каждый день ждал ее с работы, и, не дождавшись, пил. Пил много.

Александр КРАМЕР

Любек, Германия

АНГЕЛ

На моем столе долго-долго стоял алебастровый ангел. Ангел опирался на копье и саркастически ухмылялся. Эта его ухмылка и небрежная поза были довольно противны. Противны настолько, насколько вообще противна может быть вещь, подаренная особой, что так долго морочила тебе голову, а потом принесла в твой дом дурацкую статуэтку и... исчезла, растворилась в пространстве. Возможно, что дурь, не знаю, но я все никак не мог его вышвырнуть, а он, этот ангел, вслед за ней продолжал морочить меня. В принципе, я понимал, что это всего только наглый кич, что никаких таких бурных эмоций он вызывать не может, не должен, потому что он тоже, как и дарительница его — всего только... Стоп! Дальше не стоит. Дальше можно зайти чересчур далеко...

Но ведь ангел-то был, реально существовал в моем бытии, день за днем красовался у меня на столе и дергал за нервы; а я, в свою очередь, как хотел издевался над ним, вымещая на нем все, что не мог уже никогда и никак на ней выместить...

Однажды я накормил его творогом. Я сунул ему в рот полную ложку, творог прилип к его физиономии уродливой гулькой, и я долго потом его не вытирал, чтоб хоть какое-то время не видеть наглую рожу. Но в конце концов все же выдраил его в ванной, получив дополнительно кучу положительных ощущений, пока тер его щеткой по морде.

А еще, без всякого уважения к его статусу, я изредка заставлял его курить сигареты без фильтра и наслаждал-

ся видом курящего ангела. И так далее, и так далее, и так далее...

Нет, это не шизофрения, с душой и мозгами все у меня высший класс. Пусть вам не кажется ничего. Просто совпало так, что все в это время в моей жизни разваливалось, а она была просто последней каплей!.. Просто каплей!.. Просто последней!

После того как она ушла, я придумал себе игру: набирал первый попавшийся номер и звал ее к телефону. Чаще всего, конечно, говорили, что такая здесь не живет. Иногда переспрашивали ее имя и начинали выяснять, кто я да что я. Иногда... Вариантов было довольно много, но иногда... говорили, что сейчас позовут, и я ждал с замиранием, что услышу сейчас ее голос...

Впрочем, вы думаете теперь, наверно, что это тоже, ну самую, самую малость, попахивает шизофренией. Да думайте что хотите! Ваше право.

Этот день еще с самого утра не задался. Все началось с того, что мне показалось, я вижу ее из окна трамвая. Потом, на работе, меня обрадовали тем, что отпуск мой перенесен с сентября на декабрь, и я жутко поцапался с шефом. В довершение вечером новая моя пассия, за которой я лениво ухаживал уже целых полгода, сообщила, что лень ей моя надоела, и ушла восвояси...

Не знаю, как все это соединилось с дурацкой дешевкой, но только я в бешеном раже ворвался в квартиру, схватил проклятый фетиш за голову и саданул им что есть силы об стол! Стекло на столе разбилось вдребезги, угол столешницы обломился, алебастровая уродина разлетелась на тыщу кусков, и в руках у меня осталась одна только ухмыляющаяся голова! С размаху я зашвырнул ее в угол, схватил телефон, набрал первый попавшийся номер и, когда трубку подняли, заревел, как бешеный слон:

– Ангела! позовите! немедленно!!

И вдруг... на том конце провода... спокойный и мягкий голос ответил мне:

– Ангел вас слушает...

СТАРИК

1

С утра шел дождь. Днем вдруг огромными мокрыми хлопьями повалил снег, и вскоре всюду лежала грязная ледяная каша, провоцируя богохульство водителей и ипохондрию пешеходов. К вечеру изможденный, искалеченный первой метелью город опустел, стал похож на воющую от голода черную и пустую утробу.

Жидкий, желтоватый свет одинокого фонаря превратил стеклянный навес остановки в огромную банку, наполненную формалином. Три тощие, скукоженные фигуры, заформалиненные в банке, медленно плавали от стенки к стенке, ожидая прихода трамвая как решения собственной участи.

Худой низкорослый бородатый старик в замурзанном ватнике и таких же штанах, заправленных в заляпанные грязью кирзачи, понуро и неподвижно стоял за пределами банки и безучастно смотрел на редко проносящиеся болиды, швыряющие по сторонам ошметки ледяной грязи. Тощий, выцветший от времени рюкзачишко старик перекинул со спины на живот и старательно прикрывал его, занемевшими от холода корявыми большими руками.

Трамвай все не шел и не шел. Снег все падал и падал. А ветер все выл и выл... выл, и выматывал душу.

Наконец подкатил он — звонкий, желанный, несущий свет и надежду. Три тощие скукоженные фигуры торопливо попрыгали внутрь. Старик тоже вошел за ними, последний. Трамвай дернулся и покатил, унося своих пассажиров навстречу теплу, уюту, исполнению их желаний.

2

Пассажиров в вагоне было немного: дородная дама с лицом деревенской матроны, понурый дядька, с внешностью отставного прапорщика, два престарелых джентльмена, слегка под шофе, типичный интеллигент — в шляпе, очках и с «тоской отстраненной во взгляде» и, наконец, влюбленная пара, чьих лиц видно не было, потому что они целовались.

Старик сел подальше от всех, возле окна, в задней части вагона, где лампа в плафоне перегорела и стояли сизые сумерки. Он неторопливо устроился, положил на колени рюкзак и долго сидел, весь свернувшись в комок и грея руки у рта. Наконец его руки согрелись. Тогда он развязал рюкзак, достал деревянную дудочку и заиграл...

Подлость людская привела его в город за правдой; подлость людская гнала его прочь без правды. Потому все равно ему было, что происходит вокруг; он хотел одного — успокоить иззябшую душу, увести ее прочь из замкнутого пространства к теплу и покою.

Матрона яростно рылась в объемистой черной сумке, дядька кемарил, раскачиваясь во сне, как китайский болванчик, престарелые джентльмены пихали друг друга локтями и ухахатывались, интеллигент смотрел безучастно в окно, а влюбленные целовались без устали и печали.

Старик все играл и играл, отстранившись от мира тусклой обыденности, ошметков грязи и невыносимого холода. Он был далеко, далеко, среди чистых лесов и полей, где ветер шумит, а не воет, где птицы поют, а не каркают и не чирикают и где чистую воду пьют из колодцев и родников.

Он не нужен был сейчас никому, и ему никто не был нужен. Одиночество, каким он его знал, было добрым и неопасным и всегда означало покой и свободу. А больше ему никогда ничего не хотелось.

Грохоча и сияя бежал по маршруту трамвай, неся свет и надежду всем, кто ждет их в пути. Копошились внутри трамвайном всякие-разные люди, защищенные его мощью... А за окнами злобно выла черная пустая утроба, обреченная смерти.

Георгий ПАНКРАТОВ

Севастополь

ПИПКОЙ КВЕРХУ

Ближе к одиннадцати вечера в квартире Танюхи раздался звонок. Не глядя в глазок и не спрашивая, кто там, она распахнула дверь.

На пороге стояла подруга в цветастом пуховике. Выглядела она не очень: растрепанные грязные волосы, круги под глазами, бледное лицо. Маленький вздернутый нос слегка подрагивал, как у нюхающей мышки.

- Ты одна? она не спросила, а скорее всхлипнула.
- Одна, вздохнула Танюха. На всем белом свете.

Подруга прошмыгнула на кухню, туда же направилась и Танюха, на ходу доставая сигареты из кармана халата.

- Ты как всегда, Настенька, протянула она. Раньше одиннадцати не являешься.
- А ты как будто спать собралась? огрызнулась Настенька. Небось, щас Федор с Павликом завалятся, и эти... мутные, что там вчера заходили.
- Ага, пускай завалятся, с-с-скоты, зло прошипела Танюха. Вчера мне здесь драку устроили, нажрались и давай мне квартиру крушить. А че, не своя же! Полхаты мне разнесли.
  - Чего-то незаметно.
- В комнате, затянулась Танюха. Ментов вызывали... Ну, не я, конечно, соседи. В общем, ночка веселая была. Пиво будешь?

- Давай, Настенька нервно рассмеялась и посмотрела на старенький телевизор. – Чего смотришь?
  - Где логика?
- Что значит где логика? хмыкнула Настенька. Ты мне предложила пива, я говорю: буду.
- Программа «Где логика», дура. На ТНТ. Идет вон.
   А пиво в холодильнике, бери. И мне дай.

Настенька подскочила к холодильнику и достала две банки «Сибирской короны».

- И что, интересно?
- Да так. Поржать можно. Но в кавээне он смешнее был.
- Понятно, Настенька сделала несколько крупных глотков, закрыла глаза и посидела так немного, будто приходя в чувство.

Потом вдруг улыбнулась и полезла в карман.

- А у меня вот что, радостно сказала она и поставила на стол небольшой, размером с сигаретную пачку, предмет.
- Че за хрень? удивленно уставилась Танюха. Перед ней стояла статуэтка: на низеньком постаменте конь, поднявший одно копыто, на коне всадник с длинным шлемом.
  - На воронку похоже, да? сказала наконец Настенька.
  - Чего? не поняла Танюха.
- Ну шлем у него. Как воронка перевернутая... этой, пипкой кверху.
- Ты где это взяла, а? Пипкой кверху, надо же! У тебя вся жизнь пипкой кверху!
  - Ой, у тебя будто нет. Пипкой книзу, заржала она.
  - Не смешно, обиделась Танюха.
  - Да возле Яузы нашла. В снегу валялся.
- Такой и убить можно, задумчиво сказала подруга. Тысяча восемьсот семьдесят шесть. А что в 1876 году было?
- Ты меня спрашиваешь? с вызовом бросила Настенька и тут же рассмеялась: – Я не такая старая, слава богу.
  - Вот бы мне вчера такую, когда эти гады устроили!
- Да ладно тебе причитать! Ты это, Танюх, подумай, куда ее деть можно.
- Куда-куда, ну хочешь на телик поставлю, рассмеялась Танюха и полезла за новой сигаретой. – Да уж, дела.

- Это же бронза. Или какой-то другой металл. Ты в них разбираешься?
  - Конечно! Скажешь тоже.
- Слушай, а вдруг она ценная? Старая такая, непонятная, может, из коллекции какой? Может, ее продать можно за большие деньги?
  - Знать бы куда, задумчиво сказала Танюха. Ладно.
  - Есть еще пиво, а, Танюх?
- Слушай, вот о чем ты думаешь! Пошли в интернете посмотрим. Хотя... Сиди здесь, я сейчас ноут принесу.

Через минуту подруги уже обсуждали картинки, которые выдал им Гугл-поиск, и весело смеялись. На столе появилась еще пара банок пива.

- Смотри, смотри, кричала Настенька и шмыгала маленьким носом. А что, похоже?
- Это памятник Александру в Петербурге. Смотри, конь другой. Да и сам он... Ты уверена, что твой русский?
- А если и не русский? сверкали глазки Настеньки. –
   За нерусского больше ведь дадут?
- Надо выяснить, сколько он может стоить, бормотала Танюха, набирая что-то на клавиатуре.
  - -И как мы это выясним? с надеждой спросила Настенька.
  - Давай на Авито посмотрим.
  - Смотри, дорогие какие!
  - Да-а-а, протянула Танюха, дороже, чем моя жизнь.
- Если вот эти финтифлюшки столько стоят, сколько же тогда моя! Смотри сто пятьдесят тысяч! Сто пятьдесят! Ты прикинь, какие деньги!
- Ну чего ты заладила прикинь! Они вон какие большие, а твоя малюсенькая. Максимум на пять потянет.
- Танюха! Настенька схватила подругу за руку. Мне кажется, что эта моя... штуковина она очень, очень дорого стоит! Нужно только узнать, выяснить!
- Ну вот как я тебе выясню! в сердцах воскликнула Танюха. Я что тебе, оценщик?
  - Нет. Но как-то же это можно выяснить?
- Никто нам с тобой не скажет, сколько она на самом деле стоит. Увидят же, что мы ни в чем не разбираемся. Скажут, тысячу, а потом сами загонят за миллион!

- Танюх, ну можно найти оценщиков каких-то. Мы ж с ними поделимся.
- Тъфу ты. На хрена им с тобой делиться, если они могут все себе забрать.
- Ну да, действительно, Настенька погрустнела. И что же нам делать?

Танюха отхлебнула пива и внимательно посмотрела в глаза подруге.

- Ну что ты, Настенька ты, Настенька... Действительно, думаешь, что дорогущая коллекционная вещь будет вот так возле Яузы валяться? Может, это вообще зажигалка. Ты посмотри, там кнопочки нет?
  - Ты у себя посмотри кнопочку, дура!
- Не кипятись ты. Подумай лучше башкой: какой бы коллекционер пришел к реке и выкинул стоящую вещь там, где собаки какают? Где логика?
- Может, кто грохнул кого. И не раз. Из-за этой вещи.
   Скинуть нужно было срочно. А мы только часть большой детективной цепочки.
- И чего? недоверчиво спросила Танюха. Значит, и нас грохнут?
- Ну ты, это, не ссы, неуверенно сказала Настенька. Мы в этой цепочке только загоняем то, что нашли, и живем на это бабло. Спокойно, никого не трогаем. А что там будет дальше не колышет.
  - Да ну, впадляк! Танюха захлопнула крышку ноута.
- Ты пойми, теребила ее Настенька. Мы же на эти бабки можем всю свою жизнь изменить! Ты представь! Может, это единственный шанс.
  - Может. Дай-ка мне пива еще.

Настенька живо подскочила к холодильнику и достала банку.

— А у меня один... ну, парень работал охранником в крутом супермаркете. Прикинь? Ну, не в «Пятерочке», а в каком-то таком, с наворотами. Не продуктовом даже. Платили там раза в три больше. Так там знаешь, как охрану тренируют? Он рассказывал. Приходит психолог такой, говорит: «Есть люди, в общем, мнительные — все им кажется, что кто-то их подозревает в чем. Интеллигенция,

короче, – Настенька усмехнулась. – Ну, или просто параноики. Так им с виду кажется, что все люди разные, а на самом деле все одинаковые – и повадки у всех типичные, нужно просто запомнить их, выучить, и все. За полдня первой смены, говорит, перед тобой пройдут все типы людей, что существуют. А дальше знай себе – сверяй с тем, что знаешь, и все. Работай».

- Твой Минча, что ли, говорил?
- Нет, какой, на хрен, Минча! Этот только пить могёт. Да и не бывший он. Хотя пора бы.
  - Слушай, а ты вообще это щас к чему?
  - Что к чему?

206

- Не тупи. Йсторию эту свою.
- Ну так, про воров говорили. Не, ты прикинь всех людей за полдня изучить можно!
- Ну, я прикинула, устало сказала Танюха. Слушай, пошли спать. а?
- Да я домой, наверное, Танюх. Ты только помоги. Подумай, может, че придумаешь. Ну, как загнать. Я чувствую, Танюх, вещь драгоценная. А меня чуйка не подводит. Ты вспомни, я тебе с Вадиком сразу сказала – подставит тебя. А ты...
- Хватит, резко сказала Танюха. Хочешь спать разложись вон и спи. Хочешь, телик смотри. Хочешь, домой иди. А меня уже рубит.

Настенька встала и пошла к двери.

- Только это, Танюх, не забудь.
- Есть у меня знакомые, поспрашиваю... У родителей еще спрошу.
- Ага, Танюх, до завтра! А, забыла... Я у тебя его оставлю, ладно? Всадника. Всяко в доме лучше с мужиком!

Ночью Настеньке не спалось. Она полезла в интернет и все искала статуэтки. Похожих находилось море – и стоили они от ста рублей до ста тысяч долларов. Но сколько ни вглядывалась девушка в экран – не могла понять, в чем между ними разница. Вбивала в Яндекс: как оценить драгоценную статуэтку. Все сводилось к тому, что нужно обращаться или к оценщикам, или напрямую к коллекционерам – вот только где ж найти их контакты, коллекционеров? Да еще вдруг на хозяина нарвешься!

Совсем скоро Настенька поняла, что ей жутко неинтересно изучать коллекционерские сайты, читать статьи и комментарии, вникать в них. Рассматривать всех этих мужиков, коней. Загнать статуэтку, конечно, хотелось, но листать все эти страницы дальше было выше ее сил. Она залезла в «Контакт», просмотрела стену. Наконец, по-настоящему, до слез посмеялась. Зашла в аудиозаписи, включила Земфиру:

> Пожалуйста, не умирай, Или мне придется тоже. Ты, конечно, сразу в рай, А я не думаю, что тоже...

Закурила. Услышала шум в прихожей.

- Минча? Минча, ты? крикнула Настенька.
- Минча, шептала она через полчаса в постели. Меня так накурило, разморило, ты прикинь. Ну не надо, Минча! Я не хочу сегодня. Не хочу, не хочу...

И нос ее вздрагивал, словно она была готова разрыдаться. А может, она и была готова.

Назавтра Танюха лежала в постели, когда зазвонил телефон. Солнце било в глаза, и все тело покрылось липким потом. Спать хотелось сильнее. Танюха мычала, не желая просыпаться, но солнце било так нещадно, а телефон звонил и звонил...

- Время час дня, ты чего, издеваешься? буркнула в трубку.
- Танюх, голос Настеньки был тихим и совсем не эмоциональным, словно неживым, мертвенным. Танюху аж передернуло от собственных ассоциаций. – Что бы ты сделала, если бы у тебя был миллион?
- Не знаю, сказала Танюха, закуривая. Ты что, за этим звонишь?
- А я тут представила, что у меня есть миллион, ответила Настенька все тем же голосом. Танюха на миг вообразила, как подруга лежит в ванной с перерезанными венами, и в горячую воду стекает ручьями кровь, и поднимается до потолка кровавый пар.

- У тебя все нормально?
- Ну, почти. Да, все нормально, Танюх.
- Ладно. А почему миллион?
- Ну а сколько тогда?
- Миллиард, не хочешь?!
- Миллиард нереально даже представить.
- Не знаю, сказала Танюха. Хэзэ, что бы сделала. Да и чего об этом думать?
  - А у нас мог быть миллион! Помнишь эту статуэтку?
- Ну, может еще и будет. Погоди, я же еще никому не звонила. Только проснулась. Ты, мать, даешь!
- Слушай, голос Настеньки стал еще тише, скорбнее. Я тут с Минчей рассталась. Ночью. Осталась совсем одна.

Она наконец расплакалась. Подруга молчала, не зная, что произнести, только курила, шумно затягиваясь.

- А еще с работы звонили. Говорят, сокращения. Вызвали, говорят, приезжай.
  - Ну съезди, узнай, чего там.
- Да чего там, и так понятно. Не просто же так. Слушай, Танюх?
  - -A?
- Ты это, давай, во двор выходи. Пошли эту хрень загоним.
  - Да погоди ты! Я же никому не звонила, говорю тебе.
- Похрен. В ломбард наш пойдем. К Ринату. У тебя деньги есть?
  - Вообще по нулям.
  - Вот и я, Настенька всхлипнула. Расслабиться надо.
  - Ну ладно. Щас я оденусь.
  - Ты только это, статуэтку не забудь.

Танюха открыла кран над раковиной, затушила водой сигарету.

– Ну давай. Сейчас зайду за тобой. Давай, подруга.

Александр ТИТОВ

с. Красное, Липецкая область

ЗАЧЕМ НАМ КОРОВА?..

Дождя сегодня нет, поэтому к шести часам утра завтрак уже на столе.

Но что может приготовить бабушка в такую рань? Картошка подгоревшая и пересоленная, яйца сварены так круто, что не прожуешь.

В алюминиевой миске окрошка из невыносимо кислого старого кваса. Со сна пятнадцатилетней Рае ничего не хочется, кроме молока. Оно холодное, душистое, только что из погреба, и девочка с удовольствием пьет его из стакана.

На лавку присаживается мать, без особого аппетита хлебает окрошку. Мать выглядит усталой — она уже подоила корову, угнала скотину в стадо, накормила двух свиней. В хозяйстве, кроме того, двадцать шесть прожорливых утят, двенадцать гусей, гусыня с семью гусятами, десятка два кур и сорок три цыпленка, привезенных недавно с инкубатора.

Одета мать в серую кофту, которая была когда-то новой, имела фиолетовый цвет, была мягкой и приятной на ощупь. Кофту мать последнее время почти не снимает и не жалеет, и по дому в ней ходит, и со скотиной занимается.

Начинающие седеть волосы мать плотно затянула белой косынкой. Такая же косынка приготовлена и для Раи, потому что день обещает быть жарким и солнце может напечь голову.

- Что ты, дочка, такая вялая? Ешь скорее!.. торопит мать, однако голос у нее ласковый. В поле завтрак для нас никто не принесет... Вчера, небось, опять свой ноутбук допоздна смотрела? Говорила тебе ложись, ложись пораньше, иначе не выспишься...
  - Так ведь хочется все посмотреть!..
- Нечего смотреть, там разные гадости показывают... Что ж, из-за этих картинок совсем не спать, что ли?

Рая не отвечает. Вопрос кажется ей лишенным смысла. В интернете новые клипы, моды, рецепты красоты...

«И зачем только семья держит корову, если молоко можно купить в автолавке? — размышляет Рая. — Магазинное молоко сделано из порошка, зато оно приятное на вкус, сладкое — слаще настоящего...»

Мать и дочь собираются идти ворошить сено. Скосили его неделю назад, только вот дожди не дали просохнуть. Если в ближайшее время сено не свезти, оно заплесневеет, пропитается сыростью, и тогда неизвестно, что с ним делать.

Рая вздыхает: с коровой ужасно много хлопот. Иной раз думаешь, лучше чаю напиться, только бы оставили в покое и никуда не посылали. Она ждет не дождется, когда кончатся каникулы, и тогда и снова можно ходить в школу, в девятый класс.

На прошлой неделе, пока шли дожди, девочка вволю отсыпалась. Уж она-то знает, как приятно проснуться утром не от прикосновения материнской руки, а оттого, что выспалась, при этом хорошенько потянуться, зевнуть и полежать с открытыми глазами, разглядывая знакомый родной потолок.

Когда мать окликает спящую Раю, голос ее кажется непривычно громким:

– Райка! Подымайся на сено идтить! – Мать говорит с деревенским акцентом, а Рае этот ее выговор кажется смешным.

Подумать только — назвали Раей. Разве у нее райское житье? Особенно летом, когда так и тянет посидеть в холодке. Хотя, с другой стороны, летом совсем неплохо. Вечера теплые — можно надеть модное платье, купленное по

весне на базаре, вспушить гребнем волосы, распустить их по плечам и не спеша идти на танцы. В деревне Ближние Хутора, где живет Рая, есть клуб, вернее небольшой ничейный домик. Дачники его отремонтировали, поставили скамейки. Возле самодельного клуба пятачок для танцев. Клуб открывает и закрывает дед Проня. Он когда-то сторожил колхозную ферму, а теперь ферма разрушена, и он с удовольствием присматривает за «клубом» на общественных началах и с гордостью именует себя «заведующим».

И еще хорошо, что летом в деревню приезжают мальчишки и парни из города, среди которых попадаются симпатичные. Девчонки-подружки, недовольные скучной деревенской жизнью и мечтающие стать моделями, говорят, будто в деревне ребят мало и совсем не с кем дружить. Это они на словах из себя воображают... Вот, например, городской парень Васек. Он очень даже неравнодушен к Рае и часто с ней разговаривает возле клуба. Васек говорил, что в селе жить хорошо, ему тут все нравится: речка чистая, в лесу навалом грибов, дядька учит мотоциклом управлять.

– Тебе-то хорошо... – снисходительно усмехнулась Рая. – Ты бы сено поворошил на жаре, по-другому бы заговорил...

Интересно, остался бы Васек жить здесь навсегда, если бы полюбил Раю и предложил ей руку и сердце, как это делают герои интересных книг? Рая бы осталась. Все ей здесь привычно, все она умеет делать, и Васек жил бы за ней, как за каменной стеной. Построили бы свой дом, завели корову... Ой, нет, корову не нужно! Васек будет зарабатывать много денег и покупать молоко и сметану в пакетах.

Хорошо бы им жилось. Рая бы наварила целый погреб варенья, чтоб хватило на всю зиму.

После завтрака мать и дочь собирались недолго – взяли двое граблей, большой термос с холодной водой, на всякий случай плащи – дождь в такую жару может в любой час нагрянуть совсем неожиданно!..

Отец подвез их на старых «жигулях» к лугу. В гараже у отца еще есть не очень новая иномарка «опель», и потому отец мечтает купить новую, более современную машину.

Отец по-прежнему работает в бывшем колхозе, только он теперь не «колхозом» называется, а каким-то ОАО. Теперь в полях выращивают картошку для приготовления чипсов. Это такая особенная картошка, клубни круглые и очень гладкие, чтобы машина автоматически нарезала их на дольки. Отец приносил домой на семена клубни голландского, египетского, израильского картофеля...

Отец высадил жену и дочь на лугу, где лежали валки скошенного сена — он с раннего утра успел выкосить большой участок. Затем отец, не глуша мотора «жигулей», развернулся и поехал на большое поле, где он на тракторе будет опрыскивать картошку ядом от колорадских жуков.

Над пойменным лугом жара. Кажется, солнце соскучилось по работе и старается вовсю. Ветер же, наоборот, уморился гонять тяжелые дождевые тучи и решил отдохнуть. Когда Рая была маленькой, солнце представлялось ей доброй круглолицей тетенькой, которая всегда улыбается, ветер же казался ворчливым косматым стариком, обутым в залатанные валенки.

Старичок ветер жил в дубраве неподалеку от деревни и в спокойную ясную погоду спал в самой темной чаще, и когда девочки приходили в лес за грибами, он шевелил верхушки деревьев и недовольно шелестел листвой, будто говорил: «Ш-што ш-шляетесь?.. Уш-ш я вас!»

Несмотря на жару, земля высохнуть не успела. Переворачиваешь валок сена, а под ним чуть ли не лужа, блестят мокрые зеленые травинки. Раздевшись до купальника, Рая решила загорать, хотя и так уже коричневая.

Смотри, опять обгоришь, – неодобрительно качает головой мать.

Когда тяпали картошку на своем огороде, Рая слишком долго была на солнце, – спина, плечи, руки стали красные, как у вареного рака. Две ночи она мучилась – не могла спать на спине, потом кожа перестала болеть и оползла белыми лохматыми чешуйками. Рая шелушит ее, ощущая новую, глянцевую.

Кроме жары допекают оводы. Они словно ждали, когда Рая снимет платье, и один за другим стали кружить вокруг нее. Оводы крупные – раза в два больше пчелы, неизвест-

но где отъелись. Если пчелу можно угадать по жужжанию, то овод садится быстро и бесшумно. Но уж коли сел, сразу не улетит — щекочет мохнатыми лапками, примериваясь, как лучше напиться Раиной крови.

– Ах, ты! – шепчет девочка, стараясь не шевелиться, и прицеливается ладонью. Хлоп! Насекомое мягким комочком падает в траву. Не успеет Рая убить или прогнать вредное насекомое, как неожиданно резкий укол заставляет девочку тихонько взвизгнуть, и удар ладони приходится по пустому месту.

Оденься! – ругается мать. – К чему тебе этот загар?
 Я никогда не загорала и, помилуй бог, кожа здоровая.

Валков сена очень много – Раю удивляет, что отец с матерью сумели так много накосить. Ведь махать косой гораздо труднее, чем просто ворошить. Несколько раз девочка подходила к термосу, пила прохладную, словно только что из-под крана, воду. Жажда утоляется лишь на минуту, вода приятным холодком разливается по желудку, зато окружающий воздух кажется еще жарче, еще неподвижнее. Хочется пойти в тень, расстелить плащ и с часок отдохнуть.

Луг кочковатый и мокрый. И не потому, что шли дожди, — земля сырая сама по себе. Наверное, когда-то в этом месте давным-давно стояло болото, а потом засохло, вспучилось кочками. Некоторые из них заселили муравьи. Грабли то и дело цепляют за муравейники. Жаль тревожить маленький копошащийся народец, рушить его замысловатые постройки, да только не разглядеть их под плотными гривами сена. Вот снова задета верхушка муравьиного общежития — насекомые суетятся, спасают свое будущее потомство, тащат личинки вглубь земли, подальше от жгучих лучей солнца.

Рае жаль муравьих – с белыми личинками в лапках, они похожи на маленьких человечков с грудными детьми на руках.

Сено в этом году хорошее, сочное. Но в нем много колючек – их корова есть не будет. Завидев длинный, усеянный острыми колючками стебель, Рая осторожно вытаскивает его, отбрасывает в сторону. Далеко разносится густой запах влажной травы, подсыхающей на солнце.

Незаметно подходит время обеда. Вот и отец на своем старом «жигуле». Приехали домой, бабушка уже собрала обед. И вовремя — Рая проголодалась. Любая еда сейчас кажется ей хорошей и вкусной. Украшение стола — грибы, которые Рая недавно нарвала в ельнике. Это маслята — самые лучшие, по мнению Раи, грибы. Поджаренные на свежем сливочном масле, они вкуснее самых изысканных деликатесов.

Втайне девочка надеялась, что после обеда сено ворошить не придется. Уж тогда-то она без всяких размышлений ляжет спать и проспит до вечера, когда придет время собираться в клуб. Но ее ждало разочарование. Отец, допив молоко из большой эмалированной кружки, шумно вздохнул:

– Отдохнем часок и опять за работу. Мне в поле, вам на сено. День хороший, теплый. Надо пользоваться моментом и как следует перетряхнуть все валки. Вечером, часов в шесть, приеду на тракторе с тележкой – погрузим, сколько успеем до темноты, и увезем. Чего ему, сену, там лежать? Спокойнее, когда оно возле дома, да и погода ненадежная...

После обеда, пока мать доила корову, Рая поговорила с Валей по мобильному телефону — подружка сообщала, что сегодня возле клуба соберется местная молодежь. Как интересно!.. Уже во время разговора Рая позевывала, затем сразу заснула. Это был тревожный прерывистый сон. Лежа на диване, Рая то впадала в забытье, то вздрагивала, мутным взглядом смотрела на часы: четверть второго... половина... без четверти... Когда же Рае приснился какойто забавный цветной мультфильм, раздался тихий голос матери:

– Вставай, доченька, пора.

Рая мгновенно проснулась, не решаясь открыть глаза.

– Поднимайся, милая, отец машину заводит. Сейчас опять на луг поедем...

Не веря ее словам, Рая взглянула на часы. Было ровно два часа.

Ворошить оказалось труднее, чем просто перевертывать валки. Казалось бы, что здесь такого – шевели тра-

ву, и все. Именно такими несложными кажутся издалека движения женщин, равномерно двигающих взад-вперед граблями. Однако работа эта требует внимания — сверху валок кажется сухим, но шевельни его граблями — и увидишь внутри мокрое сено. Приходится вытягивать стебли наружу, на солнечное тепло, трясти их, чтобы они как следует просыхали.

Во время однообразной работы Рае хочется, чтобы скорее пришла зима, вернее, зимние каникулы. Можно спокойно посидеть в интернете, пообщаться в «Одноклассниках», «ВКонтакте»... Особенно хорошо листать интернет-страницы под шум вьюги, гудящей за деревянной стеной. Иногда на улице от ветра сплетаются провода, летят искры, свет в доме гаснет. Экран ноутбука через час тоже тухнет, кончается заряд в аккумуляторе. По мобильнику можно набрать интересный сайт, позвонить единственной подруге Вале...

У отца на случай отключения электричества припасена керосиновая лампа. Она всегда наготове, спрятана за шторкой на подоконнике. Желтый колеблющийся огонек освещает комнату, в доме делается уютно...

«Какая же я лентяйка! – с горечью думает Рая. – И в кого я такая? Мать, отец, бабушка – все любят работать, а я...»

К вечеру сено на лугу, наконец, переворошено, солнце к этому времени как следует его просушило.

- Сена, оказывается, не так уж и много... Рая улыбается, смотрит вокруг, затем подносит к глазам свои тонкие твердые ладони. Они блестят, словно отполированные натерлись о деревянную ручку грабель.
- Посиди, дочка, отдохни, советует мать, сейчас закучивать будем, пока роса не легла. Отец приедет прямо из куч грузить начнем.
- Тогда давай без перерыва, предложила Рая, а то рассидимся, и вставать не захочется.

Сено легко подгребается в душистые кучи, сухо потрескивает. Закучивают долго, тех пор, пока в сумерках раздается шум колесного трактора. Отец немного запоздал. Он с усталым видом выпрыгивает из кабины, достает из тележки вилы с длинной ручкой.

 Ну, вижу, дела тут не стояли! – с довольным видом осматривает он луг. – Вон как сено расколошматили! Давайте теперь грузить.

Мать берет длинные вилы, начинает подавать отцу тяжелые навильники. Рая в который раз дивится выносливости матери: на вид хрупкая, слабая, а работает легко, привычно. Отец, как самый тяжелый, взялся укладывать сено, старательно приминает его ногами. Рая сгребает клочки сена, упавшие с вил матери.

Наполняли тракторную тележку долго. Она казалась бездонной – сколько ни грузи, стожок никак не вырастает, а тут еще отец приминает и приминает его своими тяжелыми кирзовыми сапогами.

Угасала правая сторона неба. Закат из ярко-розового окрасился в малиновый цвет. Полетели ночные насекомые, похожие на маленькие вертолеты.

«Валя, небось, уже в клуб пришла... – подумала Рая и стала шустрее подгребать сено, стараясь хоть как-то ускорить работу. – И Васек, наверное, тоже там...»

Мать грузит сено на тележку равномерными движениями, на первый взгляд даже вяло, но Рая знает, что таким способом мать экономит силы и меньше устает.

Вот уже первая звездочка появилась. Самая яркая — над «лягушатником» — большой лужей, где живут лягушки. Увидев звездочку, они дружно заквакали, словно давно ждали ее появления. Склонив голову набок. Рая прислушалась — к чему это кваканье? Не к дождю ли?

- Ну, хватит, сказал отец, вытирая пот фуражкой, остальное завтра увезем с утречка...
- Давай сейчас, все сразу заберем, предложила Рая, чтобы разделаться с ним раз и навсегда!
- Темно уже. Завтра вы с матерью поворошите оставшееся сено еще разок, и в обед заберем его домой. — Отец закрепил возок веревкой, крепко затянул ее на узел. Мать и Рая забрались наверх, на пахучее утрамбованное сено. Трактор взревел мотором, дернул груженую тележку и с легким рокотом потянул ее по проселочной дороге, освещая путь ярким светом фар.

Рае, сидящей неподвижно, стало прохладно. Она завернулась в плащ, прилегла на сено и задремала. Мать подложила ей под голову свою руку, чтобы дочь не свалилась вниз.

- Мам, я на танцы пойду!.. сонно проговорила Рая, закрывая глаза от усталости.
- Иди, я тебя держу, что ль... мать усмехнулась, погладила дочь по светлым волосам, поцеловала ее в загорелую щеку.

Наталья КРАВЦОВА

п. Домбаровский, Оренбургская область

ХОЧЕШЬ ЗАМУЖ?

Сережка Максимов приходил в детсад первым. Отец, человек военный, с раннего детства приучал его к дисциплине. Просыпаясь от звона будильника, Сережа без промедления вставал с кровати и одевался за несколько секунд. Его уже ждал папа, а папу ждала служба.

Дом офицерского состава находился в двух шагах от детсада. Отец шел к машине, которая увозила офицеров полка на аэродром, попутно заводил сына в садик. С неизменной улыбкой отдавал честь Антонине Васильевне, Тонечке, и, бодрый, подтянутый (мечта незамужних воспитательниц), проходил несколько метров вдоль ограды, легко запрыгивал в кузов армейского грузовика и уезжал в свой полк.

Мальчишка отца любил и гордился им. Он будет таким же! «Эх, Сережа, повезло же твоей маме, вон какой у вас папа герой, — улыбалась Тонечка. — И ты, наверно, завидным женихом вырастешь». «Да!» — легко соглашался с ней Сережка. «Жених» был худощав, невысокого росточка. Рыженький, с карими глазами и веснушками. Серьезный такой парнишка четырех с половиной лет.

Невеста у него уже была, Аля из его группы. Правда, она пока не знала о его серьезных намерениях, они просто дружили и не могли обходиться друг без друга. Сегодня предстояло объясниться, потому что папу переводили на Север и семья уезжала вместе с ним. Приказ был подписан и не обсуждался.

Мама сказала, что времени в запасе много, собрать вещи они успеют за день, в контейнер все равно грузить нечего и что Сережа будет ходить в садик до самого отъезда. Это хорошо, у Альки есть время поговорить с родителями, потому что она поедет с ним. Они поженятся. В ее согласии сомнений не было.

«Конечно, – сказала девочка, выслушав друга, – поженимся, я поговорю с мамой».

* * *

В этот вечер Алька пришла домой счастливая, но необычайно задумчивая. Как жить без Сережки Максимова, она не представляла. Он – первый мальчик, который сказал, что она красивая. С ним интересно. Он столько всего знает! Он незаменимый, она всегда скучает, когда он болеет и не ходит в садик. Если Сережка в саду, то ей больше никто не нужен. Им хорошо вдвоем.

Мама с утра затеяла обычную для весны уборку, побелила потолок и стены в спальне. Вечером они вместе вымыли окно и пол. Оставалось повесить шторы, и можно было присесть за стол для серьезного разговора.

Лелечка, младшая сестренка, спала в коляске в другой комнате. Папа еще не пришел после работы. Самое время поговорить с мамой, она должна первой узнать Алькины новости.

«Мама, я выхожу замуж! За Сережу Максимова! Еду с ним на Север, его папу переводят! А у тебя есть Леля, я тебе не нужна!» – выпалила Алька, едва мама присела передохнуть.

«Хорошо, езжай, — ответила мама и улыбнулась, — такими парнями не разбрасываются. И вы, наверное, друг друга любите. Но мне будет тебя не хватать. Леля еще совсем маленькая, мне нужна твоя помощь. И остальные комнаты мы еще не убрали. Без тебя я не справлюсь. Но вы же не скоро уезжаете, ты успеешь мне помочь?»

Алька согласно кивнула. Как хорошо, что родилась сестра, иначе вряд ли мама так легко бы ее отпустила.

* * *

Сережа в тот же вечер поговорил со своими папой и мамой. Выставил ультиматум – без Альки он никуда

220

не поедет. Родители посоветовались и согласились взять Алю с собой на Север.

Дети были счастливы целый месяц. Мечтали, не могли наговориться.

«Там северное сияние! Там ночью светло! Там олени вместо коней! И еще на собаках можно кататься по снегу!» – рассказывал жених, повторяя папины слова. Невеста внимательно его слушала, о Севере и оленях она знала из сказки о Снежной королеве. Там холодно и не бывает лета...

В саду скоро прознали о предстоящей свадьбе и дразнились «тили-тили-тесто, жених да невеста», завидовали, конечно. Сережка дрался до тех пор, пока от их парочки не отстали.

В группе был еще один Сергей, который нравился Альке. Жаль, что его с собой на Север не позовешь, это женихов может быть много, а муж – только один.

Воспитатель Тонечка за детьми присматривала внимательнее обычного и считала, что в четыре года жениться рано, надо еще подрасти. Смешная!

В конце мая их выпустили из средней группы и перевели в старшую. А потом наступило лето, влюбленных разлучили, Алю увезли в деревню к бабушке.

* * *

В том памятном мае у Альки случилась еще одна любовь. По дороге из детского сада домой она встретила необыкновенного человека. На улице потеплело, и на лавочке возле своего двора сидели старик со старушкой.

Бабушку Алька не заметила, а вот от деда не могла отвести глаз, полюбила с первого взгляда. Это был Дед Мороз с длинной белой бородой и усами, только без красной шубы и шапки. Да и незачем ему шуба в такую теплынь... Они познакомились и подружились. Ну как Деду Морозу обойтись без внучки Снегурочки?

Дедушка каждый вечер встречал Альку из садика, называл «внученькой», вручал приготовленную для нее конфету. Девчонка мчалась ему навстречу, с ходу обнимала, забиралась на колени, ласково гладила бороду и усы, дарила ему столько любви, что будь он настоящим Дедом Морозом, растаял бы в одночасье.

Старик ждал ее и радовался до слез неожиданно обрушившейся лавине искренней детской любви. Родных внуков у него не было. И Алька росла без родного деда, потому что он рано умер.

Мама обомлела, увидев однажды, как дочь обнимает в магазине незнакомого пожилого мужчину, а тот ей ласково улыбается и встает в очередь, чтобы купить конфеты. Пришлось отстоять очередь вместе с Алей и дедом Петей, принять угощение, благодарить и извиняться одновременно.

«Что ты, дочка, – успокоил старик Алькину маму, – за любовь не извиняются, ею награждают. У нас с внученькой любовь взаимная. Ты ее не брани».

* * *

«Бабуль, я скоро уеду! Замуж выхожу за Сережку Максимова», - доложила Алька свои новости бабушке, едва переступив порог, и обнимая ее, такую родную, теплую, мягкую, такую красивую и нарядную.

Дочь и внучки приехали на все лето. Бабушка встречала гостей в новом цветастом халате и белом, с голубыми узорами, платочке. Удивленно всплеснула руками, прижала к себе Альку: «Что ж, придется тебя научить готовить, шить, вязать. Будешь мне по хозяйству помогать, присматриваться. А то какая ж из тебя невеста? Не умеешь ничего. Враз разберутся и назад вернут». Внучка согласно закивала: «Учи! Буду! Не вернут!»

Новости на этом не закончились. «Бабушка, хочешь замуж? Хочешь или нет? - почему-то шепотом спрашивала Алька. – Я с таким дедушкой познакомилась! Сказка! Мечта! Борода белая, длинная, мягкая-мягкая. И усы белые, совсем не колючие. Волосы белые, кудрявые под фуражкой. В карманах конфеты лежат для меня. Он красивый! Хороший! Добрый! Я его люблю! И он меня любит. А зовут его дедушка Петя. Давай его к себе жить возьмем?»

«Это что ж, такой дед и бесхозный? Жены у него нет?» – уточнила бабушка, сразу заподозрив, что внучка о главном не договаривает.

«Есть. Но она старая, некрасивая. А ты у нас молодая. И дом у нас большой. И сад. Он сразу в тебя влюбится. Ну, можно и с женой забрать, если без нее не пойдет...» — Алька очень старалась, подбирая аргументы, надеясь, что бабушка поддастся на уговоры. Никогда и ни в чем ей отказа не было. Но бабушка только смеялась и качала головой: «Нет уж, милая, спасибо, спасибо»...

* * *

Пролетело Алькино лето. Веселое, полное интересных событий, приключений и встреч. Случилось и расставание, только Аля о нем не знала.

В сентябре Сережи Максимова в саду не оказалось. Уезжая, он не смог отыскать свою невесту. Городской телефон не отвечал, сотовых тогда еще не изобрели. Стучал в ее дверь, но соседка сказала, что дома никого нет: папа уехал работать в спортивный лагерь, а Альку с мамой и младшей сестрой на все лето отвез к бабушке.

Дед Петя только руками развел, у них с бабушкой Алька не появлялась. Должно быть, гостит у родной бабушки в деревне, а в какой деревне — не знал. «Давно не видел. Скучаю по ней», — вздохнул дедушка.

«Нас переводят. Улетаю завтрашним бортом в другой гарнизон. В пять утра. На Север. Служба у нас такая. Она моя невеста, а я ее не нашел», – поделился Сережа. Слез не было – мужчины не плачут...

Поговорили по-мужски за калиткой, попрощались за руку: «Служи, внучек. Я присмотрю за твоей невестой, чтоб раньше времени замуж не выскочила. А ты прилетай, как сможешь, обратно. Будем тебя ждать».

Писать Сергей еще не умел, поэтому передал через воспитательницу Тонечку рисунок для Альки — северное сияние в полнеба, олень с ветвистыми рогами, а на нем — девочка, ищущая среди снегов своего Кая, а может, его, Сережку, живущего на Северах...

Роман ГУСЕВ *Москва*

ГУТЕНМОРГ

Майя с визгом пролетела по льду, как пингвиненок, и остановилась у края полыньи. Она неловко поднялась на ноги, опираясь на свою пластмассовую лопатку, и подошла совсем близко к воде. Стала откалывать лед лопаткой. Льдинка с шапкой снега отломилась и медленно поплыла белым пароходом, гонимая течением реки. Поверх зеленого капюшона Майи был туго намотан шарф, и она ничего не слышала вокруг. У реки не было ни души. Она подняла голову и огляделась. Всюду лежал тяжелый сырой снег, но кое-где уже показалась черная земля, особенно на вершине склона. Внизу из снега беспорядочно торчали ветки, очерчивая русло реки. Тут Майя увидела ниже по течению человека. Он тоже был весь черный и казался просто куском оттаявшей земли или обломком дерева, торчащим из снега. Майя помахала ему лопаткой. Человек помахал ей в ответ. Потом он сунул руки в накладные карманы телогрейки и побрел в сторону поселка. Тут Майю точно током прошибло: «Гутенморг, это же он и есть», – подумала она и побежала за ним.

Родители всегда брали Майю и ее старшую сестру Катрин в свой загородный дом несколько раз за зиму. Особенно если папочка получал свой фокус-покус в конце года. Тогда и у мамочки случалось хорошее настроение. В дом приходил праздник. В новогоднюю ночь сестер ждала

целая гора подарков под елкой, под настоящей живой елью, раскинувшей свои пышные лапы в холле. Но открывать подарки до утра было нельзя. В этот год родители пригласили своих соседей с детьми. Пока взрослые шумели внизу, дети заполучили весь второй этаж. Командование взяла в свои руки самая старшая, Катрин. Сначала все дети бесились и играли в прятки. Только Майя не играла. Она всюду следовала за сестрой и помогала ей следить за порядком, чувствуя ответственность как хозяйка дома. К тому же никого из взрослых на втором этаже не было. Только иногда няня Оля заглядывала к ним проверить: всё ли в порядке. Когда дети вымотались, родители разрешили Катрин разжечь застекленный камин в спальне. Старшая сестра погасила свет в комнате, и дети сели подле огня. Пламя охватило сухие дрова и заворожило детей. Даже самые шумные ребята, малявки Ваня и Филя, притихли. И тогда Катрин рассказала о Гутенморге.

В темной дремучей чаще глубоко в лесу живет Гутенморг. Тело его покрыто длинной, жесткой шерстью, как у волка, на безобразных руках сверкают острые когти, а дыхание такое вонючее, что птица падает замертво в десяти шагах. Но Гутенморг хитер, он умеет принимать человеческий облик, и тогда пропадает даже запах изо рта. Летом, когда все звери радуются теплу, в лесу созревает земляника, а по канавам дикая малина, Гутенморг спит, забившись в свою тесную берлогу. В его чаще всегда темно и сыро, солнце не может пробиться сюда сквозь густые кроны деревьев. Вход в свою берлогу он затыкает ворохом мокрой прошлогодней листвы, чтобы никто не потревожил его сон. Так проходит время. Вслед за летом наступает осень, листья желтеют и опадают с деревьев, птицы улетают в теплые страны, белки запасают орехи на зиму, бобры чинят свои плотины, и все остальные звери готовятся к холодам. А Гутенморг все спит. Но только стоит первой снежинке коснуться земли, и в тот самый миг Гутенморг распахивает свои желтые голодные глаза и просыпается. Он переворачивается с боку на бок, разгребает когтями вход в берлогу и жадно вдыхает воздух, чуя приближение зимы. А когда ледяной ветер сковывает лед на реке и в лесу ложится густой снег, он выбирается из своей берлоги. Так и бродит он всю зиму в глубине леса. Только иногда по утрам он оборачивается человеком и выходит на открытые места поближе к селениям, одиноко ходит вдоль кромки леса, приглядывается, принюхивается.

Повстречать Гутенморга – большая удача, ведь он умеет исполнять любые желания. Но редко кому удается признать лесного монстра в обычном прохожем. И только дети с легкостью узнают его. Желания Гутенморг исполняет не просто так, ведь он из тех волшебных существ, что обожают загадки. Ответишь правильно – выполнит одно твое желание, а ошибешься – и он утащит тебя в свою берлогу. Тут уж поминай как звали. Загадки у Гутенморга сложные, не всякий справится. Ходят слухи, что в прошлом году один мальчик из соседней деревни повстречал Гутенморга, и с тех пор никто мальчика того не видел. Видно, загадка оказалась мальчику не по зубам. Потом жители деревни прочесали весь лес вдоль и поперек в поисках берлоги Гутенморга, облазили каждый закуток в округе, но так и не нашли никаких следов.

Дети слушали и слушали рассказ Катрин о лесном чудище, а дрова медленно прогорали в камине, отбрасывая красные блики на их испуганные лица.

В начале весны сестер снова привезли в загородный дом. И вот теперь Майя бросилась со всех ног за человеком, возникшим точно из ниоткуда. Он хоть и шел медленно, неловко загребая ногами снег, но ей хватило труда, чтобы догнать его. Наконец она дернула Гутенморга за край телогрейки. Он остановился и, наклонившись, посмотрел на Майю своими желтыми глазами, пронизанными сетью красных прожилок.

— Здравствуй, Майя, — сказал он. — А я за тобой следил. Всё думал: заметишь меня или нет, — голос у человека был трескучий, осипший, так пищат сырые поленья, брошенные в костер. — Но ты очень внимательная девочка. Что ты делала на реке?

- Вы меня знаете? Майя задрала голову и ослабила шарф на шее, чтобы лучше слышать.
- Я всё смотрел и думал: сломается под тобой лед или выдержит. Там край совсем тонкий из-за течения, он махнул туда, откуда прибежала Майя. Но ты, похоже, совсем легкая. Конечно, я тебя знаю, и сестру твою Карину знаю. Мы с ней лучшие друзья. Разве она не рассказывала обо мне?
- Мою сестру зовут Катрин,
   Майя отступила на несколько шагов.
   И она ничего не говорила.
- Катрин, я так и сказал, человек громко шмыгнул носом. С реки дул ветер, а он стоял без шапки. Распухшие мочки его ушей совсем посинели. Не может быть, чтобы ты про меня ничего не слышала. Подумай.
- Это правда, что вы умеете исполнять желания? Майя опустила лицо и уставилась себе под ноги. Она знала, что неприлично навязываться, но ей не терпелось поскорее чего-нибудь загадать.
- Нет, Майя, я не волшебник. Зато если я посажу тебя в мешок и спрячу где-нибудь в лесу, твои родители сделают всё, что я попрошу. Как считаешь?

Майя засмеялась:

- Конечно, вы не волшебник. Вы Гутенморг, лесное чудище, я сразу вас узнала. А родители даже не заметят, что я пропала. Только няня Оля разволнуется, потому что ей за меня влетит. Ох, и как она разволнуется-то, Майя представила лицо няни. Ей же тогда зарплату не заплатят и уволят, и больше потом никуда не возьмут на работу. И она тогда умрет от голода.
- Ты очень умная девочка. И за то, что ты узнала меня, я кое-что тебе покажу, – Человек взял Майю за руку.
- А загадку вы загадывать будете? вдруг спросила Майя. Человек утвердительно кивнул, и он пошли по дорожке. Майя волочила за собой лопатку и оставляла в снегу тонкую полосу. Она делала вид, что играется, но на самом деле это было для того, чтобы отыскать обратный путь домой.

Коттеджный поселок стоял на возвышении. Внизу протекала река, позади поселка начинался лес. Но че-

ловек повел девочку в другую сторону. Они спустились в небольшой овраг, по дну которого протекал ручей, и побрели прямо по замерзшему руслу. Майе показалось, что идут они уже долго. Она крутила головой по сторонам. Места были незнакомые, здесь с няней Олей они еще не гуляли. Вдруг человек подхватил Майю на руки поперек туловища и закрутился вместе с ней на месте. Майя что есть силы закричала. А он громко расхохотался, заглушив ее крик, и еще быстрее закрутился. Потом выскочил из оврага прямо по сугробам наверх и замер. Осторожно поставил Майю на землю перед собой и положил ей руки на плечи. Она сразу замолчала, сглотнув слезы.

– Смотри, – сказал ей человек.

Перед ними лежала груда бурого кирпича под толщей снега. Отовсюду торчали засохшие кусты крапивы, скрывая часть кирпичей, но всё равно из глубины проступали очертания дымохода. Человек и Майя стояли на пороге дома. Но не было уже ни крыши, ни стен, только гнилые доски и битый кирпич под ногами. Снежный выступ окружал развалины, образуя квадрат.

– Вот мы и дома, – произнес человек и вздохнул. – Я тогда уехал в город учиться и жил в общежитии, оставил отца одного. Здесь целая деревня стояла тогда, от ручья и до самой грунтовки. Хорошие места. И вот однажды пришли люди и сказали, что будут строить вместо деревни поселок для богатых. Непростые это были люди, с такими особо не поспоришь. Все соседи испугались, отдали дома за бесценок и разъехались кто куда. А отец уперся. Упрямый он был, понимаешь. Избы в деревне все разобрали, раскатали по бревнышку, пригнали строительную технику, а он все ни в какую. Ему уже и деньги нормальные стали предлагать. А он только смеется. Потом в одну из ночей дом наш сгорел вместе с отцом. Ну, следователь приходил, конечно, да что толку. И самое обидное, коттеджи эти чертовы решили потом ближе к реке строить. Теперь в том поселке живешь ты. Так что, Майя, вот и загадка к тебе подоспела, – наклонился он к девочке. – Как по-твоему, кто дом поджег?

- Дядя, я домой хочу. Можно мы обратно пойдем? спросила Майя. Человек больше не держал ее, она сама теперь держалась за край его телогрейки. И они пошли обратно. Человек больше ничего не рассказывал. Когда они вошли в поселок, человек заметил в конце улицы машину МЧС и толпу народа.
- Да, может, и правда он просто пьяный был, спросил сам себя человек, глядя как суетятся люди в конце улицы. Знаешь, Майя, ты иди дальше сама, предложил он девочке. А я отсюда посмотрю, как ты идешь.

И она пошла домой.

Ирина ЗВЯГИНА

г. Красноперекопск, Крым

КУКУШКА

Анна Ивановна Ерофеева мужа своего, Степана, похоронила еще в запрошлом году. Прожили они, что называется, в любви и согласии ровно тридцать лет и три года. Деток родили, воспитали. Внуки появились. Все хорошо было: дом, достаток...

Но вот простудился Степан Ерофеев. Стены штробил. Кто умеет, тому не надо рассказывать, что за пылища стоит в тесной комнатушке, когда перфоратором стены долбишь. Ни вздохнуть, ни охнуть. Чтобы малость проветрить, Степан приоткрыл окошечко. Тут-то подлый сквознячок его и подстерег. Кабы знал, где упадешь... И накрыло простого работягу воспаление легких. А доктора в глубинке — чуть не поголовно сосланные мединститутом двоечники. В общем, не повезло Степану, вылечили его на всю оставшуюся смерть. А потом по всем полагающимся обычаям обмыли, отпели и оплакали.

Анна Ивановна так и не смогла смириться с тем, что мужа уже нет. Ей все казалось, что он где-то здесь, совсем рядом, и слышит ее. Она даже разговаривала с ним, рассказывала ему новости про взрослых детей, про подрастающих внучек. Она могла часами говорить с мужем, сидя в одиночестве на клетчатом диване. Дети, услышав такие монологи, решили, что мать тронулась умом. Ее уговаривали, усовещивали, доказывали, что бред о бессмертии

Кукушка

души — это поповские выдумки. Однажды отвели к доктору, сказав, что бабка с горя крышей поехала. Доктор тоже, по всей видимости, был в числе неуспевающих, прописал витамины, тем дело и кончилось.

С тех пор Анна Ивановна зачастила на кладбище, здесь никто не мешал ей общаться с мужем, не стыдил, не выговаривал. Здесь каждый занят был своим горем.

Сегодня женщина принесла с собой ведро и совочек. Могилка изрядно просела, следовало подсыпать землицы, подровнять холмик. Ходить за грунтом предполагалось в другой сектор. Пока туда, пока обратно, каждое ведро грунта обходилось минут в тридцать. Но женщина не торопилась. Вернувшись из очередного рейса, она высыпала землю и присела на скамеечку.

– Ой, Степушка, устала... посижу малость.

Она сняла косынку, поправила седую прядь волос и посмотрела вверх, в небо.

– А совсем уж весна, Степа. Смотри, как солнышко пригревает. Скоро уж и картошку сажать. Ой, а рассада в этом году какая хорошая у нас взошла! Помидоры прямо солдатики, крепенькие, ровненькие, один в один.

Она погладила портрет на сером могильном камне.

– А помнишь, как мы с тобой первый-то раз помидоры сажали? Ой, смехота... А их потом медведка поела. Как ты расстраивался-то, помнишь?

Она неслышно засмеялась.

 Ну, еще раз схожу и потом уж буду тебе холмик поправлять. Лежи, лежи. Я скоро.

Она взяла ведерко и совок и побрела в очередной раз набрать грунта. Обратно прибежала взволнованная и запыхавшаяся, платочек сбился, едва дыша.

- Ой, Степа, ой... Ой, сил моих нет, погоди... Ой, отдышусь, чего расскажу!

Она перевела дух, вывалив очередную порцию комьев крымского суглинка на могилу мужа.

– Степа, а ты Лену Ховрину помнишь? Девочку, я говорю, из третьего дома, Лену? Да ну, что ты мне рассказываешь! Помнишь ты! Ее Ховрины взяли, какая-то их родственница дочку родила да отказалась, а они и взяли к себе.

Вспомнил? Ну вот... Так она тут недалеко от тебя, да. Ну что значит, как умерла, будто ты не помнишь! Я что, не рассказывала?

Анна Ивановна рассердилась и махнула в сторону памятника рукой:

– Ну как это я не рассказывала! Ты мне еще скажи, что я сумасшедшая! А то деточки-то не постеснялись, того гляди, в дурдом отправят.

Она обиженно помолчала и продолжила.

– Ладно. Я чего сказать-то хотела... Иду я сейчас с ведерком, а у могилки Леночки какая-то женщина стоит. Я сперва подумала, что это Татьяна Ховрина к ней приехала, уж было и рот открыла сказать: здравствуй, мол, Татьяна... А потом гляжу — да не она это. Татьяна и ростом пониже, и пошире будет, а эта высокая, в сером пальто, рукава широкие, что птичьи крылья. И в руках такие розы красивые! Красные, как кровь, да крупные — каждая как твой кулак. Стоит, словно к памятнику Неизвестному солдату пришла.

Анна Ивановна понизила голос до шепота.

– И вот я иду, а она стоит. Не всплакнет, не пошевелится. Увидала меня, сделала такое лицо, словно я не человек, а земноводное. Ну я, понятное дело, спрашивать ничего не стала. А вот сейчас все думаю, уж не та ли это кукушка, что Лену Ховриным подкинула? Ой, Степа... идет, идет! Ты посмотри на нее, а? Вырядилась! А каблуки-то, каблуки! Да порядочная женщина и не встанет на такие, сразу видно – спина ни разу не болела у нее. И очки черные, смотри ты, как в кино. Значит, легкую жизнь прожила. Идет, бесстыжая... Степа, да у нее тут и машина своя! Ну, прямо к машине и идет! Ну, правильно, мы с тобой все лучшее – детям, а у нее какие заботы? Вкусно кушать и красиво одеваться... Хахаль ей дверцу открыл. Руку целует. Ну чисто сериал смотрю, Степа. Сначала дочка не нужна была, а теперь, значит, вспомнила. Ах, бессовестная...

Анна Ивановна проводила глазами дорогую иномарку, увозившую с кладбища неизвестную женщину в сером пальто, и вздохнула. Все было в этом вздохе: и многолетняя бабья усталость от бесконечной работы и быта, и горькое сожаление о судьбе брошенного ребенка, и нотки

зависти, что уж ей-то никто рук целовать не будет и роз на могилку не принесет.

Она вытерла концом платочка слезинку в углу глаза и, еще раз вздохнув, принялась наводить красоту на последнее пристанище мужа. Управившись, положила на холмик принесенные с собой по традиции продукты: пару вареных яичек, карамельки, галетное печеньице, и снова присела на ту же скамеечку:

– А я ведь, Степушка, сильно по тебе скучаю... Я ведь с тобой и наговориться даже не успела. Раненько ты меня одну оставил. Ну да уж что теперь толковать, что было, то прошло. Кукушка-вековушка вот весь век одна живет, гнезда не вьет. Вот так и мне теперь без тебя, век одной куковать.

Она посидела еще, склонив по-птичьи голову в платочке. Помолчала.

 Пора мне, Степушка. Скоро уж последний автобус в город пойдет, не опоздать бы.

Собрала нехитрые свои инструменты, поцеловала портрет на могильном камне.

- Не скучай. Я через недельку опять...

Анна Ивановна вошла в салон последнего рейсового автобуса и села на свободное место. Вместе с ней с кладбища уезжали еще несколько женщин с сумками. В сгущающихся сумерках все они казались серыми тенями с птичьими лицами, а в глазах их читалась какая-то странная отчужденность и от этого мира, и друг от друга.

А когда в городе мертвых не осталось ни одного живого человека и шум автобуса стих вдали, в вечереющем воздухе всхлипнуло звонкое и чистое:

– Ку-ку...

Анастасия ВЕКОЛОВА *Казань*

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Деревня – особый мир, где все окрашено в другие цвета. Я уже почти десять лет живу в городе. Кино, театры, магазины, пиццерии, люди, которых так много, что иногда кружится голова...

Закрываю глаза.

Мне два года. В коляске по ухабам пыльной дороги, протоптанной среди густой некошеной травы, меня везут куда-то вперед. Лето, жара, тишина и спокойствие.

Семь лет. Позади – первый класс. Я старательно вывожу буквы, чтобы вспомнить их начертания перед новым учебным годом. Пожелтевшая от времени тетрадь жадно впитывает чернила. Урок правописания недолгий: на улице ждут друзья. Загоревшие от пребывания на жарком июльском солнце, мы собираемся толпой и снова отправляемся покорять неизведанный мир природы, где за каждым углом – приключение. Поймать кузнечика, ящерицу и стрекозу, найти в яблоке изрядно располневшего червя, устроить битву из водяных пистолетов, соорудить во дворе импровизированный магазин, где расплачиваются листьями, отправить игрушечный грузовик в песчаный гараж и заснуть самым крепким и безнадежным сном – примерно так проходит каждый день. Каждый день и все детство.

На горизонте – девятый класс. Ночами – мальчишки, дискотеки, кока-кола и чипсы. А днем – список литературы

на лето. Читать удобнее всего на пороге: навес защищает от палящего солнца, а свежий воздух вдохновляет на фантазию. В голове создаются причудливые образы из прошлого. Вот Чичиков едет в своем тарантасе, и дорога, по которой летит птица-тройка, очень напоминает проселочную тропинку, которую мне каждый день нужно преодолевать на велосипеде, перелетая через ямы под испуганные возгласы родителей, идущих где-то сзади. А это — Печорин, и, хотя я никогда не была на Кавказе, южная жара на водах, описываемая им в дневниках, кажется, ничем не отличается от нашего поволжского зноя. А деревня Татьяны Лариной — как на ладони, и привычки милой старины тоже тут...

Экзамены сданы, я иду в десятый. Чтение продолжается. На «Преступление и наказание» нужно всего каких-то три дня, Достоевский – уже любимый писатель, а Петербург – неизменно желто-серый город, где очень хочется побывать. «Война и мир» отнимает весь остаток лета, почти два месяца, и самыми яркими воспоминаниями остаются небо Аустерлица (такое же я каждый раз вижу, загорая на траве) и старый дуб, очень похожий на разросшуюся во дворе березу, что жалко спилить, но уже трудно терпеть из-за бьющих в лицо веток и падающих на голову насекомых.

Подготовка к одиннадцатому классу. Ощущение надвигающейся катастрофы. Великий «Доктор Живаго» сложен и непонятен (читать – не раньше двадцати пяти лет). Тоска от неизвестности, ожидающей где-то впереди.

С поступлением в университет меняется весь уклад жизни. Город затягивает в свою кипучую лавину, и в напряженном ритме пробок, суеты думаешь, что по-другому быть не может.

Каждые каникулы я возвращаюсь домой. Жадно вдыхаю свежий деревенский воздух, смотрю вслед уходящей электричке и поднимаю голову: какое небо!.. Еду на такси домой. Ничего не меняется, будто только вчера мы прощались со школой. Железнодорожный мост, разноцветные низкие здания, небольшая центральная площадь — все на своем месте. Тогда откуда эта тоска?

Оглядываюсь по сторонам. Облупившаяся краска на стенах дома, треснутые оконные ставни, покосившиеся сараи во дворе, заросли травы там, где когда-то бегали куры... Сила времени. Ветви любимой березы склонились к земле еще сильнее — так старый человек под бременем земных забот не может противостоять природе. Поднимаю поленья, которые когда-то служили прилавком нашего детского магазина: еще буквально лет пять назад они были только покрыты ядовитыми грибами, сохраняя свою оболочку, а сейчас внутри — труха. Нажми — и рассыплется вещь. Останется только пыль.

Времени подвластно все: и вещи, и люди. Разница — только в годах. И даже новая красивая аллея, которую построили около нашей площади, рано или поздно обратится в пыль, если о ней забыть.

А жизнь в деревне продолжается своим чередом, как ни старается время. Сохранение традиций тут — святое. Каждую весну люди пробуждаются ото сна вместе с природой и отправляются сеять, копать. Лето расписано по дням, и только коренной местный житель расскажет вам, что, как и когда нужно обрабатывать, поливать, собирать. Приезжий из города чувствует себя в такие моменты чужим. И лишь вспомнит «Лето Господне» Шмелева и подумает о том, что точно так же и сто, и двести лет назад здесь ходили крестьяне за плугом — усовершенствовались способы работы и инструменты, а суть осталась прежней.

Да, все мои деревенские воспоминания так или иначе связаны именно с летом — зимой жизнь тут замирает. Я невольно задумываюсь, что в древней земледельческой традиции календарный год понимался как круг (отсюда выражение — «круглый год»), в котором ежегодно повторялись одни и те же периоды, даты. Но все это там, в деревне...

Стук дождя по перилам балкона срывает пелену воспоминаний. Я встаю с кровати и подхожу к окну: каменные коробки, мокрый асфальт, машины и люди. Там – город. Все остальное – в прошлом. Но я еще вернусь в это прошлое, обязательно.

Сергей УТКИН

Санкт-Петербург

СЛОМАННАЯ МУЗЫКА И ДРУГИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Странно, но тогда я боялся более других именно её, покойницу. Теперь на похоронах остуда к живым, пришедшим к хладному остатку трудной и сложно прожитой жизни. Хотя прошлое нам легче настоящего. Так и с ушедшим нам проще, чем с бытующим рядом. Обретёшь в нём страх? Речь собеседника и успокоение в ней? Или упокоение вместо спокойствия? Исчезнешь в разговоре? Растеряешь и боль, и тоску, и смысл, и злость? А потом останешься пустым среди напичканных людей? И все заметят: нет более человека. Есть отсутствие. Бросишься вспоминать, искать — выхватишь что поважней, да не то. Расстроишься и обидишь себя слабостью. Как бы тут «не оскорбить своей судьбы слезой поспешной и напрасной»!

В пять лет я так не умел. А бабушка, наверно, умела многое. Но её не стало. Для меня тогда пропала измученная болезнью старушка, изредка находившая последние силы, чтоб поиграть с внуками и рассказать им стишки про мух-цокотух и похождения хитрых насекомых. Или просто посмотреть одобрительно на танцующих с вытащенными из её бельевого шкафа платками детишек. Для взрослых с покойной оставило нас много большее, чем было тогда подвластно детскому неокрепшему уму. Да, я не умел любви к бабушке. И на игрушечной дудочке я

тоже не умел. Но хотел музыки. Мама не хотела. А я не желал понимать почему. Она просила прекратить, кончить музыкальные старания. В общем, дудочка была переломлена о колено расстроенной матери. Так, видимо, во мне надолго умер Лель. Вместе со сломанной музыкой.

Бабушку я так и не поцеловал тогда — не смог. Не ведал ещё, что «наши мёртвые нас не оставят в беде», что в них нет предательства. А в живых оно таится всегда. Будущее, прошлое или...

Через несколько дней того июня я обрёл правильность речи. Пока только фонетическую. С буквами прочими я справлялся неплохо, а «р» мне никак не давалась тогда. И грека ехал со мной через реку, и лев рычал, и многое другое происходило на пути к буквице. В двери дедушкиного дома я вошёл с полным алфавитом. Я освоил тогда «р». Я рычал, и близкие так воодушевлённо принимали моё достижение.

И странно теперь, после городов, деревень, людей, попыток уместить жизни, судьбы, страны, себя со всем содеянным, с деяниями и недеяниями, путающимися между грехом и святостью при переходе и переводе из уст в уста, с листа на листок. Странно, когда постаревшие свидетели моего далёкого детства как будто бы вновь готовы обрадоваться, когда я зарычу. Да-да, подлинно, как лев. А я до сих пор верю, что за тридцать лет освоил что-то хоть чуточку более важное, чем буковка «р». Большее, чем рык...

Лирический портрет

Евгений ЧИГРИН

Москва

...И КАЧАЛАСЬ МУЗЫКА НАЯВУ

Парижское

Под огромным билбордом Сезанна — играет оркестрик, Африканцы танцуют с оттягом горячую самбу. Неленивое солнце — локального счастья предвестник — Добродушный Творец подключил Неуставшую лампу. Под громадным билбордом и мы эту жизнь погуляем, Смерти нет этим грушам и персикам алым и жёлтым, В красных красках фанатика: в яблоке Бога узнаем, Не расплачемся флейтой, аккордом Затянемся твёрдым.

Си́льно тубу врубили, придали ей гулкости эти, Раскрутившие музыку, старые лабухи Сены, С этим «мокрым» кларнетом готов подтвердить, что на свете Нет и не было смерти, и все мы Сезанном нетленны. Эта музыка так раскатилась под ярким билбордом, Открывая любовь и цветение слив на картине, И щемящая нота плывёт над курильщиком бодрым, Что колечки «Житана» пускает Теплеюшей сини.

Постоим на мосту Сольферино, пока валторнисты Окунаются в коду, в последнюю музыку флейты,

Мы и сами по жизни – к закату её – анархисты. Камарады. Кенты. Сотоварищи. Лучшие френды. Постоим на мосту в простоте окончательной, что нам Остаётся в столице, где смерть по Сезанну сменяли На знакомые сливы, на вечные вазы с крюшоном... Под счастливым билбордом мы сами Нетленными стали

Музыка 1599 года

С музыкой Холборна* в небо, В госпиталь ангелов, где Справа – внимательный Некто, Слева в немой череде Те, за которыми музы Смотрят: шагай на укол, Кушай небесные мюсли, С братом веди разговор. Лютня, продольная флейта — Лучших микстур не найти. Космосом лечат поэта. Звёздные дышат пути. Марсы, Сатурны, кометы, Жизнь на Венере близка. От алкоголя – «торпеды», От наркоты – облака... Доктор астрального мира Вылечит музыкой, чтоб Баба с косой отпустила На межпланетный флешмоб... Этим подлечимся, Женя, Чтобы ещё на земле. Словно в порядке обмена, В прежней квартире-норе Стихотворенья всходили В незаморочных мозгах,

^{*} Энтони Холборн (1545–1602), английский композитор и музыкант.

Золото жизни ловили, Как поцелуи впотьмах. Я в марсианской больнице — Связан? Заколот? Забыт? Мутная родина снится, Чистая родина спит.

* * *

В личностном небе я до рассвета буду скитаться С маленькой лирой, с маленькой книжкой солнца и ветра. От междометья до Ганимеда не с кем обняться: Жёлтые звёзды, полная полночь, музыка спектра. В личном пространстве молодость-старость без сожалений Я принимаю, что ещё делать? – если по звёздам – Столько скитаний! И от светила – жёлтые тени По марсианским строфам и песням, даже по гнёздам Ангелов света, что в колыбелях: виделось как-то... В старой одежде – старый кочевник – старый зевака – В небе сгущённом я проплываю, будто бы яхта: От междометий до параллелей – местный гуляка. Маленькой лирой, маленькой книжкой солнца и ветра Я расплатиться с космосом близким вряд ли сумею. Знаю немного. Вижу большую... Сколько тут света! – Тянут возницы

CD: сарабанда для виолы да гамба

Сплошная сарабанда от Маре*: Бемольный свет, прикосновенье пауз... За окнами в тончайшей полумгле Бездомье снега и рекой арт-хауз Тех призраков, которые везде... Я вижу их так явственно, что слово — То зависает в лучшей пустоте, То говорит над рюмочкой спиртного.

Вздыхает бархатистый инструмент: Живёт смычок над формой грушевидной, Кругом шмелиный слышится акцент, Лишь музыканта галльского не видно. Я переводчик музыки в слова, Мне парадиз доверился недаром: Строфа к строфе. Строфа к строфе. Строфа, Которая космическим астралам Доносит эту музыку, словарь Того, кто смотрит в золотые книги, Витьё барокко, каждую деталь И февраля метели и задвиги. И сарабанда гамбами цветёт, Равно пион в хрустальном обрамленье, Марен Маре по музыке идёт, Бемольный рай подыгрывает тени, Верней – теням... Живым и мёртвым... Я – Смотрю, как тень перетекла в Мелету. И мотылёк словесного витья По Хлебникову крылышкует к свету.

CD: аллеманда для виолы да гамба

Сквозистый праздник света смыт легко, Зима стоит последними снегами. С виолой теноровой существо Идёт по небу мягкими шагами, Так высоко, не дотянусь рукой До аллеманды, что звучит оттуда, До пауз, говорящих тишиной, Играющих на маленькое чудо. И сновиденья из-под рукава Творца текут, переходя в подушки, Высвечивая смыслы божества, Картинки, книжки, фишки, побрякушки Для маленьких: мы – дети для Него, Я сам ребёнок, ну, поспорь, попробуй... Всё в музыке Маре: и Рождество,

^{*} Марен Маре (1656–1728), французский композитор и музыкант.

И колдовство — врачу и мизантропу, Поэту и таксисту, и тому, Кто слышит поезд, по воде идущий, И закрывает старую тюрьму, И видит, как бредёт с хлебами Сущий, Чтоб накормить последних из бродяг... .... Над квартами и квинтами барокко Я мысленно вздымаю белый флаг, Я говорю: осталось так немного, Свернётся ангел — отойдёт ко сну, И аллеманда завершится скоро, И Тот, который нам несёт весну, Уже на расстоянье разговора

Да-джеу*

Этот край хунхуз называл Да-джеу, Находили золото дикари. Дулось в дудку... Думалось – захирею В комарином мороке... Корабли Сновиденьями оживали. Якорь Поднимал трёхмачтовый... Помню, что На прощанье мне говорил оракул, Возникая в воздухе как никто... Разливалась Лангери песней рыбы, И шаман над травами ворожил. И такие тут сочинялись клипы, Ну не клипы, а – фантастичный мир. Этот мир легко долетал до сопок И стекал в сгущённую синеву, И плескался допинг под массой пробок, И качалась музыка наяву, Уплывая лодками на закате, Растекаясь волнами по всему Океану-морю, который в хладе Принимал с небес золотую тьму, От которой шаг... и ещё на стопку То ли смеха пьяного, то ли что...

Да косится тень, закрывает сопку, Как кулисы быстрое шапито. ...Не пропал. Другие миры руками Обнимаю, глажу, рифмую свет. Не к тебе, оракул, скорее к маме, Обращаюсь к маме, которой нет.

* * *

Я пролистал всю зиму. Вышел к марту, Который вышел мальчиком мультфильма, Смотреть на снег, на солнечную смальту И воздух света целовать несильно.

...Мы так и не списались. Вьюга – буквы Не подсказала в заморочках стужи, Где счастье пело, там забиты бухты Чужими кораблями. Чьи-то души

Эдемское шумят на фоне моря... Я прочитал всю зиму. Вышел к ветру, Который с моряками пил у мола, Вставал на мостик, отдавался свету

И прятался в забытых лодках... Я бы Тебя преобразил по Хокусаю, Но где японец? Золотые лампы Не озаряют больше. Я листаю

Всё то, что можно пролистать о прошлом, Я знал тебя, как только знает темень. Ты знала море. Ты брала дотошным. Ты пахла экзотическим растеньем.

...Теперь весна. И я, как тот полковник, Которому не пишет старый Габо, Рифмую с существительным «любовник» Всё то, что выше. Понимаю: слабо.

^{*} Одно из китайских названий острова Сахалин.

Сейчас весна, и словосочетанье «Совместно жили» стёрто до предела, Но даже в этом прячется желанье Вдохнуть весну в невидимое тело.

Из хуторских диканек

Не открывай ту книгу, там гробы Летают и – рыдает старый сотник Да в монстров превращаются попы И смотрят на чудовищ, как на сводных Сестёр ли, братанов – перекрестись! Меж синеватым лесом и приходом Огромным скорпионом пухнет высь Таким-сяким размашистым уродом. Не открывай полтавский гримуар, Там слабый лузер заклинает Книгой, А время – уплотнившийся кошмар – Борзеет, как матёрый чёрт с шутихой, С кричащего геенной полотна, Чей прародитель* спит в Хертогенбосе, Ну это к слову. В полночь простыня Видений растекается. На дозе Фантомов заковыристых нельзя... Я что хотел сказать? – читай сначала... Замри. Замкнись. И не смотри в глаза Начальнику бродячего кошмара. Здесь даже многоточия – сюжет Того, что видишь то ли третьим оком... Развитие. Деталь. Раскрутка. Тренд. Всё станет завтра безмятежным вздохом. Эй, старый ключник, не проспи рассвет: Вот-вот и запоёт петух крикливый. Петух в реестре Демиурга – бренд! На хуторе NN все люди живы?

Андрей ДМИТРИЕВ

ПАРА НОЕВ СТРОИТ КОВЧЕГ...

* * *

Нарисовать лошадь — склеить чёрточки в чистый образ, изобразить гриву волнообразным движением кисти руки, вдохнуть жизнь, еле дыша на бумагу в момент, когда появились глаза и пучок травы в непременно тёплых губах — теперь уже точно тёплых...

Плохо пишущей ручкой. Лучше бы карандашом, но куда-то запропастился. Жаль времени, чтобы искать, пусть дымка бледных чернил воскрешает мёртвое дерево, из которого — эта страница в толстой тетради.

Бумага – белая. Не то чтоб зима вокруг – просто всё остальное – лишнее, здесь, пожалуй, уместна

^{*} Иероним Босх.

сейчас только лошадь, вот такая – немножко нескладная – впрочем, как и всё, что исповедует достоверность не в фотографическом смысле, а по сути тончайших связей...

Нарисовать лошадь — вместо, скажем, автомобиля. Мальчики любят машинки — те, что катают по полу или странице, — даже когда им за сорок — смотрят со стороны на этот стремительный век, пытаясь определить себя в рычащем железе.

Нарисовать лошадь — к примеру, вместо солдатика — в каске и с автоматом — некого альтер эго, лишённого страха смерти и наделённого силой.

Чёрточка — к чёрточке. Видимо, хочется вызвать нечто поистине чуткое при взгляде в толщу волокон — хотя бы белой бумаги — считая, что всё остальное — в данный момент было бы лишним или — как минимум — второстепенным...

* * *

Завитушки – значит, Пушкин. Нос длиннее эпилога – значит, Гоголь... По приметам – и лик. Зеркало вон пододвинули, а под ноги – половик, чтоб хватило им льняного тепла, коль покроет зеркало лёд и пойдёт пеленать меня и тебя, взяв в холодный свой оборот.

Налегай на крыжовенное — будешь к чаю за бархатной шторой, за какой обычно скучают в чём-нибудь лёгком, расстёганном поверх античного тельца, в котором языческий окорок уже обесформил Древнюю Грецию — скучают, силясь не крикнуть: Парфён, запрягай! А куда нынче тень свою кинуть, если сам — лишь рукав...

Впрочем, валяй в Петербург – постоишь под аркой, услышишь стук сердца, которому вряд ли жарко под старой шинелью – представишь его в виде голубя на фасадах, что за ночь успели напиться воды из проруби невского неба... Квартира на Мойке пуста, но это ли мера осмысленного мазка.

Не Пушкин – не оттого, что ни завитушек, ни пушек... Не Гоголь –

249

не оттого, что дороги и дураки не могут пересечься внутри — просто в зеркале — как ни смотри — нет, не Экзюпери в зыбучих песках — но нечто упавшее с мыслью, что не будут искать...

* * *

Пасечник-трубадур — пчёлы навылет.
Здесь — в городском аду, в клочьях придонного ила — мёд в сотах нервного сна.
Сам себе мылишь загривок, слагая сонет, где весна — всплеск аквариумных рыбок...

Тум-бала, тум-балайка. В ресторане – пепел и шум. Где ж угрюмому дурню поплакать, обрывая с себя чешую?

А при входе в контору – на щите инсталляция: лопата, топор и багор. Надо будет – наточат и лясы, раз искусство – крутой разговор...

* * *

Жить с болезнью, что катать тигра на лодке — смотришь на него глазами ребёнка, знающего о смерти пока лишь по пыльным фото своих стародавних предков и по мумии бабочки,

приколотой острой булавкой к некой остывшей плоскости — черпаешь воду вёслами, боясь неловких движений, ведь эта огромная кошка — непредсказуемый зверь...

А вокруг – берега в жасминах, в камышах, из которых утки взлетают в бездонное небо, в каких-то пышных деревьях, чьи кроны шепчут о чём-то заведомо фантастичном, но ты их сейчас не слышишь – ты слышишь лишь скрипы уключин, прохладной воды плесканье да рык голодного тигра, сидящего на корме...

Глаза его – спелые угли, когда он глядит на жертву, что в робкой иллюзии мира пытается выглядеть сильным, способным преодолеть течение быстрой реки с опасным своим пассажиром, которого как бы нет...

Куда доплывёт эта лодка, пока под лапой тигриной не вспыхнет кровавая рана последним цветком надежды — не знаешь ни ты, ни деревья, ни эта живая вода...

Река повернёт однажды к далёкому синему морю, и всё пропадёт навеки и для тебя, и для тигра...

* * *

Пара Ноев строит ковчег, но это уже паранойя, вообще-то... В чек на кассе глядишь — будто в поисках кода — а видишь лишь цены на хлеб и на воду. Кислород в лёгких — словно фиалка в горшке, и отсутствие логики не удивляет уже...

Корабли-пароходы, ковры-самолёты — и правда уехать охота куда-то, где птичий клёкот — иностранный язык, что не требует словаря — улететь, пока здесь не простыл зазря...

Грубым лицом данности, несущим пятьсот оттенков красного и белого — встречает зеркало, в котором реорlе становятся пеплом — потому что им ближе оттенки серого...

Омут двора — прячет сома на дне, но перед глазами плотва мельтешит в воде. Сохнет бельё.

Неправильный прикус прищепки не мешает ассоциации с воробьём на тоненькой ветке.

Строим ковчег в приступах паранойи, и лучше не пялиться в чек — ни кодов там, ни паролей...

Алена БАИКИНА

Выкса

ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ... БЕРИ И ВЛАСТВУЙ...

Цапли

В то лето небо гарью пропиталось, И Бог, казалось, выбился из сил, Спасая жизнь, которая осталась, Которую огонь не погасил...

Слез не хватало, чтоб наполнить выси, И каждый понимал, что не прощен, Когда над Дедовым болотом грянул выстрел, Потом еще один,

потом еще,

еще,

еще...

А тот, с ружьем, стоял и думал: «Так ли Я поразвлекся здесь, в конце концов?..» Пока на гнездах умирали цапли, Собою закрывавшие птенцов...

Два года в тех краях лягушки пели Победный торжествующий хорал... А нынче снова цапли прилетели, Своею птичьей смертью смерть поправ.

Текут по стеклам дождевые капли, Одна заря другую сторожит... Летят над дедовым болотом цапли, А это значит – будем!

Будем жить!

Антишекспир

За столиком в конце аллеи У ног сияющего лета Сидят лысеющий Ромео И располневшая Джульетта...

Яд был не свеж, гонец – проворен, Потом дела, дела, дела. Венчанье отложили.

Вскоре Он стал не прав, она – права.

И вот – давно не Капулетти. И не Монтекки.

Не срослось. Она хранит в шкафу в конверте его письмо.

Не терпит роз.

А он – успешен, благороден. Слегка обрюзг, но лишь чуть-чуть. И как-то странно взгляд отводит... И ей неловко.

Но не суть.

Им есть, что вспомнить. Задохнуться, Едва сдержать былую дрожь. Рвануть...

удариться, споткнуться... «Жена звонит... Ты подождешь?

Прости, пора!»

И счет оплатит, И руку, выходя, подаст.

255

Но в холле, поправляя платье, Она поднять не сможет глаз.

А вы: «Чума!..» Ну мы – не дети. И никакой, простите, тайны. Вы знаете, на этом свете Бывают повести печальней

* * *

В. П.

Ключ повернув в замке зажигания, Я вдруг чувствую: где-то там Старых кошмаров привычной данью «Пазик» едет к родным местам.

Где ничто уже сердце не греет, Где три холмика – вся родня. Где давно ни во что не веря Только ты еще помнишь меня.

Помнишь то, что и я забыла, Что давно поросло быльем. Что приходит поземкой стылой В предрассветное забытье.

И, как зверь за тряпицей красной, Не решаясь пойти в упор, Я кружу по окрестным трассам Загоняя «гашетку» в пол.

Чтоб однажды назло привычке, Как сорвавшийся с привязи пес, Ты помчался к ночной электричке Под ликующий гимн колес. Память, память... Бери и властвуй Без оваций и без фанфар. Вот и встретились снова...

Здравствуй! ...В ослепительном свете фар...

* * *

мир полон символов знаков неочевидностей аллегорически сбитых осями координат и две параллельных ну безусловно совсем параллельных сшибаются на перекрестке несбывшегося февраля

остаются в немом ожидании и зябнут не веря друг в друга прощая легенду о притяжении разнозаряженных и рады бы оттолкнуться да некуда всюду стужа а тут хоть немного но все-таки выше нуля

слепые наощупь ловят оранжевых бабочек и пальцам от этого делается светлей в холодной квартире сидит безутешный котенок и ждет хозяйку которую схоронили неделю назад.

а по проспекту в дырявом линялом платьице бежит необутая дурочка с охапкой тепла в руках и встречные морщатся отстраняются пятятся ее так ждали так звали но встретить никто не пришел

роняет тепло в серую грязную лужу не плачет только глядит угрюмо как же вы так а мальчик идет незряче несет ей в ладонях трепет оранжевых крыл

будет весна!

Котенка найдут и покормят. мальчик его погладит и засмеется светло а бабочки превратятся в огромное летнее солнце

и только у тех двоих так и останется вечный февраль

257

Вероника

ЖИЗНИ НЕОКОНЧЕННЫЕ ТАИНСТВА...

Невозвратность

Всё проходит, и это пройдёт – Станет прошлого днём уходящим, Время снова себя обретёт В совершенном своём настоящем...

Но и это однажды пройдёт: Не желая вокруг оглянуться, Не прощаясь, куда-то уйдёт, Чтобы больше назад не вернуться...

Наша жизнь так похожа на сон Или фильм, к перемотке негодный; Невозвратность – пространство времён, Где они друг от друга свободны...

Алтарь мыслей

Витают мысли где-то там – В своей галактике пространной, А я пока им строю храм Здесь, на земле обетованной...

Они вернутся, верю я, Под кров уюта и затишья – По высшей воле бытия, Определённого Всевышним...

На вдохновения заре, Когда их путь благословляем, Они сольются в алтаре, Молитвой слово прославляя...

Берега

Не надо думать ни о чём, На прозу жизни отвлекаясь, – Река забвения течёт, А с нею время утекает...

Неприхотлив реки маршрут – Он руслом памяти проложен Меж берегов, что вечно ждут И верят в скрытую возможность...

И с каждым крохотным ключом В них робко теплится надежда, Что вся река не утечёт Куда-то в дальнюю безбрежность...

Облако грусти

Ветер, гуляя над полем, Вновь облака собирает; Каждое облако молит О приближении рая...

Каждое облако хочет Ангелом стать белоснежным; Каждое облако к ночи Цвет изменяет одежды...

Белое смотрится серым, Словно укутанным дымкой – Стоит ли облаку верить? Ткань и непрочна, и зыбка...

Да и души нет; однако Часто такое бывает: Вдруг собирается плакать, Грусть и печаль изливая...

Жизни неоконченные таинства...

Господи! Ведь это начинается: Старость, словно правда, неизбежна... Жизни неоконченные таинства Вдруг теряют веру и надежду...

Чувства в закоулках притупляются, Избегая новых впечатлений: Жизни неоконченные таинства Закрывают плечи и колени...

Молодость всё чаще вспоминается Временем счастливым и беспечным; Жизни неоконченные таинства Пишут письма в будущность и вечность...

Сиреневое

Пушистое сиреневое чудо Благоухает запахом весны, Явившись в одночасие оттуда, Где видим мы сиреневые сны...

Где облака, пушистые как вата, Слетаются в сиреневую даль, Чтобы укрыть в сиреневых закатах Сиреневые радость и печаль...

Где бабочки сиреневые кружат Вокруг больших сиреневых цветов,

Где ласточки сплетают нити кружев В сиреневые гнёзда для птенцов...

Куда ушло сиреневое детство? И никогда уже нам не найти Сиреневое стёклышко-наследство На пройденном сиреневом пути...

Чувство счастья

Небо ясное, чистое, светлое; Облака, словно пух на весу, И иду я тропинкой приветливой – Чувство счастья в ладонях несу...

Насладиться одной не получится День-деньской от зари до зари – По такому особому случаю Я решаю его раздарить...

И пусть вам не достанется многого От прекрасного чувства того, Помолитесь, пожалуйста, Богу и От души раздарите его...

Из будущих книг

Игорь ЛЕВИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА (Фрагменты)

Среда, 17 января, стала для Эсператова днём потрясений и испытаний ещё больших, чем побег жены из его дома. Ранним вечером пришло интернет-сообщение от жены. С чем оно связано, Эсператову долго гадать не пришлось.

Регина. Прости за всё, что сделала тебе плохого, за всё, чем обидела тебя! Храни тебя Господь!

Да ведь точно в таком же стиле писал ей мужчина с ником «Павел Углебов»! Эсператов наблюдал не раз, что у некоторых женщин имеется тенденция заимствовать мнение и стиль общения у мужчин, которыми они увлекаются (синдром чеховской «душечки», как бы он это назвал). И он тут же забеспокоился, как кит на отмели. Казалось, он уже крикнул в пустоту сетевого пространства. Но крик этот был обречён остаться безответным.

Илья. Я люблю тебя, Регина! Возвращайся. Ты меня тоже прости, чем не угодил. Есть шанс всё поправить, только воспользуйся им. Приходи. Я жду тебя.

Регина. В смысле?

Илья. Разве не ясно? Я хочу восстановить брак. Я сожалею о своём упрямстве. Мне очень тяжело сейчас. Если ты с другим мужчиной, например с Павлом Углебовым,

судя по стилю последних записей, почему бы не сказать об этом откровенно? Я нахожусь в неведении, готов схватиться за любую соломинку, чтобы восстановить супружеские отношения. Если это невозможно из-за того, что ты строишь жизнь с другим, то это одно дело. Но если нет определённости, всё можно поправить.

Регина. С кем?

Илья. Что с кем? Ты мне можешь дать чёткий ответ: у тебя появился другой мужчина или нет? Если появился, то надеяться уже не на что. Я всё ещё надеюсь, что ты передумаешь разводиться. Я очень люблю тебя, готов во многом уступить.

Регина. Да.

Илья. То есть есть другой мужчина. Я устал от односложных ответов. Расшифруй своё да.

Регина. Да, да.

Илья. Понятно. Значит, всё кончено. Я не сумел тебя удержать. Мне очень жаль. Так ты ещё больна и завтра в ЗАГС не сможешь прийти?

Регина. Да, у меня температура. А мы можем туда сходить во второй половине дня?

Илья. Я работаю в гимназии в это время, в четверг. Ты забыла? Ладно. Подождём до вторника. Выздоравливай. Только давай реже писать друг другу. Мне не нужны никакие «прости» — это только давит на без того расшатанную психику. Во вторник я позвоню в половине девятого. Тебе надо сначала забрать оставшиеся вещи. Надо перевезти принтер, швейную машинку, выпрямитель для волос тоже оставила и т.д. Потом направимся в загс. Вот и всё.

Регина. Не буду больше писать.

В странном обществе бесконечно разрастающихся потоков информации мы ныне живём. Социальные сети в толпище мегакоммуникаций стали второй человеческой жизнью, отражением отражений людских характеров и жизненных позиций, где выстраиваются модели отношений, кого-то любят или ненавидят, замечают или игнорируют, уважают или оплёвывают. В виртуальных мирах человек никогда не чувствует себя одиноким: там хозяйничают

ушлые модераторы, встречаются новые друзья, бродят циничные тролли, беснуются злобные фрики, забавляются азартные игроки... В них персональная интернет-страница, как разграфлённая модель внутреннего мира, наполненного фотографиями и схемами, лентами событий, новостей и жизненных историй, фрагментами любимой музыки и цепью видеокадров. По сетевой странице можно многое распознать в человеке, узнать об изменениях в его жизни, понять, чем он живёт и дышит, разгадать, каков он, где он и с кем он теперь.

Итак, в этот же день Эсператов заметил, что страничка Регины из соцсети «ВКонтакте» почти полностью была изменена: сначала со стены и в альбомах были стёрты их семейные фотографии, на аватаре вместо её одухотворённого фотопортрета на фоне Строгановской церкви красовалась приторно-фальшивая картинка из метафорических карт с изображением дамы в белой шляпке и белом платье, вдыхающей в саду аромат роз, у ног которой шныряет псовая борзая с белоснежной шерстью. Этот фальшивый «позитивчик» на фоне ясного неба он с этого дня просто возненавидел. Он вспомнил, что именно эту картинку Регина как-то собиралась выставить, когда у них начинался роман, но сразу же передумала: нельзя ставить то же самое изображение, если оно уже использовалось в отношениях с другим человеком. А на стене появились новые демотиваторы: «Нельзя потерять то, чего нет. Нельзя разрушить то, что не построено, можно лишь развеять иллюзию того, что кажется реальным», «Удивительно, насколько разными бывают люди: одни не слышат, что ты говоришь, другие слышат то, о чём ты думаешь», «Не живи воспоминаниями – делай воспоминания». Потом Регина убрала запись о муже из графы «семейное положение» и, хотя официального развода ещё не было, там появилась строка «не замужем». Да ещё какой-то «Манифест независимости в отношениях» выставила... Ох, ё-о-о... Куда катится мир?! Если не в преисподнюю, то в общественный сортир...

Измена всего лишь через несколько дней после побега (то, как она ушла, не назовёшь даже «уходом») потрясла Эсператова. Он был просто морально подавлен, раздавлен

гидравлическим прессом судьбы, он находился в жутком смятении, в состоянии душераздирающего внутреннего конфликта. Ещё недавно Регина была вместе с ним, он верил в крепость брака и надеялся на взаимность - если даже и не в любви, которая может то гаснуть, то возгораться с новой силой, то уж, во всяком случае, в чувстве душевной привязанности и обоюдной симпатии. За несколько дней вся жизнь перевернулась, полетела кубарем с горы и продолжает катиться с отвесных круч. И жена не жена, и жизнь не жизнь, и он уже сам не свой. Спать ему удавалось очень редко – мог отрубиться в любом месте (на стуле у компьютера, сидя за столом или опрокинувшись на кушетке). Если и засыпал, то при включённом свете. Голова по ощущениям стала как литая из чугуна. Никогда не болело сердце – стало покалывать, спасался корвалолом. Он мог посреди ночи вскочить с кровати, намотать десяток кругов вокруг стола в гостиной, о чём-то говорить с собой в риторическом диалоге или бормотать что-то невнятное, как в бреду, а потом снова плюхнуться в постель. И так от трёх до семи раз за ночь. На этой неделе он, спутав расписание, прогулял проведение одного учебного занятия – хорошо, что нашлась замена. Стал часто опаздывать на работу. Коллеги его не узнавали: «Что с тобой? Мечешься туда-сюда... Ты вообще какой-то задумчивый стал...» И, спустя неделю после случившегося, после пребывания в состоянии жуткой апатии, он понял, что надо немедленно действовать. Пусть недавно была измена жены, но в этом есть и его вина. Может быть, не поздно ещё всё исправить? Надо действовать, не сидеть сложа руки, не ждать (это только хуже, намного хуже!), а скорее действовать, пытаться во что бы то ни стало спасти отношения, уберечь их от вечного оледенения, сохранить брак: как ни говори, прошло совсем немного времени. И он принял решение ехать к ней в село. Застанет её или нет, но хоть попытаться с её родителями уладить все недоразумения... Надо же что-то делать! Все заочные разговоры с ней как мёртвому припарки, у неё на уме только «развод» да «расстаться похорошему», упёрлась, как лошадь на тпру, – не сдвинешь. А если попытаться оттуда и зайти?

Эсператов пишет ей сообщение в интернете: «Регина, я хотел бы сегодня встретиться – поговорить с тобой. Вероятно, что обстановка в загсе не даст возможности нормально пообщаться. А мы так и не попрощались по-человечески, многое не обсудили. Готов приехать и в Богоявление. Пожалуйста, откликнись». Молчание... Посылает эсэмэску: «Регина, я хочу встретиться, поговорить с тобой. Мы ведь даже не попрощались нормально. Это возможно?» Ответа всё ещё нет... Чего же ждать? Время идёт... Нельзя терять ни минуты: букет в охапку, подходящую открытку – хвать; и скорее ехать, чтобы успеть застать её на месте. Едет на автовокзал. На автобусе? Не успеет, да и отыскать там будет сложнее. Тормозит такси: «Сколько? Полторы тысячи только в один конец? Меньше никак? Поехали!»

Эсператов направляется в путь, к заблудшей душе, к той, кто всё ещё зовётся его женой, но у него во время поездки возникает впечатление, что он едет в никуда и движение вдоль широкой трассы, сопровождаемое сыпучим туманом снежных хлопьев, утомительно и совершенно бессмысленно... Зимняя природа распростёрла свою белоснежную длань, чтобы выкинуть его за первым же поворотом в беспредельную пустоту. Машина едет, и по обе руки от него проплывают иссохшие деревья, станции бензоколонок, синие металлические заборы, каменные и деревянные ограды, невысокие кирпичные типовухи и мрачные брутальные постройки. Вот охваченный изморозью бетонный лев рядом с окоченевшим глиняным зайцем пристроился у кого-то на садовом участке, краснокирпичная трансформаторная будка, похожая на перевёрнутую тумбу, обитые жестяными листами гаражи и сараи из хлипких досок. Машина едет, и за ней тянутся позёмкой снежные ленты. Жёлтые фары расчищают сребротканое пространство. Хмарь от прожжённого бензина сразу же застывает в воздухе и тянется змейкой, отображая естество дороги, идущей из ниоткуда в никуда... Кто он и для чего заказал такси? Путник, взбирающийся в гору, как Сизиф, не знающий, что делать с неподъёмным грузом, который тяготит его душу. Контроль над ситуацией полностью потерян, реальность и мираж стали неразличимы. Дорога в

неизвестность – без романтического пафоса, с тусклой надеждой, напоминающей тонкую аспидно-сизую полосу почерневшего в тоскливом сумраке горизонта. Автомобиль в пути уже полчаса. Машина едет, петляя вдоль убегающей к горизонту магистрали, – туман начинает рассеиваться, и по сугробам пепельно-голубыми росчерками чередуются тени от угрюмых озябших деревьев и колюче-проволочных кустов. За автомобильным стеклом виднеется обледеневшее озеро, прорубь, похожий на затянувшуюся рану. Где-то вдали зажигаются и угасают фонари в окнах нарядных домов, пробегают ряды незрячих опустелых хижин и подслеповатых жилищ. Давящее впечатление отчуждённости и абсурдности не покидает задумчивого ездока. У таксиста не получается наладить разговор с хмурым пассажиром, в руках у которого букет из пышных белых роз, очень напоминающих пионы, любимые цветы Регины.

- Хотите успеть. К кому едете?
- К знакомым. Просьба подождать полчаса или час... Не знаю, как получится.
  - Хорошо, поставлю авто у обочины. Вас там ждут?
  - Нет.
  - A, хотите подойти внезапно, для серьёзного разговора? Да.

Автомобиль подъезжает к селу. Виден храм, скопление частных домов.

«Как, проехали? Ну давайте вернёмся на трассу. Ага, здесь эти номера...» Подъезжая, Эсператов звонит всем абонентам, которых надеется застать для разговора. Регине – молчание, её отцу – тоже молчание, её матери – и снова молчание... Делает повторную попытку – ничего, кроме коротких гудков. Остановка возле двухэтажного дома, огороженного высоким забором. Шагая, подобно вездеходу, по глубоким сугробам он взбирается на маленький пригорок и легко стучит в ворота. Только Юми, беспокойная лайка, откликается на звук. Пробует ещё и ещё. Озябшими руками достаёт мобильный телефон. Повторяет звонки по кругу. Бестолковое дело! Снова повторяет попытку дозвониться – неудача. Регина отключила телефон, её отец тоже: «Абонент недоступен или находится

вне зоны действия сети. Попробуйте перезвонить позднее», мать Регины просто не отвечает на звонки. Эсператов всё ещё пытается достучаться. Бесполезные попытки продолжались около двадцати минут. Вышел сосед, квадратнолицый мужик (он не был знаком с Ильёй и не догадывался, что приехал муж Регины): «Громче, громче надо стучать, если хотите познакомиться...» И он приготовился барабанить в дверь кулаками. Эсператов остановил его, уверенно глядя ему в глаза: «Не надо... Не надо этого». Затем Эсператов направился обратно в автомобиль и попросил таксиста одолжить ему ручку с синей пастой. Слегка разогрев руки, чуть не выронив слезу, он вынул заготовленную открытку «Любимой жене» и написал Регине, что всегда будет её любить, а у её родителей попросил прощения, если мог им показаться неучтивым. Эту открытку он кинул в почтовый ящик – так, чтобы она была видна. Затем с понурым видом подошёл к машине и попросил таксиста отправиться в обратный путь: «Подвезите, пожалуйста, к подъезду. Я очень устал и замёрз», прерывисто пролепетал он, крепко прижав к груди букет с пионоподобными розами. «Да, конечно, я же сказал – обязательно довезу до дому, - подтвердил таксист. -А всё-таки жаль, что у вас поездка так и прошла бесцельно, не застали никого».

Прогрев дома горло крепким чаем с лимоном и включив компьютер, Эсператов пробует гадать онлайн на Книге перемен. Выпала гексаграмма 56: «Чужак в чужой стране».

• • • • •

В редкие часы Эсператов мог спать. Но однажды, как заснул, увидел странный сон – и зрелищный, и непроглядный одновременно...

В сумраке тает пёстрый венецианский карнавал. На фоне густой синевы с напряжёнными тонами индиго выделяются искусно изготовленные белые маски и рыжие перья на шляпах, украшенных орнаментальными кольцами. Дама, похожая на гусыню, лениво взобралась по ступень-

кам идущей к парковым террасам мраморной лестницы. Самодовольный мужчина средних лет нескладно напялил острый шлем, нагрудник, латы и прочие рыцарские доспехи — и весь окрасился золотом, сияние которого на тёмном фоне ещё больше выделяли карнавальные огни. В дамских одеждах то и дело мелькали переливчатые шелка, светлорозовые и вишнёвые платья, синие, ярко-голубые и лазурно-бирюзовые накидки. Маски были весьма разнообразны: белые, со срезанным и изогнутым краем у подбородка — «баута», чёрные с золотистыми узорами и синими перьями по краям — «коломбина», с витиеватыми узорами веток и кудрей на белом фоне — «венецианская дама», в виде кошачьих и птичьих голов — «катто» и «доктор чумы».

В воде канала отражались пёстрые ладьи, украшенные разноцветными лентами. Проплыло несколько покрытых голубыми и алыми сукнами блестящих чёрных гондол, похожих на упавший с неба обугленный месяц. Вот гондола, одетая в лимонно-жёлтое сукно, проплыла мимо, а потом развернулась в сторону Дворца дожей, напоминающего толстый гребень из слоновой кости. За ней гуськом последовали ещё пять гондол. Вёсла энергично двигались, как трепещущие стебли бамбука под давлением сильного ветра. Две девушки в радужных трико и с диадемами в виде рыжих цветочных бутонов на голове, вихрем поднимаясь вверх по толстым канатам, привязанным к фонарному столбу, а затем, живописуя телесными формами и медленно опускаясь, грациозно исполняли воздушный танец. Вот он увидел, как гондола, покрытая лимонножёлтой тканью, меняет курс и направляется в его сторону. Он слышит радостные возгласы, шумные крики, короткие посвистывания и хохот веселящейся толпы. Слов он разобрать не может, но понимает, что праздничное настроение охватило всех хмельной волной: шутовство и дурачество здесь предпочтительнее благородных манер, люди говорят друг другу комплименты, подтрунивают друг над другом, кто-то неожиданно срывается со своих мест, лихо кружась в неукротимом танце.

Вот возле него остановилась гондола. Вышел гондольер в золотистом плаще и чёрной маске, напоминающей

петушиную голову. Когда, причалив, он, коротко поклонившись, на мгновение снял маску, его лицо показалось Эсператову очень знакомым. Гондольер без колебаний предложил:

- Не желаете прокатиться вдоль канала? Прогулка обещает быть нескучной.
- Как, вы говорите по-русски? Не ожидал услышать от венецианского гондольера русскую речь.
- Я говорю на многих языках, могу говорить с вами на арамейском или древнем иврите.
- Ну нет уж, увольте, усмехнулся Эсператов, давайте так и продолжим – по-русски, если так здорово им владеете. Мне кажется, что я вас уже где-то видел, лицо очень знакомо.
  - Возможно, на фреске Джотто.

268

- Кого, простите? по-гусиному вытягивая шею, переспросил Эсператов.
- Джотто ди Бондоне. Вы видели его фрески в капелле дель Арена? Её ещё по имени заказчика называют капеллой Скровеньи. Джотто очень талантливый мастер.
  - Джотто. Xa! Это у вас юмор такой, да?
- Юмор у меня совсем другой... А сами-то бывали в капелле Скровеньи?
- Нет, не был ни разу. Но произведения Джотто всякий знает, кто знаком с ренессансным искусством периода Треченто.
- Жаль. Непременно побывайте в Падуе. Всматриваться в эти фрески можно часами...
  - И на кого же из персонажей фресок вы там похожи?
  - Что значит похож? Я там изображён.
  - Карнавальная шутка, ага, понятно.
- Да неужто не узнаёте, Эсператов? И давай-ка на ты, в сторону церемонии!
- Ты меня пугаешь, я хочу вернуться! Поверни живее лодку назад! – в паническом ужасе закричал Эсператов. – В этой маске ты больше похож на персонажей картин Босха. И как мою фамилию узнал? А, – включив логику, стал рассуждать Эсператов, - наверно, какой-то квест отрабатываешь, да? Угадал? Как я раньше не догадался – это же

розыгрыш! И это вовсе не Венеция! Как бы я в Венеции оказался?

- Пространство легко расширяется, а время жизни только сужается, как и время нашего разговора, Илья. Так ты меня не узнал? Ну же, вспомни самую известную фреску Джотто!
- «Поцелуй Иуды». Да, ты похож на Иуду Искариота. Ну конечно – тут ведь бушует карнавал! Ты великолепный актёр!
- Актёр? Ну отчасти это так: я надеваю разные маски, но даже в них меня всегда узнают – мой стиль, мой почерк, моё клеймо...
  - И какие же роли ты предпочитаешь?
- Драматические, только драматические. Правда, некоторые могут усмотреть в них элементы фарса или трагифарса.
  - Широкий диапазон?
- Очень. Предательство друзей, подруг, в особенности тех, кого очень любил, кто был дорог. Кстати, помнишь Киру? Агнесса ведь тоже не захотела стать твоей. Что, с Региной уже ничего не клеится?
- Мразь! Кто ты? Кто тебе рассказал историю моей жизни? Говори! А то веслом по темени – и утоплю!
- Эсператов! Воинственное обличье тебе никак не идёт. Ты хочешь убить самоубийцу? Выброси эту идею! Утопишь – вынырну в другом месте и в другое время. Видишь, как мы хорошо знакомы. А ты не хотел меня признавать. И скажи мне: ведь тебе приходила в голову мысль: а что если брак был случайным, а может, идеальной женой была бы на самом деле Диана, а не Регина? Единственный способ проверить это – настоять на венчании, не так ли? И если Регина - случайное явление в жизни, венчание никогда не состоится.
- Замолчи, мразь! Я всегда знал, что ни с кем, кроме Регины, не будет у меня более близких и тёплых душевных отношений.
- Но ведь ты так подумал, Эсператов: либо всё упрочится, либо разрушится. И тогда ты уже будешь свободен ко дню рождения Дианы.

- Это была твоя мысль, не моя! Ты мне втёр эту мысль в голову! Я бы никогда не отступился от Регины, никогда не предал бы её в любом случае.
- Конечно! Это была моя мысль. Но ведь ты принял её как свою в этом-то и суть. Грех всегда зачинается в мыслях! Отвечать-то придётся тебе, и только тебе. Пусть это было мгновение слабости. Но это была твоя слабость! И да, бесспорно! Ты сам никогда не предаёшь. Ты же чистоплюй, Эсператов, ах-ха, как я забыл! Ты представил я сделал. Что же тебя не устраивает? И ты тут вроде как и ни при чём...
- Заткнись, адский выкормыш! Я люблю Регину! Я не хотел, чтобы так получилось. Я был уверен, что венчание положит конец всяким сомнениям. И считал, что дочка должна жить единой семьёй с нами, что же в этом плохого?
- Просто не ко времени, Эсператов, ты же понимал это. Любишь... Да, уж ты точно уверен, что любишь. Только кому теперь нужна твоя любовь? Любовь не терпит сомнений!
- Но без сомнения нет познания. Новое, истинное знание рождается только, когда начинают одолевать сомнения.
- Нет, Эсператов. Или сомневайся в истинности любви, или люби, переступая через истинность. Знаешь, я же тоже любил Учителя и понимал его, может быть, лучше других. А Фома мне всё в уши дул: мессия или не мессия, мессия или не мессия? Как Он стал мессией, и Он ли должен им быть, и для чего вообще быть мессией? И что значат слова Учителя, которые он записал: «Пусть тот, кто ищет, не перестаёт искать до тех пор, пока не найдёт, и, когда он найдёт, он будет потрясён, и, если он потрясён, он будет удивлён, и он будет царствовать над всем»? И мне ведь Учитель тоже сказал, что ни одно поколение людей не познает Его, да меня Он как-то назвал тринадцатым бесом (и мне же обидно – всей душой стремился познать, в чём сила Его). А Фома мне своими сомнениями совсем покоя не давал: с одной стороны, вроде как мессия: воскрешает, исцеляет, проповедует и творит всё новое! Но с другой стороны, – человек по плоти, сын плотника. Нам ли Его не знать?! И как оно может соче-

таться – божественное и человеческое? Что Бог – Творец всего тварного. Что человек – та же тварь, только чуть выше других животных тварей, а порою и хуже этих тварей, так как разум использует себе во вред. И сам Учитель якобы говорил Фоме: «Если плоть произошла ради духа, это – чудо. Если же дух ради тела, это – чудо из чудес. Но Я, Я удивляюсь тому, как такое большое богатство заключено в такой бедности». И всё Фома не отставал. И как же узнать, мессия или нет? Мессия неистребим и не подвластен смерти, говорил же Он: «Всё вышло из меня и всё вернулось ко мне. Разруби дерево, я – там; подними камень, и ты найдёшь меня там». И так меня Фома заразил своими сомнениями: мессия или не мессия, мессия или не мессия?!

- -Тебя, Иуда, послушать, так вместо тебя в аду Фома должен мучиться. А ты знай себе в райских кущах валяться да на облачке греться.
- Тут ты прав. Кто сомневается, тот уже предаёт. Сомневающийся уже становится предателем. Путь предательства начинается с сомнений. Да, да! Сомнение и есть предательство. Понимаешь ли это? Только, как говорил Учитель, у каждого своя звезда. Ответственность не на том, кто собирает семена, а на том, кто их сеет. Фома лишь дал мне семена сомнений, но сеял и собирал урожай я сам. Соблазн сам по себе не берётся в расчёт. На то и дана человеку свобода выбора. И порою тебя так запутают, что чёрное и белое начнёшь путать местами.
  - И для чего же ты Его предал?
- К Святому поколению хотел примкнуть. Я ведь напрямую спросил Учителя: «Какая польза, что человек будет жить? Для чего ж его, низкую смердящую тварь, спасать, для чего воплощаться в тленную оболочку и дух у него только взаймы, и служит-то он неизвестно какому «богу». И я задумал: предам Его в руки тех, кто ищет Его смерти. Если смерть обойдёт Его, значит, мессия. Предам Его и будет уничтожен лишь образ человека, что носит Его, я человеческое в нём принесу в жертву, а божественный образ как был, так и останется нетленным. Я дух его освобожу от этой скверны земной и сам последую

за ним в великий неизмеримый дом с крышей, что выше самых высоких скал, к Святому поколению. А тут ещё Учитель как будто подталкивал: «Что делаешь, делай скорее». Но только обманула меня моя звезда. Одни меня проклинали, другим, кто уже использовал меня для своих целей, я стал не нужен, я был ими предан и оставлен. Им я швырнул полученные тридцать сребреников. И привязал верёвку к дереву, чтобы скинуть с себя бренное тело, как рваное рубище, и войти в Дом Святого поколения. Не смог войти я в этот дом. В пасть сатаны был сброшен Михаилом. Однако же неуютно там как-то, и с сатаной я ведь тоже во взглядах сошёлся. Нужен ли Богу род человеческий и что есть человечность? Мне дано право лицедействовать, менять обличия, копаться в чужих мыслях ради самого главного искушения – искушения свободой выбора любви или предательства. Правда, некоторые думают, что можно предать ради любви. На самом же деле предающий ломает в себе представление о любви, обесценивает всякую любовь и всякую человечность, вступает на путь бесконечного метания меж сонмища огней, предавая всех со всеми. Но в итоге, как правило, предающего предают.

- Ну и какой же у меня может быть выход? Мне-то как жить?
- Ха-ха, Эсператов! Ты меня спрашиваешь? Нет в этой ситуации никакого выхода. Можешь последовать моему примеру. Ха-ха-ха-ха! Я ведь в её мозгах тоже покопался! И так основательно покопался... С женщинами всегда проще работать. Если женщина хоть разок вступит на скользкий путь, а потом в стену упрётся рогом ураганом с места не сдвинешь. В тихом омуте вестимо, кто водится... Аха-ха!
- Утони, подлая тварь! Эсператов толкнул веслом что есть мочи корму вбок. Тяжёлый удар, погружение, фонтанирующие брызги будто гейзер пробил водную гладь. Гондола опрокинулась и тягучая вода, превратившаяся в густую смолянистую аспидно-чёрную жидкость, накрыла его с головой. Небо перевернулось, утонув в беспросветно тёмной воде. Так он проснулся...

....

Как и обещал, Эсператов вычислил того беспринципного «психолога», который дал Регине совет разрушить их брак. Им был некий психотерапевт, занимающийся клинической психологией, по фамилии Тварюльнев, который оказался не только скользким и подловатым, но и крайне трусливым человеком. Поэтому он ответил не только на вопрос – не к нему ли обращалась Регина, но и на вопрос, который Эсператов не задавал – видел ли он её в последнее время. Притом он явно соврал: «Нет, не ко мне. Когда она была студенткой, она проходила курс обучения, где я был один из преподавателей. Других контактов у нас не было». От самой Регины ранее ему был известен противоположный факт. «Соврал в одном, значит, и в другом врёт», - закономерно сделал вывод Эсператов. Но прийти бить ему морду он так и не решился: в конце концов, презумпции невиновности никто не отменял. Да и что возьмёшь с труса и подлеца, который не хочет по-мужски отвечать за свои слова и поступки. В его безграмотности Эсператов убедился, видя, что он сбрасывает на стену в соцсети демотиваторы с грамматическими ошибками.

Однако нервы у самого Эсператова были ужасно расстроены. Спал он очень редко, а если и засыпал под утро, то потом часто просыпался. Неожиданно начинал мысленно спорить с кем-то из обидчиков, кто спровоцировал разрыв отношений с женой, да и с ней самой, доказывая свою правоту. Но только пусто вокруг, некому доказывать, да и невозможно, споря с самим с собой и пребывая в прошедшем времени, что-либо доказать. Коллеги по работе часто наблюдали, как он несколько минут мечется по коридору взад-вперёд через каждые пять-десять минут рабочего времени, а затем снова неторопливо входит к ученикам. Некоторые сердобольные спрашивали: «Что с тобой? Какието проблемы? Может, помочь чем-то могу?» «Ничем тут не поможешь, уже ничем», - дрожащим голосом говорил Эсператов, с трудом сдерживаясь, чтобы не пролить слезу. Он всё пытался постичь, найти источники, ключи к пониманию того, для чего люди предают друг друга, как вирус предательства проникает в мысли и чувства, и почему предательство неожиданно ломает жизни и калечит судьбы людей. Переворошил кипу литературы, размотал электронный Рунет — всё сосредоточенно искал, выписывал понравившиеся фразы, что-то для себя отмечал, конспектировал тексты. Набрёл на сайт Максима Власова. Ему показалось символичным, что о предательстве пишет психотерапевт, носящий фамилию опального генерала-предателя. И хорошо пишет, толково (правда, грамматика на сайте страдает — он всегда это подмечал)! Законспектировал статью целиком, да к тому же свои выводы вклинил.

Вот Эсператов и захотел сходить на приём к какому-нибудь толковому психотерапевту – нервы успокоить да и высказать то, что наболело в душе. Заприметил он однажды клинику доктора Солодкина – отважился зайти к нему на приём. А тот и рад был редкому посетителю. Доктор Солодкин – подтянутый русоволосый мужчина средних лет, у которого строго симметричные черты лица напоминали плотно скреплённую тетрадь в линейку (уголки тонких губ, крылья носа, веки, очки в чёрной оправе, даже морщинки у глаз и на лбу, чётко, как по струнке, вытягивались по горизонтали) сидел в кабинете, переворачивая вверх-вниз шариковую ручку, когда к нему постучался Эсператов. Услышав стук, доктор тут же встрепенулся, отфутболил языком в мусорную корзину разжёванный до состояния облачного пара «Орбит без сахара» и, приняв горделивую осанку, голосом диктора сказал: «Пожалуйста, войдите!» Как открылась дверь, он увидел грустное осунувшееся лицо осторожно входящего человека с синюшными пятнами под глазами, смотрящими вдумчивым пристальным взором, как будто затягивающим в глубокую болотную тину.

- Смелее входите, дорогой друг, присаживайтесь вот сюда, в синее кресло, энергичным жестом предложил доктор Солодкин. Что случилось: кто-то из близких родственников умер или жена, любимая женщина ушла?
- Да и то и другое, как-то тихо, неторопливо, но с внутренним надрывом вступил в беседу Эсператов. Только отца не стало уже около года, а жена недавно, четыре месяца назад, ушла, точнее даже не ушла просто сбежала.

Эсператов откровенно поведал доктору свою историю, особо заостряя то, что именно предательство жены, застав его врасплох, нанесло ему сильную психическую травму. Он рассказал, что не раз сталкивался с предательством в жизни, и последний удар он очень тяжело перенёс — то ли в силу возраста, то ли оттого, что никогда раньше не был в браке и на этот брак возлагал большие надежды («думал — на всю жизнь, навсегда...»).

- Понятно всё. Конечно, это стресс, боль, да ещё какая боль! – сочувственно начал доктор, поправляя очки на ровном, как угольник, носу. – Но если посмотреть несколько иначе - ведь стандартная жизненная ситуация. И объективно – не так уж плохо всё обошлось: без взаимных оскорблений, скандалов, имущественных споров – и квартира при вас опять же. Но вас, как я понял, больше волнует моральная сторона вопроса – предательство. Ну так что ж... И здесь есть свой положительный момент: если ушла (или сбежала, как вы говорите), значит, просто не ваш человек рядом был. И пускай себе бежит дальше, мимо вас. Понимаю, что душой привязались, что столько сердечной энергии, тепла отдавали, и, конечно, материальные траты были огромные. Но сейчас же вы не нищий, не стоите на паперти с протянутой рукой, не потеряли память, работоспособность, способность ясно логически мыслить. Значит, всё в порядке. Просто теперь у вас уже есть опыт, будете впредь осторожней и морально сильней, связываясь с подобными дамочками. А это что у вас в руке? - он указал на плотно исписанный фиолетовыми чернилами блокнот, который Эсператов держал перед собой. – Ораторскую речь приготовились читать? – с тонкой иронией, но без усмешки на губах спросил Солодкин.
- Записи, конспекты, вполголоса выжал из себя Эсператов. Я понять пытался, что же такое предательство... И вообще как это можно, как можно предавать близкого человека (в последних словах его нервозность была очень выпуклой). Вот из сайта Максима Власова...
- Психотерапевтическую литературу изучаете похвально. Хорошо, так, давайте посмотрим. Только спокойнее, пожалуйста. Всё у нас хорошо... Так, вот вижу –

276

цитату выписали: «Все мы знаем о том, к чему привело предательство Иуды, и, видимо, человечество никогда уже не изменится в этом смысле в лучшую сторону, люди как предавали друг друга, себе же во вред, так и будут предавать впредь». Ну, я вам скажу, лично я к таким обобщениям не склонен. Главное – понять, как относиться к тому или иному явлению, тогда и можно определить, где вред, а где и польза... Так, что у нас дальше? Ага, ремарка, ваша, надо полагать: «Разрушение и саморазрушение ради удовольствий». А под ней цитата: «Предавая других, мы часто предаём самих себя!». А это что за вывод у вас записан? Не разберу: «Эс-ха-то...»

- -Эсхатологизм предательства. В богословии эсхатологией называется учение о конце света, о страшном суде. Предательство - совершенное, неискупляемое зло, осуждается во всех религиях. Это из Евангелия от Матфея: «Горе тому человеку, которым Сын человеческий предаётся, лучше бы было тому человеку не родиться». В исламе предательство входит в число семидесяти шести «больших грехов».
- Ну вы опять с космических позиций стали рассуждать. - доктор Солодкин потёр указательным пальцем мелко проросшие усы. – И давайте вернёмся к нашим баранам, подойдем ближе к проблеме. Все мы песчинки в великом космосе, и жизнь наша – только миг. И от нас зависит, как ею распорядиться. Вы не согласны?
- Нет. Не совсем. От нас зависит только выбор. А итог зависит от того, что выбирается – любовь или предательство.
- Так, ладно, сказал доктор, слегка вздохнув. Давайте посмотрим. Что у нас там ещё? Это всё ваши выводы из прочитанного: убийство веры, доверия; умножение вражды; разрушение внутреннего и внешнего мира; хитрость против разума, саморазрушающееся представление о счастье («на чужом несчастье своё счастье не построишь»); разрушение чужой жизни и собственной души; причинение себе вреда по глупости и ради удовольствий, каприза, сиюминутной выгоды, без необходимости; жестокость, бездушие; детский эгоизм без предела. Угу, – посмотрел он в глаза Эсператову сквозь переливчатый

свет на очках. – Это всё негативные определения. А чтонибудь позитивненькое есть? Ага, опять цитата, и это результат, ну вот, есть же положительный результат и у такого тяжёлого опыта: «вера в себя, лишённая надежды на них», этическая закалка (становимся сильнее). А это причины выписаны: слабость, глупость, эгоизм. Потрудились, надо сказать, вы неплохо. А тут вы определение ищете. Вы считаете, что предательство – чувство? Не склонность, качество или черта личности, черта характера, а чувство? И что это за чувство? Вы не ошиблись?

- Нет, доктор, не ошибся. Ведь говорят же о социальных псевдочувствах - «чувстве локтя», «чувстве единения», «чувстве ответственности». Предательство – это чувство нанесения удара в спину. Я много думал об этом. На самом деле чувство, противоположное любви – вовсе не ненависть, а предательство. Ведь ненависть – это та же любовь, только возведённая в отрицательную степень. Помните у Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». А предательство – это уничтожение любви на корню, такое уничтожение, что самый близкий и родной человек моментально может стать самым далёким. Предатель испытывает некое предвкушение удовольствия, вонзая нож близкому человеку в спину. И если любовь дана человеку Богом, то предательство – от сатаны. Предатель хоронит в себе человека.
- Мне понятно, что вы хотите сказать. Но неужели нельзя в этом вопросе обойтись без религиозно-философской дискуссии?
- Мне трудно это сделать, доктор. Я долго думал, как это вообще возможно, как и почему это допустимо... Ведь нельзя же так! Совершенно немыслимо: был человек свой – близкий, родной – совсем рядом, с тобою навсегда пополам, бесконечно уверяя в своей любви, в привязанности и нежных чувствах... И вдруг как будто бы полностью переменился, да не то чтобы переменился – превратился в противоположность себе прежнему: перебежал на другую сторону, исполнился к тебе злобой и ненавистью, окрысился, нарочито отдалился. Где ключ к ответу, где разгадка? Кто был первым предателем? Взять Библию,

так, пожалуй, Каин. Но нет же! Давайте копнём глубже, ещё глубже: сатана, падший ангел — вот первый предатель. Но пускай оставим Библию, обратимся к мифам, к этим родникам человеческой культуры. И у греков читаем про бесстыдную жену Гефеста богиню любви и гетер Афродиту, делившую ложе с Аресом, про неверную жену Аполлона царевну Корониду, про измену Ясона, про прекрасную Елену, из-за которой началась Троянская война... Но всё это мимо, мимо, мимо! Нет, где-то в глубине человеческой природы затаился чёрный червь предательства; он гложет человека изнутри, поглощая в нём всё подлинно человеческое, чистое, блаженное... Он воплощается то в Змеяискусителя, то в мрачного ворона — гибельную птицу, то в облезлого шакала или проворную гиену. Предательство — сатанинская искра, которая растлевает человека изнутри.

- Но послушайте, дорогой друг, не торопитесь ли вы с обвинением и осуждением? Почему же вы отказываете другому человеку в праве на собственный путь, на своё счастье, на возможность изменить что-то в своей жизни? Разве, связав жизнь с другим человеком, вы автоматически стали хозяином его судьбы? Нет. Каждый может ошибиться в выборе, может принять ложную любовь за истинную. А потом вдруг ваш партнёр ощутит в себе желание раскрепоститься, раскрыть в себе полноту чувств, обрести способность искренне радоваться и горевать о ком-то другом. Новую любовь, новые горизонты... Разве это плохо? И ведь ошибка в выборе замечается не сразу, и исправить её никогда не поздно, начав жизнь как бы с чистого листа...
- Как вы сказали, доктор, «с чистого листа»? С чистого листа близко, близко к разгадке. Именно с чистого листа. Вот вы внушаете (ну пусть не вы лично, а такие же мастера психотехник), что можно запросто плюнуть на сложившиеся связи и отношения, когда угодно порвать их. Не устраивает один пункт остановки пожалуйте в другой, хотите можете пройтись туда-сюда по жизненному пути, хоть вдоль, хоть поперёк стрелы времени. И прежний опыт ни к чему только обуза. Но в том-то и дело, что жизнь человека не чистый лист. Нет в жизни «чистых листов». Не чистые листы, а выжженные земли остаются

на поле предательства. С каждым новым шагом, с каждым душевным движением, с каждым эмоциональным порывом и обретённым смыслом жизнь наполняется связями и отношениями, которые укрепляются, углубляются, вливаются в горнила чувств и сливаются с сущностью человека. Да и привязанность — сторона любви, основанная на ежедневном участии, зачастую оказывается сильнее любви в её романтическом ореоле. А вы предлагаете всё это попросту игнорировать. Я так понял?

- Ну, не совсем так. Просто нужно осознать новые реалии, признать право другого на самореализацию, не насиловать своего партнёра прошлыми связями, отпустить его. Да и самому почувствовать свободу, не замыкаться только в рамках прошлого. Не можем изменить обстоятельства изменяем своё отношение к ним.
- Это слова Марка Аврелия, настоящего стоика. Он же говорил о том, что в разумную сущность человеческого существа не может вторгаться никакая боль, так как духу дана власть подавлять страдания, и жизнь такова, какой делают её наши мысли. Но так ли легко отрешиться от своих эмоций, когда кто-то ломает судьбы? Я как-то читал у Маслоу о случае с женщиной, которая после двадцати пяти лет совместной жизни в браке вдруг вздумала развестись без какой-либо существенной причины. Он приводит это как пример кажущейся жестокости самореализующихся людей.
  - Ну вот вы же сами понимаете...
- Не понимаю, доктор, и не принимаю такого подхода, который даёт возможность бросаться близкими людьми, как потрёпанной вещью, подлежащей замене. Я снова возвращаюсь к этому вашему «с чистого листа». И нахожу, что маргинальное сознание, движимое лишь эгоистическим стремлением к собственному благополучию и счастью, а точнее сказать, к эйфорическому самоощущению, без устойчивой привязанности, без прежнего опыта, без теплоты сложившихся отношений, без корней, без моральных принципов, без прошлого... Без памяти! Маргинальное сознание вот основа предательства. Как можно жить с опустошёнными файлами памяти? Я имею в виду

не просто хранение информации в базе данных, а эмоциональную память, трепетное и осмысленное отношение к вехам своего пути, к личному опыту, к значимым людям и событиям. А оказывается, что очень даже можно так жить, превратив жизнь в полигон для экспериментов и предавая людей, которые в недавнем прошлом были очень близки, были верными помощниками, опорой.

- Но, дорогой мой, нельзя же жить одним прошлым...
   Что такое прошлое навсегда ушедшие мгновения.
- Одним нельзя, а двумя можно. Ведь это прошлое крепко связывает людей. Мгновений нет, а их следы есть. На то и дана человеку память. На то и существует ответственность перед близким, в особенности перед супругом. Но маргинальное сознание сокрушает столпы памяти. Маргинальное сознание tabula rasa, духовная пустота противостоит всем формам человеческой культуры. Ведь фундамент культуры память и преемственность. А для маргинального сознания всё может быть искажено, исковеркано, выжжено, сровнено с землёй и прополото острыми граблями забвения.
- Память ведь всё равно остаётся, если человек не болен амнезией. А что до ответственности можно эту ответственность и после развода сохранять. Можно общаться, в чём-то поддерживать эти связи, а в чём-то признать невозможность их сохранения в прежнем виде (уж извините, что я об этом вам напоминаю).
- Да даже и так не уверен, что выйдет. Память искажается под призмой взаимных претензий и обид, отношения неизбежно деградируют. Вот вам пример в политике: злейшими врагами России стали те страны, которые совсем недавно входили в состав СССР либо были его союзниками. Так же и у людей. Чем больше была близость разведённых партнёров, тем жёстче и настойчивее стремление отдалиться. Поэтому развод крайнее и в высшей степени нежелательное средство решения возникших проблем в семье, как тяжёлая калечащая операция, когда иные средства уже исчерпаны. А вы всё предлагаете «с чистого листа». Я, видите ли, всегда воспитывался на понимании ответственности у Экзюпери.

– Вы имеете в виду – быть в ответе за тех, кого приручили?

– Да, и не только. Есть там ещё такая забавная фраза про баобабы, помните: «Дети, берегитесь баобабов!» Да, да, не смейтесь, про баобабы. Он пишет, что, если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронижет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут её на клочки и уничтожат твою розу. Помните это, доктор?

Доктор Солодкин сидел слегка запрокинув голову и сверля зрачками тонкую щель в потолке. Психотерапевтический сеанс как-то не заладился, пациент легко перехватывал инициативу и уводил разговор в сторону. Речь Эсператова становилась быстрее, энергичнее.

- А к чему это вы про баобабы? опомнился, наконец, Солодкин.
- Говорил я жене: «Не пропускай никого между нами! Ни муха, ни комар между нами пролететь не должны!» А она делала всё наперекор мне. Вмешивала всех подряд, слушала кого ни попадя. Был среди советчиков и такой псевдопсихолог, любитель «чистых листов». Была подруга и коллега, которая периодически переходила из одних мужских рук в другие (но она-то думала, что меняет мужчин как перчатки и сохраняет независимость и власть над ситуацией). Были друзья – отчаянные критики разновозрастных браков. Был священник, так сказать, «духовный наставник», а по сути - сектант. И призраки прошлого настойчиво теребили её интернетстраницу. А главными советчиками, «доброжелателями», которым, к моему удивлению и разочарованию, удалось убедить её в том, что у нас супружеской жизни не получается, были её родители. Именно там, втайне от мужа, на совете в родительской семье, решалась судьба нашего брака, там, в предательском сговоре, было решено его растоптать; там мелкие ростки сомнений, тревог и мелочных обид превращались в грозные баобабы с крупными раскидистыми ветвями и мощными корнями. Почва для предательства была основательно подготовлена.

282

Не привёл вовремя в порядок свою планету – вот и расплатился по полной...

- Так вы ведь сами признаёте в сложившейся ситуации долю своей вины: не проявили должного внимания, не уследили, к чему-то отнеслись легкомысленно и несерьёзно и пошло-поехало. Это жизненный урок, который надо просто принять как неудачный опыт, как сухой остаток переживаний. И с учётом этого выстраивать уже новые отношения с новой партнёршей. Возможно, с ней вы будете по-настоящему счастливы, будете ощущать себя более свободно, скинете груз будничных забот...
- По-вашему, всё так просто? Каждый хочет счастья, но желать быть во что бы то ни стало счастливым всё равно, что требовать боевую награду, не участвуя ни в одном сражении. Счастье – результат духовного труда, преодоления себя в борьбе против эгоистических устремлений. Счастье - сочетание, соединение частей, оно обретается лишь с потерей какой-то степени свободы. Эгоист никогда не может быть счастлив, он может только находиться в состоянии эйфорической приподнятости или безмятежной удовлетворённости, но эти состояния скоротечны и нуждаются в обновлении стимулов. Поэтому предатели глубоко несчастны. А что, по-вашему, делать с душераздирающей душевной болью от предательства? Она не убывает. Что делать со сломленной верой в чистые и благополучные отношения в браке, что делать с искалеченной судьбой? Предательство - веро-ломство - страшно не только само по себе, как факт неожиданного удара в спину. Как и всякая нравственная болезнь, оно опасно своими последствиями. Нет ничего ужасней, коварней и омерзительней, чем предательство. Уж лучше бы только эпизодическая измена, чем хладнокровное уничтожение живой общности душ и тел. Предательство – наитягчайший из всех человеческих грехов. Оно намного опасней, чем убийство. Убийца истребляет тело, а предатель калечит душу, вытравливая из неё дыхание веры.
- Да полно вам! Ну успокойтесь, наконец. Глотните быстренько ложку корвалола, запейте водичкой. До конца, до дна стаканчика вот так. Смерть действительно нель-

зя исправить, а всё остальное поправимо. Ну не удастся восстановить старые отношения — найдёте себе новую любовь. И к поиску супруги уже отнесётесь более осмысленно. Убийство — это, разумеется, тягчайшее преступление. А за предательство не сажают, если конечно, речь не идёт о шпионаже. Раньше за это — высшая мера, теперь лишь тюремный срок. А что касается вашей ситуации, я уже говорил — взгляните на неё с другой стороны...

Эсператов был сильно взволнован, его речь то и дело прерывалась нервным всхлипыванием, на лбу выступили капельки холодного пота.

- Простите, доктор, это я от недосыпания. Это сейчас пройдёт... А вспомните-ка, как распределял грешников в аду Данте?
- Да сейчас разве вспомню? Круги ада, чистилище, сферы рая... Не помню точно, как они там путешествовали с Овилием.
- Я напомню: убийцы и самоубийцы у него в пределах седьмого круга. Лжесвидетели и лжесоветчики в восьмом. А предатели в девятом. Там томятся предатели родных и родины, предатели соратников, гостей и друзей, предатели любимых, предатели вершин человеческого и божественного духа. В десятом же круге, в самой пасти сатаны, рядом с Иудой Искариотом, предавшим святое в духе, оказались Гай Кассий и Марк Брут символические фигуры, предатели друга и правителя. А вы говорите, что всё поправимо. А вы говорите: «с чистого листа»... Поправимо лишь на высшем суде...

Эсператов встал с кресла, положил доктору квитанцию об оплате на стол, коротко поблагодарил его и, упираясь в переносицу ладонью правой руки, чтобы как-то превозмочь импульсивную головную боль, вышел из кабинета.

Виктор БЕРДИНСКИХ

Киров

БИБЛИОТЕКАРША Роман с жизнью и смертью

(Фрагменты)

Преамбула

Быть поэтом прекрасно? О да! Быть поэтом ужасно? О да! Все правдиво — и так и эдак. Только что от меня ушел врач. Жить на белом свете мне осталось самое большее — месяца три. Мой роман со смертью заканчивается. Ах, какой он был замечательный и страстный! Маленькая серая мышка — это я — бежит короткой перебежкой. Вдруг бах! — громадная лапа этой черной кошки опускается мне на спину и когтит меня — но не до смерти. Помучившись, я ускользаю и бегу дальше. И снова та же черная лапа — бух мне на спину...

И всю жизнь так! Все почти 70 лет моей счастливой и несчастной жизни. Но, похоже, эта черная кошка вдоволь наигралась, и finita la comedia. Слава богу! Ах, как же я устала жить! Особенно последние 10 лет, когда я не могла даже выходить из четырех стен этой бетонной коробки — моего благословенного жилья, благодаря коему и не сдали в дом инвалидов. Какое счастье!

Ах, как славно жить и дышать этим воздухом, смотреть на колыхание деревьев, облака, детей... Все-таки – природа и дети – две самых существенных радости в жизни. Мой рай на земле! До чего же он был невероятен и чуден!

Ломаной неживой тенью по вечерам я выбираюсь иногда на балкон, когда никто меня не увидит. Жадно дышу последним воздухом жизни... Пора подводить итоги, подбивать бабки, сводить концы с концами своей нелепой судьбы. Еле-еле на четвереньках достала кучу бумаг — мой архив. Тут и дневники, и письма, и мои стихи — будь они прокляты и будь они благословенны! Единственное счастье моей жизни! И мое проклятие тоже.

Умру – и все это новые жильцы вытащат на свалку. Родных у меня не осталось ни одной живой души на белом свете. Одна как перст! Все умерли: и мама и папа! Даже все лучшие подруги мои умерли, хотя и не болели всю жизнь разными болезнями, как я.

Составлю как я из этого хлама описание своей жизни в стихах и прозе. Сделаю вырезки из писем, дневников, стихов — на это моих сил еще хватит. И отдам все это в нашу школьную библиотеку, где я проработала всю свою жизнь. Пусть лежит для потомков. Главное, чтоб детишкам ничего не давали — хранили в закрытом закутке — засмеют ведь старую дуру.

Все равно ведь наша школьная библиотекарша, Любовь Васильевна, моя бывшая помощница, заходит ко мне раз в два-три дня и приносит хлеба, молока, крупы. Она крепкая, несмотря на свои 60 лет, — одно слово — донская казачка. Так что еще лет 10 свободно в нашей библиотеке просидит. Так что мой роман в письмах ей и пригодится для секретного прочтения. Хоть посмеется немного надо мной — такой нелепой и изломанной. Надо же мне ее както отблагодарить за заботу. Хорошая она, в сущности, «тетенька»; хотя со своими тараканами в голове. А кто из нас женщин без «тараканов»? Нет таких!

Сделаю повесть в стиле писем другу. Помните? Дочь одного вождя так писала. И неплохо у нее получалось. Уж целиком то писать у меня сил нет. Буду вставлять просто свои бумаги из разных лет — целиком или частями. Всё ведь сохраняла — бумажно-чернильная душа! Не обессудьте за огрехи возможные мои читатели! Чего взять с человека, который одной ногой уже там, а второй — каким-то чудом цепляется еще здесь за воздух. Земли-то под ногами уже давно не чую.

Письмо 1. Разрешите представиться

Я – простая школьная библиотекарша. И была ею – всю свою трудовую жизнь. Стихи я люблю с тех пор, как себя помню. Именно это какой-то главный внутренний ствол моей жизни. Вокруг него вся жизнь моя в этом мире и обвилась, выстроилась – жила, пела и кукарекала. В четырехлетнем возрасте, еще не умея читать, выучила наизусть «Муху-цокотуху» Чуковского. Едва научившись писать, большими печатными буквами переписывала в тетрадку стихи, что мне особо нравились. А в 10 лет попыталась сама сочинить стихотворение. Неудачно. И до 5-го класса оставила эти попытки.

А потом писала стихи в школьную стенгазету, выступала с ними на наших утренниках и концертах. Писала в старших классах что-то вроде дневника в стихах. В общем, все было так, как у всех, кто пробует писать стихи. А потом это дело стало уже душевной потребностью, единственной в жизни привязанностью – моей алкогольно-наркотической зависимостью.

Вы думаете – я графоман? Фига с два! Я поэт! Пусть маленький, но настоящий! Из тех, что сейчас называют «бедными» поэтами. Я чувствую настоящие стихи кожей, нюхом, кончиками волос на затылке! И у меня они настоящие – пусть только местами это прорывается. Но ведь есть. Потому что за моими стихами – моя жизнь и целый мой век. Двадцатый – который, кстати уже и прошел! Годто какой идет у нас? Двухтысячный! Нулевой! Вот в него и уйду вместе с ледоставом и поздней осенью.

Здорово Арсений Тарковский однажды написал про свое умение писать стихи: «Невысоко я ставлю силу эту; И ласточки поют...» А я высоко ставлю. Этот московский снобизм временами поперек горла стоит. Мне больше в жизни прилепиться душой не к чему. Единственная опора. Конечно, я сельский стихотворец, точнее даже стихотворица. Это не второй ряд, и даже не десятый – ежели по ранжиру поэтов русских расставлять. А вообще-то толпа поэтов, она без рядов стоит, лежит и живет. Там все время

движение — смена мест. Одно уплывает, другое вылазит наверх из каких-то закутков. Как клады в земле всплывают, когда им срок придет.

XX век – он, конечно, для наших поэтов великий. Боже! Сколько имен! И каких! Поэты были большие, лучшие! Но ведь одних – убили, других – замучили. Третьи – сами спились. У этих великих – стих богатый, во взорах – молнии, а я библиотекарь, чтоб вы запомнили... Порой мне кажется, что мои стихи полуфабрикаты какие-то... Как из носка у бабушки, что его вяжет, торчат во все стороны спицы – так и у меня выходы на все стороны есть и стихи сознательно не отделаны до гладкописи. Это чтобы любой мой читатель по своему усмотрению мог их додумать, дописать или переписать. Видишь слабую строчку – замени! Соавтора мне, соавтора! Таким я мыслю своего читателя. И все равно я полноправный автор, так что ни от чего не отрекусь – всё моё!

Пусть в моих стихах многое сентиментально и старомодно. Но это моя интонация, моя собственная — незаёмная, ни на что не похожая! Есть же во мне какое-то поэтическое достоинство. Вот его и блюду всю жизнь. Как раз про это мои стихи «Почему я не стала поэтом?».

Почему я не стала поэтом? Почему я не стала струною, Что звенит и поет о неспетом, Словно счастье и горе земное.

Почему я не стала поэтом? Почему не зажглась я звездою, Что мерцая негаснущим светом И зовет и ведет за собою!

Почему я не стала поэтом? Почему трубой не запела? Сердце пламенем! Сможешь ли это? Потому и не стала поэтом.

Кто-то поморщится – какая риторика! А я так чувствовала тогда жизнь. Вот так мы тогда мечтали, любили, думали. Прямо колба времени – а не стих!

А графоманов вокруг полно! И в нашей глуши, и в столицах. В столицах-то еще больше. Многие очень даже признаны, мэтрами себя называют. С орденами, премиями. А за душой ни гроша. Истерлись в своей беготне попусту. Пустые чемоданы! Природной-то основы человеческой ни на грош!

Мне их, с одной стороны, даже жалко – профукали свою жизнь на леденцах. А с другой – сами во всем виноваты! А с третьей – лучше пусть стихи пишут, чем водку зря пить. Это ведь безвредная для других привычка – рифмоплетство. Ну разве что семья страдает... Так ведь знали на что шли! Все это рано прорезывается.

Вот и я писала с детства свои стихи. Это стало главной моей жизнью – тайной. И в этом пущая сладость от ночных забав и упражнений.

И мне кажется – это дело стало у меня получаться все лучше. Твердо верю сейчас – я поэт милостию Божией. Одной ногой стою уже в раю, а другой – еще с вами, здесь, дорогие мои земляки! Скажу еще то, что никому и никогда не говорила (чего уж там! - надо напоследок до конца выговориться). Я вообще думаю – может я королева «бедных» поэтов? Ведь сколько нас в России! Это в столицах – у поэтов стих богатый, во взорах молнии; а здесь... я библиотекарь, чтоб вы запомнили.

Настоящей то жизни живой в провинции намного больше чем в столицах. Там все больше блеск представительства, игра ума, имитация жизни – большую роль играют. Здесь, в вятской глуши, жила я как в раю. Как Гоген на Таити, Адам еще без Евы...

И ведь, чтобы были вершины, нужны как минимум плоскогорья, увалы. И «бедные» поэты нужнее сейчас чем классики. Может, и я – Рубцов в юбке? Такие же банальности, риторика, щемящая мелодрама, штампы и стереотипы – а все вместе как так и надо. На каком-то чудном волшебстве держится! Но все же – это у него. Про себя то я все понимаю: рифмы убогие, мысли плоские... а по-другому не могу! Хоть режь!

Ну, ближе к делу! И вот так я органически как-то развивалась – развивалась с книгами. Они же в советскую эпоху – главный двигатель умственной жизни. Научилась любить всякую поэзию. Годами любила Пушкина, затем, пережив его, ушла к Некрасову, а там – Тютчев, Фет... Начало XX века вместе с Блоком, Есениным... Потом советские романтики от Светлова и Багрицкого. Наши чудные эстрадники: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. Это же мое поколение. Ну и параллельно закрытые в те советские годы поэты: Ахматова, Гумилев, Пастернак, Мандельштам, Цветаева...

Ах. какое все это было счастье?! Жить и любить эти невероятные сокровища духа. Любоваться ими – дарить детям, друзьям свое понимание! Вот как раз об этом мое стихотворение «Ускользающие строки».

> Не затем чтоб в журналах печататься, На минуту мелькнут эти строки, Не затем, чтобы отпечататься В чьих-то душах на долгие сроки.

Есть у каждого свой предел. Есть у каждого свой удел... Всё бегу за ними, бегу... Не могу без них. Не могу!

1969

Что-то я все не о себе. А родилась я в далеком 1931 году, практически до исторического материализма - почти 70 лет назад в Вятском крае, глухом и лапотном. Все детство почти прожила в маленьком городке Кукарке. До революции 17-го года богатая слобода была, патриархальная, идиллическая. Место воздушное, райское. Три тихих спокойных реки омывают. Вода в голубень прозрачная, зелень на заливных лугах сочная и нежно зеленая (хоть сама траву ешь вместе с местными коровами), леса – сосновые, самые праздничные. Как в ясную погоду вершинами зашумят – садись под дерево и умирай, большего счастья

в жизни не надо. Ни о чем так скучать не буду, как о сосновых борах на белом мху с брусничником. Просто отпад! – как мои старшеклассники говорили. Обалдеть от этой красоты и патриархальной теплоты жизни. Так и написала однажды в молодости.

> В нашем городе улицы тихи. В нашем городе поют петухи. Невелик он и ничем не знаменит, И по свету о нем слава не звенит.

Но по улицам по этим вдоль реки В революцию шагали пареньки. И, обняв прощальным взглядом отчий дом, Словно в омут с головой ушли потом.

В нашем городе матери грустят: Дети выросли, когда-то навестят? Писем ждут с сибирских строек, с целины; А порою из совсем другой страны.

Но однажды, отложив свои дела, Бросив жизнь, что так надолго развела. Вновь обнимут поседевших матерей И повеет в доме запахом морей. Погостят – и снова в дальние пути. И как будто сил прибавится идти!...

В нашем городе улицы тихи. В нашем городе поют петухи. Он обычный. Он ничем не знаменит. На таких, как он, – земля у нас стоит!

1964

Сейчас, конечно, многие от этой советскости поморщатся. Скажут – нафталин. Но вот такими мы были беспартийными большевиками-романтиками. Не целиком, конечно, но с этой искренней стрункой. И все же про нашу вятскую глушь я бы сильно поспорила.

Мой благодетель поэтический, Роберт Иванович – писательский мэтр в Москве родом из Вятки; представляя меня на награждении поэтической премией своего журнала в 1979 году (пик моей официальной поэтической карьеры), так и сказанул: «Анна Гурьевна из такой глуши вятской несусветной – там даже железной дороги нет!» Проглотила я ядовитый ответ, что на языке вертелся, мило улыбнулась и говорю: «Ну что вы? Вот давайте и убедимся, что в провинции не одни лопухи растут».

Господи! Ну какая же у нас глушь?! Это ж центр мира, во всяком случае моего. Место, где я живу! А настоящая глушь – это дебри большого города. Ни свежей воды, ни живого воздуха, ни леса, ни реки – это же кошмар! Нет там настоящей жизни! Это все эрзац! Работа, еда, отдых – все сплошь имитация. Живут – горе мыкают.

Ну и вот, возвращаясь к себе... Папа мой, Гурий Николаевич, как у нас говорят, возрастной. Он мелкий служащий из кооперации. Родился в 1887 году. Имечко редкое – назвал поп по святцам при крещении. На кого в тот день тезоименитство пало. Удалось ему еще в поздних народнических кружках побывать, поучиться много где (нигде только образование свое не закончил), в Первой мировой и на Гражданской войне повоевать, а и после нее в Красной армии послужить. Вернулся в Кукарку поздно, когда сокращения большие в армии пошли году в 25-м. Снова у разбитого, так сказать, корыта. И женился уж лет 38 на моей маме – 19-летней местной красавице из богомольной семьи старого образца.

Родилась я чахлая и всю жизнь из болезни в болезнь. Месяцами на койке лежала. Если бы не мама, не подруга моя задушевная Александра Петровна – давно бы уже умерла.

Болела, училась. Голова, как у многих болезненных, острая была. Отличница. В 1941 году папу на фронт не взяли по старости. А артель кооперативная, где он служил, закрылась. Жить стало совсем нечем. Забоялись, что с голоду все помрем. Два года кой-как еще перебивались.

И черт, видно, свел однажды папу с вербовщиком. Уговорил, уломал старого дурака ехать на север Архангельской области — на полуостров Канин в село Несь Ненецкого округа. Все втроем и собрались. Продали все что могли — даже огород и приехали к разбитому корыту в 43-м году осенью. В войну быстро все менялось. Никакой работы папе уже нет. Назад ехать не на что, жить негде, есть нечего — надо умирать. Как выжили? Удивляюсь.

А с другой стороны — мы и в Кукарке уже опухали с голода и обязательно бы, наверное, умерли... Не угадать, что лучше. А там стал папа чуть живой от голода старик. Ходить — искать работу. И повезло неслыханно — директор школы взял его военруком к себе. И комнату дал в коммуналке. Чудо и счастье! Вот с 43-го до 47-го года жили там. Семилетку там окончила, работать пошла в 15 лет в детский интернат для ненецких детей. Хлеб ешь — так работай. А в 47-м году, слава тебе Господи, вернулись назад в Кукарку.

Окончила среднюю школу с золотой медалью в 50-м году в Кукарке и поступила учиться в соседний райцентр, в Яранский учительский институт. А что было делать? Врач сказал, что в большом городе я непременно помру через пару лет. Так что МГУ помахал мне ручкой. Институт тот был вроде техникума — среднее образование давал.

А в 1952 году вернулась домой и назад в свою школу учителем русского языка и литературы. Пять лет отработала и слегла на два месяца. Врач попался хороший – снова повезло – и говорит: «Если пожить хотите еще не полным инвалидом, из учителей уходите!» Вот я с 57-го года и до самой пенсии зав. школьной библиотекой и работала. Интересно! Но очень хлопотно и суетно. Шум и галдеж вечно. Не понос, так золотуха! Дети же, они горластые существа. Но ведь жизнь! А мне и нравилось в этом потоке быть.

Окончила заочно Ленинградский библиотечный институт в 65-м году — и дело в шляпе. Никто и не пытался меня сместить. Высоко себя поставила. Одно слово — поэт! Одна на весь наш городок. Зарплата, понятно, грошовая. Но ведь как у всех. А жизнь яркая, насыщенная, интерес-

ная. Нашла тут старое письмо – философское размышление об этом.

Из письма Гале Ш.:

«...И еще. Странное у меня в последний год возникло ощущение. Словно бы я прожила две жизни. И первую прожила совсем другая женщина, связанная со мной только воспоминаниями. Та, первая, хотя и жила очень трудно (много и тяжко болела, работала на износ, была в нищете, плохо питалась и т. д.), но дружила со своей с жизнью, наполненной до краев и очень интересной... Та женщина с юности была окружена подругами и друзьями, много читала и училась, жадно впитывала знания, много ездила, в том числе в Москву и Ленинград, Крым и Кавказ, 4 года жила в тундре на Крайнем Севере. Закалилась, прошла настоящую школу жизни... Перед ней была открыта вся страна. Главным для нее были не деньги и наряды, а духовная наполненность. За это ее ценили и уважали. К ней тянулась молодежь. Немало друзей молодых на всю жизнь остались из этой когорты. У нее была большая, пусть и неразделенная, любовь, озарившая всю ее жизнь. И она, по-своему, была счастлива. У нее была и великая страна, которой она гордилась, в будущее которой верила – несмотря ни на что. И еще: Та женщина, за исключением времени своих болезней, могла ходить. Просто ходить (какое счастье!) – по улицам города, по берегу речки, по лугам, в лес... Ходить в кино, музеи, на выставки... Ходить в гости, за грибами... Просто ХОДИТЬ!

А у женщины, которая сейчас пишет это письмо, совсем другая жизнь. Если это можно назвать жизнью. Она замурована в своей неустроенной квартире, в которой не может сделать даже уборку, взять с недоступной полки книгу. Не может порой сделать пять шагов, чтобы открыть дверь. Не может пройти по травке под окнами дома. Ни о каких поездках (в последние годы даже на могилу к маме) не может быть и речи. Друзья, любимые ученики — далеко. Все реже приходит кто-то ее навестить. Сострадание иссушает. Остались письма, но ей очень трудно их писать. А все остальное, чего я лишена, можно перечислять до потери пульса... полной.

Но осталось одно-единственное богатство, одно утешение — мои воспоминания. Правда, они относятся не к этой, а к той женщине. Но они помогают не угаснуть окончательно этой — замурованной в четырех стенах. И стиснув зубы, терпеть то, что за этими стенами».

Письмо 2. Как приходят стихи

Жизнь стихотворца немыслима без обнародования стихов. Хоть где: в районной газетке, сборнике молодых, стенгазете или на дне рождения подруги... Да хоть в соседней пивной, если ты вдумчиво пьющий годами алкоголик. Если о твоих стихах не знают, они мертвы. Им нужно дыхание чужих людей, чтобы родиться по-настоящему. Это ведь как у художников. Пишет — пишет он свои картины. Но в мастерской они спят. А расцветают (и с неожиданной стороны) они только на выставке, когда кругом все галдят... Если даже мимоходом глянут, булькнут чтото невнятное или как-то обругают завистники — им это все полезно. Тогда-то жизнь в холсты войдет, они распустятся, как розы в сезон, в глазах и умах непонимающей публики. И это цветение надолго-надолго останется.

Потом, понятно, большинство холстов снова засыпают или даже умирают. Но изредка кое-какие взмывают в высоту, как ракеты. Что-то в человеческих умах и душах лет через 10, 20 или 100 повернется – и они срезонируют. Этого, правда, не предсказать. Никому, никогда, нигде.

Со стихами так редко. Но какую-то интуицию к чужим стихам поэты порой вырабатывают. Нашла сейчас в бумагах рецензии на свои детские и прочие стихи из разных редакций и издательств. Забавно! Вот первая рецензия из журнала «Пионер», куда я письмо послала в 9-м классе. В далеком 1948 году. Все верно написала литконсультант Юлия Н. Умно, тактично и тонко. Со всем согласна и сейчас. Вот текст письма.

«Дорогая Аня! Я прочла присланные вами стихи и постараюсь выполнить вашу просьбу: указать, какие в них недостатки. Оба стихотворения написаны довольно гладко и литературно правильно. Мысли, выраженные в этих

стихах — бесспорны, но... оба стихотворения скучноваты. Объясняется это тем, что в них нет не только ни одной своей (хотя бы незначительной) мысли, но и ни одного своего свежего образа или эпитета. А ведь стихи — если они хороши — должны взволновать читателя, западать ему в душу, в память. Это возможно лишь в том случае, если поэт по-своему ярко и взволнованно покажет читателю хотя бы один какой-нибудь уголок жизни или живые, человеческие чувства. Перепевая общеизвестное, этого не добъешься, а ваши стихи перепевы чужого.

Причина вашей неудачи отчасти в том, что вы взялись за очень большие, очень широкие и очень общие темы. Рассказать о них по-настоящему — под силу только сложившемуся поэту, а не девочке-девятикласснице. Есть ли у вас стихи на тему того, что вас окружает? Стихи, в которых есть непосредственные ваши наблюдения и переживания? Если есть, пришлите — мы поговорим о них подробнее... Человек, пишущий стихи, должен развивать у себя наблюдательность, умение видеть особенность, отличительные свойства явлений и людей. Тогда в стихах появятся краски, запахи, живая жизнь; и они не будут казаться зарифмованной газетной статьей.

Подумайте об этом. Не бойтесь писать негладко, коряво... Шероховатости со временем исправятся. А привычка к шаблону, к накатанным путям – исправляется с большим трудом. Не задавайтесь также вопросом – "продолжать писать или нет". Умение наблюдать и излагать свои мысли полезно во всякой специальности и пригодится вам вне зависимости от того, станете вы или не станете "настоящим" поэтом. Присылайте ваши другие стихи. С приветом Юлия Н.»

Если бы когда-нибудь встретила эту умницу Юлию – так бы и расцеловала! Прочитала это и вспомнила старую школу тех лет, тепло живой жизни. Какие все же люди добрые, ласковые и отзывчивые были! И это после войны!

Вот письмо мне, выпускнице 10-го класса нашей школы, от редактора областной молодежной газеты. Между прочим, он был в областном бомонде в большом авантаже – родной племянник Кирова.

«Товарищ Дьякова! Извините за то, что задержался ответом на Ваши стихи. Стихотворение "Виновата ли весна" мне понравилось. Не напечатали мы его из-за отсутствия места в газете, так как по объему оно велико. Было бы лучше, по-моему, если Вы указали последствия, к которым может привести отсутствие систематических занятий у школьника. Кроме того, надо бы усилить сатирические нотки в изображении лентяя-школьника. Осудить его посильней.

Стихотворение "Мир будет" по своему идейному содержанию верно. Однако оно носит чисто декларативный характер. Нет в нем ярких образов и картин. Кроме того, в стихотворении очень много неоправданных повторений некоторых слов.

"Наука" – интересна по замыслу. Очень прошу Вас поработать еще над стихотворением и прислать его нам. Вопервых, стихотворение нужно сократить, так как в ряде строф Вы повторяетесь. Во-вторых, нельзя согласиться с Вами том, что в советской науке каждый должен "бороться с трудностями, не страшась, один"».

Вот так учили тогда газеты! В 1950 году! Слава богу, что я этому так и не научилась, не стала местным Михал-ковым. Небо и земля в сравнении с журналом «Пионер».

А ведь стихи свои на суд чужих людей отдавать дело страшное! Ах, как я комплексовала, боялась, переживала, не спала... Сейчас все эти дела – давно для меня холодная зола. А тогда было бушующее пламя. Даже стихи об этом сочинила. Назвала «Первые читатели».

Как трудно отдавать на чей-то суд Рожденное тобой стихотворенье! И ждать, как приговор произнесут, И выслушать с печалью и смиреньем.

Но для меня есть самый страшный миг: Когда стихов, задолго до печати — Еще задолго до газет и книг! — Коснется взглядом первый мой читатель.

Мои стихи... Их жизнь на волоске — Два добрых слова их сейчас спасли бы... Понравились!.. Стою в немой тоске И лишь глазами прошепчу: «Спасибо»

С какою болью с ними расстаюсь! Как мать, с которой расстаются дети. За их судьбу тревожусь и боюсь: Так одиноко жить на белом свете!

И я стихи другие принесу, И снова стану вглядываться в лица. Каков он будет ваш суровый суд? — Им жить, или в безвестности томиться...

1969

••••

Мой роман со смертью (отрывки из писем)

Слабеющим сознанием собрала здесь отрывки писем последних лет. Мое умирание... Вдруг кому-то понадобится в жизни. Ведь человек живет все же человечиной! Простите, ежели что не так. Нет сил ни в руках, ни в ногах. Даже голову поворачивая из стороны в сторону, – устаю...

1. Письмо однокласснику

Здравствуй, Ваня! Я думаю, что одноклассники должны все же обращаться друг к другу на «ты» (и без всяких «уважаемых»). Договорились? Ваня, Ваня... Твоя новогодняя открытка была для меня таким дорогим и неожиданным подарком, столько пробудила воспоминаний о Севере, что и выразить невозможно. Не обижайся, что так долго не отвечала; что так долго не отвечала — для этого были слишком уважительные и невеселые причины (дальше станет понятно).

Ты слишком кратко, анкетным стилем сообщил о себе, а так хотелось бы узнать побольше. Из письма Ирины я узнала, что вы с Васей ездили в Несь. Ирина пишет, что ты подполковник МВД. Мне как-то трудно представить тебя в форме. В детстве ты был всегда такой спокойный увалень. Я очень хорошо помню тебя. Да и все наши пять мальчиков, кончавших нашу семилетку в Неси, были скромными, даже чуть тихими для мальчишек. Зато девчонки были слишком боевые!

Четыре года, что я прожила на Севере, оставили глубокий след в моей жизни. Было много горького, трудного; но хорошего, незабываемого – больше. И самое главное – Север спас жизнь нашей семье. Здесь, на родине мы бы погибли от голода. Я это помню всегда. Но там, на Севере, передо мной открылся целый мир – новый и неведомый. На Севере, как на необитаемом острове, тогда еще сохранились многие народные русские обычаи, обряды, песни, игры, особенности языка, уходящие корнями в глубокую древность. И я счастлива, что успела к этому прикоснуться. Теперь это погибло безвозвратно.

А северная природа! Белые ночи, цветастый ковер летней тундры, северные сияния (сполохи) — это околдовало на всю жизнь. И много лет я видела во сне как приезжаю в Несь, хожу по деревянным мосткам, вижу своих одноклассников, учителей... Но я знаю, что никогда уже не смогу побывать там. Спасибо тебе Ваня, за открытку с кусочком Белого моря. Север так глубоко проник в мою душу, что стал источником многих моих стихов.

Ты просишь прислать тебе мои стихи. Боюсь, что всё, касающееся моего стихотворчества, представляешь совсем иначе — чем это в действительности. Теперь мой черед кратко изложить свою биографию. После окончания семилетки я год работала воспитателем в интернате при школе (фантастический и незабываемый год!), а в 1947 году мы вернулись на родину, в свою Кукарку, где я и поступила в 8-й класс своей школы — доучиваться. В 1950 году окончила ее с золотой медалью. В то время медаль открывала дорогу даже в МГУ (и без всякого собеседования!), но...

Видишь ли, Ваня, я уже с раннего детства обзавелась несколькими серьезными хроническими болезнями. Одна из тяжелейших – болезнь нервной системы. И все это очень остро заявило о себе уже в 10-м классе. Я вообще не надеялась, что смогу его кончить (много уроков пропустила, очень много). Спасла меня не совсем обычная память — не просто хорошая, а именно необычная; о чем я раньше и не подозревала. Но врачи предупредили меня в связи с болезнями, что дальше учиться мне они не советуют — в крайнем случае, не больше двух лет.

Вот и пришлось мне вместо МГУ ехать в соседний небольшой городок и кончать двухгодичный учительский институт. Говорят, что была хорошим учителем, но в 1957 году мне пришлось расстаться с любимой работой по приговору врачей: «Если хотите сохранить хотя бы частичную трудоспособность, уходите с учительской работы».

Получила третью группу инвалидности и ушла в школьную библиотеку, там же — где работала учителем. Но в душе я все равно осталась учителем, а библиотекарем была тоже не совсем обычным. Создала клуб «Книголюб», просуществовавший 29 лет — до моего ухода на пенсию. Он получил всесоюзное признание. Но самое главное — мои воспитанники, прошедшие этот клуб, считают себя моими учениками. И это действительно так. Я сумела им дать немало для развития личности, помогла стать Людьми.

Я не хвастаюсь Ваня! Просто — это мой след на земле. И, может быть, благодаря этим десяткам своих учеников, ставших прекрасными людьми, я еще живу на земле. Большинство из них остались верны и благодарны мне, поддерживают меня лекарствами, письмами, посылками, даже деньгами, — хотя я из-за денег расстраиваюсь и ругаюсь.

О подарках уже не говорю. Но самое главное – никогда не забывают навестить, приезжая в родные места. Есть среди них ученые с именем (один – атомщик), преподаватели вузов, учителя, врачи, художники, инженеры, библиотекари (из-за меня), агрономы, геологи, – просто хорошие люди. Это моя учительская жатва, пусть и в должности библиотекаря.

А вообще-то меня очень многие люди ругают, что я не так прожила жизнь, что загубила свой литературный талант и не реализовала свои возможности. А как же их было реализовать, если я всю жизнь сражалась со своими болезнями, несколько раз умирала самым настоящим образом? Что стоит только двухлетнее пребывание в хирургическом отделении (перитонит), когда меня буквально вытащили с того света!

Я же вся изрезана. А сильнейшее сотрясение мозга? А параличи ног? А с 25 лет болезнь позвоночника, где диагнозы один страшнее другого? И еще многое другое. И все-таки я доработала до пенсии! А с февраля 1987 года — лежу, почти не поднимаясь. Уложил позвоночник. А потом было несколько небольших инсультов с поражением левой половины тела. И сердечные приступы, когда к жизни возвращают массажем сердца. И приступы мозгового происхождения (последствия сотрясения мозга), когда я по нескольку раз в день теряю сознание. И много, много всего...

Меня давно бы уже не было в живых, если бы в нашем подъезде не жила наш участковый врач. Сколько раз она меня спасала! Квартиру однокомнатную в новом доме мне дали в начале 1987 года. В центре города, 5 минут до школы. До этого всю жизнь прожила в коммуналке на красивейшем берегу реки.

Ухаживает за мной подруга, с которой мы дружим уже 38 лет. У нее взрослые дети (трое), шесть внуков. Но все последние годы она возле меня. Без нее меня тоже не было бы. На дом инвалидов я не соглашусь никогда. Лучше конец! Вот такая у меня «веселая» жизнь. А не смогла я ответить тебе потому, что вообще несколько месяцев не могла писать. Отнялись руки. С ложки кормили. Все мои друзья тогда переполошились: нет ответов на письма!

С середины мая до середины июля проходила курс лечения дефицитнейшими лекарствами, но на этот раз результаты совсем не те, что год назад. Уже в середине августа наступило резкое ухудшение, и я спешу ответить на накопившиеся письма, пока еще могу.

Мама жива, но очень стара. Ей скоро 83 года. С июня ее состояние сильно ухудшилось, приходится ночами де-

журить. Всего можно ожидать. Как видишь, Ваня, жизнь у меня совсем не «поэтическая». А стихи пишу всю жизнь, еще на Севере начала. Но я не поэт-профессионал, не член Союза писателей, хотя могла бы им стать, если бы поступилась некоторыми принципами. У меня даже нет отдельной книжки своих стихов, только подборки в разных сборниках да в одном молодежном журнале за 1985, 1986 годы. Редактор этого журнала, наш земляк, крепко меня ругал, что я не прислала стихи лет 10—15 назад — тогда бы моя литературная карьера круто состоялась.

К сожалению, журналы со стихами я все раздарила (много друзей). А теперь могу тебе переписать своей рукой одно стихотворение на память – «Северные олени». Оно мне кажется удачным. Да и тебе – ближе будет. Не возражаешь?

Письмо мое сильно затянулось. Боюсь, ты устанешь читать. Пиши мне подробнее о своей жизни, ребятах из нашего класса, кто жив остался.

Сердечно Аня Д.

15 октября 1989 года

2. Из письма Ольге Николаевне (жене московского мэтра)

У нас наступает самый страшный этап жизни. Июльскую пенсию я получила 14 октября. А.П. неизвестно когда получит. Все мои «похоронные» деньги ушли понемногу. Июньскую пенсию А.П. получила где-то во второй половине сентября. Отдала часть долгов. Половина моей пенсии идет на лекарства. Все лето и сентябрь мы жили подаянием: кто принесет овощей, кто картошки, кто батон. Запасы круп, рожков, растительного масла, как ни экономили, — к моменту финансового краха (17 августа) подошли к концу.

А когда люди стали сметать все с прилавков, делая запасы, нам не на что было запасать. Успели только купить 2 кг гречки, 2 кг риса и литр растительного масла. И всё. Теперь кое-что появилось в магазинах, но цены — шарахнешься! Мы уже не в силах брать пенсионерские участки

под картошку, но учителя школы, где я всю жизнь проработала (и А.П. – 12 лет) – преподнесли нам нечто вроде шефского подарка. Выделили одну сотку, обработали, засадили своими семенами, ухаживали летом, собрали урожай в сентябре, привезли 10 ведер картошки и загрузили нам в подполье.

До слез тронуло! Вот единственный запас наш на всю оставшуюся жизнь. Еще купим луку. А других овощей нет. Одна надежда – авось кто-нибудь принесет немножко. Пенсий (на двоих) едва хватает на хлеб, сахар, литр-полтора молока на каши в неделю. Сливочное масло – редкое лакомство. Когда (сколько лет назад?) ели мясной суп, уже не можем вспомнить. К чему это я? А к тому – что ослабли мы до предела и до отупения. Все это тянется слишком давно. Но так тяжело и безвыходно еще не было. Люди кругом мрут: близкие, знакомые...

Наступила беспомощная старость. А от этого спасения нет! Что касается духовной жизни – живем в основном воспоминаниями. Читаю мало, так как глаза болят и быстро устают. Большая библиотека, которую собирал еще мой отец, лежит втуне: использовать не могу. Даже самое любимое не могу перечитать: ни времени, ни сил. Все слишком поздно. Смерть близка. Но даже если мой конец уже совсем рядом, не думаю, что напрасны были мои хлопоты по изданию сборника стихов. Благодаря этому останется после меня хоть какой-то след на земле. И я увидела, услышала, как радуются люди – даже не очень близкие ко мне. Это дорогого стоит. (...)

25 октября 1998 года

3. Письмо моей воспитаннице Тане

Милая Танечка, здравствуй! Давно мы не получали писем друг от друга. Наверно, время и наша очень трудная жизнь не располагают к этому. У меня очень сильно сократилась переписка, так как мне писать стало очень трудно. Требуется напряжение сил физических и умственных, а их все меньше и меньше. Пишу кусочками в течение месяцев. Душевное состояние таково, что не решаюсь писать в такие периоды, а просветы между ними – все реже.

Настоящего письма и сейчас не получится, – только несколько информативных штрихов. Здоровье. В последние три года оно катастрофически покатилось вниз, и я не понимаю, как я еще жива. Давно не хочу жить, так как такое жалкое и нищее существование нельзя назвать жизнью. Духовная сторона жизни тоже резко снизилась и угасает вовсе. Конечно, это впрямую связано с физической слабостью и депрессивным состоянием. Тускло живу. И это не располагает к письменному общению. А живое общение с людьми почти исчезло.

Летом визитов достаточно. Многие приезжают в Кукарку отдохнуть. А зимой почти на нуле. Я уже никого не интересую: у всех свои проблемы. Да и мало чем можно помочь мне. И все-таки, если бы не помощь добрых людей, я бы давно умерла просто от голода. Моей пенсии (а она не самая маленькая – около 500 руб.) – не хватает даже на самые необходимые лекарства, цены на которые скачут с бешеной скоростью. Спасибо – иногда кто-нибудь что-нибудь пришлет. А питаюсь в основном подаянием: кто что принесет из овощей. Покупаю только хлебное да сахар, чай, изредка молоко. Масло – только растительное.

Картошку мы с А.П. уже два года не сажаем, даже с «тимуровской» помощью. Неудивительно, что обе едва ноги передвигаем, тем более что они больные. У А.П. на «подошве» ноги нарывы, трофическая язва. Больше двух лет чем только не лечили и дома и в больнице - не помогает. Это очень осложнило нашу жизнь. Последние три года А.П. фактически живет у меня, так проще и легче. Она очень состарилась после скоропостижного инфаркта одного из сыновей в январе 1998 года. Сгорбилась, была в глубокой депрессии, из которой я ее с трудом вытащила. В конце июля ей сделали операцию катаракты с заменой хрусталика. Но что-то не получилось. Глаз не видит. Лечили дома, врачи не понимают причины. Боюсь, что глаз погиб. И второй еле видит.

Я просто в отчаянье от перспектив. Сколько волнений, сколько пережито за эти два месяца операций и лечения!

Библиотекарша

Завтра А. П. выписывают из нашей больницы (операцию делали в Кирове), и я тогда уже не смогу написать письмо в ближайшие недели. Вот и тороплюсь написать тебе немного, чтобы ты не обижалась на меня.

Танюша, девочка моя любимая! Я вспоминаю тебя школьницей и студенткой. Храню письма той поры. Ты осталась в моей душе одной из самых прекрасных девушек, которые были мне близки в школе и после ее окончания. Жаль, что беспощадная жизнь с ее проблемами, тяготами, жестокими испытаниями отдалила нас расстоянием и временем.

Я даже не знаю, какая ты теперь. Но я не сомневаюсь, что в основном — главном, ты осталась прежней. Так хочется получить от тебя большое подробное письмо о твоей жизни — и внешней и внутренней. О твоих девочках, которые за это время выросли. О маме, о Сереже... Хочется верить, что я еще существую для тебя. Самое печальное для меня — неизбежный отход, отдаление тех, кто когда-то так тянулся ко мне (дня не мог прожить!). Но такова жизнь в наше жуткое время.

Танюша! Сделаю перерыв: трудно мне писать – и глаза устают, и рука плохо слушается. Конечно, главным событием моей жизни был выход в прошлом году слишком запоздалого стихотворного сборника. Он смог появиться только благодаря настойчивости и помощи моих учеников и воспитанников. Но отнял у меня последние силы. Наверно, поэтому я не могу радоваться, что давняя мечта осуществилась.

Ни вечера-презентации (в школе и библиотеке), ни восторженные отзывы, ни местные рецензии – не вызывают моей реакции. Поздно, всё слишком поздно... Сборник интеллигентно издан (как отмечают в газетах). Но в нем только малая часть написанного мной. Многое осталось за бортом. У меня просто не хватило физических сил переписывать из тетрадей и отдавать в перепечатку. И вообще сборник мой – многострадальный.

Но выход его вызвал к жизни уже почти иссякший творческий родничок. Иногда пишу, случается и неплохо. Так хочется услышать твой голос по телефону, но вечная

проблема с деньгами. А то, что удалось выручить за часть проданного тиража, уходит только на лекарства. И то не хватает.

Пиши моя дорогая! Очень жду твоего письма! А.Г.

28 октября 1999 года

4. Записи для беседы с лечащим врачом. 15 февраля 2000 года

Сердце. Слабеет. Без гликозидов встать даже не всегда удается. Усилились боли. Валидол и корвалол помогают слабо, но без них еще хуже. Появилась какая-то очень странная, непонятная и щемяще-сладковатая боль в области сердца, но заливающая всю грудь по утрам. Иногда ощущение, что зальет всё и — конец! Очень нереальное какое-то ощущение. Просто лежу и жду, когда отойдет. Было около 10 раз за последние месяцы.

Появилось что-то небывалое — судорога в сердце. Боль дикая. Отходит медленно. Часто мутится сознание. Судороги и спазмы замучили. Спазмы бронхов в последний год с очень сильной болью. Раньше задыхалась без боли, просто сдавливало.

Судороги в желудке. Раза 4 были. С ужасом вспоминаю об этом. С желудочно-кишечным трактом мучаюсь весь год. До лета были страшные запоры. Застой, интоксикация. Не могла есть, организм вообще не принимал пищу. Спайки замучили, живот раздувало. Из-за недоедания и вынужденного голодания — очень ослабла. Питание скудное.

Отравление 2 сентября и его последствия. Страх перед едой. Любой... Опять запоры. Пью отвар из 20 трав. Чуть полегче. Ночами не сплю из-за разных болей, а днем – в полусне, полуобмороке. Голова совсем плохо соображает. С памятью – катастрофа!

Головные боли резко усилились. Замучил гайморит и насморк с кровью. Простуда почти не проходит с лета. Временами пью кальцекс. Можно ли греть лоб синей лампой?

Замучили суставы. Иногда натираю салициловым спиртом. Нельзя ли укол резерпина? Для глаз мне выписан алоэ в ампулах. Есть ли одноразовые шприцы?

А сейчас еще и зубы. Диэнцефальные приступы с февраля усилились и участились. Хорошо, если день-два в неделю передышка. Я знаю, что тут мне помочь почти невозможно, но хотя бы облегчить мучения...

Постоянно нужны успокаивающие... Дефицит в коммерческих киосках аптек. Общее состояние – крайне депрессивное. Жить не хочу. Скорее бы конец! Уже нет сил стойко выдерживать мучения. Стала часто плакать. Отвращение и к себе и ко всему, что окружает.

Конкретные просьбы врачу:

- 1. Можно ли чем-то поддержать сердце, которое явно не тянет!
- 2. Как уменьшить судороги и спазмы? И боль в бронхах и постоянную сдавленность?
- 3. Есть ли возможность нормализовать сон? Боюсь за рассудок от постоянных бессонниц.
  - 4. Что принимать от сильной головной боли?
  - 5. Как лечить гайморит?
  - 6. Как лечить суставы?
  - 7. Какие уколы кроме алоэ можете порекомендовать?
  - 8. Можно ли помочь пищеварительному тракту?
  - *P.S.* Боюсь, что парализует (если бы насмерть!)

Боюсь стать полностью лежачей из-за ног (часто отказывают совсем), позвоночника и нарастающей общей слабости (меня же не поднять и судно не поставить).

Хоть чем-нибудь помогите!

СТИХИ О ГИБЕЛИ

Жизнь и страх

Держать себя в руках? А я всю жизнь держу. Держу. Иначе крах! Всему, чем дорожу.

Себя в руках держу, Свой необъятный мир, Где атомом кружу – Сквозь вечность или миг?

Зажав себя в руках, Я по земле иду. А ноша нелегка — Шатаюсь, как в бреду.

А годы как века. Но – не стонать, не ныть! Держу себя в руках. Желаете сменить?

Цыганка

Шла цыганка. Гордо, величаво. Шаль из шелка, пестрого, цветного. Я таких красавиц не встречала Среди женщин племени цветного.

И на миг оцепенела словно. А она лишь чуть сверкнула взглядом — Мимоходом уронила слово: «Что стоишь? Тебе спасаться надо!»

Ах, цыганка, вещая гадалка. Одарила предсказаньем грозным... Все бы отдала тебе — не жалко! Только вот спасаться было поздно.

Пожар

Бушует пламя за стеной. Спасаться? Не успеть! Я ощущаю за спиной, Как жарко дышит смерть. И дверь захлопнув перед ней, И сделав, что смогла, Взглянув на языки огней, Недвижно замерла.

И обреченность снизошла Мне в душу в этот миг. Прощальным взглядом обвела Рялы любимых книг...

Я ни одной не сберегу — Нам вместе гибнуть — честь! И я навек у книг в долгу: Не все смогла прочесть.

Огонь все крылья распростер – Беду не отвести. Мне не пройти через костер, И некому спасти.

Не до меня – больной, одной... А черный дым ползет. И за соседскою стеной Трагедия идет.

Но странный снизошел покой. Иль это все во сне? И трудно шевельнуть рукой, И темнота в окне.

Нам жить иль обратиться в прах, Решает высший суд. А леденящий душу страх Придет, когда спасут.

9 февраля 1990 (пожар – поджог – был 31 января 1990)

P.S. Там история была, конечно, ужасная. Сосед наш по площадке был в разводе с женой, жил отдельно.

И вот, видно, ему моча в голову ударила, пришел в ночь к бывшей жене. Плеснул бензина на пол, на кровать ребенка — и все поджег. Я бы точно сгорела, если бы пожарные минут на 10 позднее приехали. Потом еще месяца два кашляла ужасно, отравилась дымом этим. А я уже не ходила тогда — не могла даже на площадку выползти. Вот и ждала — сгорю или нет? А. П. ночевала у дочери, слава богу!

* * *

Больные стихи пишу. Такое писать не нужно. Душу их в себе, душу! Но рвутся стихи наружу.

Они мой двойник и тень, Проклятье и наважденье! И праздную каждый день Опасное их рожденье.

Обрушивает заслон Неведомая стихия. Сквозь зубы, сквозь боль, сквозь стон – Пишу и пишу стихи я!

2 марта 1976

Небытие

Мне однажды так ясно приснился Странный сон. Фантастический сон... Дух мой с телом земным распростился. Отрешен от него. Вознесен.

Я откуда-то с выси глядела Вниз на землю – без боли и слез. Там мое погребенное тело Упокоилось между берез.

Я смотрела бесстрастно и строго Равнодушна, чужда, холодна... Нет, в надзвездии не было Бога – Я была бесконечно одна.

Словно атом в безбрежной Вселенной – Над земной колыбелью своей. Что там? Женщина на коленях У зеленой могилы моей.

Мама?!. Рвутся глухие рыданья, А утешить – не смочь и не сметь. И тогда из глубин мирозданья Я рванулась к ней: «Это не смерть!»

А дрожащие старые руки Обнимают горбинку холма... В немоте неисторгнутой муки Я кричу ей, рыдая сама!

«Мама, мамочка! Плакать не надо! Это лишь превращения лик. Нет ни смерти, ни рая, ни ада! Мы с тобой разошлись лишь на миг!»

Не услышит!.. А бездна бескрайна. Нет возврата душе ни одной. Никому недоступная тайна За невилимой людям стеной.

Ночь с 23 на 24 октября 1975

Балкон

Моя неизбежная клетка, Железобетонный балкон. Сюда не дотянутся веткой Ни тополь далекий, ни клен.

Асфальт. Игровые площадки. Стандартно-строительный дар. Из окон гремит без пощады Модерно-магнитный кошмар.

Летят мотоциклы, грохочут, И важно плывут «жигули», А кто-то так звонко хохочет Средь бойких девчонок вдали.

Когда же в вечернюю пору На землю спускается мгла, На двор опустевший сквозь шторы Задумчиво смотрят дома.

Заметит ли кто-то случайно Или обнаружит тайком, Как сломанной тенью печальной Я тихо явлюсь на балкон?

Увидеть бы отблеск заката И тоненький серпик луны... Весь мир был дарован когда-то – Не знала богатству цены.

Теперь, словно птица ночная, Угрюмо нахохлясь сижу. Не горе, что я не летаю, Беда – по земле не хожу!

Хромая бескрылая птица... Нежданная злая беда. Дома опускают ресницы. Слезинкой блеснула звезда.

2 июля 1989

. . . . .

Поговори со мною, мама!

И вот это время настало. И теперь уже я говорю с тобой, мама. Говорю мысленно и вслух, изнемогая от душевной боли и захлебываясь рыданиями. Говорю, говорю – но нет мне ответа. Я не знаю, слышишь ли ты меня – и никто этого не ведает. Но идут недели – а мне не становится легче, я ни о чем не могу думать – кроме тебя... Все чувства, и светлые и горькие, всё запоздалое понимание моей неправоты: и вина и раскаянье – всё, всё рвется к тебе. Всё существо мое никому ненужное на земле, стремится к тебе. К тебе – туда, где ты находишься теперь...

Мне уже мало произнесенных слов, мне нужно записать то, что меня мучит, мысленно вспомнить и пройти рядом с тобой по нашей нелегкой жизни — до конца. Вот только хватит ли у меня сил? Плохо мне, мамочка, ой как плохо... Так плохо, как еще никогда не было. И в глазах черно, и вся душа выгорела. Если бы ты умерла дома, мне было бы в тыщу раз легче. Что ты могла подумать обо мне, когда в минуту просветления поняла, в какой больнице ты находишься! Я не узнаю этого никогда. Я ничего не могла тебе объяснить, когда ты в состоянии бреда уходила от меня к маленькой Ане.

Но ведь там тебе сказали... Ты могла подумать, что я сдала тебя туда навсегда. И организм перестал бороться за жизнь. Ты не знала, но меня предупредили еще весной, чтобы я психологически готовилась к твоему концу: она угасает. Я видела это сама и видела, что ты, так сильно хотевшая жить, уже не хотела этого — жить слабой и беспомощной. Не помогали ни усиленное питание (первые ягоды, сливки, твои любимые пельмени — по три порции в день). Все это, как мне объяснили, уже не усваивалось организмом. Не помогало и домашнее лечение: ни терапевт — спасшая тебя от крупозного воспаления легких (подарила еще два с половиной года жизни); ни наш лучший хирург, делавший тебе полтора месяца на дому перевязки и залечивший-таки ранку от ушиба на тромбофлебитной ноге.

Не помогла и консультация психиатра на дому и двухнедельное домашнее лечение – тебе становилось все хуже и хуже. Буйные припадки уносили последние твои силы, но были такими яростными, что мы уже вдвоем с А. П. не справлялись с тобой. Я поражалась резервам твоих сил, и это меня обмануло. Если бы я знала, что ты сжигаешь последние свои резервы, что конец близок – разве я бы отдала тебя! Не отдавала же около месяца. Но тут мне прямо сказали: «Вы губите и ее, и себя. Такое состояние мы там сняли бы за один-два дня».

Врачи твердо говорили, что самый лучший вариант — снять острое состояние и вернуть в домашнюю обстановку. Станет хуже — снова подлечат. И я боялась, что если не отдам, любой медик сможет обвинить меня: «Сама виновата, надо было лечить в больнице». Душа у меня разрывалась, я не видела выхода. И после одного — особенно страшного вечера, решилась. Хотя чувствовала, что тебя нельзя отрывать от меня, что больничный режим не для тебя.

Нельзя было нам расставаться. Мы — пусть обе больные, беспомощные — как могли поддерживали друг друга. Оторвать нас друг от друга — словно перерезать пуповину, питающую наши жизни. Ты угасла первой... Через три с половиной дня! И вот эта казнь мне на всю оставшуюся жизнь! Теперь очередь за мной. Я даже не знаю — успею ли закончить эту тетрадь. Ведь я была уверена, что уйду туда раньше тебя, — с моим-то непосильным грузом болезней. Я так хотела этого. Вышло иначе. Вся моя жизнь в последние два года была в одном — продлить твою угасающую жизнь. Ты уже не понимала этого, но только в этом и был смысл моей жизни. Теперь она не имеет смысла.

Не стало тебя – единственного человека на земле, кому я еще была нужна. Пусть беспомощная, не в состоянии оказать тебе физическую помощь, но поддерживающая тебя – как могла. Я была нужна тебе как воздух, которым дышишь. Пусть в последнее время ты уже не понимала этого, но ведь только я была источником жизни для тебя – моим здоровьем, моими нервами, моими бессонными ночами, питающими твою угасающую жизнь.

Я страдала, когда ты говорила мне столько жестоких слов, бросала несправедливые упреки. Ты уже не понимала, что я ничего не могу, – и та небольшая физическая помощь от меня, – уносила остатки моего здоровья, обрекала

на полную неподвижность, сильнейшие боли и угрожала жизни. Но ты уже привыкла к мысли, что я — «не жилец», как говорили в старину.

И все-таки! Стоило мне в неотложном случае подняться и, опираясь на твою палочку и второй рукой на что-то еще, шатаясь, рискуя упасть; попробовать идти, волоча ноги, — как ты, очнувшись от бреда, слабеющим голосом неизменно с беспокойством и волнением горилла мне: «Не ходи, не ходи — упадешь! Подожди, я тебе помогу!» И мне с трудом удавалось уговорить тебя не делать этого. Ты всей душой стремилась помочь, но уже не могла этого сделать. Я видела, как тебя это угнетало. Иногда ты всетаки приходила вслед за мной, и возвращение в комнату становилось двойной мукой.

Вот так мы и жили с тобой последние годы, одновременно мучая и поддерживая друг друга. О самом тяжелом не будем сейчас вспоминать, не будем считать — чья вина больше: у каждой из нас свой горький счет. Но все меркнет перед моей последней виной — согласием на помещение тебя в психобольницу. Давай уйдем в прошлое! Там столько доброго, ласкового, солнечного! Это — наша жизнь!

СТИХИ О РУССКОЙ ПРИРОДЕ — САМОЙ НЕЖНОЙ В МИРЕ КРАСОТЕ

Ничего с собой поделать не могу — больше всех люблю осень и весну. Просто таю внутри, когда они приходят. Резонанс какой-то в душе. Вот и стихов о них больше всех сочинила. Выбрала, вроде, лучшие. Посмотрите, так ли это?

* * *

Все такое привычное, Все такое обычное. Но однажды услышала я: — Эх, красивы же ваши края!

Промолчала тогда в ответ. Только... может быть, брызнул свет?

Серебром засверкала река, И купались в воде облака, И спускались на солнечный плес Табунки белоногих берез...

Все такое привычное И совсем необычное! И открылась душе красота... Или просто прошла слепота?!

1972

Ледоход

Проснулась тихая река – Тюрьму ломает ледяную. И шуя кроет берега, Крутых излучин не минуя.

И все сметает, грохоча, В глухом ворчанье ледохода... В веселых солнечных лучах Весна по берегу проходит.

Уносит вешнею водой Обломки призрачного счастья, Смывает новою бедой Былые беды и напасти.

А лед идет. И жизнь идет. Как вечна радость обновленья! И вновь души коснется лед Необратимого мгновенья.

Последние льдины

Над рекою – мятущийся ветер: Так бывает всегда в ледоход. Повторяется все на планете – Льдины мимо плывут каждый год.

Лед идет белизны лебединой. Зябко так, будто снова зима. Уплывают последние льдины... Или жизнь уплывает сама?

21 апреля 1984

* * *

Снова взрываются почки в саду... Снова девчонкой по лужам бреду. Грудью вдыхаю не ветер — весну, Ночью, наверно, опять не усну... Бродит от вешнего ветра хмельная, Сила бессмертная, сила земная.

Финал

Уже опускаются ранние ночи, И звезды посыпались в спелую рожь. А лист золотистым шитьем оторочен, И плачет над чем-то неведомым дождь.

Уходит, уходит короткое лето. Осенние ветры стучатся в окно. И жизнь облетела сухим пустоцветом... А все же... на землю упало зерно!

Олег СУХОНИН

ЗМЕЯ, ГЛОТАЮЩАЯ СВОЙ ХВОСТ (Φ рагменты)

Пробуждение

Едва я очнулся и чуть приподнял веки — тут же с силой сомкнул их: глаза резанул яркий свет, в затылок — словно ковш расплавленного свинца влили, голова раскалывалась, темя было влажным — видимо, сочилась кровь. Не мог пошевелить ни руками, ни ногами — они не слушались, будто были скованы.

Огромным усилием воли я всё же открыл глаза, со стоном приподнял затылок и посмотрел на себя. Увиденное обескуражило: ноги и руки мои были привязаны к столу, на котором я лежал. «Что такое? Где я?» — пытался я собрать мысли в кучку. Но меня мутило, к горлу подступала тошнота.

Я повернул голову вправо и, если бы не был привязан, точно бы свалился со стола от ужаса: в паре метров от меня в прозрачной ванне или огромном аквариуме погружённая в какую-то голубоватую жидкость лежала голая утопленница. Меня вырвало, я испачкал свою и без того окровавленную рубаху.

«Мне снится кошмар, надо проснуться», — решил я, с силой зажмурил и снова раскрыл глаза: утопленница в аквариуме не исчезала. Я внимательнее посмотрел на неё — она вся распухла, на теле отчётливо виднелись несколько колотых ран.

– Где я?! Помогите! – в голос простонал я.

318

Послышались шаги, надо мной склонился рыжеватый лохмато-бородатый мужик в очках и халате.

- Очнулся, убивец? Ты чего тут натворил, душегуб? затараторил он надо мной. – Харчи тут ещё свои разметал! За что, гад, девчонку зарезал? Колись, уродец! Сейчас ты мне всё расскажешь, иначе я тебя по кускам резать буду!
- -3-э-э, пытался возразить я, но язык не слушался. Я и сам не мог объяснить значения этого своего «э-э» – в него было вложено сразу и «я не понимаю, о чём ты», и «убери яркий свет – глаза режет», и «что это за баба в аквариуме?», и «кто ты такой, чёрт возьми?!», и «мне писать хочется».

Но бородач только поморщился, в его руках появился какой-то агрегат, он нажал кнопку, заскрежетала фреза, и, поднеся жужжащую пилу к моему лицу, он заорал на меня:

- Говори, откуда у тебя ключ от моей лаборатории?! Где ты его взял?!
- Что?! А-а-а!! Где я?!. в ужасе возопил я и снова отключился.

Когда вновь открыл глаза, увидел, что рыжий колет мою руку шприцем.

– Что, очухался, мерзавец? Ты не думай – я от тебя не отстану! - бубнил он надо мной. - По сантиметру буду тебя резать, но ты мне всё расскажешь! До подробностей! До мельчайших!

Он вколол мне в вену какую-то жидкость, и скоро я почувствовал, как размякаю.

– Полежи чуток, пока я тут приберусь. И начнём делать тебе инквизицию! – сказал бородатый и удалился.

К охмурившему меня от укола дурману густо примешивались и плотные пары хлорки, формалина и ядрёных дезодорантов, от которых в спёртом воздухе комнаты можно было хоть топор вешать.

Я ещё раз повернул голову вправо. Мне привиделось, будто соседка-утопленница ладонью манит меня к себе в аквариум. Попытался что-то ей возразить, но не сумел: непослушные веки сложились сами собой, голову захлестнуло мутным прибоем, и сознание пустилось вплавь по волнам моей памяти

Вспомнить всё

События одно за другим стали всплывать передо мной, складываясь в цельную картину.

Я вспомнил, как в прошлую субботу ко мне домой в Нижнем Новгороде ни свет ни заря вломился мой приятель - журналист Игорь Скромный. Он рассказал мне о своих похождениях во время командировки на всероссийской конференции журналистов в гостиничном комплексе «Древо Хитрово» в Ульяновске. Поведал, как познакомился там с симпатичной администраторшей отеля Эльвирой Улябиной, поселившей его за кэш во временно пустующем помещении, где некий неведомый учёный занимался изготовлением кукол-биороботов – для сексуальных развлечений или как двойников для политиков и бизнесменов.

Там Скромный оказался невольным свидетелем убийства Улябиной одной из таких кукол, как две капли воды похожей на известную модель Наталью Водянову, и сам чуть не стал её жертвой. Обороняясь, он отсёк биороботу голову и в панике бежал из отеля и Ульяновска, оставив в запертом номере труп Улябиной и куклу Водяновой без головы. Ко мне домой Скромный примчался в полной уверенности, что его подозревают в убийстве и уже разыскивает полиция. Попросив убежища в моей квартире, Игорь, давя на дружбу, уговорил меня съездить в Ульяновск и на месте посмотреть: действительно ли его считают преступником и хотят арестовать (в таком случае, чтобы избежать тюрьмы, он готов был попытаться рвануть за границу) или зря он поддался панике и никакой опасности для него нет?

Кроме того, выяснилось, что во время той журналистской конференции в Ульяновске рядом с «Древом Хитрово», возле частного отеля «Золото партии», был убит чиновник нижегородской администрации по связям с прессой Евгений Тараканов. Скромный утверждал, что к этому убийству сам он не имел никакого отношения, но подозревает в его совершении хозяина биоробота Водяновой, которому не понравились сексуальные домогательства Тараканова к его кукле.

Поддавшись на уговоры и мольбы, я пообещал Игорю Скромному помочь разобраться в этой запутанной истории, для чего и отправился на место событий – в Ульяновск, в отель «Древо Хитрово».

Купив билеты на проходящий через родину Ленина поезд Санкт-Петербург – Уфа, прежде чем повторить маршрут Скромного, я попросил его нарисовать подробную схему расположения помещений в «Древе Хитрово», где произошли описанные им ужасные события. Гоша вручил мне и ключ от той самой комнаты, в которой загадочный учёный проводил свои исследования и создавал биороботов и где была убита Эльвира Улябина, а кукла Водяновой осталась без головы.

В понедельник, уже перед самым отъездом, я припомнил, что на ульяновском телевидении когда-то работал мой давний сокурсник по филфаку Нижегородского университета Мишка Моргунов. В студенческие годы мы с ним вместе увлекались классической восточной поэзией, соревновались в количестве выученных иностранных языков. Я разыскал его телефон, позвонил – оказалось, что он до сих пор работает на местном телевидении режиссёром. Я сообщил ему, что собираюсь в Ульяновск по делам и хотел бы встретиться, Михаил ответил, что будет очень рад увидеться. Мы договорились: как приеду во вторник утром – заскочу к нему на работу.

Итак – в путь! Я ещё раз посоветовал Скромному без нужды не высовываться из моей квартиры и обещал ежедневно звонить ему на мой домашний телефон, чтобы держать в курсе всего, что удастся разузнать.

И вот я на Московском вокзале, сажусь в вагон и оказываюсь в купе единственным пассажиром – причём всю дорогу до самого Ульяновска. Вспомнив рассказы Гоши Скромного: с какими приключениями добирался он поездом до города Ленина, его пьянку с урками, пропажу документов и всю последовавшую за этим нервотрёпку, – я даже засомневался в правдивости его фантастической истории, настолько обыденной и даже скучной выдалась моя поездка.

Но одно воспоминание о предъявленной мне Игорем голове куклы Водяновой заставляло меня отбросить все сомнения и настраиваться на серьёзный лад: я ощущал нервный зуд в предвкушении своего грядущего расследования и предстоящих приключений. Представлял картину, как войду в заветную комнату на место преступления, увижу окровавленные трупы, обезглавленные туловища и, конечно же, так красочно описанные Гошей куклы обнажённых Моники Беллуччи, Шарлиз Терон и других невиданных и неведомых мне красавиц. Это будоражило не меньше риска и возможных опасностей.

Пользуясь своим одиночеством в купе, тем, что мне никто не мешал, я набросал план своих действий в Ульяновске. По сути, мне необходимо было получить ответы на три основных вопроса. В первую очередь, для того чтобы понять - обвиняют и разыскивают ли Скромного, нужно было выяснить: нашли ли труп Эльвиры Улябиной, и если да – кого считают убийцей? Й вообще – точно ли она была убита, а не тяжело ранена? Во-вторых, меня интересовало, кто и зачем убил чиновника Тараканова и не связано ли это убийство с первым преступлением? Наконец, меня съедало любопытство, что это за секретный учёный-разработчик биороботов работает по частным заказам в Ульяновске и почему именно в «Древе Хитрово». И, конечно же, мне не терпелось самому лично увидеть описанные Скромным куклы.

По приезде в Ульяновск первым делом я решил разведать у своего приятеля Миши Моргунова общую обстановку после прошедшей журналистской конференции, выпытать – какие ходят версии и слухи. Потом – под видом туриста поселиться в отеле «Древо Хитрово» и проникнуть в таинственную комнату, где, по рассказам Скромного, разыгрались ужасные события.

До города Ленина я добрался без приключений, позавтракал в привокзальном кафе, возможно в том самом, где неделю назад после пропажи документов опохмелялся Скромный. Впрочем, музыканта, распевающего возле вокзала песни «Гражданской обороны», я не увидел.

Набрав по мобильнику Моргунова, я услышал, что он уже едет на работу и мы можем там встретиться. Я взял такси, назвал водителю адрес – проспект Нариманова, 62 – и довольно скоро был на месте.

И Ленин такой молодой...

Михаила поначалу я не узнал: с последней нашей встречи — а это было больше десяти лет назад — он заметно поправился, полысел, отрастил усы и бородку.

- Дружище, сказал я ему, пожимая руку, да ты стал вылитый Владимир Ильич в период НЭПа.
- Место жительства обязывает, отшутился он и, чтобы не оформлять мне пропуск для прохода на телестудию, предложил пойти поболтать в ближайшее кафе.
- Ну, как тебе тут живется? спросил я, как только мы сели за столик и заказали по чашечке кофе.
- Да, как говорится, осе́л, прикипел к месту. Женился, двое детей. Практически коренной ульяновец, как-то безрадостно скороговоркой выпалил он.
- Чем занимаешься? Раньше, помню, на Горьковском ТВ ты начинал ассистентом у Юрия Борисыча Беспалова, учителя Сокурова, документалистикой грезил. Удаётся здесь что-то серьёзное снимать?
- Какое тут! отмахнулся он. Что ты хочешь?! Здесь обычное провинциальное телевидение, весь эфир пять передач: новости, официоз да реклама. Света Дубровина, кстати, режиссёром здесь на радио работает, помнишь такую? Она Горьковскую консерваторию оканчивала, ты там тоже по классу гитары подвизался.
- Что-то смутно, ответил я. Если только визуально увижу и вспомню, а так, по-моему, не пересекались я же там всего полгода проучился...
- Ну, а кино что кино? продолжал Михаил. Связи с друзьями-документалистами стараюсь не терять: мы в постоянной переписке. Как хобби, конечно, продолжаю снимать для себя и здесь. Киноклуб организовали, проводим небольшие фестивали, кинопоказы, лектории. Со вчерашнего дня как раз запустили по городу ретроспективу фильмов Масленникова и Балабанова. Так что живём стараемся не тужить! А тебя к нам что привело?

Я был готов к такому вопросу, заранее придумал для себя легенду и потому уверенно отвечал:

- У вас здесь на прошлой неделе проходила всероссийская журналистская конференция. Нижегородская делегация привезла с неё кучу призов, а вот один участник не вернулся чиновника нашей администрации здесь убили, это было в новостях. Я иногда подрабатываю фрилансом, один бульварный таблоид заказал мне статью на эту тему, как говорится, с места событий. Деньги предложили неплохие, я и решил почему бы нет? Вот и приехал.
- Я слышал эту историю, кивнул головой Михаил. У нас руководство канала тоже было на той конференции. Наши ребята снимали все основные мероприятия, церемонии награждения, а я монтировал сюжеты. У вас там, кстати, один нижегородский журналист хорошо под гитару пел, мы фрагменты выдавали в эфир.
- Это мой знакомый Игорь Скромный, мы с ним по молодости в ансамбле вместе играли, – ответил я.
- А я чувствую лицо-то вроде знакомое! Где-то видел, но вспомнить не мог! воскликнул Моргунов.
- Примерно как и я твою Свету Дружинину, поддакнул я.
- А что касается убийства, продолжал мой приятель, то у нас в новостях тоже проходила информация. Давайка мы поступим так: у нас есть классный криминальный репортёр Васька, я её сегодня видел с утра на работе после ночного дежурства. Сейчас я ей позвоню если ещё не уехала отсыпаться домой, она тебе лучше про это расскажет.
  - Ты сказал Васька и ей? удивился я.
- На самом деле её Васса зовут. Это мы между собой её Васькой кличем, добродушно улыбнулся Моргунов.

Он позвонил, уехать домой женщина ещё не успела, и уже минут через десять за наш столик подсела не выспавшаяся усталая худая блондинка неопределённого возраста.

- Будете кофе? предложил я ей после того, как Михаил представил нас друг другу.
- Нет, помотала она головой, сморщив губы. Я его за ночь столько выпила, чтобы не уснуть! Лучше чай крепкий чёрный.

Пока она пила горячий чай с конфетами, я ещё раз повторил легенду, только что рассказанную Моргунову, и спросил: нет ли у неё каких-либо подробностей по истории с убийством Тараканова?

- Как-то странно это, отвечала мне сонная Васса, поедая шоколадные конфеты.
  - Что странно? не понял я.

324

- Странно то, что у вас в Нижнем у самих за две недели погибли сразу три журналиста - к вашему региону сейчас приковано особое внимание, а вы в это время приехали сюда из-за одного чиновника, – пояснила она. – Мы отслеживаем для сравнения ситуацию в других регионах Поволжья. И что же? – продолжала она, открыв записную книжку. – 12 июля в пруду на Бору утонул нижегородский журналист Олег Папилов, работавший в правительственной газете «Нижегородская правда». 23 июля было найдено тело журналиста ГТРК «Нижний Новгород» Дениса Суворова, забитого насмерть камнем его приятелем, с которым у него были политические разногласия по работе телеканала. А 31 июля полиция обнаружила в Нижнем Новгороде тело московского журналиста «Аргументов и фактов» Сергея Грачёва, приехавшего к вам в командировку на кинофестиваль «Горький fest». Вот такая криминальная хроника в Нижнем Новгороде – истинный рай для журналиста, а вы приехали к нам в Ульяновск из-за одного зарезанного Тараканова!

Миша Моргунов вопросительно посмотрел на меня.

 Олега Папилова я знал лично, – словно оправдываясь, сказал я. – Хороший был мужик. Говорят, они выпивали в жару, а потом полезли в воду.

Я постарался взять себя в руки и уже не так виновато продолжил:

- Вы же понимаете, что эти факты и так сейчас обмусоливают все журналисты в самом Нижнем. Но убийство чиновника факт в своём роде тоже резонансный. Вот я и приехал сюда за эксклюзивом.
- Да нет там никакого особого эксклюзива, устало сказала Васса. Всё банально просто. Этот ваш Тараканов на банкете в «Хитрово» перед закрытием конференции

сцепился с московским медиамагнатом Брильяновым: какую-то тётку пьяными не поделили. Это было у всех на глазах – все видели, как Брильянов выволок Тараканова из зала. Поэтому он сначала и попал под подозрение. Но в «Хитрово» в вестибюле и на выходе из отеля установлены видеокамеры. Полиция просмотрела записи – и подозрения с Брильянова сняли. Когда он выволок Тараканова на воздух, они сначала потолкались, помутузили друг друга. Потом помирились, вернулись в отель, уселись в лобби-баре и пили там часа три. Назюзюкались так, что Брильянов отключился, и персоналу пришлось волоком тащить его в номер. А ваш Тараканов разместился со своей помощницей в соседнем дорогом частном отеле «Золото партии» и в стельку пьяный ночью поплёлся туда. По дороге его и прирезали. Сейчас у полиции две версии. Либо это просто криминальный разбой, поскольку денег в карманах убитого не оказалось. Либо убийство на почве ревности. Всплыла одна деталь: чиновник ваш поселился со своей сотрудницей в одном номере, хотя по документам и он был женат, и она замужем. В общем, «Санта-Барбара» по-нижегородски! А когда полиция опросила персонал «Золота партии», несколько человек рассказали, что этой «помощнице» за завтраком постоянно названивал по мобильному какой-то мужик. Она не стеснялась громко выяснять с ним отношения при окружающих, и у всех сложилось впечатление, что это был её муженёк. Он якобы грозился приехать, застукать её с любовником и наказать обоих. Во всяком случае, она прилюдно кричала в трубку: «Привык жить за мой счёт, тряпка, а ещё угрожаешь! Вернусь – подам на развод!» Сейчас полиция отрабатывает эту версию – опрашивают муженька.

- Как скверно получилось, покачал я головой. Скандал! Фестиваль запомнится в негативе.
  - Да там не только это, подхватила Васса, и я напрягся:
  - А что ещё?
- Там ещё администраторша гостиницы «Хитрово» куда-то пропала, продолжила она. Вчера вечером полиция прислала нам ориентировку на сотрудницу отеля Эльвиру

Улябину – просили крутить в теленовостях: «Пропала женщина! Помогите найти!». О пропаже заявили её родители: в четверг ушла на работу, предупредила, что может задержаться на день-два, а не объявилась и в понедельник ни дома, ни на работе. Сама не замужем, оставила бабушке с дедом пятилетнюю дочку и - как в воду канула! Старики в панике.

Я сразу встрепенулся: «Вот оно! Вот оно! Значит, Эльвиру Улябину действительно убили, как рассказал Скромный, а труп её так и не нашли!»

- И как идут поиски? стараясь скрыть охотничий азарт, спросил я.
- Как они могут идти, кода её только вчера вечером в розыск объявили? – совсем засыпая, ответила Васса. – У вас в Нижнем что, люди разве не пропадают?
- Ещё как пропадают, согласился я. Чуть ли не каждый день волонтёров собирают на поиски.
- То-то и оно, кивнула Васса. Может, загуляла девка. Нагуляется – через неделю объявится. Кто её будет сейчас особо искать? Тем более говорят, что у неё не впервой такие загулы.
  - Так она сама ульяновская?

326

– Да. Там в объявлении о розыске указаны координаты её родителей. Так что, если и вправду интересно, расспросите лучше их, а я с ног валюсь после ночного дежурства, – Васса вырвала из блокнота листок с объявлением о розыске Улябиной и телефонами, протянула его мне и попрощалась: – Всё, извините! Больше не могу – засыпаю на ходу, поехала домой. Адью!

Мы опять остались с Моргуновым вдвоём. По телевизору в кафе стали показывать утренний выпуск местных новостей.

- Интересная дама, сказал я для поддержания разговора.
- Я же говорил всё знает! В этой сфере Васька у нас лучше всех, – удовлетворённо заметил Михаил. – Помогла она тебе?
- Не то слово! Надо мне будет всё-таки съездить в это самое «Древо Хитрово» для полноты картины.

- Так поехали вместе! Мне тоже нужно туда сегодня, неожиданно предложил мой приятель.
- Неудобно тебя напрягать я и так у тебя уже столько времени отнял.
- Да ты не понял, махнул он рукой. Мне сегодня нужно быть в «Хитрово» по работе. Я же тебе говорил, что со вчерашнего дня наш киноклуб начал ретроспективу фильмов режиссёров Балабанова и Масленникова. Часть мероприятий проходит в кинотеатрах города, а часть - на соседних площадках, где есть технические возможности для показа фильмов. Наш телеканал часто крутит рекламу отеля «Древо Хитрово», а они нам по бартеру предоставляют свой конференц-зал с экраном, когда он не задействован под другие мероприятия. Сегодня у нас там творческая встреча с актёрами, киноведами и критиками, так или иначе знавшими этих режиссёров или работавшими с ними. Кстати, будут и нижегородцы Георгий Молоканов и Саша Блудман. Они оба хорошо знали Балабанова, а Молоканов и вовсе одно время жил вместе с ним в одной комнате во вгиковской общаге на Галушкина – на 16-м этаже. Я их пригласил по старой памяти – они и приехали. Так что ты сможешь их увидеть.
- Здорово! сказал я, предвкушая встречу с известными земляками-киноманами, некогда бывшими корифеями нижегородского телевидения. – Как ты думаешь, места в той гостинице есть, можно там заселиться?
- Конечно! уверенно произнёс Михаил. Отель огромный и почти всегда пустует. Раз в полгода, когда они сумеют зазвать к себе какое-нибудь масштабное мероприятие типа всероссийской конференции, - тогда он битком забит, а остальное время стоит полупустой, как сейчас. Там полно свободных номеров – я для Молоканова и Блудмана бронировал, так что знаю, о чём говорю!
  - Тогда поехали, согласился я.
- В этот момент по теленовостям выскочила заставка «Требуется помощь! Пропала женщина двадцати двух лет – Эльвира Улябина». Во весь экран показали фотографию симпатичной худощавой девушки-брюнетки, как мне

её и описывал Гоша Скромный, и контактные телефоны для информации о ней. Я быстро взял листочек, только что вырванный для меня из блокнота Вассой, сверил номера – телефоны оказались те же.

Мне неожиданно пришла в голову мысль: а что если попробовать связаться с родителями Эльвиры и получить о ней какую-нибудь дополнительную информацию? Для меня оставалось загадкой: почему именно ей, а не кому другому, доверил ключ от секретной лаборатории и приоткрыл тайны своих опытов неведомый учёный в «Древе Хитрово»? Поэтому я интуитивно цеплялся за любую нить для понимания логики его выбора.

- Едем прямо сейчас или?.. спросил я Моргунова.
- Мы со съемочной группой выдвигаемся туда часа через два. Надо подготовить мероприятие, прежде чем вести съёмку, – ответил он. – Ты подождёшь или поедешь своим ходом?
- Пожалуй, подожду. Погода хорошая прогуляюсь по городу.
- Вот и славно. Тогда будь здесь через пару часов или подходи к телецентру – мы тебя захватим. Я наберу тебя по мобиле и поедем. Не прощаюсь, – сказал Миша, пожал мне руку и поспешил на работу.

Я заказал ещё чашечку кофе и, немного обдумав легенду для предстоящего разговора, набрал указанный в объявлении о розыске Эльвиры Улябиной номер телефона её родственников.

Мне ответила женщина с низким грудным голосом. Я представился ей нижегородским журналистом, приехавшим в Ульяновск готовить статью об убийстве нашего чиновника во время журналистской конференции в «Древе Хитрово» и случайно узнавшим о постигшей семью Улябиных беде, и предложил помощь в размещении информации о пропавшей девушке на нижегородских интернетресурсах: «Вдруг из нашей делегации кто-то что-то мог видеть?»

- Спасибо, мы будем рады любой дополнительной помощи в поиске Элечки, - ответила женщина на другом конце трубки.

- Я сейчас нахожусь возле телецентра на Нариманова, сказал я. – С вашего позволения, я попрошу у коллег фото Эльвиры, и мы продублируем его у себя в Нижнем.
- Не надо ничего просить, мы живём совсем рядом, возбужденно ответила мне дама, – практически напротив – возле парка Нефтяников и Газовиков. Это всего несколько минут ходьбы. Приходите, я дам вам несколько фотографий дочери на выбор или сброшу их на ваш адрес в электронном виде, только помогите в распространении! Мы сейчас цепляемся за любую возможность! – И я услышал, как она заплакала.
  - Хорошо, называйте адрес.

Я записал его на листочке, спросил, расплачиваясь с официантом, как туда добраться, и, действительно, это оказалось недалеко - минут пятнадцать неспешным шагом.

Дочки-матери

Дверь мне открыла приятная ухоженная дама лет пятидесяти пяти в алом с зелёной оторочкой шёлковом халате и опухшим от слёз лицом.

Я повторил ей, что хочу помочь с распространением информации о пропавшей девушке и в Нижнем Новгороде, куда вернулась с конференции из Ульяновска делегация наших журналистов.

- Да, спасибо, проходите, кивнула она головой, впуская меня в квартиру. – Я дам вам несколько разных фотографий Эли или могу сбросить их на электронную почту, какую назовёте.
- Сбросьте лучше сюда, а я потом сам разберусь, сказал я, протягивая ей флешку.
- Бабушка, кто пришёл? Мама вернулась? протараторила выбежавшая из комнаты в прихожую девчушка лет пяти.
- Нет, мой цветочек, это дядя знакомый пришёл помочь найти маму, – ответила хозяйка квартиры. Девочка, грызя палец, с любопытством разглядывала на меня.

 Иди, моя хорошая, поиграй с киской, а я дам дяде мамины фотографии, – продолжила женщина и пригласила меня пройти с ней к компьютеру.

Пока она сбрасывала фотографии на флешку, я попытался расспросить её:

– В первый раз у вас такое?

- Нет, что вы! - раздавленная неопределённостью, сразу разоткровенничалась она. – Эля у нас единственный и довольно поздний ребенок. Мы с мужем сильно её баловали, потакали всем капризам. Муж – большой начальник на крупном местном предприятии, меня он устроил на хорошую должность в солидный банк. Я давно себя виню, что в детстве мы уделяли дочери мало внимания, откупались подарками да деньгами. Правда, образование старались дать ей хорошее – нанимали репетиторов, записывали в различные кружки. Но в старших классах у неё начались гулянки, появились взрослые парни, ночные клубы, совсем отбилась от рук. Перестала нас слушаться, по малейшему поводу закатывала истерики - возраст такой, трудный... В шестнадцать лет забеременела. Мы так и не выяснили от кого. Такой позор!.. Родила, но ничего не изменилось – опять пошли рестораны, клубы. Внучку практически воспитываем мы с мужем, нас Эля и слушать не желает – сразу в крик. Как только начинали разговор, что надо идти дальше учиться или работать (муж хотел устроить её к себе на завод), - сразу машет руками, ругается на нас... Сами виноваты, так воспитали, - тяжело вздохнула хозяйка квартиры.

Она достала ажурный платок из кармана халата, вытерла им свои красивые влажные глаза, всхлипнула и после небольшой паузы продолжила:

— С год назад наконец-то сумели её пристроить на нормальную работу через сестру мужа. Та, когда училась в Москве, вышла замуж за однокурсника-вьетнамца из высокопоставленной семьи, уехала туда жить, а с года два назад они вложились здесь в гостиничный комплекс «Древо Хитрово» — имеют в нём долю. Вот мы и попросили устроить дочку на работу в этот большой отель. Её там сделали дежурным администратором. Элечке пона-

чалу там понравилась — кругом люди интересные, часто бывают иностранцы, и она вроде немного остепенилась. Но последние полгода опять стала частенько не приходить ночевать: но обычно ночь-две, а тут — как ушла в четверг, так вот уже и нет до вторника! — в голос зарыдала женщина.

- Бабушка, бабушка, почему ты плачешь? в комнату вновь вбежала девчушка, прижимая к груди котёнка.
- Иди ко мне, девочка моя, я тебя обниму! причитала плачущая женщина. – Вот, дядя поможет нам найти твою маму!

Она обхватила руками свою внучку с котёнком на руках, и было ощущение, что они лили слёзы все втроём. Мне стало ужасно не по себе: я отчётливо понял, что Эльвира до сих пор лежит зарезанной в том самом помещении в отеле «Древо Хитрово», о котором рассказывал мне Игорь Скромный, и домой уже никогда живой не вернётся. Но я не мог честно сказать об этом её матери и дочке и потому вынужден был утешительно мямлить:

Да, конечно, мама обязательно найдётся и вернётся ломой

Я взял у женщины флешку с фотографиями Эльвиры, пообещал по возвращении в Нижний подключить к поискам местные интернет-агентства, скомканно попрощался и, стараясь не встречаться глазами с плачущими бабушкой и внучкой, поспешно ретировался из горестной квартиры.

Возвращаясь к телецентру, откуда меня обещал забрать Михаил Моргунов, я собрался с мыслями и выстроил для себя логическую цепочку — почему неизвестный засекреченный учёный доверил уход за своей лабораторией в «Древе Хитрово» не кому-нибудь, а именно Эльвире.

Пазлы складывались: «Раз тётка Улябиной имеет свою долю в гостинице, значит она наверняка тоже в курсе всех секретов "Хитрово", — думал я. — И родственницу пристроила, и лишние глаза к учёному приклеила. Да только эти деятели не учли разбитной характер и жадность Эльвиры и то, что судьба зашлёт к ним в отель подарок в виде раздолбая Гоши Скромного».

Кино, вино и орхидеи

С такими мыслями я вернулся к ульяновскому телецентру. Не успел закурить, как из дверей показался Михаил Моргунов:

– Ты уже здесь? А я как раз собирался тебе звонить.

К нам подрулил «уазик»-«буханка», в нём уже сидели несколько человек из съёмочной группы.

По дороге мой приятель стал проговаривать с коллегами план их работы на сегодня. Начать ретроспективу они намеревались с показа фильма «Собака Баскервилей» режиссёра Игоря Масленникова и его обсуждения с киноведами. После этого – просмотр фильма «Жмурки» Алексея Балабанова и творческая встреча с его сокурсниками по экспериментальной мастерской «Авторское кино» Высших курсов сценаристов и режиссёров Георгием Молокановым и Сашей Блудманом.

- Мишель, по-дружески обратился я к Моргунову, пока мы ехали в «Хитрово», - странный коктейль у вас получается. Лично я не вижу никакой связи между этими фильмами, кроме той, что в обеих картинах играет Никита Михалков – сэра Генри Баскервиля у Масленникова и криминального авторитета Михалыча в «Жмурках».
- А и не надо искать никакой связи, ответил Михаил. - Мы предварительно набросали список известных отечественных и зарубежных режиссёров и периодически проводим мероприятия киноклуба с показами их картин попарно. Сегодня просто так совпало. Хотя про Михалкова-то я не подумал! Впрочем, даже если бы мы его пригласили, всё равно бы Никита Сергеич не приехал: мы не его уровень, он всё больше по фестивалям да кинопремиям.
  - Всё равно странный у вас получился дуэт режиссёров. Мишка наклонил ко мне голову и сказал вполголоса:
- Дружище, ты, конечно, в чём-то прав. У меня как киномана родом из Нижнего Новгорода были свои заморочки объединить этих двух режиссёров в один показ. Всё очень просто: Игорь Фёдорович Масленников – наш земляк, он тоже родился в Нижнем, его дед был мастером паровозного цеха на «Красном Сормове», отец на том же заводе

работал инженером. Это уже потом их семья переехала в Колпино под Ленинград. А Балабанов в своё время оканчивал переводческий факультет Горьковского пединститута иностранных языков. Да и «Жмурки», как ты знаешь, он снимал именно в Нижнем Новгороде.

- Ну это ты мне не рассказывай, тут же откликнулся я. – Перед съемками «Жмурок» друг Балабанова Георгий Молоканов предлагал мне сдать киношникам на время съёмок мою квартиру с видом на Стрелку. У меня вид с балкона прямо на слияние Волги и Оки, а им это было нужно по сюжету.
  - А ты что? спросил Михаил.
- А что я? Они предложили за это всего пару тысяч долларов. Я прикинул – после их съёмок все эти деньги уйдут только на ремонт. И отказался. Но желающие быстро нашлись - в соседнем доме согласился директор музея фотографии, в его квартире и сняли сцену убийства продажного мента, которого играл Сухоруков. Квартиру всю обшарпали, так что, думаю, правильно я отказался - от этих киношников один геморрой, да потом ещё с ремонтом хлопот не оберёшься.
- А по мне зря ты отказался, скривил губы мой приятель. – Мог бы войти в историю кинематографа, а так – упустил свой шанс. Сейчас бы имел полное право выступить в нашем киноклубе.
- Там и без меня будет кому выступить, парировал я. - Кстати, совсем недавно в нашем доме опять искали квартиру – для съёмок фильма «Я худею». В итоге соседка с восьмого этажа – Анжелика Романютенко – сдала им свою трёхкомнатную. Киношники у неё всю лоджию разворотили, стены в голубой цвет перекрасили. Но, правда, за эти хлопоты бонусом сняли соседку в эпизодической роли и потом сделали ремонт. Так что теперь она практически телезвезда.

Так за разговорами мы и не заметили, как доехали до комплекса «Древо Хитрово».

Выйдя из «уазика», я увидел перед собой, как и описывал мне Гоша Скромный, внушительный фасад из стекла

и бетона с мозаично рассыпанными вкраплениями деревянных панелей. Вправо и влево от главного здания, словно щупальца гигантского осьминога, ветвились, убегая в даль, многочисленные корпуса разной длины и этажности.

Перед входом в отель были вывешены два плаката: первый приглашал на выставку местной ассоциации любителей орхидей, второй – на ретроспективу фильмов режиссёров Игоря Масленникова и Алексея Балабанова.

Мои спутники выгрузили из «буханки» свою внушительную аппаратуру и, обвесившись ею, двинулись прямиком в гостиницу, я шёл следом за ними.

Михаил поздоровался с персоналом «Древа Хитрово» как со своими давними знакомыми, быстро обговорил с ними рабочие вопросы проведения сегодняшнего мероприятия в кинозале, после чего бросил мне:

- Ну, ты давай размещайся, свободных мест тут полно. Вечером обязательно приходи на кинопоказы: подъедут Блудман с Молокановым, посидим, поболтаем. А мы пошли работать – нужно всё подготовить, настроить технику.

Гремя штативами, камерами и кофрами, они шумно двинулись в глубь «Древа Хитрово». Я же подошёл к стойке ресепшен с просьбой заселить меня на пару дней («этого мне за глаза хватит») в одноместный номер.

Пока миловидная блондинка в очках заносила данные моего паспорта в компьютер, я подумал: а не попросить ли мне номер в дальнем конце отеля, ближе к той самой секретной лаборатории, где таинственный учёный создаёт свои куклы-биороботы? Однако меня смутил тот факт, что там наверняка до сих пор лежит и разлагается труп Эльвиры Улябиной. В самый разгар моих колебаний девушка протянула мне документы и ключ от номера, сказав, что он совсем рядом – второй поворот по главному коридору налево.

«Ну и хорошо, – решил я, – размещусь ближе к выходу. А до лаборатории учёного доберусь ближе к ночи, когда в отеле всё утихнет».

Мой путь от ресепшен вглубь отеля неожиданно пересекла группа щебечущих дам, окруживших импозантного мужчину с ярко-жёлтым шарфом на шее и в костюме тропической раскраски - его пиджак украшали алые и зелёные попугаи в обрамлении пальм и экзотических цветов, на брюках пылали лимоны, бананы, клубника и ананасы. Вся эта делегация чуть не сбила меня с ног, и по их возбуждённым репликам я понял, что люди идут с научного семинара «Охрана и культивирование орхидей» смотреть выставку цветов.

Действительно, направо за стеклянной стеной я увидел большое количество стендов и стеллажей, сплошь заставленных экзотическими цветами. Я проскользнул за ними в этот выставочный зал, и радости и изумлению моим не было предела – в какую красоту я попал!

Пока нарядный мужчина рассказывал очарованным дамам о своих впечатлениях от знаменитой Тайваньской международной выставки орхидей, откуда он только что вернулся, я с упоением окунулся в созерцание диковинных цветов. В просторном зале, нашпигованном различными кондиционерами, лампами, увлажнителями и конвекторами, передо мной раскинулся настоящий райский сад удивительных растений. Здесь было множество разнообразных одонтоглоссумов, анектохилусов, фаленопсисов, мильтоний, но как только я увидел свои любимые пафиопедилумы или венерины башмачки, я сразу бросился к ним. С восторгом разглядывая башмачки Валлиса и сравнивая их с расположенными рядом камчатскими башмачками – циприпедиум Ятабе, я вдруг, к своему неудовольствию, услышал, как расписной мужчина объясняет почитательницам орхидей, что главной достопримечательностью этой выставки является фаленопсис Black Pearl, выведенный путём селекционной работы в Калифорнии и являющийся ныне суперпопулярным среди голливудских звёзд. Мол, этот цветок впервые привезли в Ульяновск – спешите лицезреть и наслаждаться.

Я тоже подошёл полюбоваться этим цветком, но он не впечатлил меня сильнее моих любимых венериных башмачков, а его траурная раскраска вернула меня к мыслям об убитой Эльвире Улябиной, труп которой всё ещё разлагался где-то в отдалённых закоулках

«Древа Хитрово». Я моментально вспомнил, что приехал сюда по делам, представил, как, весь на нервах, ждёт от меня новостей прячущийся в моей нижегородской квартире Игорь Скромный, и поспешил ретироваться из райского сада, оставив за своей спиной цветастого ботаника с его чирикающей стаей.

Свой номер я отыскал довольно быстро, и он приятно удивил меня. Войдя в него, я сразу понял, какое сходство связывает «Древо Хитрово» с Безумным домом во вьетнамском Далате. Комната была обставлена словно тропическая хижина - стены оклеены обоями из бамбука, вся мебель – исключительно из ротанга. Над кроватью раскинут антимоскитный балдахин, стены увешаны яркими тропическими пейзажами – белоснежные пляжи с пальмами где-то на берегах Южно-Китайского моря, выползающие из рек в джунглях аллигаторы, рыбаки в круглых вьетнамских лодках-корзинах и в конических шляпах «нон ла». На одной из картин отчего-то в таких же конических шляпах были изображены и Владимир Ильич Ленин с детьми. Впрочем, может, это был Хо Ши Мин.

Меня поразил и туалет с ванной комнатой: потолок в этом помещении был полностью стеклянным и прозрачным с открывающейся широкой секцией, так что создавалась полнейшая иллюзия, что выходишь справить нужду или принять душ во двор под открытое небо. Другое дело, что синь нашего российского неба уступает тропическому в яркости красок, но всё равно, проверив на практике работу унитаза и ванны, я в полной мере оценил замысел архитектора – это было по-настоящему благодатно и романтично.

Придя в благостное расположение духа, я достал из бара в номере пару шкаликов коньяка, с превеликим удовольствием выпил их с устатку после ночной дороги и треволнений первой половины дня, закусил сладостями из холодильника и, растянувшись на кровати под москитным пологом, погрузился в сладкий тропический COH.

Проснувшись, я посмотрел на часы и увидел, что мой послеобеденный отдых растянулся почти на четыре часа. Умываясь под вечерним небом, я вспомнил о главной цели своей поездки – проверить помещение, где Игорь Скромный оставил труп Эльвиры Улябиной, убедиться, что тело её всё ещё там и моего приятеля никто не разыскивает. Я проверил в своём кармане переданный мне

Гошей ключ от той комнаты и вышел из номера.

В главном и бесконечном, как шоссе, коридоре-стволе «Древа Хитрово» я обнаружил, что в отеле в этот час довольно многолюдно: навстречу мне то и дело попадались горничные, чаще - азиатской внешности, да и постояльцев было немало. Так что идти осматривать описанное Скромным место преступления сейчас было

не резон.

Тут я вспомнил, что мой приятель Миша Моргунов приглашал меня этим вечером на организованную местным киноклубом ретроспективу фильмов Масленникова и Балабанова, где должны были выступить нижегородские киноведы Молоканов и Блудман. Чтобы убить время, я направился было прямиком в кинозал. Но по дороге, ощутив сильный голод, решил сначала зайти в ресторан. Проходя мимо выставки орхидей, я остановился, чтобы ещё раз полюбоваться экзотическими цветами, и только потом не спеша отправился на ужин.

В ресторане рядом со мной за сдвинутыми столиками расположилась та самая весёлая щебечущая стая во главе со своим вожаком в цветастом пиджаке, которых я встретил днём при заселении в отель. Из их шумного гвалта я понял, что они только что вернулись с просмотра двух серий «Собаки Баскервилей» и, отужинав, собираются пойти смотреть и «Жмурки». Мужчина в ярком костюме, яростно жестикулируя, так возбуждённо рассказывал о чём-то своим многочисленным спутницам, что мне невольно стало казаться: попугаи с его пиджака и фрукты со штанов вот-вот соскочат и улетят либо укатятся обратно к себе в джунгли.

Я прислушался: оказалось – они обсуждают сцену из фильма, когда доктор Ватсон в исполнении Виталия Соломина и сэр Генри Баскервиль, сыгранный Никитой Михалковым, после званого вечера в честь прибытия в Баскервиль-Холл в комедийном ключе обсуждают произошедшее накануне в окрестностях Гримпенской трясины знакомство Ватсона с Бэрил Стэплтон. Оба джентльмена успели уже изрядно напиться к тому моменту, когда Ватсон обмолвился о встрече с вышеупомянутой девицей. Сэру Генри, влюблённому в Бэрил, оставалось только завидовать счастливчику-доктору, и потому он продолжал настойчиво расспрашивать Ватсона, что ещё сказала ему при встрече эта красотка. «Она сказала, что ещё рано любоваться красотами болота... ми, - отвечал, икая, доктор. – Орхидеи ещё не зацвели». – «Нет, а мне интересно, что она ещё сказала про орхидеи?» дыша на Ватсона винными парами, не унимался сэр Генри. Ему интересно было знать про Бэрил любые подробности. Титаническим усилием приняв более-менее сидячее положение, Ватсон свесился с резной спинки кровати и пытался вспомнить, что ещё она говорила про красоты болот. Вспомнив, он кивнул и глубокомысленно заявил: «Они еще не зацвели», – после чего махнул рукой в сторону, как ему казалось, торфяных топей Дартмура и, пожав плечами, окончательно повис на спинке кровати в ожидании продолжения разговора. «А орхидеи ещё не зацвели... – повторил за Ватсоном сэр Генри и резким движением развернулся к другу. – Что бы это значило?» Выслушав адресованный ему вопрос, доктор наморщил лоб, пытаясь выстроить логическую цепочку либо уловить какой-нибудь мистический подтекст в словах мисс Стэплтон. Наконец, многозначительно подняв к потолку указательный палец и снисходительно пожав плечами, он произнёс: «Не зацвели, и всё». Что означало – смысл слов Бэрил для двух подвыпивших джентльменов так и остался неразгаданным.

Мои соседи по ресторану с таким восторгом обсуждали эту сцену из фильма, словно она была для них культовой. Впрочем, орхидеисты — народ особый. Недаром у них в

ходу поговорки: «любой посягнувший на орхидеи – кандидат в чучело» или – «уходя на собрание любителей орхидей, позаботься об алиби».

Как только шумная компания дружно поднялась из-за стола и вновь направилась к кинозалу, я, спешно расплатившись, поспешил вслед за ними.

Кинопоказ «Жмурок» к этому времени уже заканчивался: минут через пятнадцать в зале включили свет и объявили заключительную дискуссию по итогам сегодняшней ретроспективы. В проходах появились операторы с видеокамерами, на сцену вышли импозантный Георгий Молоканов в шикарном сером костюме и чёрной бабочке в белый горошек и Саша Блудман в телесного цвета трико и футболке с надписью «Навальный» и стали рассказывать о совместной учёбе с Алексеем Балабановым в экспериментальной мастерской Льва Николаева, трактовке режиссёром задач киноискусства и о своём сотрудничестве с ним в ряде проектов.

Я со скучающим видом оглядывал зал. Помимо уже описанного мною орхидеиста в тропическом наряде из общей массы зрителей бросался в глаза ещё один персонаж — помпезного вида мужчина, одетый в блестящий золочёный костюм эстрадного покроя, с золотой цепью на груди и перстнями чуть ли не на каждом пальце. «Уж не Брильянов ли?» — невольно подумал я, сравнивая его с описанным Гошей Скромным владельцем куклы «Водяновой». Рядом с ним сидел солидный мэн в винтажного стиля одежде фисташково-фиалковых оттенков. Они о чём-то оживлённо беседовали.

В зале же дискуссия текла монотонно до тех пор, пока к свободному микрофону не вышел в своём попугайноягодном наряде местный вождь любителей орхидей.

Он сразу заклокотал по-птичьи крикливо, заставив публику очнуться от полудрёмы:

– Ваши «Жмурки» проповедуют культ бандитизма и насилия, его герои – мафиози, наркоманы и бандиты. Фильм – сплошная чернуха и юмор его – быдло-чернушный. А кино Масленникова проникнуто тонким юмором. Взять

хотя бы ту же сцену диалога Соломина с Михалковым об орхидеях...

И тут он снова с упоением и до мельчайших подробностей пересказал сцену из фильма, коей их компания так восторгалась, ужиная рядом со мной в ресторане.

- Как глубоко и тонко по-актёрски сыграл в том эпизоде Никита Сергеевич Михалков! И какую примитивную роль на протяжении всего фильма отвёл ему режиссёр в «Жмурках»! – от души возмущался орхидеист.
- Но всё же зависит от сценария, пытался возражать Молоканов, слегка картавя.
- Вот именно, поддакнул Блудман. В детективную историю Конан Дойла английский юмор вплетается легко и органично. А какого тонкого юмора вы ждёте в фильме о лихих девяностых? Там место исключительно чёрному
- То-то и оно, что всё зависит от режиссёра! заломив рукава, воскликнул тропический пиджак. - Масленников в банальный диалог сумел ввести не только тонкий английский юмор, но и связанную с цветами глубинную восточную философию. Помните, как у средневекового корейского поэта Со Годжона – его «Вешний день»?

Молоканов с Блудманом переглянулись, и было видно, что они не помнили.

- А я вам напомню! Наизусть процитирую! - не унимался орхидеист и начал декламировать, надо отдать ему должное, с неподражаемым артистизмом:

> Струится золото плакучих ив, яшму роняет слива. Талые воды синеют в пруду, мхом окаймлён пруд. Вешние чувства трудно понять – и радостно, и тоскливо. А ведь ласточек нет ещё, и цветы ещё не цветут.

- Понимаете, о чём это? - продолжил он после небольшой паузы, в полной мере насладившись эффектом, произведённым на окружающих чтением стихов. - Чувствуете двуслойность этих строк? Вроде бы всё просто: поэт рисует нам картину ранней весны, когда всё только ещё начинает расцветать. Казалось бы, живи и радуйся –

вся весна ещё впереди! Ещё даже ласточки не прилетели и цветы не расцвели! Но в этих строках поэт сумел шедевральным образом выразить и соединить восхищение чудом весны и одновременно острую печаль. Образно говоря – радость и горечь весны в одном флаконе! Поэту уже в самом начале весны тоскливо, потому что он знает - вся эта красота преходяща, бренна, она скоро пройдёт, как и сама наша жизнь. Отсюда и вселенская грусть-тоска-печаль! Такие глубокие мысли у меня рождает простейший диалог в фильме Масленникова! на высокой ноте резюмировал оратор в пиджаке с попугаями. – А ваши «Жмурки» – это просто для тупых и ещё тупее: никаких глубоких мыслей такое кино не рождает!

- -Фильмы разные нужны. На вкус, на цвет образца нет, промямлил в ответ на эту тираду Блудман. – Как говаривал Козьма Петрович Прутков, «кому и горький хрен малина, а мне и бланманже – полынь».
- Нет, Саша, начал заводиться Молоканов. Здесь нам товарищ рассказывал не про малину! И не про полынь! Наш уважаемый оппонент возбудился от диалога про орхидеи, с ходу с непонятного рожна перебросил мостки к глубинам восточной философии, а в своём примере со стихами какого-то там Со Гондона...
- Не оскорбляйте великого поэта! в ярости вскричал орхидеист. – Его звали Со Годжон – это классик средневековой корейской литературы!
- Хорошо, Годжона, согласился Молоканов. Так вот, в его стихах наш оппонент перечислил и сливы, и ивы, а сами орхидеи упомянуть так и не удосужился. Это неудачный пример, батенька! Он только подчёркивает невысокий уровень вашей аргументации. Раз уж вы тут рискнули выпендриваться перед всеми нами своими познаниями в восточной поэзии, я вам отвечу стихами танского поэта седьмого века Чэнь Цзы-ана, являвшего собой пример гармонии жизни и творчества:

Когда б и летом и зимой орхидеи всходили, Едва ль бы нам их красота столь чаровала взоры. Цветенье пышных *орхидей* всё в лесу затмевает, На фиолетовых стеблях красные листья никнут. Медленно-медленно ползёт в сумрак бледное солнце, Гибко, едва коснувшись земли, взвился осенний ветер. В расцвете лет — уже конец трепета, опаданья... Прекрасным замыслам когда ж можно осуществиться?

- Видите, мой пёстрый друг, — самодовольно улыбаясь, артистически витийствовал Молоканов, — в этих стихах тоже имеет место «в расцвете лет опаданье», но плюс к этому для пущей иллюстрации мысли два раза присутствуют и сами орхидеи. Ну что, уел я вас? — глумливо глядя на оппонента, словно на неудачливого выскочку, завершил свой спич оратор в бабочке в горошек.

Cmuxu no kpyry

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

* * *

женщина ненавидит будильник открывая голубые впадины сонных глаз потягивается как дикая кошка урча в одинокой саванне постели её соски набухают бутонами роз

женщина принимает душ сливаясь с водой как наяда запруживает чалмой полотенца тёмную реку лоснящихся волос ревизует отражение на наличие морщин

женщина готовит себе завтрак ничего неживого только фрукты и каша прикрывает платьем своё совершенство ласточкой вылетает во двор поражённые в клумбах цветы тут же вянут

он под окнами клёном стоит из ботинок в асфальт вгрызаются корни среди всех женщин на земле он любит её одну как вселенную но для женщины это уже неважно

* * *

Всё теперь закончилось. Едва ли я ещё когда-нибудь воскресну.

В разочарованье и печали не найти нехоженого места.

В Сормове метельно, малолюдно. Я брожу один по Юбилейке. Вспоминаю, как в июле юном здесь мы целовались на скамейке.

Снег летит к земле по биссектрисе, к катету «конструктор Алексеев». Абрисом на фоне белых листьев вырастает фонарей аллея.

Пальцем опущу рольставни века, встану под надуманным предлогом. Вижу в силуэте человека проблеском воссозданного Бога

(как природу сущности в явлении), в каждом нарисованном прохожем. Вижу в ней. Она при рассмотрении вообще на ангела похожа.

Сергей КУЛАКОВ Ялта

* * *

Путь окончен. Топчемся устало у стены дворца. Вот и двери. За дверями — зала, зала без конца. В ней лесов высоких колоннады в сумраке стоят, реки вдаль своих зеркал громады гладкие струят. Купол неба ясного над нами — видно далеко —

весь сверкает яркими звездами, и душе легко. Но ступить туда никто не смеет. — Здесь живые есть? — кто-то крикнул в темноту, робея. Возвратилось: есть?..

Владимир ИЛЬИЧЕВ

д. Коробцово, Ярославская область

* * *

Терпение, душа моя, терпение, ползи, комки сомнения круша, я тоже еле жив, и тем не менее — терпи, ещё чуть-чуть, моя душа.

Мы сильные, мы певчие, мы лётные — и этого никто не отберёт, ни даже тот, кому упали под ноги, смотри не на него, смотри вперёд.

Он кто? Он браконьер. Он браконьеришка, убийцы до безумия слабы, предел его мечтаний – листик, денежка, а нас укроют заросли судьбы.

Я тело, ты душа, и мы – единое, а в контуре есть что-то от восьми. Прохладно. Холоднее между льдинами и между равнодушными людьми.

Мы выживем, душа моя, мы выживем, взовьёмся через мусор... мусорок, на нашу высоту, не надо выше мне, и меньшего задумать я не смог.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

346

Свидание в саду

Поет душа. В уюте сада Вмиг растворяется печаль. Манит вечерняя прохлада Под шепот листьев помечтать.

Вот яблонька моя земная – Открыта небу и ветрам, С любовью руки простирает Навстречу людям и мирам.

Стоит от всех подруг в сторонке, Чуть ближе к солнышку шагнув. Природы-матери девчонка, Она несет в мой дом весну.

– Скажи, мой друг, – я к ней с участьем, – Довольна ль ты судьбой своей И каково зимой во власти Мороза, вьюг, тягучих дней?

Надежно ль в стынь зимы укрыта Ты снежным одеялом, друг? И напитался ли досыта Заветной влагой каждый сук?

И не было ль тебе печально Со мной в разлуке, долог срок. Я без тебя – как без причала, Как парус в море, одинок.

Ну, не серчай, всё понимаю, Я верю в счастье под луной. Так обними меня, родная, И прошепчи мне: – Я с тобой.

Мстислав ШУТАН

* * *

Говори же со мной, говори: о родном, о любимом рассказывай, словом в прошлое дверь отвори, всё, что свяжется, связывай, связывай.

Вязь твоих незатейливых фраз в мир реальный легко превращается... И в реке, как уж было не раз, отражается он, отражается.

Восьмистишье

Восьмистишье – какая-то малость, восьмистишье - попытка дожить жизнь, которая не состоялась и которой грешно дорожить.

Ну а если надежда осталась на спасающий душу сюжет, восемь строк – никакая не малость, а судьбы направляющий жест.

Владимир КОЛАБУХИН Ярославль

* * *

Всё снился хлеб. Такой душистый – Глаза бы мне Не открывать.

«Вставай, сынок. Опять фашисты. Опять летят!» – Металась мать.

Мне было жаль Расстаться с хлебом. Но пушки грохали в ночи И, словно ножницами, Небо Кромсали белые лучи.

И в погребушку, Оглушённый, Я лез за мамою, бочком. И вслед крестам на крыльях чёрных Грозил Бескровным кулачком.

Лосёнок

Ой, лосёнок, лосёнок! Вот так чудо лесное Забрело в наш посёлок, Что сомлел весь от зноя.

Ты откуда, мой милый, К нам пожаловал в гости? Может, просто шёл мимо? Ну, так милости просим!

Что-то крикнул шутливо Кто-то, видевший это. И умчалось пугливо Чудо жаркого лета.

Прямо к волжской излуке, К роще, к зелени зыбкой... Стихли в мареве звуки, И погасли улыбки. Словно вместе с лосёнком Красота улетела В край зелёных сосёнок И берёзонек белых.

В роще

Привокзальная площадь. Расслабляющий зной. В белоствольную рощу Мы спешим в выходной.

Там из лиственной сени Засквозит благодать. Будут шорохи-тени По берёзам плясать.

Будет рядышком где-то Лепетать родничок. Под ногами дуплетом Гулко хрустнет сучок.

Будут гроздья рябины Наливаться красой, Будут руки любимой Пахнуть пряной росой.

Олег МАКОША

Пар

Душа, она как белый пар, Не менее, но и не боле, Чем больше дал – тем больше дар – Чем больше дар – тем больше боли. Выходишь утром из дверей Квартиры пыльной и холодной, И чем счастливей – тем верней, Крушишь благополучья своды.

Живи – круши – пиши – дыши – Паши, как кони пашут в поле, Чем больше приоткрыл души – Тем больше получаешь боли.

Я помню, как срывался в крик, Как влет убитый телеграммой, У кресла корчился старик, Любовью выбранный до грамма.

Когда любить он был готов, Взамен не чувствуя на йоту Любви, еще из тех годов, Когда не убивали с лету.

Хотя я вру — всегда, в глуши, Сквозь все диезы и бемоли, Чем больше распахнул души — Тем больше получаешь боли.

Снег идет

Порханье снега – это нега, И мы ее не сокрушим Вращением стального шнека Снегоуборочных машин.

Тех, что на улицах пустых, Наметят себе цель, и ну – Давай огромные пласты, Распахивать как целину.

Пока летают эти хлопья, Пока порхают в вышине, И падают куда охотней, Нам на суконную шинель.

Пока идет домой Башмачкин, Не предвкушая ни беды, Ни счета от могучей прачки, И сапоги его – худы.

Пока все это иль иное, Любое, климату под стать, Сквозь снег и мглу, ведет героя От перекрестка до моста.

Все хорошо, жива Россия, В порханье снежной кутерьмы, В сиянье снежного всесилья, И вместе с нею живы мы.

Ксения КУЗНЕЦОВА

Арзамас

* * *

Сколько просьб у любимой всегда... А. Ахматова

Купи мне плюшевого мишку... Пусть ростом будет в пол-окна! Хочу писать я эту книжку В тиши рассветной не одна.

Чтобы колючие морозы В окно, заглядывая к нам, Подарок, вроде не серьёзный, Причислили к любви дарам.

Татьяна ДЕВУШКИНА

Воскресенское, Нижегородская область

Осень. Воспоминание

Осень небо на землю обрушит, Дождик смоет вчерашний день. Солнце травы теперь не осушит. Уж теряет листву сирень.

А давно ли была как невеста, Выпускала за гроздью гроздь. «Аромат-то! На всю окрестность!» – Удивлялся заезжий гость.

Словно в майском салюте взметнулись — Тех малюток-цветков миллион! И небесные силы проснулись — Вот он, первый весенний гром!

И просила девчушка Настя:

— Отыщи необычный цветок!
Так мне мама сказала: «Для счастья!»
Коль найдешь к четырем — лепесток.

Ей поверю, все будет красиво. Будет солнце, и мимо – гроза. Ведь за пять лепестков счастливых Благодарно сияли глаза!

...Беспросветное утро сегодня, Разноцветным дождем плачет день. В золотистых листов половодье Изумрудные – бросит сирень.

Книжная полка

Виктор БРУСНИЦИН

Екатеринбург

ПО ЗЕМЛЕ И ВЫШЕ

Книга Елены Крюковой «Земля».

Основательный крестьянин Влас Ковылин, башкирка Земфира Зарипова, девчонка Вобла, дети Власа Спиридон и Сусанна – основные герои опуса.

Праздник урожая – и гроза, растерзавшая урожай, людей, сам праздник, прелюдия, дающая тон всей книге, символ. «Коней под уздцы держали. Кони бились и ржали. Между двух крепко врытых в сухую жаркую землю жердей натягивали красные транспаранты. На одном было намалёвано яркой белой, снежной краской: ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ. На другом: ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ. Музыка так и лезла в уши: взвизги песен, треньканье балалаек, частая дробь рассыпных, как просо, частушек. Бабы завели печальную – раздался басовитый сердитый голос: печаль – прекратить! Печаль оборвалась, как и не было ее... Под натянутыми на жерди красными тряпками медленно шла мать. На ее руках сидел безрукий и безногий ребенок. Мать крепко держала живое брёвнышко и ласково прижимала к обтянутой цветастым ситцем груди. Её раскосые глаза блестели гордо и мрачно...»

В литературе антураж событий, аромат времени, пожалуй, основательны как корм, одежда, солнце; получилось –

сам себе кум, дальше уж не язык и образы — жизнь. Впрочем, язык и образы как раз и создают первое. Елена Крюкова в курсе, знает ли, чувствует ли (чувствовать, пожалуй, толковей), но почти везде умеет с первых абзацев сделать вибрацию этого, подложить, обдать.

Начало советской власти, Поволжье, лютое время. Красавица Земфира живет одновременно — слово-то какое, ведь это о любви — с Власом и с сыном его. Власа раскулачивают, гонят в Сибирь. Много персонажей, и угловатых непременно в тяготах той эпохи. Возвращение в свои края, существование, совмещение с Воблой, странной вечной девчонкой, сын и дочь Власа силой обстоятельств становятся преступниками, творят разное. Земфира между тем рожает дочь калеку, Святую Уродку, провидицу — смешение судеб, вертеп событий. Смерть Уродки, Земфиры. Война, восстановление — калейдоскоп еще тот. Любовь неизменно.

Вечное строительство, беспрестанно новая жизнь, выживание и начало, из ничего, из животного стремления существовать, из злости людской, но и из доброты единова.

«Так мешалась, перемешивалась земля и роды ее, малые отродья, щепками, ветрами в чужие просторы заброшенные; так смыкались, слипались в ночи, на чужих кроватях со стальными посеребренными шишечками, молодые огневые губы, играли языки, стискивались крепче, все крепче объятья, и уже забрюхатели первые зыряновские девки». Красочно, вдохновенно. Но о тяготах, а основательней – о воле, человеческой крепости, задаче, если позволите, и надо писать орнаментно, как молитвы читать – совершенно точно взяла автор слог. «Дай, Осподи, силушек на ново дело, Табе угодно. Осподне вить дело то. Укрепи и охрани семьишки наши, в глухомань енту сосланы, от хвори и напасти, от беды лютой. Укрепи веру нашу». Или так устами Воблы, худосочной и жильной девчушки: «Я запросто могу быть лошадю. И коровой могу быть. Я всё живое очен чую из нутри».

Писатель не историк, не психолог (ибо он и то, и другое, и еще профили подойдут), его назначение историю, психологию и прочее донести, впечатлить, внедрить, для чего и подходит художественная форма.

Решусь на аллегорию. Литература методологически подобна психологии, социологии. В Японии распространен особый вид ландшафтного дизайна — «сад камней»; считается, что с любой точки зрения невозможно разглядеть все камни, что-то остается вне поля зрения. Психология, скажем, подобна: старается найти новые ракурсы, однако так и не удается ухватить человеческую натуру во всей многоцветности. Причина — горизонт взгляда. Поднимись вверх и узришь. Крылья и дает литература. Но. Подожжен неподалеку костерок, и дым стелется над садом. И уже контуры срезаны, и колышется иная булыга в волнующей зыбкости, в то время как взор психолога под дымком ясен и строг. Однако художник владеет ощущением полета, свободой, и этим очарованием невольно наделяет пусть и смутноватую натуру.

Если принять построение, оценить автора можно определенней: Елена Крюкова свободна, вместе пристальна и внятна.

Иногда поражаешься — что происходит в закромах этой женщины, какова мотивация? И ответ едва ли не напрашивается: посыл и произрастает от ядреного, витального потенциала. Таким трудно себя остановить. (Собственно, читаем: «А слушайте, какое же великое счастье — сказать!») Уж чудится, нарисует слово, сама дивится: гли-ко сколь за ним, горизонты невиданные, и пошло дальше, — тянется сама за словом, исследует. Этим людям интересно жить, раздавать... Таки получать от них отнюдь не напрасное занятие.

Ну да, у авторов подобного толка не может быть гладкого — шероховатости, длинноты, завихрения, которые безусловно найдет привередливый читатель, имеют место (а Толстой разве в этом русле не вспоминается?) — но сие от необузданного азарта, так представляется. Вспомнилось, что Бернстайн, пытаясь разобраться в истоках величия, красоты музыки Бетховена и разбирая ее, пришел к выводу: в элементах его сочинения не имеют признаков гениальности, и далее дает заключение, что дело здесь — в истинности... Прокрустом тут и не веет, чудится, что Елене жалко всего, что с ней, в ней происходит, — это признак

свежести. В пространстве клипового мышления скользим по ракурсам, оглушаемся в потоке разных и непрочных соблазнов; осененный интернетом поступок посягает на социалку, а веками отобранное качество брезгливо отклоняется в поделки. Стали адаптивны, отсюда ищем быстренькое, остренькое. И тут сталкиваешься с любовником жизни — оказывается, этот грешник источает вирус. Из каких страшных порой плетений умудряется писательница извлечь свет, животворное трепетание. Терпеливо, проникновенно.

Неожиданные и близкие метафоры, порой окаянный троп тропит лазейки в заплесневелые, но, выясняется, голодные эмоции. Когда множество отдает новым, предложения сочиненные изобильны, но ничуть не тягостны, ибо каждый извив таит блик и не разочаровывает непременно — в этом присутствует бесстрашие и уверенность, в сущности, молодого человека. Стандартное плетение русской прозы, драма высоко-низкого — быт, скоморошество и трагедия, брустверки, впадинки, переходы, малости и шалости единого полотна, сотканного в житие.

Повествование напоминает мозаику, и, по делу, пестрота тоже работает на содержание. Есть в читателе свойство предусматривать результат, опыт чтения так или иначе это поддерживает. И когда версия (направление) ломается — нет, не канва, в «Земле» в этом смысле замысловатости не особенно, а сама структура повествования — получается дельная штука. Период и лапидарность, — посмотрите, какие лаконичные и точные зарисовки: «Село большое, но и изба наша, плотного сруба да тяжёла на вид, просторна, силой строенья отличалась от многих, бедняцких». Добротный современный ход рассказа и архаика.

Можно было бы говорить об аспектах вещи, приурочив реальную жизнь автора, где живопись вполне близкая среда — особенно это просится касаемо описания икон — но мы имеем дело с конкретным художественным текстом, а не биографией. Однако упомянуть мастерство, с каким описаны сюжеты картин, просится.

Пахота на бабах, в плуг запряженных, – доходчиво, ейбогу, в организм укладывается. Сочинительница к тому ж

для антуража столь колючих радуг подпустит, берегись. Не процитируешь наскоро, читайте. Однако конец сцены упомяну. «Бабы пахали, Вобла сеяла. Люди стояли и молчали».

«Все лягем в землю. Уж скольки нас лягло. Не счесь. Разумом не охватити. И мы все – лягем. Хто тута трясецца, в вагоне сём телячьем. Аринушка моя вон лягла. Сам иё и закапывал. Дух той ямы разрытой – помню. Навек в ноздрех. И без попа, сам молитовку читал. А с краёв раскопа на дно ямины – черви белы да красны падали, жуки чёрны валилиси. Живность всяка землю населяить...» Подобные рассуждения привычны персонажам повести. Любезные рассуждения – не правда ли?

Возможно, неплохо действует то, что люди в повести не обременены рефлексией, живут обстоятельствами, чувствами, однако на читающего это ложится особенно — сам решай. И, поскольку обстоятельства чрезвычайные, нам недоступные, непременно задействовано воображение, сотворчество.

Скажут, все проще, велик соблазн всякие ужасти нашлепать – сытый обыватель любит. Однако здесь страсти – декорация, а зерно именно в отложениях, тут на трагедии гуляют правдивая свобода, контрасты, так слову удобней.

Смертей в повести много, и люди все отчаянные, неважно, в праведности ли, в лютости – эти самые обстоятельства человека выворачивают. Вообще смерть, да простится откровенность, лакомый для сочинителя момент драма, а как же – вали что угодно, всему поверят, слишком глубоким, трагичным было время. Но сделать особое настроение, тронуть обветшавшие струны интересно. И, полагаю, получилось. Автор, на мой взгляд, не стремится показать мельницу «человек-обстоятельства», ей важней показать человека именно в максимуме, и фигуры противоположные даны нарочито в сопоставлении Влас-Спиридон – отец-сын. Что может получиться в равно экстремальных обстоятельствах – злодей или праведник? В том числе для этого, Земфира назначена их любовью. И дальнейшее действие определено: один с любовью и пойдет по жизни, другой со злобой. Вообще говоря, не новаторская

схема, однако прелесть «Земли» в том, что Крюкова делает ее ненавязчивой, камуфлируя результат кружевами образов. Собственно, эта идея отнюдь не единственная — взять историю Земфиры и Воблы, тут наука иная и вполне яркая (в том числе оттого, что на сопоставлениях и гранях) и впечатляющая.

«А бабы: и-и, милыя, дык вить он без пальцов на руках-ногах на койке валяцца. А почему, спрашиваем, собака отгрызла? Нет, говорят бабы, херурх обломал! Ну, штобы антонова огня не случилоси! Отморожены!»

«Пришли люди, перебирали нас, как картошку, когда ищут гнилые клубни», - весьма живо. Незримо читателя тревожит вопрос, зачем все это происходило, чего хотели добиться. Но и верно, сколько люди, тысячелетия взять, наворотили ради идей разных, чаяний высоких. А религии?! Эх, человек. Автор в тексте философских хворей практически не касается вплоть до главы «Ночная дума Власа Ковылина». Вопрос «зачем» – здесь уже центральный стержень размышлений, вся история виденного и пережитого мужиком вопиет (собственно, в уста Воблы этот вопрос вложен конкретно)... Да кто же подобную задачку решит. Однако сам невольно задумываешься. И, возможно, автор подсказывает ответ. Не зачем, а потому что. Человек создание витиеватое, неугомонное. И расчудесные путешествия Власа, Воблы, Земфиры, Спиридона, Сусанны, скрученные в цепкий не клубок скорей, а клубень (корень), для того и соорудила автор, чтоб показать могучее отчуждение-родство, противоречие-цельность русского человека. Не зря сделана сцена Воблы с зеркалом, где она видит всех. И недаром рефреном проводит автор евангельское наставление: «молитесь за врагов своих».

Писательница вязко погружает в пучину той эпохи. Не мог избавиться от странного чувства: помести меня в это действие, что буду делать, какому геройству служить? И нытье в желудке вялое: а неизвестно, парень. Это ли, собственно говоря, не вопрос свободы, да что там — человека. Ибо широкое он существо. А вот надо ли узить, по сетованию Достоевского, и что из этого может получиться — вечный вопрос. Во всяком случае, соотнесение с собой —

задача вполне приличная. Конструкция и вся плоть текста здесь работают.

Композиционно строит литератор произведение соответственно: сны, видения притчевого толка, иносказания, красочные медитативные фрагменты. Период и лапидарность. Отменная, русская насквозь фонетика (Елена Крюкова классический музыкант; впрямь музыка больших форм непременно присутствует в ее литературе), речь забытая, истинно кондовая льется запросто - впрочем, это не чудо, коли угораздило с головой окунуться (а ныряет она легко, омуты впору), само пойдет, известно, русский дух в костях сидит. Язык, хочется сказать, предназначен, представляется, по-другому высказанная история вышла бы постной, надуманной. А здесь и ода, и миф, и былинабаллада, в итоге чуть ли не эпос. Разбирать эти причуды нет надобности, да и ни к чему – музыка безотносительна, но непосредственна ой как. Читать порой тяжело душевно, но тяжесть светлая, чистая, здоровая. Катарсис не катарсис, а минимум упрочнение получаешь.

Начинается книга с торжества, радости, а заканчивается печалью. Что ж, русскому человеку печаль идет. Один известный дядя говорил, истина — в вине, виноваты, однако. Если вдуматься, тут что-то есть. Недаром наставлял Толстой, все мы грешники, уж отсюда равны. Наконец, совершенно печаль не является общим тоном книги. Много здесь разного, ядреного, а то и царапающего — настоящего. Но подобные чувства созидают главное: вкус к жизни.

Живое слово 361

Михаил САДОВСКИЙ

ЖИВОЕ СЛОВО, или Счастливы вместе

К выходу книги Владимира Махина «Чудо бывает»

Мы с Дашей Букиной (телесериал «Счастливы вместе») выпорхнули из душного Дома пионеров в объятия суетно бурлящего автомобилями и людьми проспекта Октября и, разгоряченно жестикулируя и споря, бурно рассуждаем о поэзии Пушкина, о стихах Владимира Махина, о его безусловном даре поэта и человека...

Ой, простите, дорогой читатель, не с Дашей Букиной, конечно же, а с яркой и харизматичной студенткой Нижегородского театрального училища и будущей знаменитой актрисой Натальей Бочкаревой.

Владимир как руководитель Автозаводского районного кружка юных корреспондентов пригласил на открытый урок-дискуссию «Пушкин и современность» нас, своих бывших воспитанников, выпускников разных поколений журналистской школы, которую он ведет не один десяток лет. Для него это очень важно: он подтверждал высшую преподавательскую категорию. Пушкинский урок, как и ожидалось, прошел блестяще. И, судя по достигнутому результату, мы с Наташей, кажется, неплохо помогли нашему учителю. (Кстати, на память об этой встрече у меня осталось подаренное Наташей очаровательное фото, где она выступает в одной

из первых своих значимых ролей – юной Натальи Николаевны Гончаровой.)

...Продолжим путь по оживленной центральной улице Автозавода.

Подключайся, дорогой читатель, к нашим размышлениям о творчестве замечательного Владимира Махина, поэта, журналиста, педагога...

...И вот артистичнейшая Наташа подчеркнуто громко, словно не замечая никого вокруг, выразительно оглашает проспект полюбившимися строчками Владимира:

И даже в лютый гололед Дорогой тряской Я еду медленно вперед В велоколяске.

Спеша, течет поток людской, Автомобили, Кому-то я машу рукой, Чтоб подсобили.

Рывок вперед мне дорог ваш, И каждый день я Везу спасительный багаж – Прикосновенья

И ваше напряженье рук, Тепло улыбок. За это жизнь – суровый друг, Тебе спасибо!

И, не сбивая дыхания, демонстрирует ритмическо-прозаическое восхищение: «Как мощно в этом стихотворении проявляется характер Володи!»

«А стремительный ритм стихотворения, – подхватываю я, – не только точно передает волевой рывок велоколяски и ее натруженное движение, но и выражает жест преодоления и волевой характер автора». (Но вот здесь мне уже

трудно вспомнить, кто и что из нас говорил. И наши слова соединились в одно общее высказывание.)

Мощный волевой посыл, неустанная жажда совершенства, каждодневное мужество и при всем этом невероятная душевная щедрость — вот, как мне кажется, главные черты характера, присущие нашему замечательному поэту. Но, полагаю, особенности характера и творческой судьбы Владимира еще более емко и рельефно выражены в стихотворении, адресованном ему. Вот, вчитайтесь, знаменательная строфа из стихотворного посвящения поэта Николая Пчелина «Бакен»:

Пусть и ростом в ракету не вышел ты, Но ты заешь, что надо в пути: Вопреки всему, вопреки неподвижности Люлям светить!

Светоносная волшебная сила непременно сопровождает и освещает творческий путь Владимира Махина. У него практически нет плохих стихов, откровенных провалов. Он всегда ставит себе высокую планку и пишет на высоком профессиональном уровне.

В лучших стихах он, скажем без преувеличения, достигает небывалых поэтических вершин. Вглядитесь, вчитайтесь, например, в романтическую вязь этого волшебно экспрессивного чудо-стихотворения:

В нашем атомном веке Волшебников не существует: Всесильную щуку туристы Изжарили на костре, Доброго деда Хоттабыча На улицах не ищу я, И в небо сейчас не подняться На самом красивом ковре. Даже детишки знают: Кощеи давно повымерли, Избушки на курьих ножках Разобраны на дрова...

И лишь Василиса Прекрасная В девчонке с любимым именем Останется чудо-феей, Которая вечно жива!

Престижная нижегородская литературная премия им. Бориса Корнилова, полученная Махиным в юности, стала доказательством истинности его поэтического дарования. А одна нижегородская газета, очевидно, очаровавшись творчеством Махина, опубликовала на своих страницах одно из стихотворений трижды. Если суммировать общий тираж трех номеров газеты, то получается свыше 150 тысяч. О таком любой (даже самый маститый поэт!) может только мечтать. Это ли не истинное признание поэзии Владимира Махина? Это ли не доказательство, как настоящая поэзия непроизвольно вторгается в наши прозаические пространства жизни и, может быть, незаметно, исподволь, но неизменно влияет и преображает ее?

Лучшие стихи врезаются в память, словно стрела лучника в «яблочко» мишени. И хочется цитировать, цитировать и цитировать...

И в повседневности простой Желанья скромного не скрою – Мгновенью говорю: постой, Давай обнимемся с тобою!

Тематическая палитра поэта широка и разнообразна. Но и в ней наряду с темой любви выделяется такая существенная и важная для творческого человека, как «Поэт и Слово», ибо настоящего поэта всегда ведет и вдохновляет вера, неистребимое нравственное кредо:

...долговечней многих дел Живое слово!

Отсюда и понимание истинной целительности подлинных («трепетных и горячих») строк. Живое слово, словно живая вода, непременно несет в себе целебный эффект!

Люди, как мы далеки, Нам бы жить иначе. ...Греюсь у живой строки Трепетной, горячей.

Как и всякий истинный художник, он лелеет животрепещущую надежду быть услышанным, понятым, найти своего читателя. И, кажется, парадоксально, но идея общественного служения таланта постоянно возникает и пульсирует в творчестве Владимира Махина.

> Мне б найти такое слово, Чтоб услышала страна!

Сам поминутно нуждаясь в помощи, он ежечасно помогает своим воспитанникам, друзьям и просто незнакомым людям. Непременно надо сказать спасибо маме — Раисе Николаевне, которая и в свои 93 года несет основной груз забот и создает условия для жизненного и творческого существования Владимира. И в то же время неутомимая и деятельная любовь к сыну так удивительно продлевает и ее жизнь.

Владимир Владимирович, сам состоявшись как поэт и журналист, помог многим юным социализироваться, открыл богатые горизонты жизни и заветные прелести живого слова... Долгие годы Махин, его кружок, являлся властителем дум и своеобразным культурным центром Автозавода. Сотни учеников с благодарностью вспоминают стартовые годы, проведенные в поэтической и журналистской студии Владимира Владимировича, передают пламенные приветы, поздравляют с праздничными датами...

Ах, сколько их, выпускников, — актрис, поэтов, журналистов (Светлана Прошельцева), преподавателей (Анастасия Оладышкина, ННГУ), политологов (Ася Векслер, ВШЭ, Москва), учителей (Марина Малышева, школа № 120), редакторов киностудий (Евгения Вагина, «Медиа-Стар», Москва) и издательств (Нина Красникова, «Молодая гвардия», Москва)...

Разлетелись воспитанники, словно семена, по городам и весям нашей необъятной страны. Но все они понимают, что всегда счастливы вместе и вдохновенно продолжают передавать радостное ощущение счастья новым поколениям.

Вот и все, что я успел рассказать на кратких страницах, отведенных под напутственное, о нашем диалоге с актрисой Натальей Бочкаревой о друге – поэте, журналисте, педагоге.

Остальное читайте в стихах Владимира Махина. Вас ждут удивительные открытия. И вы, дорогой читатель, со всей очевидностью поймете, что, следуя утверждению нашего поэта, — Чудо бывает!

Вехи памяти

Илья БЕРЕЛЬКОВСКИЙ, Ольга БЕРЕЛЬКОВСКАЯ

ВСЁ, НЕ ОТНОСЯЩЕЕСЯ К СТИХАМ, БЫЛО ДЛЯ НЕГО ВТОРОСТЕПЕННЫМ

Судьба поэтического наследия Бориса Корнилова

От Бориса Корнилова после его смерти осталась всего лишь песня из кинофильма «Встречный», написанная в 1932 году, естественно, потерявшая имя автора стихов. Но музыку написал один из крупнейших композиторов XX века Дмитрий Шостакович, и она постоянно звучала по радио и на концертах в советское время.

Самым хрестоматийным стихотворением Бориса Корнилова было «Качка на Каспийском море» с замечательной строчкой «Мы любили девчонок подлых».

«Я буду жить до старости, до славы» – строка из стихотворения Бориса Корнилова «Знакомят молодых и незнакомых...» (апрель, 1934). Поэтическое предсказание сбылось лишь отчасти, Корнилов узнал славу, но погиб очень рано, когда ему было всего 30 лет.

В марте 1937 года в НКВД в Ленинграде завели дело на Бориса Корнилова, обвиняя его в том, что он «занимается активной контрреволюционной деятельностью, является автором контрреволюционных произведений и распространяет их, ведет антисоветскую агитацию».

Стихи «Елка», «Вокзал», «Последний день Кирова» и другие были признаны «политически вредными». «Под маской "чисто лирического" стихотворения, под маской воспевания природы он стремился протащить враждебные контрреволюционные мотивы, которые в целом ряде случаев звучат совершенно ясно и недвусмысленно». Человек крестьянских корней, Корнилов не мог не откликнуться на коллективизацию. Стихи об этом и были причиной, по которой к нему приклеили ярлык кулацкого поэта (поэма «Триполье»).

К 1925 году относится первая встреча литературного критика, переводчика, коммуниста с 1919 года Ивана Александровича Марченко, работавшего завлитотделом «Нижегородской коммуны», и комсомольского поэта из Заволжья Бориса Корнилова.

Борис Корнилов – открытие корреспондента газеты Павла Штатнова (Марко Паняш). Вслед за ним Иван Марченко поддержал первые поэтические опыты юного Корнилова. Их взаимоотношения не были долговременными и не носили постоянный характер, но переписка, дружеское расположение друг к другу продолжались вплоть до середины трудных 1930-х годов. «Авторитетная поддержка Ивана Марченко позволила Б. Корнилову уже в Ленинграде окончательно поверить в свои силы», - вспоминал член НАПП с конца 1920-х годов, в дальнейшем редактор газеты «Литературная Россия», составитель поэтических сборников Бориса Корнилова, выходивших в столице и в Горьком, К.И. Поздняев (1911–2000), член Союза писателей СССР, поэт и литературный критик, с которым мне пришлось встретиться $H.\overline{B}$.) в Москве в 1986 году.

Как мы знаем, судьба поэта была крайне неблагосклонна к нему. Среди тех, кто пытался защитить Бориса Корнилова от грубых и дилетантских наветов, был и И. Марченко. А это воспринималось как пособничество, потеря политической бдительности. Также поддерживал Марченко и Галину Серебрякову с ее тоже горькой судьбой, других поэтов и писателей, исчезнувших навсегда в 37-м.

В январе 1926 года Корнилов по ходатайству Семеновского укома РКСМ с комсомольской путевкой «в институт журналистики или какую-нибудь другую литературную школу» уехал в Ленинград. Начиная с 1927 года Борис Корнилов несколько раз ненадолго приезжал из города на Неве на родину, в Семенов: «его всегда тянуло в синь семёновских лесов». Юный, озабоченный неустроенным бытом и невышедшими книгами поэт всякий раз по пути останавливался в Нижнем. Здесь встречался с собратьями по перу и литературными сверстниками, встречался с председателем НАПП и редактором журнала «Натиск» Иваном Марченко. Живо интересуясь делами нижегородской литературы, судьбами поэзии, Борис Корнилов обсуждал первые сборники ассоциации пролетарских писателей края, участвовал в нередких тогда авторских читках в ГИЗе.

В Нижний, в редакционно-издательский отдел ГИЗа, краевую газету, а затем в Москву, в правление Союза писателей, где с 1934 года работал И. Марченко, присылал Борис Корнилов письма, новые стихи.

Всё, прямо не относящееся к стихам, было для Корнилова второстепенным: житейские вопросы отходили на второй план. Бытовая неустроенность, безденежье, нечастые гонорары, а затем алименты. Писал, чтоб «не сердился за молчание: писать хочется только очень длинно, а коротко разучился. Пишу новую поэму. Вот чем занят...» Нередко прямолинейный в суждениях, рассказывал о литературной группе «Смена», о том, как продирается сквозь настороженное равнодушие столичных редакций и редакторов. Сообщая о творческих дискуссиях, об обстановке в Ленинградской ассоциации писателей, об участии в ударных писательских бригадах, высказывал негодование по поводу «литературных чиновников», спрашивал: «Что хорошенького в Нижегородских краях? Как дела с литературой?»

В последнем своем письме к И.А. Марченко Борис Корнилов писал о Николае Ивановиче Бухарине, в то время редакторе «Известий», которого он считал широко и свободно мыслящим большевистским литератором, о своих известинских корреспондентских делах. Высказывал суждения о театре, о собственной позиции к искусству Мейерхольда, позиции, отличной от директивных статей его хулителей. Пытался Корнилов передать свои впечатления от общения со Всеволодом Эмильевичем и Зинаидой Райх, известной актрисой и женой первого режиссера-коммуниста. Среди близких друзей Бориса Корнилова были М. Зощенко, О. Форш, Э. Багрицкий, О. Мандельштам, А. Ахматова, Л. Гумилев.

С оптимизмом отмечал, что наконец-то начал работать для ГОСТИМа (Государственного театра имени Мейерхольда), несмотря на его теперешние трудные времена и политические бичевания.

Чувствуется, что поэт спешит и надеется, что в ближайшее время увидит адресата: «На бумажке такой пишу не из чванства, а из необходимости. Надеюсь скоро увидеть вас. Борис Корнилов». Так заключил поэт свое написанное в начале 1936 года последнее письмо из сохранившейся переписки.

Увидеться им было больше не суждено. В октябре 1936 года Борис Корнилов исключен из Союза писателей. в мае 1937 года по ложному обвинению арестован и осужден по статье 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В приговоре содержится следующая формулировка: «Корнилов с 1930 г. являлся активным участником антисоветской, троцкистской организации, ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства»*.

Был репрессирован и Иван Марченко. В октябре 1937 года за потерю политической бдительности, связь с врагом народа и шпионом Сокольниковым секретарь парткома

²⁰ февраля 1938 года выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством корвоенюриста Матулевича Корнилов был приговорён к исключительной мере наказания. Приговор приведён в исполнение 20 февраля 1938 г. в Ленинграде. Тело поэта Бориса Корнилова было сброшено в ров с другими расстрелянными и засыпано негашеной известью. На месте могильника НКВД до сих пор не растут деревья, ныне это Левашовское мемориальное кладбище. (Б.П. Корнилов был посмертно реабилитирован 5 января 1957 года «за отсутствием состава преступления».).

Союза писателей СССР И.А. Марченко был исключен из партии*.

И.А. Марченко сыграл определенную роль в жизни Бориса Корнилова. Он редактировал его стихи, был неизменным советчиком в литературной работе. В Москве, в личном архиве Ивана Александровича Марченко, среди его дневников, писем, рукописей давно забытых и известных литераторов мною (И.Б.) было найдено одно из первых писем (датированное 11 октября 1928 года) Бориса Корнилова к И.А. Марченко со стихами «Барышник» и «Начало культуры». Письмо примечательно во многих отношениях. Во-первых, оно помогает прояснить некоторые моменты биографии поэта. Каким образом в нижегородских изданиях появлялись его стихи, кто был их редактором. Добавляет этот документ и новые штрихи к облику самого Корнилова. Судя по содержанию, это послание было продолжением других писем. В простых и сдержанных строках чувствуются огромная энергия и целеустремленность, боевой темперамент пролетарского поэта.

К этому времени Борис Корнилов был уже автором первого поэтического сборника «Молодость», вышедшего в 1928 году в ленинградском издательстве «Красная газета». В своих стихах, которые очень часто были неожиданным, ярким раскрытием образа России, Борис Корнилов всегда оставался нижегородцем.

Трудной оказалась жизнь у многих произведений Бориса Корнилова. Сегодня его литературное наследие, воспоминание о поэте, разбросанные по газетам и журналам, собираются буквально по крупицам. Архив Бориса Корнилова погиб – невосполнимо и невозвратимо. Мы почти не знаем его черновых произведений, вариантов стихов, незаконченных произведений. В Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) в Ленинграде хранятся рукописи лишь отдельных стихотворений для

сборников, готовившихся поэтом к изданию 1934–1935 $\Gamma\Gamma$.: две тетради с переписанными поэтом стихами сберегли его жена Л.Г. Борнштейн (умерла в 1960 г.) и их дочь И.Б. Басова. ныне живущая во Франции.

Борис Корнилов и Ольга Берггольц. Семенов. 1929. (ИРЛИ)

Тем интереснее для нас сохранившиеся факсимиле черновых рукописей этих двух стихов 1928 года талантливого советского поэта, чье творчество оборвалось так трагически преждевременно.

В 1957 году вышло первое посмертное издание избранных произведений Бориса Петровича Корнилова. В книгу, предисловие к которой написала лауреат Сталинской премии поэтесса Ольга Берггольц – друг и первая жена Корнилова (в 1928–1930 годах), вошло многое (тогда думали – почти все) из написанного поэтом. Она как бы суммировала его прижизненные сборники стихов. Это было второе рождение поэта*.

Борис Корнилов был самым ярким поэтом поколения, входившего в литературу в конце двадцатых. Н.И. Бухарин, ненадолго возвращенный Сталиным из опалы на большевистский Олимп, на Первом съезде

В июне 1988 года имя видного партийного и государственного деятеля Г.Я. Сокольникова, члена ЦК ВКП(б), заместителя народного комиссара иностранных дел, мужа писательницы Г. Серебряковой, было возвращено в нашу историю.

О. Берггольц была арестована вслед за Б. Корниловым и в начале 1937 года проходила по делу обвиненного в троцкизме, бывшего руководителя РАПП, племянника Я.М. Свердлова, Л. Авербаха. Через полгода – 13 декабря 1938 года – Ольгу Берггольц вновь арестовали по обвинению «в связи с врагами народа», а также как участника контрреволюционного заговора против Ворошилова и Жданова. 3 июля 1939 года была освобождена и полностью реабилитирована. Дочь Бориса Корнилова и Ольги Берггольц умерла в 1936 году (в связи с осложнением на сердце – декомпенсированным пороком сердца – после тяжело перенесённой ангины).

советских писателей говорил о Корнилове как о надежде советской поэзии. Характеризуя творчество Б.П. Корнилова, главный редактор газеты «Известия», Н.И. Бухарин отмечал:

«Среди поэтической и "комсомольской молодежи" следует особо сказать о Борисе Корнилове. У него есть крепкая хватка поэтического образа и ритма, тяжелая поэтическая поступь, яркость и насыщенность метафоры и подлинная страсть. Классовая ненависть внука бедняка, как пес ползавшего "перед тушей розового барина", отстоялась в густой настой стиха...

У него "крепко сшитое" мировоззрение и каменная скала уверенности в победе. Само "я", исчезая, находит свое "продолжение жизни" в новой веренице людей и дел…»

Вера ЧЕШИХИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК СТУДЕНТОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1918–1920 гг.)

Мемуарный очерк

В минувшем году мы отметили столетие Нижегородского государственного университета. Он был учреждён в марте послереволюционного 1918 года. В числе первых его студентов была Вера Васильевна Чешихина (1900–1978), дочь известного в России писателя-литературоведа, журналиста, члена НГУАК, преподавателя Нижегородского Народного университета Василия Евграфовича Чешихина, выступавшего в печати под псевдонимом Ч. Ветринский.

В период учебы в университете Вера занимается в студенческом литературном кружке, пишет и публикует стихи. В связи с изменившимися семейными обстоятельствами осенью 1920-го переезжает в Москву. Там оканчивает Первый Московский государственный университет, а в дальнейшем и Литературный институт им. М. Горького. Её творческое амплуа кардинально меняется: от стихов, которые она стала считать лишь своим литературным ученичеством, Вера переходит к переводческой деятельности – главному делу всей её жизни. Как профессиональный переводчик вступает в Союз писателей СССР. Принимает участие в подготовке и издании книг французских, чешских, словацких писателей.

В конце 1960-х с Верой Васильевной завязывает переписку авторитетный горьковский писатель-краевед Алексей Иванович

Елисеев, занимавшийся историей литературного движения в Нижнем Новгороде в первые послереволюционные годы. В письмах к нему Чешихина сообщает немало интересных сведений о творческой деятельности нижегородских авторов, литературной молодежи. А в качестве приложения к одному из писем высылает специальный мемуарный очерк «Литературный кружок студентов Нижегородского государственного университета (1918–1920 гг.)». Этот очерк мы предлагаем вниманию читателей. При этом считаем необходимым предуведомить: автор слишком критично, с высоты прожитых лет (ведь почти полвека прошло!), по-максималистски сурово относится к работе кружка. Да, было немало незрелого, ученического (что сопутствует, кстати, любому серьёзному делу). Но было и другое... Нынешнее наше осмысление того прошлого, тех первых лет истории Нижегородского государственного университета открывает возможность считать, что творческая деятельность кружковцев - студентов и преподавателей - давала тогда импульс всему литературному движению в Нижнем Новгороде. Ведь в определённой мере именно на базе кружка в середине 30-х годов прошлого века сформировалось Нижегородское отделение Всероссийского Союза поэтов (НОВСП).

В очерке В.В. Чешихиной читатели встретят целый ряд неизвестных им имён. Дополнительные сведения на этот счёт можно найти нашей книге «Нижегородский поэт Иван Ермолаев: Портрет на фоне эпохи (Новое имя из литературного окружения Сергея Есенина)», 2017.

Юрий ИЗУМРУДОВ, доцент ННГУ им. Н.И. Лобачевского. член Союза писателей России

Литературный кружок студентов Нижегородского государственного университета объединял студентов всех 12 факультетов, всех тех, кто интересовался современной литературой и поэзией. Никакой литературной платформы у нас не было. Не доросли еще до нее! Я характеризовала бы кружок, скорее всего, как ученический и только ученический. Он никак не был оформлен, не помню, был ли у нас даже какой-нибудь президиум и правление. Толковых руководителей тоже не было. Душой кружка был Григорий Шмерельсон. Его я знала еще с 1917 года по Дому юношества. Он больше других был знаком с современной поэзией, увлекался главным образом творчеством футуристов и писал, подражая им, а затем, когда мы узнали о существовании имажинистов (помнится, мой отец прислал мне из Москвы газету с манифестом имажинистов), стал подражателем Шершеневича, Мариенгофа и других. Под Есенина писал Иван Ермолаев, а остальные – кто во что горазд. Любимым поэтом Гриши был Василий Каменский и отчасти Маяковский. Он очень часто читал нам отрывки из «Степана Разина» или из «Облака в штанах». Кажется, с чтения стихов Василия Каменского все и началось. Когда и как мы собрались в первый раз, теперь я уже не помню. Регулярно начали мы собираться в 1918-1919 учебном году, когда при университете открылся историко-филологический факультет, собственно, единственный гуманитарный факультет НГУ. Был ли юридический, – не помню. Остальные факультеты были технические, так как в университет влился Варшавский политехнический институт, эвакуированный в Н. Новгород во время войны. Были еще физико-математический и биологический факультеты. Кроме того, существовал еще так называемый «Энциклопедический», где читались популярные лекции по философии, психологии, истории литературы, истории и т. п., без твердого плана или программы, по принципу – «всего понемногу». Никакого своего лица у этого факультета по существу не было, и сюда поступали, чтобы просто пополнить свои знания в той или иной области, тем более что поступить на этот факультет было проще простого: никаких аттестатов не спрашивали, никаких зачетов и экзаменов не требовали. А на остальных факультетах все-таки требовались и знания, хотя бы в объеме средней школы. И заниматься было бы трудно без определенного уровня знаний в области математики, физики, химии. Здесь шли настоящие вузовские занятия по программам высшей школы, были старшие курсы.

Историко-филологический факультет открылся только в середине первого семестра. Часть курсов, которые читались на энциклопедическом факультете, была включена в программу филологического. К работе историко-филологического факультета были привлечены петроградские преподаватели и профессора, бежавшие из Петрограда от голода, затем появились и москвичи, приезжавшие из Москвы прочесть в течение короткого срока какой-нибудь курс.

Одним из первых появился Василий Леонидович Комарович, который начал читать курс лекций о Пушкине, вел семинар по Достоевскому. Я поступила в университет на биологический факультет, но не могла удержаться от посещения лекций по истории литературы и истории и в конце концов бросила биологию, перейдя на историко-филологический факультет окончательно и бесповоротно. Здесь я познакомилась с будущими членами литературного кружка. В это время он и возник. Первоначально ядро кружка, насколько я помню, составили Гр. Шмерельсон, Людмила Синеокова, Валентина Никишатова и еще кое-кто. Это было, кажется, в конце 1918 или в самом начале 1919 года. Впоследствии к нам присоединились Иван Ермолаев, Павел Даданов, Татьяна Петрова, Евгений Моравский и другие. Кто именно – сейчас уже не припомню. На второй год существования кружка к нам присоединились старшие товарищи, такие как Арсений Митрофанов, который служил в университете и не был студентом, проф. Валериан Андреевич Волошинов – архитектор и искусствовед, Юрий Александрович Никольский – преподаватель, который собирался вести у нас семинар по Тургеневу. Он познакомил нас с творчеством Н. Гумилева, которого он знал лично. Комарович познакомил с последней тогда книгой стихов Анны Ахматовой «Белая стая». Эту книгу я тогда полностью переписала для себя.

В течение лета 1919 года мы собирались довольно регулярно, читали свои стихи, весьма слабые, чисто ученические, критиковали друг друга весьма неумело. Иногда читали нам доклады о том или ином поэте заезжие профессора. Но серьезно говорить об этом кружке все-таки

не приходится. Никто из его участников крупным писателем или поэтом, кажется, так и не стал по тем или иным причинам.

Моя теперешняя литературная работа никак не связана с этим литературным кружком, так как между 1921 г., когда я окончательно бросила писать стихи, и временем, когда я всерьез занялась художественным переводом с французского, а затем с чешского и словацкого, прошел слишком большой срок. Между 1921 и 1944 гг. я занималась и библиотечным делом, и преподаванием в средней школе, и статистикой, и библиографией, и всевозможной работой в разных издательствах, не помышляя ни о каком литературном творчестве, а тем более о стихах. Не до того мне было...

Сборник «Стихи», изданный под маркой Литературного кружка студентов НГУ, был частным предприятием Гр. Шмерельсона. Помнится, эта книжечка стихов Гр. Шмерельсона, Ив. Ермолаева и В. Иродионовой (это был мой псевдоним в честь моего прадеда Иродиона Ветринского) была даже напечатана на средства Гр. Шмерельсона и его стараниями. Разумеется, ни о каком гонораре не было и речи.

После того как Сергей Малашкин печатно обругал нас за этот сборник, в частности и меня, назвав мои стихи «женским рукодельем», писать стихи у меня пропала охота. Впрочем, я и тогда не считала это для себя серьезным делом. Отец мой тоже был очень недоволен, что я втянулась в эту компанию, хотя в стихах было значительно больше того, что было в действительности, и вели мы себя совершенно невинно во всех отношениях. Наше творчество было слабо, подражательно да и не очень, я сказала бы теперь, грамотно. Гр. Шмерельсон был явно не в ладах с русской грамматикой, как и Иван Ермолаев. Кое-какие данные были у Евгения Моравского, который тоже печатался в каких-то журнальчиках-подёнках, возникавших в Нижнем и тут же погибавших после первого-второго номера. Названий, кроме одного – «Зарницы» (и, кажется, «Ковш»), – не помню. В «Зарницах» были также опубликованы какие-то мои стихи.

Такие поэты-нижегородцы, как Б. Садовской, Ф.Ф. Томсон, участие в нашем кружке не принимали. Это были поэты совсем другого поколения, эпигоны декаданса начала XX века и символизма.

Осенью 1920 года я уехала в Москву и потеряла всякую связь с Нижним и литературным кружком студентов. Гр. Шмерельсон вскоре перебрался в Ленинград. Был ли кружок связан с группой «Молодая рать» — не помню, она возникла уже позднее.

Охарактеризовать общее состояние поэзии в Н. Новгороде перед Октябрьской революцией и в первые годы после нее мне просто было бы не под силу. Я была еще слишком молода и глупа в то время и ничего еще в этих делах не понимала. В кружке было весело и интересно, а жить было трудно, голодно и холодно, приходилось работать и делать совсем неинтересное дело канцелярского работника. Помню лишь кое-какие фамилии, связанные с газетой «Нижегородский листок»: В. Мартовский – прозаик, Н. Бебешина – прозаик, Истомин – поэт (в памяти сохранились строки эпиграммы отца:«Снег идет... и, худ и томен, вдохновенья ждет Истомин...»), А.А. Белозеров – поэт, В.В. Порошина – поэтесса, Вл. Ив. Блюм (он же Иванчиков, Садко, Стэк) – театральный критик и фельетонист, преподаватель Владимирского реального училища, впоследствии работавший в Главреперткоме и на радио в Москве. Но это уже совсем другая история...

1969 г.

Владимир ЕФИМОВ

Саратов

ЕЙ ПРИХОДИЛОСЬ ВЫГОВАРИВАТЬ ЯКОВУ СВЕРДЛОВУ

Памяти русского библиотекаря и революционерки Ольги Чачиной (1872–1919)

За полтора года работы над большой документальной книгой о своём троюродном деде — профессиональном революционере Василии Фроловиче Ефимове, уроженце деревни Карамышка Саратовской губернии, как и я, потомке четы рязанских крепостных Ефимовых, в пору крепостного права насильственно вывезенных после продажи оптом в Саратовскую губернию, — я открыл для себя большое количество лиц, соприкасавшихся с ним в его непродолжительной по времени, но очень яркой и насыщенной делами революционной деятельности.

Ефимов – делегат Пятого (Лондонского) съезда РСДРП в мае 1907 года, делегат первого Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей и фабрично-заводских предпринимателей (Москва, апрель 1909 года), на котором сделал отмеченный даже буржуазной прессой доклад о жутком положении бакинских нефтяников. Кстати, Ефимов в Баку работал вместе с бывшим, как и он сам, рабочим саратовского завода Беринга, уроженцем Ардатовского уезда Нижегородской губернии Иваном Степановичем Фокиным, в пятидесятые годы вернувшимся в Саратов. Соратников оказалось так много, что пришлось вводить

в книгу специальную главу «Соратники». В числе них его жена Лидия Николаевна Бархатова, которой спустя много лет немало страниц свей документальной трилогии посвятит читатель её библиотеки советский писатель Павел Бляхин, уроженец Саратовской губернии, будущий автор первого советского вестерна «Красные дьяволята» - по мотивам его в 1926 году на Тифлисской киностудии будет поставлен одноимённый фильм, а в середине 60-х годов знаменитая приключенческая кинотрилогия о Неуловимых мстителях.

В пору знакомства Бархатовой и Ефимова осенью 1905 года в Баку она официально заведовала библиотекой Союза нефтепромышленников, а нелегально была членом местного комитета РСДРП (большевиков). Ефимов же появился там, совершив большой путь по маршруту Саратов – Ростов-на-Дону – Таганрог – Баку, и возглавил одну из ведущих партийных организаций нефтепромыслового региона и в течение четырёх лет работал вместе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, Климентом Ефремовичем Ворошиловым, Григорием Константиновичем Орджоникидзе, Виктором Павловичем Ногиным и другими видными партийными деятелями. Работая в архивах над документами о Бархатовой, я узнал о её соратнице уроженке Нижегородской губернии Ольге Ивановне Чачиной. Посему было бы несправедливо не говорить в книге о Чачиной, хотя она и не была лично знакома с Ефимовым.

Удивительно схожих своими характерами, мужеством, беспредельной преданностью партии и долгу, Чачину и Бархатову надолго связали партийная работа и библиотечное дело. Создание детской библиотеки для рабочих Пресни в 1914 году стало их новым совместным делом. Их познакомило революционное дело в Петербурге, когда обе были членами созданного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», за что подвергались аресту и преследованию полицией, после чего им пришлось покинуть столицу: Чачину выслали в Казань и Уфу, а Бархатова уехала в Майкоп и Баку. У меня нет сомнений, что обе, став библиотекарями, в то время вели переписку друг с другом, и, когда после трагической смерти Ефимова в

сентябре 1912 года в московской Бутырской тюрьме от гнилостного заражения крови (от ржавых кандалов) Бархатова навсегда оказалась в Москве, чтобы ухаживать за его могилой на Ваганьковском кладбище, Чачина подключила свою давнюю знакомую, коллегу и однопартийца к работе по созданию детской библиотеки на Пресне, которую вскоре превратили в место явок и адресов конспиративных свиданий большевиков.

На Пресне обе, как подтверждают агентурные донесения охранки в найденном мною дневнике наблюдений за ними, жили в доме Митрофанова. А зимой прошлого года в личном архиве Бархатовой в краеведческом музее Нязепетровска Челябинской области – малой родины Лидии Николаевны – я нашёл старое фото: молодая женщина беседует с юными читателями библиотеки. И хотя полагал, что это именно Чачина, но только лишь после обнаружения мною недавно фотографии Чачиной в её деле в Госархиве РФ, смею утверждать: это действительно Ольга Николаевна

Ольга Ивановна сыграла огромную роль не только в становлении социал-демократии на своей малой родине – в Нижегородской губернии – как секретарь местного комитета РСДРП, но и в развитии библиотек как первая заведующая библиотекой-читальней имени Глеба Успенского. Именно на Нижегородчине она впервые прикоснулась к библиотечному делу, дававшему ей и партии возможность вести нелегальную работу. Её официальным занятием было заведование библиотекой Всесословного клуба, который она превратила в место явок партийцев, а нелегальную литературу хранила в тайнике под... портретом царя. А нелегальное – член первого Нижегородского комитета РСДРП, с 1900 по 1904 год – уже его секретарь. Современники выделяли в ней доброту и качество мудрого руководителя.

В нижегородском Всесословном клубе с 1901 года стала работать новая библиотекарша – Ольга Ивановна Чачина. Нижний Новгород не был для неё незнакомым городом. Здесь она, дочь крестьянина из Сергачского уезда Нижегородской губернии, училась в гимназии. Затем –

Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге, участие в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», ссылка в Казань и Уфу. В Уфе Ольга Чачина познакомилась с другой ссыльной, только что приехавшей из Сибири, – Надеждой Константиновной Крупской. А летом 1900 года Чачина встретилась с Владимиром Ильичом, который побывал у Надежды Константиновны перед отъездом за границу. Встреча с Лениным стала поворотной вехой для Чачиной. Она вернулась в Нижний Новгород, вошла в состав первого Нижегородского комитета РСДРП, была его секретарём и в этом качестве вела всю переписку с редакцией «Искры». Кржижановский в письме к Крупской предложил называть Чачину и её товарищей в целях конспирации «трудолюбцами». Подсказано было это определение отнюдь не только соображениями конспирации. «Верные друзья» – так называла в переписке Чачину и чету Пискуновых (сестру Чачиной и её мужа) Надежда Константиновна Крупская. Именно Ольга Ивановна Чачина, будучи опытнее, умудрённее Свердлова, и стала его старшим товарищем по борьбе, который так необходим вступающему на путь политической деятельности юноше. «Юного Свердлова окружали, его направляли опытные революционеры – М. Ф. Владимирский, Н. А. Семашко, А. И. Пискунов, О. И. Чачина. Ольга Ивановна Чачина, работавшая в нижегородском Всесословном клубе... – писали Е. Городецкий и Ю. Шарапов в своей изданной в Свердловске в 1981 году книге "Свердлов". – Нередко Чачиной приходилось выговаривать Якову Свердлову за мальчишество при выполнении поручений, за излишнюю браваду перед полицией».

В ноябре 1901 года царские власти выслали Алексея Максимовича Горького из Нижнего Новгорода. Признанный, знаменитый на всю Россию писатель, он уже тогда тесно связал своё творчество с революцией. В вину Горькому вменялось то, что он помог нижегородским социалдемократам организовать и провести 7 апреля 1901 года во Всесословном клубе легальное собрание интеллигенции, осудившее избиение киевских студентов за их отказ от службы в царской армии.

Письмо Чачиной из Нижнего Новгорода в редакцию «Искры» ранее 2 ноября 1903 года (получено 2 ноября) позволяет судить о высочайшей требовательности Ольги Ивановны к себе и понимании ответственности за порученное дело:

«Хотели посылать вам письмо, как получили ваше. Мы кое-что уже слышали о делах, но всё-таки большое спасибо. Несмотря ни на что, многое всё-таки сделано и определено и большинство, вероятно, будет держаться твёрдо. Есть, разумеется, и неприятное. Интересно только, почему неудовольствия не ограничились съездом, а продолжаются, когда факт уже совершился. Или дезорганизация недостаточно надоела?

Вам интересно узнать о наших делах. Они не блестящи. Постоянные кровопускания обессилили нас. Последнее время опять аресты. Взято человек 30, главным образом рабочие. Вот некоторые фамилии: Грейбер, Коломийцев, Чернышёв, Позерн, Аркадьев, Свердлов, Павлычев (интеллигент), Чугурин, Хрусталёв, Савин, Урыков, Фейгин, Минеев, Велицкий, Оленников и другие рабочие. Быть может, эти аресты явились отчасти результатом посещения Плеве, который остался недоволен деятельностью здешних жандармов, так как, правду говоря, у нас было довольно тихо, только в последние времена произошло несколько событий, одно ещё до Плеве. В Сормове довольно часто устраивались большие собрания, человек 100–150. Полиция в конце концов узнала и однажды ночью нагрянула в лес. Рабочие, не желая допустить арестов, завязали перестрелку, не причинившую, впрочем, вреда никому. Некоторые, хотя не из стрелявшей толпы, были взяты, большинство, впрочем, выпущено.

На днях другой факт. Здесь был шпион Пятницкий. Его вздумали проучить и сильно поколотили, так сильно, что утром он был найден в лесу мёртвым. Теперь идут усиленные розыски и аресты. Недавно пришлось ехать на одном пароходе с сормовским урядником. Отправляется в Балахну с просьбой о переводе в другое место, так как "в Сормове теперь опасно". Надзор в Сормове очень усилился, ночью патрули, которые обыскивают всякого подозрительного прохожего.

Не знаю, право, как отнестись к этим фактам. Они, пожалуй, являются признаком возбуждённого, решительного настроения, но это настроение немногих, - всё это не выходит далеко за пределы организации, а выстрелы, например, очень скоро прекратились. Так как и револьверов было мало. Вообще большой силы за организацией нет, и организация (я говорю о Сормове) теперь гораздо слабее, чем раньше. Главное, замечается понижение уровня развития. Каждое новое поколение (жизнь одного поколения месяцев 9–12) ниже предыдущего. Не успевают вырасти (я назначаю, пожалуй, слишком продолжительный срок). Но в то же время стремление к знанию всё так же сильно, и работать практически надо, с другой стороны. Хорошо ещё то, что теперь отдельным рабочим даётся больше практической работы, чем бывало раньше, и это очень быстро развивает рабочих. Пропаганда ведётся не слишком успешно по недостатку людей. Часто говорилось у нас по поводу пропаганды: и о программе её, и об организации. Теперь пришли к такому плану (относительно города, по крайней мере). Все интеллигентные силы направить на выработку вполне сознательных деятелей, устроить кружки "высшего типа", как у нас выражаются. Пусть их будет немного, но у нас интеллигентов тоже немного, а, с другой стороны, подготовленные рабочие сами могут заниматься с начинающими. Им в этом могла бы помочь брошюрная литература. Надо думать, что она будет нас наконец. Такие, более серьёзные занятия должны повысить уровень вообще, а то теперь очень много рабочих принадлежит к организации только официально, а душа их отсутствует. (Ну, я сейчас говорю не то, что хочу сказать.) В общем, замечается большое разрастание вширь. Не все ещё местн<ости> использованы, есть мало затронутые, хотя и интересные уголки в Нижегородской губернии – вопрос о них на очереди. Несчастье наше, что нет у нас литературы – мы испытываем хронический голод. "Искру" тоже плохо получаем, хотя часто посылали адреса. Повторяю их: помощнику присяжного поверенного Миловидову, доктору Трайнину. Все другие адреса для "Искры" недействит ельны>. Для писем может служить тот адрес, по которому вы сейчас

пишете, и вот ещё: Библиотека всесословного клуба. Посылать можно таким же манером, но лучше бы что-нибудь постоянное, периодическое.

Давно уже не писали мы вам о наших внутренних делах. С тех пор как у нас побывал известный вам, вероятно, господин (H. A. Аносов. – $B\pi$. E.) (очень корректный, энергичный, но совершенно чужой человек), всё у нас пошло как-то по-другому. Как раз в это же время комитет сильно обновился и очень поддался влиянию нового лица. Как практик это лицо очень ценное, что же касается взглядов, то у нас мало как-то говорят о них, и только случайно вы лишились возможности его видеть. Он появился у нас очень кстати для своих сторонников. О мае вы уже знаете, – он вышел очень бесцветным (первомайская демонстрация 1903 года в Сормове. – *Вл. Е.*).

Лето прошло очень тихо. Народ всё убывал, настроение у некоторых сильно понизилось. Собственно, не понизилось, а я объясняю это на своём собственном примере. Мне хотелось просто переменить место, начать работать с другими людьми. Мне очень досадно было на остальных товарищей, которые проявили такую расплывчатость. В одном, например, вопросе одно и то же большинство голосовало за представителей двух различных взглядов. Не хотелось больше убеждать и доказывать. Я не буду делать оговорок, – ведь вы поймёте мои слова как надо. Дело в том, что я довольно беспристрастна, хотя и обладаю способностью возмущаться сильно, и могу замечать не только чужие грехи, но и отлично знаю и свои собственные промахи. Теперь мы дошли до minimum'a. Кандидаты есть и вновь принятые есть, но и тут сюрприз. На первом же собрании новые поставили вопрос о местном органе, ибо "Искра" недоступна и т. д... всё знакомые речи. К ним присоединился Олин из старых членов – "искровец". Таким образом, мы настаиваем, чтобы вопрос этот был отложен и решался в связи с общепартийными делами.

Организация у нас такая: комитет и подчинённые ему две организ<ационные> группы - в городе и Сормове. Организ<ационные> группы организуют те функции, которые не относятся к области деятельности комитета: так,

Из хорошего источника слышали, что вам будет обеспечена ежегодно довольно порядочная сумма — 75 тысяч.

Дело у нас, думаю, опять наладится. Будем писать аккуратно».

Письмо Н. К. Крупской О. И. Чачиной в Нижний Новгород:

«8 ноября получили Ваше большое письмо, за него спасибо. Пришлите явку к Вам. Не понимаю, о каком господине (энергичном и корректном) Вы пишите. Везде дела теперь неважны, всюду просят людей. Пришлите список ваших изданий за последние месяцы. У нас дела неважные, подробности напишу потом».

Из сборника «Братская могила»:

«Ольга Ивановна Чачина была из тех скромных работников, которые не выдвигались на передний план, но на работе которых нередко держалась вся организация. Дочь крестьянина Сергачского уезда Нижегородской губернии, она рано лишилась отца, будучи гимназисткой младших классов нижегородской гимназии. Семье без работника пришлось очень трудно, и Ольге Ивановне как старшей (кроме неё осталось ещё трое детей) пришлось учиться и работать, чтобы помочь своей матери-портнихе кормить младших сестёр и брата. Уроки и переписка в скромном бюджете семьи и этот заработок много значили. Ольге Ивановне посчастливилось попасть в кружок молодёжи, которая группировалась в это время (80-е годы) около Н. Ф. Анненского, с приёмной дочерью которого Ольга Ивановна училась в одном классе.

Живший в эти же годы в Нижнем Новгороде писатель В. Г. Короленко вместе с Анненским объединил все живые элементы нижегородской интеллигенции: молодёжь была под их сильным влиянием и всецело проникнута была народническими идеями. С таким настроением Чачина с кружком подруг поехала на курсы, сначала в Москву на фельдшерские, а через год – в Петербург на Бестужевские. Ещё на курсах она знакомится с революционной средой, втягивается в революционную работу сначала в качестве пособника, оказывающего всяческие услуги явками, перепиской... В 1897 году её арестовывают и после 8 месяцев

получение и распространение листков, привлечение новых членов, устройство кружков и т. д. Кружки для занятий большей частью совпадают с группами для деловых функций, хотя люди одного и того же кружка распредел<яются> по разным функциям. Разумеется, строгой систематичности нет. Пропагандисты не обязательно входят в комитет. У нас всё время существовала отдельная группа пропагандистов со своими особыми собраниями, на которых присутств<овали> и некоторые члены комитета. Такое положение дела имело свои неудобства. Пропагандисты постоянно сердились, что их не принимают в комитет, - это были как бы кандидаты и очень нетерпеливые. Отношение их было недоброжелательное, конечно, за некоторыми исключениями. Надо сказать, что качественный состав их был не очень удовлетв<орительный>. В вопросе о степени пригодности для пропаганды того ли другого лица в комитете мнения разделялись. Одни находили, что человек не особенно знающий может заниматься в кружках, потому что для членов кружка должно быть объединяющее начало, а таковым будет главным образом интеллигент, который, каким бы ни был уровень его собственного развития, всё-таки может "что-то дать", возбудить вопросы и т. д. Другие находили, что к пропагандисту надо предъявлять более высокие требования, и раз он им удовлетворяет, то он удовлетворяет и требованиям для вступления в комитет и может быть принят в комитет. Таким образом, устраняется и отчуждённость пропагандистов от комитета и недовольство. Фактически положение дел в настоящее время как раз именно таково, т. е. все входят в комитет или иначе нет совсем пропагандистов. Впрочем, вспомнила, - они будут.

Кажется, о главном написала. Хорошо бы приехать сюда ещё кому-нибудь, своему человеку. Впрочем, в других местах, более важных, тоже, кажется, недостаток в людях, а потому постар<емся> обойтись собственными средствами.

В прежних письмах несколько раз присылались списки арестованных и высланных по приговору, не знаю, получили ли вы их. (Повторяем список арестованных.)

заключения высылают в Казань под гласный надзор полиции до решения дела. В это время у неё начался пере-

лом к марксизму; из тюрьмы же она вышла убеждённой

социал-демократкой.

Казань в это время не представляла большого интереса в смысле революционной работы, хотя много было молодёжи, живо интересующейся марксизмом; были и уже сложившиеся социал-демократы, имевшие связи с рабочими и занимавшиеся пропагандой среди них социал-демократических идей. Так Ольга Ивановна попадает в марксистскую среду. В Казани она пробыла недолго и в 1899 году была выслана в Уфу на два года. Уфа в те времена была густо заселена ссыльными (главным образом социал-демократами; здесь жили Н. К. Крупская, Крохмаль, Свидерский, Цюрупа и многие другие известные деятели). Идейная жизнь была необыкновенно интенсивна, все время поддерживались связи с заграницей: в 1900 году летом туда же по возвращении из ссылки приехал и В. И. Ульянов после своего объезда ряда городов. Ольга Ивановна вращается в этой среде, близко сходится с Н. К. Крупской и другими. После Уфы она недолго живёт в Казани, а затем в том же 1900 году возвращается в Нижний Новгород, где к тому времени возникает общегородская социал-демократическая организация. Ольга Ивановна входит в Комитет, состоявший в это время из И. П. Ладыжникова, А. Ф. Войткевич, А. В. Яровицкого, П. А. Заломова, А. И. и Е. И. Пискуновых. Ольга Ивановна вместе с Пискуновыми, которые летом 1900 года также жили в Уфе, представляли сплочённую и твёрдокаменную группу ульяновцев, впоследствии искровцев. В их руках были связи с заграницей, причём всю переписку вела Чачина как секретарь комитета. В этом качестве она работает до 1904 года. С возникновением в Нижнем подпольной типографии на Ольгу Ивановну ложится также и заведование типографией. Необыкновенно скромная, застенчивая, очень мягкий и добрый человек, она в то же время отличалась большой идейной определённостью, ясностью мысли, большим мужеством и самоотверженностью в работе. Её незаметному на первый взгляд влиянию Нижегородская организация в значительной степени была обязана тем, что за весь этот период город оставался одним из надёжных оплотов искровского влияния.

В 1901 году Ольга Ивановна переезжает в Москву и здесь работает в Московском социал-демократическом комитете в качестве секретаря, занимаясь исключительно партийной работой, но в Москве остаётся недолго и в начале 1905 года уезжает в Курск, куда были высланы её родственники Пискуновы. Там она тотчас же входит в работу в Курском социал-демократическом комитете и берёт на себя пропагандистскую работу. К осени 1905 года возвращается в Нижний Новгород, вступает в социал-демократическую организацию и энергично работает пропагандистом и организатором в одном из районов города. Во время декабрьского 1905 года восстания в Сормове Чачина один из деятельных посредников между городом и сормовцами; после поражения большевиков участники восстания прошли через её квартиру в библиотеке, которой она заведовала, здесь они скрывались, переодевались, получали паспорта – Митя Павлов, Рыбников, Л. Бураков, Мочалов, Геннадий (Кокосов) и другие.

В том, что никто из участников восстания не был захвачен, заслуга Ольги Ивановны. В 1906 и 1907 годах революция пошла на убыль, начинается реакция; все старые работники в Нижнем наперечёт, в том числе и Ольга Ивановна, но она не прекращает своей революционной деятельности вплоть до отъезда из Нижнего в 1908 году.

Один эпизод, относящийся к 1906 году, характеризует, какая духовная сила жила в этом скромном человеке. В мае 1906 года вернулся со съезда в Лондоне делегат Нижегородской организации Десницкий (он же Строев, Лопата), чтобы сделать доклад о съезде. Место собрания было назначено в аптекарском магазине Вильбушевича на Варварской улице. Собралось человек около 30, доклад уже был заслушан, как вдруг нагрянула полиция во главе со знаменитым жандармом Трещенковым. Появление было так внезапно, так неожиданно, что все сначала впали как бы в оцепенение, а потом начались переполох, уничтожение бумаг, суматоха. Полиция, по-видимому, также не ожидала

такой богатой добычи и в первое время стояла в дверях и ничего не предпринимала. В этот короткий момент Десницкий, его жена, Н. И. Попова, Е. И. Пискунова и Ольга Ивановна поднялись и вышли в другие двери; первые трое сбились с дороги и попали в кухню внизу, откуда и были, в конце концов, извлечены. Ольга Ивановна через квартиру служащей аптеки выбралась на улицу и побежала по адресам арестованных товарищей предупреждать; по пути мобилизовала для этой цели ещё товарищей, не бывших на собрании, и к утру на всех квартирах всё было очищено; особенно серьёзную чистку пришлось делать у Лопаты, где всё было проделано самой Ольгой Ивановной. Массовые обыски на другой день не дали полиции уже никакой поживы.

После отъезда из Нижнего в 1908 году Чачина живёт в Петрограде, Москве, Оренбурге, пока в начале 1909 года окончательно не обосновывается в Москве. Здесь она устраивается заведующей библиотекой имени Гоголя, которую ей пришлось организовывать. В культурной работе Ольга Ивановна проявила себя талантливым и преданным работником, и Гоголевская библиотека заслуженно считалась одной из лучших в городе. Но за культурной работой Чачина не оставляет и революцию. Гоголевская библиотека становится местом для явок, адресов и конспиративных свиданий, там обычно встречались М. И. Ульянова, бывшая в очень хороших отношениях с Ольгой Ивановной и с Романовым (впоследствии оказался провокатором и был расстрелян).

В 1918 году Чачина оставляет библиотеку и становится секретарём коллегии Московского отдела народного образования и заведующей библиотечной секцией отдела, а осенью того же года Н. К. Крупская «перетягивает» её во Внешкольный отдел Наркомпроса заведовать библиотечным подотделом. Ольга Ивановна массу сил и времени отдаёт работе и умирает в буквальном смысле слова от истощения и работы и ужасных материальных условий. Ту зиму 1918–1919 годов она жила почти на одном хлебе, сплошь и рядом не чистом, а испечённом на картофельных очистках и на картошке, и в холодной квартире. Её скромность не позволяла ей жаловаться, и друзья, которые её видели такой ласковой и ровной в Наркомпросе, даже не подозревали о её хроническом голодании. Надломленный окончательно организм не вынес болезни (сыпной тиф). Но и будучи уже в больнице с высокой температурой, Ольга Ивановна продолжала работать. И только страшная болезнь 24 апреля 1919 года прервала работу и самую жизнь».

В одном из трёх хранящихся в Госархиве РФ персональных дел Чачиной, родившейся в 1872 году, отмечаются её большие заслуги перед партией и революцией: «Революционную деятельность начала с 1890 года сначала в качестве пособника, оказывающего всякие услуги: явками, переписками и пр. В 1897 году арест, 8 месяцев тюрьмы и высылка в Казань под гласный надзор полиции, в потом в Уфу на два года. В 1900 году она едет в Нижний Новгород и является членом комитета социал-демократической организации, работала секретарём комитета и вела заграничную переписку. Там работает до 1904 года, переезжает в Москву и в течение года занимается исключительно партработой. В 1905 году она в Нижнем Новгороде пропагандистом и организатором в одном из районов города, а в период декабрьского восстания деятельный посредник между городом и Сормовом и предоставляет свою квартиру, где большевики скрывались, переодевались, получали паспорта. Несмотря на жёсткую реакцию после революции 1905 года, Чачина не прекращает своей революционной работы. С 1909 года она поселяется в Москве, работает заведующей Гоголевской библиотекой и превращает в место явок, адресов и конспиративных совещаний. В 1918 году Чачина – секретарь комитета в отделе народного образования и заведующая библиотечной секцией отдела. В зиму 1919 года, живя в тяжёлых материальных условиях, голодная, заболевает сыпным тифом, в результате – смерть».

Она работала в должности заведующей библиотечной секцией Внешкольного отдела Наркомпроса, на которую была персонально приглашена хорошо её знавшей по уфимской ссылке Надеждой Константиновной Крупской,

с 1 октября 1918 года до своего последнего дня с жалованьем в 940 рублей. Тремя днями позже после прихода в Наркомпрос, заполняя анкету, Ольга Ивановна укажет о своём высшем общем образовании и профессии (специальности) – библиотечное дело, семейное положение – замужняя, число работающих членов семьи – «одна я», число неработающих членов семьи – семилетняя дочь. На прежней должности в отделе народного просвещения Московского Совета рабочих депутатов с февраля по 1 октября 1918 года секретарём коллегии отдела и заведующей библиотечной секцией. Причиной перехода она назвала «приглашение в Комиссариат народного просвещения».

После смерти Ольги Ивановны, как свидетельствует её персональное дело в Госархиве РФ, Центральный Комитет ВКП(б) и её соратницы делали всё возможное, чтобы поддержать несовершеннолетнюю дочь Чачиной ученицу 4-й школы Елену. На соответствующем запросе есть резолюция: «Просьба т. Андреева и Крупской провести персональную пенсию т. Чачиной. Если будут необходимые дополнительные сведения, звоните».

Надежда Константиновна Крупская действительно много сделала для оказания помощи Елене. На бланке Народного комиссариата просвещения 7 декабря 1925 года она пишет: «Я знаю Ольгу Ивановну Чачину с 1896 года по петербургской работе, потом была с ней одновременно в ссылке в городе Уфе в 1900 году, потом, когда Наркомпрос переехал в Москву, я уговорила Ольгу Ивановну Чачину взять на себя заведование библиотечным отделом. Нужно было иметь на этом деле выдержанного партийного товарища, Чачину знал по Уфе тов. Цюрупа, знают московские библиотекари-коммунисты. В 1919 году Ольга Ивановна Чачина умерла, оставив малолетнюю дочь. Сейчас ей очень трудно жить, и поэтому я всячески просила бы назначить ей (Елене Чачиной) пенсию, на которую она могла бы жить и учиться. Очень бы просила ускорить это дело, так как девочка нуждается. Н. Крупская. 7 декабря 1925 г.». Надежда Константиновна спустя несколько лет снова письменно попросит оказать материальную поддержку дочери Ольги Ивановны. Рядом с этой изложенной на листе бумаги просьбой в деле лежит листок бумаги с подобной просьбой от Лидии Николаевны Бархатовой, которую, вне сомнения, Крупская тоже имела ввиду среди московских библиотекарей-коммунистов, знавших Ольгу Ивановну.

Свою просьбу высказала и 3. Кржижановская: «Знаю мать Елены Страксон-Чачиной Ольгу Ивановну с 1891 года как члена Нижегородской и Питерской организаций РСДРП, как члена... организации, как члена большевистской фракции после 1903 года и, наконец, как члена РКП с 1917 года. Это был глубоко преданный товарищ, не щадивший своих сил на работу. Была в тюрьме и ссылке. Дочь её осталась без всяких средств к жизни после её смерти в 1919 году от сыпняка. Семейная обстановка очень тяжёлая. Девочке необходимо назначение пенсии или стипендии. З. Кржижановская, партстаж с 1890 года, членский билет № 12477)».

Прилагая «удостоверения т. Крупской и Кржижановской, партбилет моей матери», Елена Петровна Чачина обращается в Управление делами ЦК РКП с заявлением с просьбой «оказать содействие в получении мною пенсии или стипендии на время моего пребывания в школе, а в случае необходимости и в ВУЗе». Просьба была удовлетворена.

После окончания школы Елена поступает на курсы английского языка имени Чичерина. Однако, как свидетельствуют архивные документы, личная жизнь её в дальнейшем сложилась неудачно. В 1933 году официально прекращается её брак с Георгием Владимировичем Яниковым, на её руках остаётся единственный малолетний сын Юрий, который 5 апреля 1935 года умирает от скарлатины и кори, о чём она спустя 18 дней сообщает в лечебную комиссию Всесоюзного общества старых большевиков. Я не сторонник вмешательства в личную жизнь людей, но не могу не выразить своего удивления отказом комиссии по назначению персональных пенсий при Совете народных комиссаров РСФСР удовлетворить просьбу Елены Чачиной в заявлении от 3 июля 1934 года: «Прошу вашего содействия в получении мной путёвки в дом отдыха

матери с ребёнком. Мой ребёнок полутора лет всю зиму болел коклюшем и только что перенёс воспаление лёгких. В данное время организм его очень слаб, и врачи консультации настоятельно предписывают выезд на свежий воздух. В связи с больным ребёнком я вынуждена была делать долги и в настоящее время совершенно не имею средств для выезда в деревню. Сама я тоже извелась за это время, так как я совершенно никого не имею из близких, я совершенно одинока и весь уход за больным ребёнком вынесла одна. Исходя из изложенного, прошу вас помочь получить указанную путёвку через комиссию, так как в данное время я нигде не работаю, и единственная возможность у меня — это комиссия. З июля 1934 года».

Трудно сказать, удалось ли бы спасти жизнь малолетнего внука Ольги Чачиной, если бы его мать получила запрашиваемую путёвку. Вероятнее всего, да, но пребывавшей в наитруднейшем материальном положении матери отказали.

Последние найденные мною документы о Елене Чачиной относятся к периоду Великой Отечественной войны.

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

ГОРЬКИЙ СТАЛ ГЛАВНЫМ ГОРОДОМ В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

Вспоминая Аркадия Чеботарева (1919–1991)

Недавно мне позвонила известная журналистка из областной газеты «Нижегородские новости» Вера Чеботарева: «В этом году папе — Аркадию Васильевичу Чеботареву — исполнилось бы сто лет. Мы, его дети и внуки, наконец, разобрались с его литературным архивом и сформировали сборник стихов из тех, что были давно опубликованы, и тех, что сохранились в рукописях. Обращаемся в издательский совет при губернаторе с просьбой помочь с изданием этой книжки. Просим вас поддержать нас, вы ведь хорошо знали отца и его творчество....»

Конечно, я откликнулся на эту просьбу и обратился в Издательский совет с письмом:

«Уважаемые члены Совета!

Поддерживаю инициативу наследников Аркадия Васильевича Чеботарева (1919–1991), подготовивших к изданию книгу стихов этого замечательного нижегородского интеллигента – поэта, прозаика, историка, актера, журналиста. Я его хорошо знал как человека очень активного, который много помогал начинающим авторам. Помню, как каждую неделю вечерами по четвергам из разных районов города приезжали "на огонек" к Чеботареву в редакцию газеты "Горьковский рабочий"

молодые и не очень молодые поэты и прозаики. Читали свои стихи и рассказы и выслушивали замечания и советы старшего товарища – заведующего отделом культуры главной городской газеты, которая тогда располагалась на третьем этаже Главного ярмарочного дома (вход с ул. Совнаркомовской)...»

Тогда этот дом был действительно главным домом в городе Горьком, потому что в нем располагались горком КПСС и исполком городского Совета. В Гербовом зале проходили сессии депутатов горсовета. Центральный вход был за фонтаном с улицы Советской. Правда, от этой улицы парадное здание заслоняли оставшиеся от старой ярмарки лабазы и другие невзрачные строения (которые были снесены в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда строилась площадь Ленина и к 750-летию города возрождалась городская торговая ярмарка).

Аркадий Васильевич Чеботарев к тому времени был уже автором нескольких книг - среди них помню драму «Андрей Боголюбский», которая была поставлена в драматическом театре во Владимире. Чеботарев был выпускником московского Литературного института, учился в семинаре выдающегося советского поэта Ильи Сельвинского, который числил Аркадия Васильевича среди лучших своих воспитанников и следил за его творчеством. Если так можно выразиться, «одноклассниками» Чеботарева по Литинституту и семинару были и два других известных в Горьком талантливых поэта Виктор Кумакшев и Лигия Лопухова (Дементьева), которые тоже были литературными сотрудниками «Горьковского рабочего». К тому же там по договору внештатно работал Лазарь Шерешевский, отсюда понятно, какое притягательное литературное гнездо сложилось там на третьем этаже.

По сути, то, что происходило в кабинете Чеботарева, можно назвать его литературным семинаром, среди участников которого были ставшие позже известными поэтами Юрий Адрианов, Валерий Шамшурин, Николай Рачков, Анатолий Гринес, тогда студенты филфаков университета и пединститута. Конечно, обсуждались новинки поэзии и прозы, которые публиковались в «толстых» журналах. Это

было время, когда вся духовная власть в стране принадлежала поэтам и прозаикам.

До сих пор помню, как Аркадий Васильевич привез из Москвы и прочитал нам пародию Роберта Рождественского на стихи Михаила Исаковского «Одинокая гармонь». Дословно текст не помню, но суть такова: памятник Пушкину спускается с пьедестала и ночью ходит по Москве - «будто ищет в потомках кого-то и не может никак отыскать...»

Аркадий Васильевич охотно читал свои стихи, которые потом мы узнавали на страницах «Горьковского рабочего», «Горьковской правды», «Ленинской смены». Тогда в газетах раз в месяц публиковались «Литературных страницы», а одиночные стихи были почти в каждом номере.

Чеботарев обладал собственным лирическим голосом, своим кругом тем, в основном посвященных родному городу. Он смело брался за большие поэтические полотна – писал поэмы о Ленине в Нижнем Новгороде, о перелетах Чкалова. Кстати, драму в стихах «Полночь в Болдине» собирался ставить на Горьковском телевидении режиссер Михаил Мараш и отстаивал ее на всех худсоветах. Главной претензией было то, что по ходу действия Пушкин говорил стихами Чеботарева. И оппоненты взяли верх...

Вспоминаю наше совместное пребывание в Большом Болдине на Пушкинском празднике поэзии в июне 1967 года, когда директор музея-заповедника Юдифь Израилевна Левина поселила всех гостей в бывшую вотчинную контору, сохранившуюся с пушкинских времен. По болдинским преданиям, Александр Сергеевич жил в ней осенью 1834 года, тогда барский дом не был пригоден для жилья: нуждался ремонте.

По указанию Левиной для нас в вотчинную контору принесли раскладушки, матрацы, подушки, одеяла. Всем этим щедро делились с нами сельские жители, в основном певуньи из хора «старух старшего поколения», как выразилась однажды тетя Маша Тивикова, которая была в этом хоре старостой. Та вотчинная контора была сооружением длинным, приземистым, с маленькими окнами в ставенках и с нахлобученной крышей. Внутри было два довольно

больших помещения, разделенных сенями, в нашем случае две половины проживания – мужская и женская. На мужской ставили несколько столов, накрывали общей клеенкой, на табуретки клали доски, получались лавки. Кипятили титан с водой для чая или разводили на крыльце самовар – старый, медный, литров на десять, с трубой. Он дымил как паровоз. Среди предприимчивых поэтов, прозаиков, художников, журналистов всегда находились заядлые рыбаки, которые в содружестве с сельскими ребятами и сотрудницами музея на удочки ловили карасей в заповедных парковых прудах. А потом готовили из них на деревенской сметане, которую приносили нам те же бабушки-хористки, баснословно вкусную жареху...

Чеботарев, помнится, отличился на рыбалке: уснул у коряги на берегу со стороны барского дома справа от Горбатого мостика и свалился с удочкой в пруд. Когда ему помогли выбраться, он был весь в тине и ряске. Ребята тут же прозвали его водяным...

У нашего города, как бы он ни назывался – Горький или Нижний Новгород, всегда была и есть замечательная особенность: людей, которые были для него пришлыми со стороны, он влюблял и влюбляет в себя, и они становятся ему родными, как те, что родились здесь. Знаю это по себе, как он приютил меня в четыре года с мамой после эвакуации из захваченного немцами Николаева, когда отец был далеко от нас на фронте. Знаю по судьбам моих друзей и знакомых.

То же самое случилось с Чеботаревым. Он родился 18 июня 1919 года в селе Давыдове Моршанского уезда Тамбовской губернии, детские и юношеские годы пришлись на Воронеж, потом началась война, и он прошел ее с боями как воин Красной армии и - поэт! Нам еще предстоит прочитать фронтовые стихи Чеботарева. Потом, вернувшись с фронта, он стал актером Центрального театра Советской армии. В 1946-1954 годах заведовал литературной частью и играл во Владимирском драмтеатре, с 1954 по 1956 год был завлитом Рижского русского драмтеатра. И в 1956 году приехал в Горький и на 13 лет стал журналистом «Горьковского рабочего».

И город Горький – Нижний Новгород стал главным городом в творчестве А. В. Чеботарева – и поэтическом, и песенном: Аркадий Васильевич был автором многих популярных песен, написанных в содружестве с композиторами-земляками Борисом Благовидовым, Аркадием Нестеровым, Анатолием Бурдовым. У его песен были точные адреса, до сих пор помню стихи «У кинотеатра "Спутник" на бывшей Полевой»...

Он много работал на телевидении и радио. Вел передачи в прямом эфире на темы литературы и искусства, рецензировал спектакли горьковских театров.

Сборник стихов А. Чеботарева «Дождливый рассвет» был выпущен в Волго-Вятском книжном издательстве очень давно – в 1991 году.

Я подробно пишу об этом потому, что хочу восстановить в памяти одного из наших нижегородских поэтов, который на весьма длительное время оказался вне читательского внимания. Тем более это важно сделать сейчас в год его векового юбилея.

3ABETHOE COPMOBO

К 170-летию завода «Красное Сормово»

Борис ПИЛЬНИК

* * *

Автозавод позовёт, Сормово Снова и снова. – Слышу! Иду! Потому что нельзя не идти Потому что и там Нужно накалённое слово Большой чистоты

Борис КОРНИЛОВ

Открытое письмо моим приятелям *(Отрывок)*

Все те же мы: нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село.

А. С. Пушкин

Мне дорожка в молодость Издавна знакома: Тут смешок, тут выпивка, но в конце концов —

Все мои приятели — Всё бюро райкома — Лёшка Егоров, Мишка Кузнецов, Комсомольцы Сормова, - Ребята — иже с ними. Я такой же аховый — Парень — вырви-гвоздь... Точка — снова вижу вас Глазами косыми Через пятилетье, большое насквозь.

Нил БИРЮКОВ

Декрет о весне

1

В снег, залежавшийся на земле, Солнце, лучом нацелься!

2

Вверх, всё выше и выше лезь, Синяя струйка Цельсия!

3

Апрель, из-за моря больше, Как можно больше Ввози эшелонами дней тепло! Республика на этот импорт в таможнях Ни пошлин не налагает, ни пломб.

4

Солнцу даётся нагрузка вторая: Круче кривую восходов вверх!

Тебя, соревнуясь, перегоняет Завода «Красное Сормово» верфь.

5

Волга, готовь ледоходные шумы, Время ярости своей близь! В Сормове ждут половодья шхуны, Плыть готовые в социализм.

6

Утрам вставать по-ребячьи рано, Свежестью подбадривая и леча Руки заводских кранов, Устающие за день в плечах.

7

Козни всяческие раскрывая, Ночами сидеть и седеть без сна.

8

Нынешним днём по Нижегородскому краю Декретируется весна.

Виктор КУЛАГИН

Утро в Сормове

Крик птиц в заветной тишине. Зарёю ночь разорвана. В осеннем золотом огне Встаёт ночное Сормово.

И будто в сказочном саду, С весёлым ветром спаяны, Плывут на шёлковом ходу Троллейбусы с окраины.

Ковром до главной проходной – Листва сырая с веток. По мостовой растёт прибой Цветных платков и кепок.

То говорок, то звонкий смех, Пожатье рук тугое... И солнце входит в каждый цех, И утро золотое.

Осенней радуясь красе, В такую пору славную И я шагаю по шоссе В литейный через главную.

Александр ЛЮКИН

* * *

Я опускаюсь к сердцу теплохода.

– Взгляни, поэт! – механик попросил. – Оно как ты, горячее, с завода, На тыщу двести лошадиных сил.

Его точили, молотом ковали, Его в огне калили добела, Всё до последней маленькой детали, Чтоб та в работе нас не подвела...

И я гляжу всё пристальней, Всё жарче, Я вижу жизнь трудяги без прикрас. Да, было так, так было, не иначе, Такая биография у нас.

Виктор АВДЕЕВ

* * *

Заботой и чутким вниманием Родины Увенчан твой труд вековой. Прижались друг к другу три солнечных ордена Над главной твоей проходной.

У Сормова слава столетнего стажа Но Сормово наших лет Впервые рисуется мне экипажем Машины труда и побед.

А было тревожное: хищники рыщут, Всю землю на клочья кроя... Приятно, что ты, величавый дружище, На месте, как совесть моя.

Затянуты временем старые раны И снова столетний завод Героя сражений, как равного равный, В прекрасное завтра зовёт.

Владимир МОЩАНСКИЙ

Заветное Сормово

И дубравы шумящие летней листвой, И луга вековые раздольные, И гудки позывные над Волгой-рекой – Это наше заветное Сормово.

Озаряя высоких цехов корпуса, Свет небесной зари разгорается. Узнаю задушевных друзей голоса – Смена утренняя начинается. За кормою бурлит белопенно волна, Чайки кружат завесой метельною... И рокочет гитары ночная струна Про сторонку мою корабельную.

И по свету идут корабли, Непогоде, штормам непокорные, Но вдали от родимой земли Они помнят заветное Сормово!

Николай СИМОНОВ

Сормовска больша дорога

Звонким вечером росистым, Каблуками в такт стуча, Выходили гармонисты, Запевая «Сормача».

Выходили на просёлок, Звали песнею народ! «Сормовской большой посёлок, Сормовской большой завод!»

Сормовска больша дорога, Твои камешки тверды. Ты всего видала много: От веселья до беды.

Здесь стояли баррикады, Взрывы рвали тишину... По камням твоим отряды Уходили на войну...

Шли на ярмарку подводы, Пели ухари купцы...

Здесь толпою шли к заводу Наши деды и отцы.

Пой, гармошка, души трогай! Веселись, гуляй, народ! «Сормовска больша дорога, Сормовской большой завод!»

В думах, в радостях, в тревоге, По тебе шагаю я, Сормовска Больша дорога, Путь-дороженька моя!

Юрий СИМОНОВ

Сормовский завод

Путь стелился сормовскою сталью... Мимо стройных сосен и берёз, Мчался транссибирской магистралью Сормовский красавец-паровоз.

Через города и полустанки, Сквозь военный гром лихих годин, Прорывались сормовские танки Первыми в пылающий Берлин.

Знают океанские глубины: Мы умеем миром дорожить, Сормовские наши субмарины Стерегут родные рубежи.

Паровозы, танки, пароходы... Труд во время мира и войны – Славная история завода Вписана в историю страны!

Татьяна ТАРАСОВА

Сормовские частушки

Левый бережок Оки, Правый берег Волги, Наши встречи коротки, Расставанья долги.

Я с рожденья сормовичка, Милый тоже сормович, Я чирикаю, как птичка, А он ухает, как сыч.

Мы гуляем возле ЗАГСА, Он всё смотрит на Собор. То ль жениться на мне хочет, То ль понравился забор.

Сделал мне подарок щедрый – В «Сормович» абонемент. Он теперь худой и бледный, Ну а я – как маков цвет.

Я часами жду свиданья Возле «Метеора», Как заслышу стук и скрежет – Знать, его «Приора».

Маргарита ФИНЮКОВА

Наши гордые корабли

Славу сормовских корабелов За столетия разнесли По морским и речным пределам Наши гордые корабли. Нам родные – завод и Волга, Видно, это у нас в крови. Пусть судьба ваша будет долгой, Наши гордые корабли!

Мы с любовью живём на свете, И от этой большой любви В наших семьях родятся дети, А на стапеле – корабли.

На завод приведу я сына: «Хорошенько, сынок, смотри, Дело лучшее для мужчины – Строить гордые корабли!»

Палитра

Виктор МОЛЕВ:

МОЮ БАБУШКУ В ДЕТСТВЕ ПОЦЕЛОВАЛ МАРК ШАГАЛ

Современное искусство — многогранно и многолико. У художника Виктора Молева множество поклонников, неравнодушных к его работам — ярким, выразительным, легко узнаваемым и чуть-чуть наивным. В разноцветной палитре фантастических снов и видений живут забавные гротескные персонажи, диковинные птицы и звери, сказочные города и замки, библейские сюжеты, архитектурные фантазии, портреты-загадки, в которых очевидное переходит в скрытое...

– Виктор, как все начиналось? В каком возрасте потянуло к рисованию? Как к этому отнеслись окружающие?

– Мне кажется, у меня это не начиналось, а было всегда. Даже точно не помню. Родители относились по принципу «Чем бы дитя ни тешилось». Сверстников я упрашивал рисовать на заданные мною темы, а потом внимательнейшим образом изучал их рисунки, пытаясь чего-то постичь, чему-то научиться. Я был уверен, что они все рисуют лучше меня, а не просто по-другому. Работать с натуры было скучно – с детства создавал свою Вселенную. Классе в четвертом прочёл Льва Кассиля, и у меня появилась своя, полностью нарисованная Швамбрания

- Как приходят идеи, сюжеты, герои?
- Спонтанно. В юности достаточно было усесться перед чистым холстом, как всё возникало «в реале». Персонажей своих вижу сразу мозги уже заточены. Теперь мозги чуток заскорузли, и приходится записывать идеи, благо айфон всегда в кармане. Когда далеко ухожу от первоначального замысла, мне кажется, что некто через меня вроде что-то транслирует. И какой-то этот некто не сильно серьёзный, легкомысленный какой-то... Озорной.
- Художник проводник между реальностью, собственной фантазией и холстом. Кто из великих повлиял на ваше восприятие мира?
- В середине семидесятых годов, как начинающий художник, брал уроки рисунка, живописи и композиции у московского скульптора Татьяны Вишняковой. Лишь в возрасте двадцати с небольшим лет по альбомам репродукций познакомился с творчеством Сальвадора Дали. Заочными учителями и наставниками стали Босх, Брейгель, Джеймс Кристенсен, Макс Эрнст, Рене Магритт, Морис Эшер и Фрэнк Фразетта. Хотя из детства много чего осталось, уже в своих ранних юношеских работах я проявил интерес к неординарным сюжетным композициям, свободным от довлеющих в СССР канонов «социалистического реализма», и в восьмидесятые годы стал видным представителем так называемого художественного андеграунда в г. Горьком.
  - До вашего появления в семье уже были художники?
- Увы, нет... С абсолютной точностью нет. Возможно, любовь к живописи проявилась оттого, что мою бабушку в детстве поцеловал Марк Шагал. Бабушка училась в витебской гимназии с младшей сестрой Шагала и бывала у них дома... (Загадочно улыбается.)
- Не каждый может похвастать бабушкой, которую целовал сам Шагал! Если не огласить подробности, широкая общественность нас не простит...
- Придется огласить. Моя бабушка Лозовская Полина Марковна (Пэше Доба Мордуховна) была из крепкой семьи. У её мамы были доходные дома (кажется, четыре) в Витебске, а отец был купцом (вроде бы 1-й гильдии у евреев такое случалось) по пушнине. Оттого и хорошая

гимназия. С сестрой Шагала бабушка приятельствовала — и дома у них нечасто, но бывала. Шагал был намного старше и жил отдельно. Как-то, навещая родных, увидел там очень милую девчушку — мою бабушку Пашу. Он воскликнул: «Ой, какая чудная девочка!», поднял её на руки и чмокнул в щёчку. Это весь семейный миф.

- Шикарный. И, главное, имеющий продолжительность действия: поскольку ваша дочь тоже рисует, можно предположить, что поцелуй Шагала... мистическим образом... оказал влияние на потомков вашей бабушки!
- О, да! Повлиял, повлиял! Воспринимается так, будто я всерьёз считаю, что это подтолкнуло меня к искусству, но... Мой потомок Машка в апреле получит первую степень по иллюстрации. Она оканчивает весьма престижный колледж «Шеридан» в г. Оквилл в 70 км от Торонто. Иллюстрация в тутошнем понимании это не иллюстрирование книг, а чисто конкретно умение рисовать, ваять и пр.
- Ваш необычный стиль сложился сразу или возник со временем?
- Не сразу, конечно. Сказались и архитектурное образование (я около десяти лет проработал архитектором), и работа в театре (в течение более двух лет принимал участие в создании театральных декораций в Горьковском театре оперы и балета им. А.С. Пушкина). Обе эти профессии постоянно находят своё отражение в воплощении моих творческих замыслов.

- Как вы попали в театр?

– Уволившись из проектной конторы, где стало очень душно, я вообще-то хотел устроиться куда-нибудь – неважно, куда – вахтёром или сторожем. Я как-то пару месяцев работал сменным ночным сторожем в горьковском «Горхлебторге». За это время сделал немало листов графики и целую серию небольших работ маслом. Этот период моего творчества могу сравнить лишь с тем, как однажды, сломав левую руку, я больше месяца был на больничном! Ох, сколько я сделал за это время! Но найти подобную работу оказалось непросто, и кто-то подсказал мне про театр. Через друзей я вышел на завлита Горьковского академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина – и никак. Сказано было, что «как только, так сразу», а я уже под угрозой

потери стажа! И в этот момент о моих мытарствах узнала Фаня (зихрон у браха, светлая память) — моя родственница, работавшая оценщицей в одной из горьковских комиссионок. Вы понимаете, к чему я клоню? В вашей «Сказке о сбежавших облаках» — кстати, мною иллюстрированной, — есть подходящая цитата: «Порой великие могут меньше, чем их чулки, носки, пеньюары или комнатные тапочки».

- Исходя из этой действительно, подходящей фразы, получаем ценную мысль: «Порой оценщицы комиссионок всемогущи до невозможности». И что же сделала Фаня?
- Она позвонила в театр, и через день я вышел на работу в декорационный цех в должности художника-декоратора. Я попал в очень дружный и творческий коллектив! Сколько там наработано, сколько выпито, сколько новых знакомств, и не только театральных... Можно рассказывать бесконечно!
  - В плане техники живописи что-то почерпнули?
- Очень многое. Во-первых, сценографические приёмы, а во-вторых и самых главных один из моих коллег по имени Серёга был фанатом техники живописи. На любой вопрос отвечал с удовольствием и очень компетентно. Ну, я и спрашивал... И вроде преуспел. Это выражалось исключительно в поднятии технического уровня, ведь выставки и пр. у меня были и до этого. Семидесятые—восьмидесятые годы отмечены моим участием в многочисленных персональных и групповых выставках в домах культуры, в фойе кинотеатров, во всевозможных НИИ, а в конце восьмидесятых и в официальных выставочных залах Союза художников России. Несколько выставок проведено в составе горьковского объединения молодых художников «ЭГО», активным членом которого я стал со дня её основания. В последние годы СССР я проявил себя как график-иллюстратор «Самиздата».
  - Что было дальше?
- В декабре 1990 года я репатриировался в Израиль. В 1991 году стал членом Союза художников и скульпторов Израиля. Регулярно выставлял свои работы в галереях, выставочных залах и в комьюнити-центрах. Постоянно принимал участие в вернисажах на ул. Нахалат Беньямин в Тель-Авиве и во всевозможных арт-фестивалях. Имел опыт работы в редакции газеты. В соавторстве с литерато-

ром Г. Костовецким под псевдонимом КОМО участвовал в многочисленных международных конкурсах карикатур, что отмечено дипломами, серебряной и бронзовой медалями. С 2003 по 2006 год я даже являлся владельцем персональной галереи в г. Хайфе.

Значительную часть своей израильской жизни я был членом амуты художников «Нахлат Беньямин» в Тель-Авиве. Художников там было – по пальцам пересчитать, причём на одной руке, а около 200 остальных кадров являлись – и являются – прикладниками. Зарабатывал я в основном продажей небольших (15 х 21 см) репродукций своих работ, оформленных в паспарту. Выставлял и оригиналы – миниатюры и, реже, работы среднего формата. И регулярно – раз или два в год – я слышал комментарии к своему стенду: «Это работы очень известного автора, проживающего в Амстердаме (Берлине, Чикаго – когда как), а этот рыжий (я в те годы был рыж и лохмат) торгует его работами и, кстати, неизвестно, имеет ли на это право!»

- «Известный автор», назначенный «рыжим», прояснил ситуацию?
- Пытался, на что получал ответ: «Этого художника говорящий прекрасно знает и даже пересекался с ним недавно в Акапулько!» Облегчённым вариантом этого же казуса являлся вопрос: «А автор где живёт? В Нью-Йорке?» Мой ответ «В Хайфе!» их обескураживал.
- Ну да. Заграничные круче. Местные свои. Зачем с ними церемониться?
- Да, «пророков нет в отечестве своём». Чего уж там. И он, к сожалению, не одинок. «Местные» хвалят редко. Люблю, когда хвалят, но не всегда это бывает. Сидя на Нахлат Беньямин (на Нахлатке, как мы её ласково называли), я в основном читал или рисовал графику, иногда тут же находящую покупателя. А мимо шёл самый разношёрстный народ место ведь туристское. Иногда от моих дел меня отрывали однозначные высказывания в мой адрес. Например: «Ну почему ты так говоришь?! Вот ведь есть у вас сильные ребята!» Я, естественно, отрываюсь от книги и вижу, что фраза обращена к весьма известному художнику от лица явно московских товарищей. Восхваления продолжались, и я уже готовился быть представленным флагману

русского искусства в Израиле, но вижу, что лицо патриарха приобрело чрезвычайно кислое выражение. Он смотрит на нахлатскую брусчатку и с каждым словом всё ниже опускает голову. В общем, я понял, что совсем не нравлюсь ему вместе со своими старичками, гномиками и прочими персонажиками. Или вот так же выводит меня из раздумий фраза: «А вот это очень интересные работы!» Поднимаю глаза и вижу: говорит любимый мною Владимир Сорокин! Он стоял с какой-то милой молодой дамой и продолжал комментировать мои работы, но я уже не слышал, поскольку заблеял: «Владимир Георгиевич! Прошу вас оказать мне честь и принять в подарок любую, приглянувшуюся вам, мою работу!» Он был явно удивлён моей «русскости», вежливо отказался и откланялся. С тех пор я однозначно заявляю, что Владимиру Сорокину нравится моя живопись!

- A как соседи по планете реагируют на вас? Знают, что перед ними известный мастер кисти?
- Пару раз происходили забавные однотипные инциденты на выставках. В хайфском Аудиториуме активист из публики начал возмущаться: «Граждане, что же это делается! Под видом оригинальной живописи нам подсовывают жикле!» На мои робкие возражения получал безапелляционное: во-первых, он знает; во-вторых, не видно мазков кисти! И в-третьих, низкие цены!

Про мазки я как-то ещё мог парировать, приводя в качестве примера Дали, Брейгеля/Босха и других моих учителей, а с ценами крыть было нечем. Цены-то невысокие, но и не совсем уж низкие — от 700 до 5000 шекелей за нетленку, что меня вполне устраивало. Возможно, поэтому один из моих многолетних клиентов при каждой покупке неизменно спрашивал, может ли он быть уверен в подлинности приобретаемого им полотна, и это стабильно повторялось при каждой покупке. А потом вдруг вопросы закончились: он-таки заказал экспертизу, после чего успокоился. Сказал, друзья уговорили...

- Дени Дидро сказал: «В тот момент, когда художник думает о деньгах, он теряет чувство прекрасного». Что вы чувствуете, расставаясь со своими работами?
- Расстаюсь с лёгкостью! Продажа картины хороший стимул для дальнейшего творчества. Как сказал Огюст

наш Ренуар: «Лучший способ оказать уважение художнику – это купить его картину».

- У вас кладезь интересных историй. Выкладывайте, маэстро...
- В 2000 году у меня была выставка в хайфском «Бэйт Яд ле Баним» Выставка была весьма успешной и кроме неплохого коммерческого успеха вызвала прямо-таки волну публикаций. «Едиот Ахронот» опубликовала небольшую статью с репродукцией моей работы «Мона Лиза». У меня было несколько вариантов этой работы, и через неделю после этой публикации я решил выставить один из них в самом сердце страны, на тель-авивском Монмартре, на Нахлат Беньямин! И тут же одна дама с восторгом сказала: «А моя мама такую же нарисовала!»
  - В смысле перерисовала? Из газеты?
- И не только она. Подошёл знакомый художник: «Ты уж прости, мне с неё копию заказали!» Несколько человек сказали, что вырезка с моей картиной висит у них на стенке, и, конечно, поздравляли с оперативностью.
- Ох, и быстро вы «скопировали» свою собственную картину...
- И не говорите. Снова нашлись люди, знакомые с настоящим автором этой работы. Я устало уточнял: «С Леонардо?»
  - А оригинал сейчас где?
- В Австралии, в частной коллекции. Кстати, вот еще случай из хайфской жизни. Было время, что должность зама мэра Хайфы по культуре занимал русскоязычный технионовский профессор. Приятный человек с милой женой. Ему очень нравились мои работы, он приходил на мои выставки. Увидев его на моём вернисаже, устроительница моей выставки в «Бэйт Аба Хуши» обалдела и допытывалась, КАК я смог пригласить на вернисаж главного в Хайфе по культуре!

– И как же?

– А он просто объявление в газете прочёл.

Есть почти детективная история. В августе прошлого года я выложил в «Фейсбук» ностальгические воспоминания о своей галерее в Хайфе на ул. Масада. Закончил повествование описанием упаковки всего собрания картин

из галереи в контейнер для отправки в Торонто под вой воздушной тревоги. Это был разгар войны с Хизбаллой в 2006-м. А грузчиков-упаковщиков я назвал вороватыми и даже получил за это обвинение в несправедливом и высокомерном отношении к народу, который я променял на стакан кленового сиропа. Так вот: эти грузчики-упаковщики, эти благородные господа под шумок Насраллы спёрли у нас ящик картин.

Прошло десять лет, и эта история напомнила о себе! В хайфском торгово-выставочном комплексе «Кастра» в одной из тамошних галерей была выставлена одна из тех похищенных работ «Ловля Большой Черепахи», где она и была опознана моей родственницей, оказавшейся там случайно. На другой день туда отправился мой брат Пётр. Не застав хозяина, он сфотографировал (как смог) картину и пожурил, не сдержавшись, продавщицу: «Что ж вы, редиски, ворованные картины продаёте?!»

Продавщица сделала круглые глаза, и ко времени следующего визита моего брата Петра картины в галерее уже не было. Но был хозяин заведения, который сказал следующее: «Картина продалась в тот же день, поскольку картины Виктора Молева, известного и популярного художника, не залёживаются!» Мол, художник сам, из-за каких-то проблем с отправкой, дал кому-то доверенность на реализацию этой картины, и этот галерейщик у этого кого-то ее и приобрёл (цену сделки не скажу, стыдно)... И что он такой радый, что познакомился с братом самого Молева, и был бы ещё более радый, если я буду с ним работать в Израиле!

Эта работа была замечена совершенно случайно, и я подозреваю, что могут всплыть и другие. И где угодно. А работы, которые жалко больше всего, я повторил...

- И такие захватывающие израильские погони-похищения и прочие приключения вы променяли на канадский кленовый сироп? Вопрос риторический.
- Се ля ви. Жизнь вносит коррективы. После переезда в Канаду в 2006 году я живу и работаю в Ричмонд-Хилл – пригороде Торонто. Имею большую домашнюю галерею, неоднократно выставлялся в галереях Канады и Соединённых Штатов. Регулярно сотрудничаю с галереей

«Имеджин Арт», ежегодно участвую в больших международных выставках «Арт Торонто» и «Артист Проект Торонто». В 2014 году выставлялся в музее французского города Сен-Фражу. Иллюстрирую книги (правда, реже, чем хотелось бы).

- Это мы с вами осуществим. Есть пара идей.
- Большое спасибо! Хорошие идеи наше всё. Благодаря развитию интернета приобрёл, можно сказать, кое-какую мировую известность и продаю свои работы онлайн по всему миру. Мои портреты присутствуют в серьёзных книгах по искусству, на обложках журналов по психологии. И не только портреты. Оказывается, во Франции в школьную программу входит изучение пьесы «Дракон» Е. Шварца. Лет пять назад тамошнее издательство попросило меня предоставить работу «Драконоборец» для очередного выпуска «Дракона» с иллюстрациями и комментариями.
  - Издали?
- Издали! А под картинкой написали: «К теме дракона постоянно обращаются живописцы Рафаэль, Паоло Учелло, Гюстав Моро и Виктор Молев... Эвона как! А на последней странице книги советский плакат, где пионеры дарят цветы Сталину: «Спасибо за счастливое детство!» Как видите, жизнь моя спокойна и однообразна, но адреналин периодически присутствует.
- Ваша вольная копия «Танца» Анри Матисса написана ради адреналина, или это спор с мастером?
- Скорее сглаживание своей детской неприязни к этой работе методом лишения самого раздражающего меня «маленького фактора» бестелесности, субтильности и условности танцующих фигур. Эту работу я помню с детства. У нас дома в Горьком была неплохая библиотека, но только две книги с репродукциями картин: чёрно-белый каталог Третьяковской галереи и иллюстрированное издание «Гойи» Фейхтвангера, тоже чёрно-белое. А цветную репродукцию «Танца» Матисса я увидел в журнале «Огонек». Она с размаху ударила по моим детским мозгам, врезавшись в них и кричащим сочетанием цветов, и какой-то сомнамбулической динамикой, и странными пропорциями невесомых тел, и всем этим сразу. Это было так жёстко, что с тех пор я не люблю Матисса.

– До сих пор не любите?

- Теперь, на седьмом десятке, я к нему начал относиться спокойно, а всю жизнь не любил. Ещё не любил Хуана Миро, поскольку первое с ним знакомство состоялось по альбому, совместному с Дали! Ну как это?! Ставить на одну доску Учителя и Хуана, простите, Миро! Как можно?! Но это о другом. В Википедии сказано: «Работа существует в двух версиях: первая находится в Музее современного искусства в Нью-Йорке, вторая и наиболее известная – в Эрмитаже в Санкт-Петербурге», но мне кажется, что я натыкался на неё чуть ли не во всех мировых галереях! Может, готовых версий две, а эскизов несколько? И каждый раз я вновь получал тот свой детский культурный шок! И каждый раз, видимо, я получал ещё и подспудный толчок к созданию этой вольной копии. В последний раз я столкнулся с «Танцем» в Нью-Йорке и, вернувшись в Ричмонд-Хилл, написал, наконец, эту работу. Сделал и успокоился.

Беседу вела редактор альманаха «Новый континент» Зинаида ВИЛЬКОРИЦКАЯ

Далекое — близкое

Пётр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

КО АНГЕЛУ

Бабушка моя, мамина мама, Агафья Ивановна, прожила девяносто шесть лет. Раньше, ещё до того, как сам я стал пожилым и седым, её жизнь представлялась мне не просто многотрудной, но и трагичной. Год рождения — 1907-й — уже говорит кое о чём, что творилось в период её взросления в серединно-российской деревне, в бедной крестьянской семье. Трудились. По-настоящему не голодали. Была любима тятей да маменькой. Семнадцатилетнюю Аганьку определили в жёны смирному пареньку Алёшке из соседней деревушки, который годами был чуть постарше. Родители её дожили до преклонных по тогдашним понятиям лет. Обыкновенная российская жизнь и судьба, коих миллионы.

На Сретенье Господне, пятнадцатого февраля прошлого года, любимой моей бабушке исполнилось бы сто десять лет. Так случилось по жизни, что у меня было как бы три мамы. Бабушку Агафью, у которой рос и воспитывался, звал я «мамой Дарюхиной». Тогда у каждой деревенской семьи кроме настоящей, паспортной фамилии были ещё и присвоенные сельской общиной. Кто и когда их первым выговаривал, конечно, никто не запоминал, но закреплялись они за поколениями Таисьиных, Сергеевых, Дуняшкиных, Колельковых, Петруниных крепко-накрепко

и сохранялись в памяти людской даже тогда, когда умирала уж и сама деревня. Всё очень просто. Больше полдеревни, к примеру, Ляпиных было. Ребятишек меньше четверых в каждой семье не бывало. Так что одних Ванюшек Ляпиных на обоих порядках с пяток набиралось. Поди тут разберись, кто чей. Вот и разбирались по именам родителей да по прозвищам. Прабабушка моя Дарья и дала своему выводку вторую фамилию. Ляпины-Дарюхины! Ну чем не Голенищевы-Кутузовы, понимаешь!

Ещё у меня была, конечно, «главная» и единственная мамочка Нина, но мы, три её сыночка и Лидочка-дочка, называли её «мама молоденька», упуская одну буквицу в конце определения для краткости. И, соответственно, была у нас ещё и «мама старенька», властная и грозная для всех домочадцев неродная матушка отца, вырастившая его, оставшегося сиротой в младенчестве.

Так вот, о судьбе мамы Дарюхиной. Помогли родители молодой семье избёнку построить. Колхоз размером ровно в одну деревеньку носил тогда имя самого главного чекиста — Менжинского, о котором мало кто сейчас и помнит. Ну да и бог с ним. Родила Аганька всего пятерых детей. Двоих схоронила ещё крохами, от поветрия умерли. Клавдёнку же, восьмилетнюю уже дочку, особенно жалела и часто вспоминала.

– Положили, – говаривала она, – куколку мою соборовать под образа, а она глазоньки свои болезные скосила на образ Богородицын и спрашивает (в памяти́ была): «Мамонька, а мне у неё хорошо жить будет?» – «Хорошо, – отвечаю, – Клавденька, а я к тебе приходить буду, и сахарок приносить». А самой-то и дышать уж нечем, сердце заходится.

Этот эпизод записал я не для пущей чувствительности да жалостливости. На аборты тогда редко ходили, а вот ребятишек частенько хоронили. «Бог прибрал», – говорили.

Размышляя над судьбой бабушки, поначалу я удивлялся, потом восхищался и преклонялся перед тем, сколько в этой невысокой, сухонькой, с исковерканными вилами, лопатами, топорами, хворостом, мешками, а также комьями мёрзлой земли, студёной водой из проруби руками, будто

обвитыми пучками ржаной соломы – венами, – сколько в ней силы, мудрой стойкости перед жизненными неурядицами и горем.

Да, про мамочек всех своих я рассказал. А папа у нас был один. Дед – тоже. Дед Алексей. Как раз муж бабушки Агафьи. Знаменит он тем, что, будучи военным орденоносцем, колхозным бригадиром, хитрым и рукастым мужичком, один из всей округи стал ещё и избранником в областной Совет депутатов трудящихся. И ещё, уже после войны, променявшим бабушку с двумя оставшимися жить детьми на шабрёнку – болтливую и грудастую молодайку, тётку Нюру Голынову, у которой своих деток трое было.

Есть соседи, — это те, кто рядом живут. А есть шабры, они — напротив, окна в окна. Так вот и высмотрел, видать, мой дедон эту бабёночку и стал к ней сначала похаживать, а потом уже и в мазанку её ночевать зачастил.

Деревня и есть деревня — сплетни, слухи, пересуды. Мамочка моя (молоденька) тогда с моим будущим отцом только поженились. А брат её, мой дядя Александр, ещё старшеклассником был.

Ярким в прямом смысле эпизодом нашей семейной истории был пожар. Из-за нашей детской шалости сгорела наша же изба. Дед Алексей к тому времени с новой семьёй на освоение пелинных и залежных земель полался.

И осталась у бабушки Агафьи одна надежда – сын Шура. Какие он ей письма писал из армии! Служили тогда три года. Она разглаживала тетрадные листочки в клеточку со строчками разборчивого и красивого сыновнего почерка, укладывала после десятка прочтений и хранила их потом до самой смерти. Какие у них были планы! «Вот вернусь, и тебе, мама, полегче будет. Тогда сумеем мы продержать не только корову, но и телёнка, а также пару овечек», — частенько повторялось в сыновних посланиях. Да, денег в колхозе не давали, да и трудодни пустоватыми были. Благосостояние в деревне оценивалось крепостью своего подворья, которое управляли в промежутках артельной подёнщины. Рано утром да поздно вечером в основном.

Мне тогда было десять лет. И сейчас помню, как дядька Шура подбросил меня на сильных руках, и я едва не стукнулся

головой о матицу. А как блестела звезда на ремне, который подарил мне вернувшийся аж из самого таинственного города Клайпеда сержант Советской армии!

Но самое главное – я услышал впервые за долгое время, как мама Дарюхина вслух и громко смеялась. После ухода из семьи деда она вечерами дольше обычного стала задерживаться перед божницей с единственным образом Богородицы за ситцевой занавеской. Молилась.

Она молилась истово и строго, по-настоящему отрешившись, кажется, от всего мирского. Я думаю, что бабушке на старинном образе Богоматери виделись настоящие, большие и строгие её глаза. Я часто засыпал под невнятный молитвенный шёпот и боязливое мерцание лампадки.

А демобилизованного осенью дядьку Шуру нашли четырнадцатого декабря в сквозновском долу. Он замерз. Тогда как раз проводили в деревни электричество. Со старшим электриком они работали в соседней деревне. Совсем непьющий спиртное, дядя мой в этот день выпил самогонки. А напарник оставил его, уехал на запряженной в дровни лошади и даже утром никому ничего не сказал.

После похорон бабушка Агафья только работала и молилась. И ещё — дрожала надо мной. Теперь-то я знаю, что это она спасла меня в моих уже горестях и передрягах, когда на кону стояла сама жизнь. И когда передо мной самим стоял вопрос: убивать или нет человека?

Мы с ней уже вместе очень раненько проводили в мир иной маму молоденьку и брата моего Ивана.

К чему это я всё? Да в любой семье найдутся примеры для горестей и воздыханий. Переживают люди, не дай бог, трагедии пострашней. А к тому я, что научила меня бабушка Агафья заменить вопрос ко Господу Богу в подобных ситуациях. Раньше спрашивал:

– За что?

С некоторых пор:

– Для чего?

И ещё. Совсем недавно я сделал настоящее открытие. Копаясь в собственном архиве, случайно открыл старый бабушкин деревянный сейфик – сундучок с нехитрой за-

пиркой. Обратил внимание на затёртый и поблекший листочек из школьной тетрадки. Почерк уж очень знакомый. Дочки старшей моей. Из класса этак четвёртого или пятого. Вычитал текст. Это она, она, прабабка Агафья, надиктовала. Править не стал. Не могу судить, чьё это сочинение, вряд ли оно соответствует и церковным канонам. Для меня оно – от бабушки Агафьи. Ею надиктовано. Распечатал и предлагаю людям почитать.

А вдруг да кому поможет.

КО АНГЕЛУ

Приветный ангел мой Господень, хранитель ты души моей. Души моей единородной, будь милостив к рабе твоей. Храни меня во все минуты, храни меня во все часы. Храни меня в напастях лютых, храни средь самое мечты. Ты послан Богом для храненья, тебе Господь так поручил. Пролей мне в сердце умиленье, как мне здесь жить, ты научи. Здесь узкий, тесный путь прискорбный. Могу ли я его пройти? Хранитель мой неукорённый, ты можешь здесь меня спасти. Ты держишь меч в руках разящий, и всех врагов ты победил. Ты, в облаках всегда парящий, меня на небо возведи! Когда явлюсь лицу Христову и отражу Христовый свет, Когда предстану у престола, ты за меня держи ответ. Ты знаешь жизнь мою земную, ты спутник есть моей души, Введи меня в страну родную, и всю мне славу покажи. А я здесь странница на свете, я здесь чужая всем живу. А там отечество родное, я там хвалу тебе скажу. Там не печаль, не воздыханья, там слёзы горькие не льют. Там не стесненья, не стенанья, одни лишь радости текут. Проси венец ты у Владыки, и обо мне ты доложи. Хотя грехи мои велики, но ты страданья покажи. Управь теперь моей судьбою, с тобой я жизнь переплыву. Хранитель мой, я лишь с тобою в покой небесный отойду... Аминь.

Александр ЦИРУЛЬНИКОВ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ГРУЗ Из цикла «Непридуманные истории»

Григорий Борисович собрался на ПМЖ в США. Вот уже две недели в его двухкомнатной квартире поселились бардак и аврал. Все вещи делились на две части — брать с собой или оставить здесь. Жена Вера Давыдовна плакала и пила валокордин. В квартире, как в больничной палате, пахло медикаментами. Сам Григорий Борисович держался или делал вид, что держится, каждые два часа измерял себе и жене давление.

Дочь Дина и зять Борис приходили и постоянно напоминали, что количество груза, которое можно взять с собой в далекий полет за океан, ограничено. И лучше бы вообще все оставить здесь, а там со временем приобрести самое необходимое...

Григорий Борисович и Вера Давыдовна сопротивлялись как могли. Доказывали, что все необходимое как раз здесь, потому что с этими одеялами, подушками, скатертями, ложками, вилками и тарелками прожита целая жизнь и кроме того что это предметы обихода, это еще и память о том, когда и где их приобрели, от кого и что получали в подарок к семейным датам. Обычные вещи стали символами бытия на земле, где родились, обзавелись детьми, похоронили родителей.

В углу спальни под окном возле отопительной батареи лежала гора чего-то, полностью накрытая старым большим

зеленым ватным одеялом, поверх которой был английской булавкой прикреплен бумажный лист с красной надписью, сделанной Григорием Борисовичем: «Обязательный груз».

Дочь и зять пытались выяснить, что скрыто под одеялом, но старики молчали, как партизаны на допросе, и не пускали молодых проверить, что же это за груз...

Собственно говоря, инициаторами отъезда в Америку стали зять и дочь Григория Борисовича и Веры Давыдовны. Оба окончили мехмат Горьковского университета, оба в университете же работали.

Борис к началу 1990-х годов успешно окончил аспирантуру, подготовил кандидатскую диссертацию, а на защите оппоненты из Москвы и Киева предложили признать ее докторской. И он вышел из аудитории как доктор физ.-мат. наук. ВАК согласился с решением ученого совета.

Дина диссертаций не писала, а работала редактором в университетской типографии, где издавались научные работы преподавателей и студентов и нужна была компетентная редактура текстов и формул.

Борис участвовал в различных научных симпозиумах в стране и за рубежом, выступал с научными докладами и сообщениями, публиковал их в специальных журналах. Ощущал поддержку из Москвы крупного ученого-механика академика Владимира Николаевича Челомея, главного конструктора космической ракеты «Протон» и боевых космических станций «Алмаз», которые скрывались под псевдонимами «Салют-3», «Салют-5», их пилотировали военные летчики-космонавты Попович и Артюхин, Волынов и Жолобов, Горбатко и Глазков. Перспективным ученым считал Бориса заведующий кафедрой профессор Андрей Григорьевич Угодчиков, который одновременно был ректором университета...

Наступила середина 1990-х годов, когда средства на отечественную науку в стране истощились, она вообще перестала интересовать властные структуры, вузы влачили жалкое существование, а профессорам говорили: «Ищите заказы». Те, что были связаны с прикладными дисциплинами, кое-как кое-что находили, а теоретики, авторы математических, физических и химических формул, сидели без средств к существованию.

Цены в магазинах и на рынках росли, рубль дешевел, доллар становился дороже и дороже. Американский профессор Генри Баренбойм, приехавший на полгода преподавать в Нижегородский университет физику и математику, восхищался дешевизной на Средном рынке. Он говорил Борису: «Где еще возможно такое, чтобы за один доллар я мог купить килограмм мяса, как здесь... У меня в Филадельфии чашечка черного кофе стоит пять долларов!»

Я помню, как осенью 1991 года наш самолет, следовавший из Пхеньяна в Москву, совершил короткую посадку в международном аэропорту Омска и нам разрешили посетить здание вокзала. Там в буфете властвовали граждане США, прибывшие чуть-чуть раньше нас, они скупали черную и красную икру и платили долларами, так же как их соотечественник Баренбойм, восхищаясь здешней дешевизне этих продуктов, которые в США им не по карману!

Именно в это время новый ректор Александр Федорович Хохлов, чтобы как-то помочь молодому ученому, предложил Борису поехать на год преподавать в университет Стокгольма, а на время командировки его здесь заменит коллега-профессор из Швеции. Так Борис оказался в Скандинавии.

Его удивило, что там его встретили так, как будто давно знали и ждали. И, представляя другим научным сотрудникам, неизменно добавляли к его имени и фамилии эпитет, который на русский переводится как «известный» или «знаменитый»... Работы было много, и Борису за нее хорошо платили.

В начале нового семестра, в январе 1995 года, приехали два математика из Филадельфии, профессора Бэнкс и Холлидей из тамошнего университета, тоже с контрактом на год по обмену учеными. При первой встрече и знакомстве американцы озадачили Бориса вопросом: «Вы тот самый?» И назвали его по фамилии.

«Какой тот самый? – удивился Борис. – Да, это моя фамилия, я из Нижегородского университета...»

«Да это он!» — сказали друг другу американцы и пояснили Борису: «Вы же всемирно известный механик и математик!.. Вам в России никто об этом не говорил?..»

Борис рассмеялся: «Никто не говорил, потому что мои русские товарищи, как и я, об этом ничего не знают…»

Новые коллеги из Стокгольма сообщили в Филадельфию, кого здесь встретили, и из Филадельфийского университета поступил Борису запрос: не примет ли он приглашение на постоянную работу, подразумевающую преподавание студентам и исследовательскую деятельность в лабораториях тамошней кафедре механики и математики.

Борис позвонил ректору Хохлову в Нижний Новгород – как быть?

Ректор ответил:

– Соглашайтесь, пока у нас без перспектив, будете приезжать к нам на два месяца в начале весны читать свой курс.

Так и решили.

Борис через американских коллег передал из Стокгольма в Филадельфию, что принимает приглашение и приступит к работе по окончании контракта, заключенного со шведами, то есть осенью 1995 года. За оставшиеся месяцы предстояло выяснить все условия переезда из Нижнего Новгорода в Филадельфию.

Через месяц пришло официальное приглашение на бланке посольства США в Москве за личной подписью посла Томаса Пикеринга, который воспринимает господина профессора не как беженца из России, а своего личного гостя, который переселяется в Америку для новой перспективной научной деятельности на благо США и граждан этой страны. А потому господину профессору университет выделяет в Филадельфии за свой счет коттедж с четырьмя спальнями с началом оплаты за коммунальные услуги по окончании первого года эксплуатации жилья, две квартиры с двумя спальнями в каждой для отца и матери господина профессора, а также родителей жены господина профессора в так называемом экономичном жилом фонде для иммигрантов...

Прочитав эту бумагу, жена Дина и дочь-студентка Наташа радовались и восхищались, какой замечательный и талантливый у них муж и папа, раз чужая страна широко открывает перед ним не то что свои двери, а настоящие ворота.

Вот тогда и начались большие и весьма долгие сборы в дорогу.

Сначала Григорий Борисович и Вера Давыдовна отказывались уезжать и отговаривали детей от переезда в США. Но постепенно давление молодых преодолело сопротивление стариков. А что им было делать — оставаться одним в опустевшем городе, без дочери, внучки и зятя? Конечно, здесь много знакомых, за много лет ставших почти родственниками, целый молочный комбинат, на котором Григорий Борисович проработал с 1953 года начальником производства сметаны, творога, кефира, сырков, ряженки. В каждом новом продукте, подготовленном к массовому выпуску, была большая доля его труда.

Он пришел работать на молокозавод из райкома партии, где после фронта заведовал отделом пропаганды и агитации. Ему очень нравилась эта работа с людьми, он был убежденным коммунистом, выступал в трудовых коллективах, разъясняя и пропагандируя решения XIX съезда КПСС, занимался подпиской на газеты и журналы. Так продолжалось до поздней осени 1952 года, когда в один из дней его пригласил в свой кабинет первый секретарь райкома партии, долго говорил ни о чем, как будто колебался, с трудом подбирал слова и, наконец, решился, глядя мимо собеседника, предложить тому подать заявление об уходе с партийной работы.

- Понимаешь, дорогой мой, время требует: в партии после съезда взят курс на омоложение кадров, видишь, как товарищ Сталин обновил Центральный Комитет и его Президиум...
- Да я еще вроде не стар 43 года только, именно мои одногодки и те, что рядом, и составили новый ЦК...
- Но у них пятая графа в паспорте не такая, как у тебя! вдруг раздраженно выпалил секретарь райкома. Ты что «дело врачей» вообще не учитываешь? Знаю, скажешь: ты, мол, я не врач! Знаю, что фронтовик с 1941-го по 1945-й, и в партию вступил в Сталинграде в 1942-м, и наград боевых у тебя от плеча и до пояса, но сейчас это не важно... Неужели не понимаешь, о чем я говорю?.. Работу мы тебе подберем руководящую, но не партийную, а административную.

Так Григорий Борисович стал начальником производства на молокозаводе. И к его боевым наградам за тридцать лет работы там прибавились два ордена «Знак Почета»...

Слух о том, что Григорий Борисович уезжает в Америку, дошел до многих его старых друзей и сослуживцев, и они приходили проверять, так ли это, к нему домой.

Приходили известные в городе люди, с которыми он был рядом еще с довоенных лет, — врач, главный хирург города, политобозреватель местного телевидения и радио — глава лекторской группы горкома КПСС, Герой Советского Союза, рядом с которым много лет шел во главе колонны молокозавода на праздничных демонстрациях...

Он всем говорил:

 Да, уезжаю, но не эмигрирую, а еду в политическую командировку по заданию, которое я сам себе дал. И я его выполню!

Эти слова слышали Дина, Борис и внучка Наташа и не могли понять, что они означают.

А что за ними кроется, узнали в день отъезда, когда приехал крытый грузовик за вещами стариков. Когда уже все отобранное для дальнего пути лежало в кузове, Григорий Борисович подошел к окну в спальне, снял с зеленого одеяла записку «Обязательный груз» и откинул полог. Взгляду всех, кто был рядом, открылись желтая кипа газет — подшивки «Правды».

– Тут они собраны с 1947 года! – гордо сообщил Григорий Борисович. – Тогда в декабре были отменены карточки и проведена денежная реформа... И до нынешнего года, который, правда, еще не закончился. Но я договорился с соседом, он будет получать за меня мои «Правды», а я потом сообщу, как ему отправить их в Америку...

При виде этого груза пришли в ужас Боря и Дина:

- Ты понимаешь, сколько все это весит! Даже если мы это довезем до Шереметьева, то там таможня не пропустит, Аэрофлот не возьмет в самолет!
- Вы думаете, я зря время терял: я звонил в таможню и в агентство Аэрофлота и разрешат взять и погрузят, надо будет только немного доплатить! парировал Григорий Борисович.

- Папа, зачем тебе там подшивки «Правды», устаревшие за много лет? взмолилась Дина.
- Как это зачем? Как только устроимся в Филадельфии, я отыщу ячейку американской компартии и встану на учет. С моим опытом я им пригожусь. А что касается сроков издания...

И тут он ответил почти слово в слово, как старый большевик-подпольщик Лютиков сказал Олегу Кошевому, когда советовал развешивать на заборах в оккупированном Краснодоне вместе с листовками советские газеты за многие годы: «Пойми, наша "Правда" не стареет со временем, она всегда актуальна!»

Выяснилось, что к отъезду упаковано и Полное собрание сочинений В.И. Ленина – 45 томов 1941–1967 годов издания.

Это вызвало просто вопли домочадцев, которые не поняли хитрость старика: «Ладно, если вы согласитесь на подшивки, то я оставлю Сочинения Ленина Саше Цирульникову, ему в журналистской работе пригодятся...»

Эти коричневые книги с золотым тиснением на обложке уже 24 года живут в моем доме как память о хорошем человеке – Григории Борисовиче.

Он действительно привез в Филадельфию подшивки «Правды», отыскал там партийную ячейку, но не американской компартии, а Коммунистической партии Советского Союза, которую образовали такие же, как Григорий Борисович, эмигранты из России, встал на учет и до конца жизни платил взносы из своей российской пенсии и пособия, которое получал от США как новый гражданин этой страны.

У Бориса нормально сложилось и с преподавательской и с научной работой. Его приглашают разные университеты США, Мексики, Европы. В Нижний Новгород Борис и Дина приезжали несколько раз, но не работать, а встречаться с родными и близкими людьми, которые здесь о них помнят и рады каждой весточки от них.

Я с ними в праздники и житейские даты встречаюсь по Скайпу... Поздравляем друг друга, делимся новостями. Они остаются нижегородцами, просто живут далеко от родного дома ...

Елена ЛЯХОВА

ПОЛЬСКИЙ БИЗНЕС

Челночила я в Польшу в девяностые.

Нашью полотенчиков кухонных, прихваточек, фартучков. На рынке предлагаю покупателям:

– Пани, то комплект.

Ударение почему-то делая на «о». Наверное, мне казалось, что говорю по-польски.

Брали в продажу и валики малярные, и кисти, и другую ерунду, в которую запихивали литровые бутылки со спиртом – основной товар.

Я добрая была. Мои соседи приносили мне какие-то вещи, просили в Польше продать и купить им блузочки. Я брала, продавала, привозила им блузки.

Однажды ко мне зашёл сосед и притащил тяжеленную сумку с металлическими кругами:

— Возьми, это ножи для станков деревообрабатывающих. У тебя там их с руками оторвут. У нас на металлургическом заводе за ними очередь. А мне привези две блузки для жены и дочки. Остальное — твой навар.

Отказать было неудобно. И попёрла я эту тягу неимоверную навар делать. Удивительно, но один нож я всё-таки втюхала. Остальные никому не были нужны.

На польских рынках промышляли люди, скупающие товар за копейки у тех, кто уже домой собирался уезжать. И вот ко мне подошёл один такой. Нам оставалось пробыть в Польше ещё три дня. Посмотрел на ножи, спросил,

Польский бизнес

что это. Я объяснила. Спросил, берут ли. И тут я вспомнила одну статью, которую прочитала в газете.

Рассказываю.

История эта случилась тогда, когда люди только ещё начали узнавать, что появляются цветные телевизоры. На большом центральном рынке к продавцу овощей подошёл молодой человек и предложил купить телецвет. Объяснил, что если эту маленькую детальку вставить в простой телевизор, то он, телевизор, станет цветным. А цена — всего три рубля. Продавец овощей не поверил и отказался покупать.

Тогда молодой человек попросил его:

– Друг, мне очень нужно съездить на вокзал, билет купить. Разреши оставить телецвет у тебя на прилавке. Может, сколько продашь, со мной по два рубля рассчитаешься.

Продавец подумал, решил, что ничего не теряет, и согласился.

Не успел хозяин телецвета отойти, как к прилавку подошла женщина:

- Ой, а это не телецвет?
- Он, он.
- Сколько стоит?
- Три рубля.
- Дайте два.

Ушла.

Тут же подходит мужчина:

- Неужели, я нашёл телецвет! Почём?
- Три рубля.
- Да вы что! Везде по пять продают. Жалко, что у меня денег только на один.

Подходит очередной покупатель:

- Сколько стоит телецвет?
- Пять рублей.
- Сколько есть всего?
- Один остался.
- Мне надо двадцать штук.

Продавец обомлел. Выгода – какая!

– Слушай, друг, подойди через часок, сделаю.

Договорились.

Продавцу уже наплевать было на свои пучки лука по десять копеек, он ждал возвращения хозяина телецвета. Дождался!

- Вот тебе деньги за проданные. У тебя есть ещё?
- Есть.
- Сколько?
- Штук тридцать.
- Всё беру по два рубля, как договаривались!

Рассчитались. Стал продавец ждать оптовика. А его нет. Разложил он свой новый товар на прилавке и стал народ зазывать:

- Телецвет! Телецвет!

Да только не подходит к нему никто. Понял он, что обвели его вокруг пальца.

Позднее выяснилось, что не телецвет это был, а радиодеталь, ценой в десять копеек.

Ну вот, вспомнила я эту историю и говорю перекупщику:

- Ножи эти дефицит страшный! У меня их только одна сумка осталась. В основном только их и вожу.
  - Почём всё отлашь?

Я мысленно прикинула, сколько мне надо денег, чтоб две блузки купить и навар себе сделать. Немного поторговались. Сошлись в цене. Уволок он мои ножи.

На следующий день подходит ко мне и говорит:

– Что-то не берут у меня ножи-то.

Я с радостным лицом ему заявляю:

 Да ты что? А у меня сегодня их несколько человек уже спрашивали. Давай я их к тебе буду посылать.

Следующие два дня я на рынок не выходила. Мои друзья мой товар продавали, говорили, искал меня перекупщик.

Некрасивенько с моей стороны, но... что было, то было.

Анна БИРЮКОВА

Москва

СТРАННАЯ ШТУКА ЭТА ПАМЯТЬ...

Странная штука эта память... Слякоть на улице и на душе. Затяжная усталость, за окном зыбкая морось. Ничего, кроме сизой дымки и неизлечимой тоски. Хотя нет, ещё безразличные небеса и несбыточные мечты. Ноябрь тянется будто вечность. Кто-нибудь помнит, как выглядит солнце?

А вот бы настала весна! Улизнуть в деревню, проснуться с первым отблеском пунцовой зари, помчаться вслед за южным ветром в поля. А там... васильки умываются росами, серебрится ковыль, лягушачий хор срывает последние аккорды. Сладостью веет от вишен в белоснежных вуалях. Да только приуныли одуванчики. Юность их скоротечна. Лишь вчера они светили ярче солнца, а ныне тяжелы их седые головы... На трухлявой яблоньке два соловья никак не решат, кто искуснее. Неожиданно в спор ввязывается петух. Он-то всех голосистее! Вдруг вспомнится кислинка первой ягоды. За осень и зиму так соскучишься по клубнике, что будешь есть её прямо с грядки, недоспелую, чумазую! Набегаешься, ноги мокрые от росы, голова горячая от солнца. И как оно успело взобраться так высоко?

Наконец я возвращаюсь в дом. Жалостно поскрипывают дверные петли, им вторят уставшие от жизни половицы. Пахнет гречневой кашей и цветочным мёдом. За столом сидит прадед. Он ест молча и лишь приподнимает глаза,

когда я присаживаюсь напротив него. На первый взгляд Степан Кузьмич себе на уме. Но стоит его разговорить, кажется, будто он только этого и ждал.

— Я ж в тридцать первом году родился... А, нет, погоди. Мамка меня записала тридцатым, а родился-то я в декабре двадцать девятого. Сколько мне в сорок первом стукнуло? Одиннадцать... Сестрёнке — восемь. Помню, немцы шли, вон с той стороны, — отодвинет тюлевую занавеску и задумчиво посмотрит на цветущий луг. — Танки, машины громыхали... Здесь немцы никого не тронули, да и трогать было некого: женщины, дети... А в соседней деревне десятерых мужиков расстреляли! — Его голос, и так низкий, падает до хрипоты. — Тьфу ты, чёрт! Совсем скоро немым стану! Вот говорят: жить долго нужно, долго... а живёшь долго — так меньше хочется. До семидесяти, и всё — крышка, — прадед хлопает по столу. — А самому-то уже девятый десяток вотвот да нагрянет, — с печальной иронией посмеивается он.

Холод собачий, есть нечего. Мать вздыхает: «Помирать, так не в родном доме!» Собрали последние крошки и вышли на дорогу. В помине здесь дороги-то не было, только слякоть и размазня. А немцы — шустрые! Асфальт положили да разъезжают. Спрашиваю у матери: «Куда идти-то собралась?» Она молчит. Я взял сестрёнку за руку и увёл в дом.

Как-то под зиму двигалась ихняя колонна. Какой-то фриц спустился с пригорка, поставил машину тут-то, под клёном и зашёл в дом. Мать только перекреститься успела, уже плакаться собралась, только бы дитяток не мучили... А он: «Яйца есть?» Ну так я и принёс с шесть штук. Понятия не имею, что он с теми-то яйцами делал: так пил или варил... кто его знает?

Через несколько дней снова приходит. Только под шинелью у него что-то топорщится. А что — не разберешь. Ни денег, ни еды у нас не было... вдруг подмышкой оружие какое? А нам даже откупиться нечем, — прадед на секунду замолкает и переводит дух. — Распахивает этот фриц шинель, а там соль, мыло! Ну мать на радостях и сказала: «Налей-ка ему!» Немец сразу понял о чём речь: «Schnapps?» «Шнапс, шнапс», — отвечаю я. Голодали, когда крал,

когда что-нибудь и урождалось в огороде, а этого добра — всегда, сколько душе угодно! — Прадед с гордостью опрокидывает рюмку розоватой от клюквы настойки. — Эх! Это сейчас я в день по рюмочке... А тогда... Налил ему граненый стакан. От души! А он смотрит на меня, не отравлено? Мол, пей первый! А я и выпил! — После этих слов прадед почесывает щетину и иронично посмеивается. — «Будь спокоен», — говорю ему. Ну, он на радостях следом за мной и опрокинул этот стакан. Да под стол и завалился! «Hitler Кариt!» — только и услышали мы оттуда!

Так Степан Кузьмич заканчивает свою излюбленную байку. Каждый, кто хоть раз в жизни бывал в Высоконских дворах, уж точно сочувствовал тому фрицу. На это прадед говорит:

— Эх! Не те уж люди стали. Немцы почему не выдержали наших морозов? Скажете — «шинельки тонюсенькие»... да я вообще босым бегал! Вот — жив до сих пор! А их, обмороженных, штабелями выносили. А знаете, почему? Изнутри не закаленные были! У нас-то как принято? На улице градус падает, а мы — повышаем! Мороз крепчает, так согреваться нужно!

Иногда Степан Кузьмич задумается. Он изредка делится тяжелыми воспоминаниями. Люди его поколения были вынуждены научиться превращать слёзы в смех, радоваться простым вещам. Они испили жизнь до последней капли, но и отдали всё, без остатка.

– Да... сколько людей загубили. Наших и их – ничуть не меньше. Потом, как отступали немцы, забегает. Весь чумазый, в крови. Шинель изорвана... «Ма! Дай хлеба!» – просит. Мы сами голодали, но мать дала ему и хлеба, и скибку сала. Побег он дальше, а куда побег? Кто его знает... Зима та стояла холодная. Мороз сорок два градуса, снег под три метра. В комнатах темно, окна завалило. Москву они брать собрались! Весной снег сошёл. Вот что скажу: мёрзлых их было куда больше, чем пристреленных. И наш фриц, наверное, в какой-нибудь канавке оттаял...

Да уж, странная штука эта память. Глубокая осень, а мысли лишь о весне...

Евгений АЛЮТИН

д. Жуковка, Нижегородская область

ЮФИМ

Есть на левом берегу Волги, километров в пяти от затона, именуемого Памятью Парижской коммуны, что вниз по течению реки, красивейшее место, каких на Руси множество. Место это величественно, как сама река, а величие его в том, что на круче стоят три дуба, три богатыря русских. Всматриваются с высоты в бескрайние просторы, слушают плеск волн, да и сами рассказать могут многое, когда подойдёшь поближе и услышишь шелест их листвы.

В прошлый раз они мне поведали, как возле них проплывали купеческие корабли с товарами со всего мира к Макарьевской ярмарке. Да как их, при неуплате дани, настигали на маленьких судёнышках-коломенках в ту пору местные разбойники.

Ранее рассказывали о тяжёлом труде бурлаков. А в этот раз, когда мимо прошёл трёхпалубник «Маршал Жуков», погрузили в воспоминания послевоенной поры, когда я был ещё совсем мальчишкой.

Хорошо у нас в посёлке. Дома наши стоят один другого краше, утопая в весеннем цвете вишен да яблонь. У домов палисады все в цветах. Машины тогда в редкость были, больше лошадки. Детворы было много, одежонка на нас ношенная-переношенная и, как правило, не по размеру, со старших братьев да сестёр. А игры всё массовые: лапта с чижиком, казаки-разбойники да вышибалы, а то и в прятки

играли. Есть нас домой силком загоняли, нам бы весь день да на улице! Смех, стук, гам, свист...

Из-за угла выбегает девчонка Катюша: «Юфим, Юфим-ка едет!»

Мы, словно годовики-жеребята, враз пятками по земле застучали, будто дробь барабанная тревогу пробила. И всё на вздохе едином: загремели засовы калиток, а кто-то из ребят в палисадник, кто-то за дровяник схоронился, замер.

По улице с трудом, асфальта не было, по земле, катилась тележка Юфима.

Была она длинная, на маленьких громыхающих колёсиках. Инвалидных колясок тогда не было. И очень низко, пугающе низко, так как ног не было по самое туловище, сидел на ней Юфим. Он был в своей неизменной старой солдатской гимнастёрке, огромными руками отталкивался от земли деревянными колодками. Нам всем было очень страшно, и мы, затаив дыхание, ждали, когда же он проедет. Наиболее смелые, в том числе и я, подсматривали и видели его мужественное лицо с несмываемыми, въевшимися в кожу пороховыми пятнами и почему-то виноватый, виноватый взгляд. Наверное, оттого, что заметил, как нас малых пугает, а играли-то мы где ни попадя.

А потом, когда он проезжал, старательно проверяли, все ли на месте. Теперь я Юфима вспоминаю каждый раз, когда что-то напоминает о той страшной войне.

А первый раз я вспомнил всё это не здесь, у трёх дубов, а в больнице.

Привезли на скорой человека заслуженного, художник именитый, ученики по всему свету. Да вот горе – горбат.

Уборщица тётя Дуся моет палаты. С какой-то кривой, даже брезгливой улыбкой говорит ему: «Убогонький, ноги подымай! — И нисколько не сомневаясь в правоте слов своих, продолжает: — Ну почто едоки страшные живут!» Я только хотел рот открыть, а он меня жестом руки остановил: мол, не надо, их не изменишь, а я к этому привык. Помню, бегал я к заведующему отделением и в сердцах всё высказал. А потом, уже оставшись наедине с собой: «Прости нас, Господи! Прости нас тех, малолетних, Ефим Иванович! Тебя так война изуродовала, а мы... добивали,

так выходит, добивали... И ещё прошу, Ефим Иванович, если это возможно, прости тех, кто нам, малым, наговаривал: "Будете озорничать – Юфимка приедет, схватит и уволочёт"».

Похоже, в своё оправдание перед святой памятью о Ефиме Ивановиче я рассказал дубам о том, что многие мальчишки с нашего посёлка стали офицерами, а теперь и мой сын офицер и внук старший в кадетском корпусе. С палубы теплохода «Маршал Жуков» раздался сигнальный гудок. Я махал ему рукой, махали ветками, как мне казалось, и стоящие рядом русские богатыри, а чайки, летящие, за теплоходом будто кричали надрывистым Катькиным голосом: «Юфим, Юфимка едет!» Теплоход так же, как Ефим Иванович, быстро скрылся за поворотом реки чтобы не заставлять переживать нас долго.

Русский смех

Евгений ОБУХОВ

Москва

НАШЕ ВСЁ

Неделю назад пил с Александром Сергеевичем Пушкиным. С тем самым. Оба сдержанно привыкали: я - κ «Вдове Клико», он - κ «Российскому игристому». Разумеется, я - по цене, а он - по качеству...

Утром Пушкин, весело утирая полотенцем курчавые бакенбарды, сказал:

– Телевизор ваш я уже вчера понял-с. Он сделан для честных и воспитанных людей. Чтобы те могли бы поехать в это ваше Останкино и там ради чести и достоинства любому встречному сударю бросить перчатку в рыло. Или с удовлетворением выказать презрение всем тамошним профурсеткам. Ибо есть за что!.. Умно придумано, умнос! Всех таких в одном-то месте собрать...

Я не стал его разубеждать:

- Господи, Саш! Ну, вы там у себя в девятнадцатом веке любите выражаться длинно и витиевато. Скажи просто: ящик уже задолбал!
- Задолбал, за один вчерашний вечер, кивнуло Наше Всё и, поморщившись, отхлебнуло из бокала утреннего российского брюта. Мне б теперь страну посмотреть. Воочию до чего вы с ней дошли.
  - Не можно.
- А-а, и тут цензура? Правильно, у нас приезжих иностранцев тоже много куда не пускали.

- Да какая цензура! На самолёт, на поезд просто так не сядешь. Все билеты по паспорту.
  - У меня есть.
  - Да с твоим пачпортом только в исторический музей...
  - Ах, шут его разбери, запамятовал, что не у себя!

Посмеялись. Я перевернул бутылку «Вдовы» и вытряс в свой стакан последние драгоценные капли.

- А по телевизору «Страна путешествий», значит, тебя не... не это?..
- Пфф! Пушкин скривился и фыркнул. Моветон, мон ами! Будто с дамой лобызаться по переписке. Я привык лично.
  - Ладно, что-нибудь придумаем.

Жена моя была на даче, а дети – в Словакии, в молодёжном лагере. Поэтому насчёт аккуратности я мог особо не церемониться – вытряхнул на пол содержимое целой секции гардероба и быстро подобрал Александру Сергеевичу современную одёжку. Благо тот невысокого роста. Мы встали к зеркалу и вновь расхохотались, глядя на отражение поэта в майке и в джинсовом костюме моего девятиклассника. Обувь Пушкин оставил свою, она прекрасно подошла к джинсам.

– Вот! Классно! – похвалил я себя за находчивость. – Получился фирменный паренёк из спального района. Вот бы ещё бакенбарды чикнуть... Шучу, шучу!

Я зашёл на сайт железной дороги и купил один билет до Петербурга. Поэт запрыгал по комнате и захлопал в ладоши:

- В Петербург! В Петербург! Ай да Обухов, ай да сукин сын! А почему четыре часа ждать?
  - Да не ждать, ехать всего четыре...
- Ой, тю-тю! Ладно уж, есть и у вас бон момент... хорошие моменты...

Большим пластиковым чемоданом китайского производства пришлось пожертвовать — в крышке и по бокам мы вдвоём насверлили дырочек для дыхания. Залезая внутрь, Пушкин спросил:

- А почему в Петербург вокзал Ленинградский?
- Это долго. Потом объясню. Держи, чтоб не скучать...

Я сунул ему очередную бутылку шампанского и защёлкнул замки. Таксист немного удивился, что я взгромоздил поклажу не в багажник, а на заднее сиденье.

Но в целом я ни за что не переживал – досмотр при входе на вокзал проводили конвейерно, больше искали оружие и наркотики. Служебная собака, сидевшая возле рамки, понюхала чемодан и вздыбила шерсть на холке. Полицейский на контроле заметил насверленные дырочки и приветливо кивнул:

- Справочка на животное есть?
- Вот! Здесь! я помахал взятым в дорогу для освежения памяти томиком Пушкина. Тот ещё раз кивнул и пропустил.

Везя чемодан по перрону, я остановился и легонько стукнул по нему ногой:

- Саш? А у вас в девятнадцатом веке матом так же ругались, как у нас?
- Отстань, блин, а то пролью, раздался приглушённый голос поэта.
  - Это я просто для проверки удобно ли.
- Продержусь. В коляске по бездорожью хуже бывало.
   Только ты меня после вашего шампанского до ветру не забудь.

Так мы и попали на поезд. В скоростном «Сапсане» для чемоданов отдельная секция. Я собрал силы и закинул Пушкина повыше, чтобы сверху вещей не навалили.

А затем нагрянули туристы. Дисциплинированные китайцы мгновенно заполнили всё пространство вагона и продолжили свои обычные занятия. Они возбуждённо переговаривались, тыча пальцами в окна, как будто примеривались к будущей собственности, и непрестанно фотографировали всё подряд. Дважды я ходил в конец вагона проверять Пушкина, с трудом отыскивая взглядом чемодан среди десятка похожих. С напрягом стаскивал его на пол и протискивался с чемоданом в туалет. Под удивлёнными взглядами вежливых проводников и сильно заинтригованных пассажиров. Потом я задремал в своём кресле — догнали проведённая в разговорах ночь и «Вдова Клико»...

Пробудился я от возросшего шума и гомона. Поезд стоял на вокзале города на Неве, пассажиры выходили. Поки-

вав торопившимся попутчикам, я пропустил всех и взял оставшийся на полке чемодан.

Сердце ёкнуло: он был без дырочек. Замки не поддались торопливым пальцам, я вскрыл их ножом — и вместо живого Пушкина на ковровый пол вагона высыпались томики моих собственных книг.

Я бросил всё, пометался по платформе, но чемодан с дырочками уже не увидел.

И куда попал задремавший в тепле и игристой неге Александр Сергеевич? За какой Великой стеной оказался в итоге?

Впав в уныние, я задержался в Петербурге на три дня. Скупал все свежие газеты и просматривал колонки происшествий, выискивая новость о найденном в чемодане поэте. Однако писали лишь о чемодане долларов и об очередной женской расчленёнке. Но это для нас и не интересно вовсе...

Одна лишь газета на китайском языке, купленная в киоске возле Гостиного двора, меня заинтриговала. На первой полосе половина иероглифов была напечатана крупно и красным. О чём бы это? Мы ж, россияне, в таких закорючках ни хрена не понимаем. Во всяком случае — пока, до поры до времени. Я мрачно слонялся по пушкинским местам, искал в надежде заметить в толпе знакомый джинсовый костюм. Пил игристое.

Но тщетно. Даже после четвёртой бутылки Пушкин не появился. Может, и впрямь затерялся где-то в смуглой туристической массе и стал тамошним Нашим Всем? Во всяком случае, именно так сказал мне на Стрелке Васильевского острова рослый жизнерадостный китаец, отвечая на вопрос:

– Гражданин, вы Пушкина нигде не видали?

Он ощерился, втянул носом воздух, ароматившийся выпитым мною шампанским. Потом похлопал меня по плечу, обвёл рукой всё пространство вокруг от «Авроры» до Медного Всадника и с удовлетворением произнёс:

– Карбаса халасо!

А затем доверительно добавил:

– Hace... всё!

на пуантах

Директор театра нажал кнопку на пульте и попросил:

 Егоровна, голубушка, принеси-ка нам с корреспондентом кофейку!

Посланец средств массовой информации воспользовался паузой. Заглянув в блокнот с написанными вопросами, указательным пальцем подпихнул свой диктофон поближе к креслу собеседника и приготовился.

Дверь распахнулась, а чуть погодя в кабинет протиснулась старушка лет восьмидесяти, развернувшаяся спиной вперёд — чтобы не задеть подносом за дверной косяк. К изумлению гостя она была в балетной пачке и в пуантах.

 Прима-балерина, – не без гордости пояснил директор, заметив это изумление. – Ещё на открытии Останкинской телебашни танцевала.

Хозяин кабинета снял одну из чашечек с подноса, изящно отхлебнул:

— Они ведь раньше у нас в театре как? Лет до тридцати повыступают и — фьюить! — на пенсию. А нам — новых набери, на одном шитве и подгонке сценических костюмов разоришься... Вот мы и додумались, что лучше прежним срок продлить, пусть пляшут. И, знаете, чудесные результаты! Чу-дес-ные! Экономика наших, так сказать, подмостков, резко поползла! Вверх то есть. Ведь кто пенсию ждёт — прибавки не просит, репертуар со времён Кшесинской помнит... Ну-ка, Егоровна, из «Дон Кихота»?

Бабулька охотно уцепилась за угол шкафа, встала на пальцы и, охнув, сотворила скрипучий пируэт.

- Чудо! похвалил директор. Как и в прошлом веке чудо! Он привстал. И ещё немаловажно, можно даже в печать... У них за столько десятилетий появился свой верный зритель! А у Егоровны так даже два!
  - И довольны? Зрители-то?
- А то! директор воздел палец и чуть согнул его в сторону открытой двери. Из далёкого зрительного зала стали слышны аплодисменты. Пусть они там попробуют быть недовольными. Мы же всем билетёрам... пардон, капельдинерам вообще до девяноста семи продлили. Так что те, если оглушительных аплодисментов не будет, вообще ни черта не расслышат и двери на выход не откроют, сиди в зале... хи-хи... до собственной пенсии!
- Всё здорово, только непонятно, почему ж ваша прима кофе разносит?
  - Это временно. Я секретаршу попросил подменить.
  - Заболела?
- Если бы! Она у меня после своего столетия не болеет. На симпозиум её вызвали, от искусства, вишь ли, отрывать приладились: всё молодых пенсионеров изучают, чтоб этим геронтологам жить на одни льготы!

РЫЖАЯ, С ВЕСНУШКАМИ...

1

Ей всех на свете жалко.

Веснушки у неё покрывают щёки и нос не полностью, а лишь сверху до середины лица. Поэтому издалека кажется, будто это золотистая вуалетка. Персты у неё тонкие, нервные, со странным кольцом в виде змейки, которая кусает себя за хвост. Кольцо день ото дня кочует с пальца на палец без всякой системы. На указательном и среднем оно сидит туго, а на мизинчике болтается, и потому его приходится страховать серебряным перстеньком с красным стёклышком. Он старинный, от бабушки. При царизме такие делали и продавали за копейки на ярмарках. Бабушку ей жалко — прожила всего девяносто семь лет. А могла бы все сто, кабы не случайная простуда...

Если нам куда-то надо, мы выходим на полчаса, а то и на час раньше. Потому что по пути она, задержавшись, ловит падающие осенние листья и бережно укладывает с ладони на газон:

- Белненькие, палаете! Больно вам!

Не дай бог, где-то в сквере попадётся кошка. Тогда она остановится выяснять, куда несчастному, затюканному городской суетой животному надобно, и, оставив меня ждать, может перенести кошку по пешеходному переходу на ту сторону магистрали или, например, через большую лужу. А если кошка потом проявит недовольство — то и обратно на прежнее место.

Наличных денег я ей не доверяю. Никаких. Она любую сумму мгновенно раздаёт нищим. Особенно ей жалко тех

нищих, которые явные мошенники и профессионалы своего дела:

– Горемычные... Вынуждены врать и прикидываться целый день. Ещё и на дожде с ветром...

Рестораны мы посещаем иногда, когда мне совсем встают поперёк горла её домашние исключительно вегетарианские блюда. Но выбираем только те заведения, где из колонок в уши бузует нечеловеческая музыка. Благодаря чему стенания моей рыжей с веснушками никому, кроме сидящего рядом меня, не услышать.

А в гости с ней ходить нельзя. Последним был юбилей Павла Петровича, моего начальника. Прелюдию торжества в виде массы закусок мы ещё как-то выдержали. Она лишь понуро сидела на своём стуле и негромко бурчала, катая вилкой по тарелке чудесных подкопчённых маринованных осьминогов, креветок и мидий:

— Несчастненькие... Поймали вас сетью... А ракушек обманули — они на морской ферме росли, росли, а их отскребли и повезли за миллион километров варить и продавать!..

Но потом, после всех здравиц и подарков, супруга юбиляра Алевтина Яковлевна, сияющая от гордости за совершённое кулинарное чудо, вынесла на подносе целого зажаренного поросёнка. Народ за столом ахнул, задвигал тарелками, набросился резать и кромсать.

А моя заговорила совсем печально и совсем громко:

— Миленький! Бедненький! Такой малепусечка, розовый такой! Бегал за мамкой — хрю, хрю, хрю! А дядька небритый в вонючем фартуке пришёл, вколол тебе ножик прямо в сердечко — кровушка у тебя вся-вся вытекла, у маленького. Кричал, небось. А мамка твоя из-за ограды смотрела и вся исплакалась...

В общем, в конце её монолога женщины из числа гостей употреблять поросенка категорически отказались, а мужики уныло подцепили на вилки по огурцу и набузырили себе полные фужеры водки...

Недели через две она подошла ко мне на кухне, потрепала ладошкой вихры, больно цепляя отдельные волоски своей золотой змейкой: – Несчастненький мой! Обездоленный, горемычненький! Ждал, что тебя повысят, а начальник тебя не повысил! Бедный начальник Павел Петрович, у него столько забот и столько подчинённых!..

Ещё про что?.. А-а, про футбол. Была с моей стороны такая глупость — не хотел её в субботний день одну дома оставлять. Потому что по подъездам как раз ходят всякие субтильные субъекты в тёмных костюмах и галстуках и предлагают купить разное барахло... Ну, вы понимаете.

В общем, повёз её на стадион. Места оказались в самой гуще.

- Мы за кого? спросила она.
- Конечно, за «Спартак»! Видишь, вокруг все в красно-белом.
  - A те, другие, на поле кто, жёлтенькие?
  - Это команда «Ростов».
  - А у кого сейчас меньше очков?
  - Ясен перец, у «Ростова» меньше...
- Бедненькие ростовцы! Всё проигрывают и проигрывают. Им тогда надо сегодня выиграть. Или лучше пусть ничья, чтоб никого не жалко...

На нас стали коситься с соседних рядов. А вскоре «Ростов» вдруг забил. Трибуны ахнули и обмерли. Лишь она одна в этой пустоте звонко захлопала в ладоши:

Вот как хорошо-то! Теперь у них будет побольше очков!...

Со стадиона нас выводили, укрывая со всех сторон, несколько заботливых полицейских. А спартачи кидали вслед нам скомканные газеты, пластиковые стаканы и мокрые пакетики чая на ниточках и кричали:

- Мы вас запомнили! Мы вас найдём!

Я купил второй телевизор, чтобы впредь смотреть по нему футбол дома в то время, когда она в другой комнате рыдает над своими многосерийными мелодрамами.

Иногда она тихо подходит, садится мне на колени и, взяв за плечи, внимательно смотрит в глаза:

Как ты думаешь, кто из нас первый умрёт?
 Отвечаю без раздумий:

 Конечно – я. Ведь я же старше. И у меня уже болит коленка.

Порой хочется вдобавок завопить: «И, кроме того, столько лет мучаюсь с тобой, а это ведь даже не как на войне год за три, а – год за пять!!» Но я себя сдерживаю.

Её зеленоватые глаза становятся строгими и печальными:

- Нет, лучше я сперва. А то, если ты, мне станет тебя так жалко, что я погибну от жалости!
  - А так мне тебя будет жалко. Тоже плохо.
  - Что же делать? растерянно спрашивает она.
- Можно вместе, в один день, шучу я. Например, купим путёвку на старенький теплоход, и он вместе с нами напорется на айсберг в Рыбинском водохранилище.
  - Почему, в Рыбинском?
  - Какая разница. Можно в Куйбышевском...
- Нельзя, уверенно решает она. Теплоходик жалко. И капитана. Его же накажут, если мы вместе потонем, а он выплывет... Ведь он выплывет?
  - Да выплывет, выплывет!

Я уже начинаю нервничать и перехожу на повышенные тона, сердито пытаясь снять её руки со своих плеч. Она изгибается, сопротивляется. И вдруг впивается своими губами мне в губы.

Я дёргаюсь, слабею и сдаюсь.

Уже в сумерках она выныривает из неги и дрёмы, улыбается, не открывая глаза, водит рукой по одеялу и, наткнувшись на моё ухо, принимается его мять и крутить.

 Соседи бедолажечки, жалко соседей... Стенки вон какие тонкие...

Я дёргаю головой, пытаясь высвободить ухо, и принимаюсь хохотать.

2

Меня всё-таки повысили. Но уже в другом учреждении на другой работе.

Туда от дома чуть дальше, чем на прежнее место. Приходится ездить на электричке, платформа от нас в паре кварталов.

Зимой и в сухую погоду я выхожу из дома в семь пятьдесят, чтобы попасть на нужную электричку восемь ноль семь утра.

А вот в дождь и сразу после дождя я выхожу на эту самую электричку минут за сорок, а то и за час.

Дождевые червяки выползают на асфальт, а обратно на газон попасть не могут, натыкаясь на каменные бордюры. В молодости я ездил на рыбалку и насаживал таких на крючок.

Но рыжая с веснушками где-то вычитала, что они из подотряда малощетинковых отряда напиотаксид и живут до десяти лет. И я их зауважал.

Утром по пути на платформу я собираю их с асфальта и переношу горстями на мягкую землю.

Были бы какие-нибудь щитомордые, не так бы жалко. А то ведь просто «щетинковые», да вдобавок ещё и — «мало». Бедненькие!

3

Про дождевых червяков я ей не рассказываю. Пусть у меня от неё будет хоть одна тайна.

Олег ЗАХАРОВ

Кстово

РУССКИЙ ЯЗЫК. КРАТКИЙ КУРС

Люди старшего поколения помнят, что в Советском Союзе ещё с 1938 года издавался труд под названием «Краткий курс истории ВКП(б)», который позже трансформировался в «Историю КПСС. Краткий курс». По сути это была переписанная под нужды руководителей партии и правительства история революции, история страны. Хотя, конечно, подавался сей труд как краткое изложение ну 0-0-0чень большой истории партии большевиков.

Нам это название интересно именно с точки зрения того, как оно подавалось. Хотя речь пойдёт не о коммунистах, а о русском языке.

К сожалению, в последние годы почти утрачен институт редактуры, выпустить собственную книгу стихов или прозы почти не является проблемой (были бы деньги). Но эти деньги авторы зачастую жалеют на редакторов. Поэтому в свет всё чаще выходят произведения, в которых допущены орфографические, фразеологические ошибки; в нарушение норм русского языка применяются несуществующие слова, авторы путаются в падежах, ударениях, занимаются неоправданным словообразованием. Кто-то ошибается в склонениях и спряжениях, кто-то в паронимах и фразеологических оборотах, кто-то в окончаниях. Нередко можно встретить в стихах тавтологию, несовместимые сравнения, слова-паразиты, недопустимый сленг. А двусмысленность, которую не заметил сам стихотворец, в стихах сплошь и рядом. С одной стороны, безграмотность или слабое знание каких-то разделов русского языка – проблема самого автора. Но ведь такие произведения выходят в печатных изданиях – сборниках, литературных журналах. И читатель, особенно молодой, привыкший доверять печатному слову, думает, что так и надо! Что если это напечатано, то соответствует правилам. Позже, сам становясь пишущим человеком, этот читатель и сам применяет подобные ошибки уже в своих произведениях. И тогда безграмотность превращается в снежный ком, готовый поглотить весь литературный мир. Как с этим бороться?

«Смех — самое сильное оружие... Тому, кто оскорбляет человека, который не сердится на его нападение, но смеется над ним, всего более бывает это огорчительно», — этим словам, сказанным святителем Григорием Богословом, более полутора тысяч лет. Вот и будем это оружие применять по отношению к авторам, допускающим в своих произведениях серьезные отступления от норм и правил русского языка. Я говорю о литературных пародиях.

Пародия, с одной стороны, шутливое произведение, вызывающее смех. С другой — произведение поучительное, потому как, во-первых, высмеивает допущенные поэтические ляпы, вовторых, объясняет, как не надо применять русский язык при создании поэтических произведений. То есть пародия выполняет ещё и просветительскую роль.

«Русский язык. Краткий курс» – думаю, именно так будет называться очередная книга литературных пародий. Некоторые фрагменты этого будущего краткого курса я и предлагаю сегодня вашему вниманию.

Олег ЗАХАРОВ, член Союза писателей России

Большая семья

Он сына звал и с ним общался, Хоть с ним давно уж не видался. Ведь сын покинул мать с отцом, Когда был молод и юнцом.

Галина Ляшенко, Краснодарский край

Уйдя из дома как-то раз, Его покинул я тотчас. Я был тогда ещё юнцом, Мальчишкой, парнем и мальцом. Но вспоминаю без конца Батяню, папку и отца, А также матушку и мать И ту, кто жизнь смогла мне дать.

Прочтя Галинин этот стих, Я замолчал, примолк и стих. Сложилась как судьба у них — У тех людей... десятерых?

Находчивая

Люблю предчувствие дороги, До страсти, головокруже... Домов отвесные отроги На скалы кажутся уже Похожими...

Мария Амфилохиева, Санкт-Петербург

Когда я в творческом ударе И льются строки из меня, Люблю слова недоговари... Зачем? И так ведь всё поня...

В стихах не лью напрасно воду И рада этому сама: Чернил всё меньше я расходу... Плюс экономия бума...

Чтоб написать стихотворе... Опять же трачу меньше вре... Но вдруг узнала я вчера, Что мне уменьшен гонора...

Конец семейному бюджету! Недогова... я, значит, зря! Предупреждали ведь поэты: Не надо, Маша, выпендря...

Недосказанность

Смотрю я на мир сиротливо, Не знаю, куда мне податься. Несётся, как лебедь, молитва К девчонке, с которой расстаться...

Эдуард Горянец, Кемерово

Какая-то в жизни засада, Не знаю, податься куда. А может, мне было не надо С девчонкой, с которой тогда?..

Я мог бы к себе и построже, Но сверху не подали знак. Всю жизнь, получается, прожил С женой, от которой никак...

И вот уж кончину предвижу, Моя закатилась заря. Я больше её не увижу – Старуху, которую зря...

Одна только радость при этом, Один лишь поступок в цене – Я выбрал дорогу поэта, Хоть им и не надо бы мне...

О повелительном наклонении

Видишь, как душа моя стареет? Видь и помни. Помни и живи...

Эмма Казумова, Новороссийск, дважды лауреат премии «Поэт года»

Вот мы жгём глаголами, как хочем, А ведь всем известно испокон:

Не у всех у них, промежду прочим, Есть повелевательный наклон.

Если вы дошкольников постарше, Речь-то не губите ни за грош! Верно говорить: покладь, достамши! И неверно: вынуй да положь!

За родной язык душа в тревоге, Так что не роняй его престиж И не говори: хоти и моги! Даже если могешь и хотишь...

А врага словесности любого Захоти, смоги и отбичуй! Ты же видишь, слышишь,

чуешь слово, Так что впредь – и видь, и слышь,

и чуй!

Ляжь за слово грудью для народа! Стихотворным гением сияй! В обществе таких «поэтов года» Всем назло и дальше состояй!

Проезжая Украину

Когда я проезжаю Мелитополь, То чувствую... О, Господи, опять Из носа выпадает пара сопель, Да режет глаз степная благодать...

Сергей Леонов, Симферополь

Когда я проезжаю Мелитополь, Из носа выпадает пара сопель. А вот когда бываю я в Тернополе, То выпадает три здоровых сопели. В Черкассах, географию расширя, Сопельев уроню уже четыре. Пять соплев из-за собственного веса Покинут нос под городом Одесса.

Шесть сопелье стекут из носа с дрожью, Как только я приближусь к Запорожью. ... Но ни один не выпадает сопль, Когда я возвращаюсь в Симферополь.

В каких я рассказал вам это целях? И для чего потратил столько слов? Похоже, дело вовсе не в сопелях... Вот это и обидно до соплёв!

Игорь АЛЕКСЕЕВ

Москва

Фото из детства

Два локтя, четыре пальца – Меньше метра... Ну, отпад! Это я в костюме зайца Сорок лет тому назад. Клочья ваты на загривке, Уши, словно два рожка, И в башке, небось, обрывки Новогоднего стишка. Хоть и вдумчив, как Спиноза, Но забравшись в хоровод, Верю в Дедушку Мороза, Жду, когда же он придёт. Скажет: «Здравствуйте, детишки!» И завоет наш «колхоз», Чуть не писая в штанишки: «Здравствуй, Дедушка Мороз!» Лишь моё ютиться эго Будет в плоскости иной: «Почему он не из снега? Посох, блин, не ледяной!» Не замайте то, что свято! И захочется сказать: «Чё-то дурят нас, ребята... За наивных держат, знать...» Но в порыве этом жарком Я не буду лезть опричь, А не то ещё с подарком Обломает старый хрыч...

Всё ж предел мечтаний детских... (С высоты ж прошедших лет — Как-никак кулёк советских! Не сегодняшних! конфет...) Буду гнать со всеми дурку. Что поделать? Это жись... Если надо звать Снегурку, Блеять: «Ёлочка, зажгись!» Эх, и тяжкое же бремя... Просто стресс для малыша... А какое было время! Вот бы снова... Ладно! Ша!

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ

Регенсбург, Германия

Миниатюры

Как солнце не переставляй – всегда что-то остается в тени.

Не все то козырь, чем козыряют.

Из двух зол выбирай то, которое подобрее.

Не все, что мыслится – мыслимое.

Не высовывайся – подрежут, – говорил куст.

В истории в первую очередь забывается то, что все намерены не забывать.

Не все, что назревает – созревает.

Надень бантик на календарь – и каждый день станет для тебя подарком.

У того глаз зорче, кто умеет на многое закрывать глаза. Информаторы появились раньше, чем возникло понятие информация.

Человек – чадо природы, но человечество – ее исчадие.

Что такое искренний оскал зверя, начинаешь понимать, когда улыбаются кошки.

Все перемелется, но не из всего мука будет.

Семейное чтение

Любовь СИДОРОВА *Москва*

ВОЛШЕБНЫЙ КАЛЕНДАРЬ Сказка

- С Новым годом, Зоя! сказала мама, вешая в дочкиной комнате новый большой календарь.
  - С Новым годом! засияла Зоя.

Любила девочка Новый год, радовалась, когда он наступал. И сейчас, увидев новый календарь, очень обрадовалась. На картинке календаря была изображена зимняя природа, необыкновенная, будто сказочная. «У календаря всего одна картинка, значит, целый год у нас будет зима», — подумала Зоя. Она любила зиму, Новый год, но любила и лето. Летом каникулы, дача. Взяли на дачу и Зоин любимый календарь, повесили на стенку дачного домика. Девочка, глядя на календарь, иногда думала: «Календарь красивый, но жаль, что на нём только одна картинка, зимняя, сейчас хорошо бы летнюю».

Как-то погожим солнечным днём Зоя гуляла со своей дачной компанией. Собрались ребята разного возраста, и маленькие и постарше. Пошли играть к большой ели и видят: на ели висит Зоин календарь с зимней картинкой, будто Новый год наступил.

- Смотрите! удивлённо воскликнула Зоя. Мой календарь почему-то оказался на ёлке.
- Какой красивый! захлопала в ладоши маленькая девочка. Давайте играть в Новый год.
- Но как сюда попал этот календарь? спросил маленький мальчик.

460

- Не знаю, пожала плечами Зоя. Кто мог его повесить? Мама точно не вешала.
- Раз он здесь висит, значит, кто-то повесил, рассудила большая серьёзная девочка.
- А может быть, никто не повесил? вдруг предположила Зоя. – Может быть, календарь волшебный?
- Волшебный! засмеялись большие мальчики. Да Зойка, наверно, сама повесила и разыгрывает нас.

И тут произошло чудо. Картинка на календаре сменилась: из зимней превратилась в летнюю. На ней светило солнышко, пестрели цветы, точно такие же, как те, которые окружали ребят. От изумления никто не мог произнести ни слова. Да это ещё не всё. Картинка на календаре ожила: бабочки порхали вокруг цветов, птички пели. И тогда уж все поверили, что календарь волшебный.

Наигравшись, Зоя пошла домой, и что же? На стене, как ни в чём не бывало, висел её календарь с зимней природой. «Значит, на ёлке был не мой календарь, а другой, волшебный», – убеждённо подумала Зоя.

На следующий день на ели снова висел волшебный календарь, снова всех удивил. На календаре светило солнышко, и вдруг пошёл дождь. И на самом деле пошёл дождь, ребята разбежались по домам. Каждый день календарь удивлял, показывал окружающую природу и погоду.

Но вот каникулы кончились, Зоя поехала домой. Снова Новый год, повесили новый календарь. Потом снова лето, снова дача. На ели опять висел волшебный календарь, но, к удивлению Зои, не все его видели. Кто поменьше – те увидели.

– Смотрите, опять волшебный календарь! – радостно кричали они.

А большие недоумевали.

- Какой календарь? - спросила серьёзная девочка. -В прошлом году календарь здесь, кажется, висел, что-то припоминаю. Сейчас никакого календаря нет. Правда, ребята?

Девочка обратилась к большим мальчикам.

- Конечно, нет! - засмеялись они. - Никакого календаря здесь никогда и не было. Наверно, вам приснилось.

Компания разбежалась, но Зоя осталась стоять у волшебного календаря. Она размышляла, почему одни его

видят, другие – нет. И, наконец, подумала: «Кажется, я поняла: волшебный календарь дети видят только до какогото возраста. Подрастут и перестают его видеть. Но ведь ещё в прошлом году календарь видели все. Получается, для ребят каждый год имеет очень большое значение. Любой календарь показывает, как идут дни, недели, месяцы, годы. Ой, значит, и я перестану видеть волшебный календарь, когда подрасту? Нет, не хочу вырастать, хочу всегда видеть волшебный календарь!» Зоя заплакала.

И вдруг послышался незнакомый ласковый голос:

О чём плачешь, деточка?

Зоя оглянулась. Перед ней стоит старушка с каким-то особенным, неземным взглядом, таких Зоя никогда не видела. Бабушка ей показалась доброй, и Зоя обо всём рассказала незнакомке, поделилась своими грустными мыслями.

– Не плачь, Зоенька, – сказала бабушка. – Даже когда вырастешь, ты можешь остаться прежней девочкой – в душе. Ведь что отличает детей от взрослых? У детей чистые души. А волшебный календарь отражает не только природу, но и души людей. Волшебный календарь живёт в каждом человеке и отсчитывает время – у каждого своё. Детям дана привилегия видеть свой календарь. Дело не в возрасте. Бывают дети, которые рано взрослеют, перестают верить в чудеса, и они уже не видят волшебного календаря. Ведь волшебный календарь является отражением календаря внутреннего. А бывают взрослые, которые остаются чистыми душой, как дети, и они видят календарь всегда. Если твоя душа останется чистой, детской, то ты всегда будешь видеть волшебный календарь.

Зоя невольно бросила взгляд на календарь. На нём мерцали звёздочки. «Вечер, пора домой, – подумала девочка. – Но сначала попрощаюсь с бабушкой». Оглянулась – а бабушки словно не бывало. «Она исчезла так же неожиданно, как появилась, – подумала Зоя. – Наверно, это волшебница». После слов бабушки-волшебницы она перестала плакать.

С тех пор Зоя больше не видела ту старушку, но её слова помнила. Всё сбылось, что сказала волшебница. Зоя подрастала, потом выросла, но волшебный календарь видела всегда, любовалась его сказочными картинками, потому что душа её осталась по-прежнему чистой, как в детстве.

Мария ШАКИРОВА

Елабуга

МАСТЕР КАЛЛИГРАФИИ

Мастер каллиграфии сидел возле открытого окна. На столе перед ним лежали лист пергамента, кисть и тушечница. Ему предстоит создать редчайшее произведение искусства — для самого императора вывести поздравительную надпись. Он лучший в империи, и все, что выходит из-под его кисти, считается образцом. Десять талантливых учеников со всех уголков страны живут в его доме, обучаясь искусству каллиграфии. И хотя они умеют уже очень многое — техника их великолепна и совершенна, до мастерства им еще далеко.

Выглянув в окно, он увидел знакомую картину: круглая луна висела над миром, а вокруг нее, распахнув пасть, летал дракон. Он силился проглотить луну, то исчезая, то появляясь вновь, сбиваясь из облаков, рассеиваясь и снова возрождаясь еще свирепее и непримиримее, чем раньше.

Много лет мастер следит за этой борьбой: небесный дракон охотится на луну, не зная, что жажда обладать ею неутолима, что луна была, есть и будет на небосклоне и она много больше, чем он сам, это лишь ее отражение бередит его разум. Он любит и ненавидит ее, как все, что дорого и неподвластно нам, томится и страдает. Ему кажется, что он умрет, если она не будет принадлежать ему целиком, и он злится, почему она так спокойно и безмятежно светит на небосводе.

Дракон захлопнул пасть, и луна ненадолго скрылась за облаками. Мастер перевел взгляд на пергамент. Он сам сей-

час жаждет поймать луну, а луна — это переплетение линий и штрихов, это изумительно, идеально выполненная надпись. Всего четыре иероглифа, но они должны быть написаны с первого раза плавной тягучей рукой, чтобы каждый, кто увидит их, пережил вместе с ним этот момент: ночь и луна, ветер, приносящий запах жасмина, мир, погруженный во тьму и дремоту, забывший о себе и обретший покой.

Каждый мастер своего дела знает, что волшебство появляется, когда исчезает он сам. Когда его рука слепо вверяется силе много большей, чем он может понять, тогда из шороха потревоженной ветром листвы рождается сила, что подхватывает руку и распахивает сердце. Мастер взял кисть и замер. Внутри него поднялось ликование: вот сейчас он выведет один за другим четыре идеальных иероглифа! И он отложил кисть.

Это ликование – не что иное, как глупый танец облачного дракона. Нет, оно не подарит его руке легкость и плавность. Время еще не пришло, он слишком жаждет схватить луну.

Мастер прикрыл глаза, вспоминая прошедший день. Сегодня самый младший ученик, пришедший к нему всего год назад, выполнял упражнение и чуть сильнее расслабил руку, позволив случайной капле скатиться с кончика кисти и подмочить бумагу. Он выводил иероглиф «вода» и вдруг сам стал водой, и иероглиф, что остался после его руки на пергаменте, обрел свою жизнь, став живым и текучим. Мастер не оставил это без внимания и похвалил работу, чем вызвал негодование среди опытных учеников.

Самый старший из них, что провел в его доме шесть лет, решился обратиться к нему. Низко склонив голову, он прошептал:

– Учитель, ваша похвала для нас ценнее жизни. Год за годом мы доводим руку до совершенства и не получаем от вас и слова одобрения. А сейчас этот ученик на наших глазах совершил промах, испортил работу кляксой, но вы улыбаетесь и довольны его работой!

Мастер строго взглянул на него и сухо ответил, хотя сердце его источало сочувствие и любовь:

– Если ты задаешь мне этот вопрос, значит, дух твой ничего не постиг и годы тренировок прошли для тебя напрасно!

Так оно и было, ведь работы этого ученика были точны, совершенны, но лишены жизни. Они не дышали тем, что несли в себе. Постичь головой это явление было нельзя, только почувствовать, распахнув шире сердце.

Мастер не мог объяснить им словами, что совершенство — плод руки человека, а жизнь — Бога. Не ошибку допустил самый чуткий из его учеников, запачкав пергамент кляксой. Он впервые нарушил правила, потому что иероглиф, обозначающий воду, должен и сам быть тягуч и влажен. Он отпустил свою руку, повинуясь той силе, что пришла извне, и из мертвого человеческого совершенства родилась божественная красота.

Луна вновь показалась среди облаков, дракон рассеялся и сдался. И внутри мастера что-то обмякло, ушло. Жажда обладания луной, стремление к совершенству исчезло, рука стала легкой и свободной от его ожиданий. И он занес кисть над пергаментом. Закрыв глаза, он мысленно простился сам с собой. Простился с домом, полным учеников, почетом, которым окружал его императорский двор, с супругой и дочерьми, что давно отдыхали каждый в своей постели в другой части дома, с луной и драконом. И даже с тем собой, кто забыл, что дракон, сотканный из облаков, — это лишь отражение его собственных мыслей, плод игры воображения.

Простившись со всем, чем он был, есть и будет, мастер каллиграфии задышал спокойно и глубоко и отпустил свою руку, а та, подхваченная собственной жизнью, вывела на чистом пергаменте четыре иероглифа, каждый из которых дышал величием, жизнью и красотой. Когда он закончил, на небе не осталось ни облачка. Только луна освещала надпись: «Величие и слава большого государства».

Эта надпись сохранится на много веков, передаваемая как образец каллиграфического искусства, но мастер об этом не знал и не думал. Он сидел, опустошенный и безоблачный, словно небо, смотрел на луну, дышал и вновь шаг за шагом возвращался к самому себе.

Людмила МИЛЛЕР

АНГЕЛ

То ли задумалась над книгой, то ли задремала... за спиной послышался легкий шорох. Так упруго потрескивают перья, когда голуби расправляют свои крылья.

– Голубь...

Но эта мысль, как кипятком, плеснула невозможностью – какой? Откуда? За окном зима, и окна плотно закрыты.

Шорох послышался снова и спине стало приятно, как бывает летом под теплым солнечным лучом. Обернулась.

И в этот момент фигура, сидящая на комоде, вкусно чихнула, закрыв нос и рот белой тонкой рукой. Лица не было видно за копной золотистых кудрей. Веселыми спиральками они торчали во все стороны и источали слабый свет, как зажженная лампочка солнечным днём. Это что, ребенок? Худенький до прозрачности подросток, в белоснежной рубашке навыпуск и стильных белых брюках по щиколотку. Босой! Совершенно босые, ослепительно белые ноги с тонкой голубой жилкой на трогательной щиколотке и розовыми лепестками ноготков. Ребенок вытер нос рукой и откинул волосы с лица. Россыпь золотистых веснушек на курносом носу, длинные светлые ресницы и серо-зеленые глаза – знакомые до боли в затылке (я знаю эти глаза, я их знаю очень хорошо – но откуда? – эта мысль не дает покоя). Удивительно, что непонятен пол ребенка – это мальчик или девочка? Ни лицо, ни фигура не дают ответа.

– Ты откуда?!

Ангел

467

Ничего другого не пришло в голову.

Ребенок вежливо улыбнулся, и из него на пол выпало длинное белое перо.

- Пардон, смутился подросток и стал осторожно сползать с комода за пером. Его нога соскользнула с круглой ручки, я инстинктивно бросилась подхватить и в это время за его спиной с тугим треском распахнулись... крылья. Удержав его на весу и не давая упасть.
- Пардон, совсем сконфузился ребенок. Не хотел пугать, без предупреждения.

Это что за маскарад? – тонким дымком протянулась в голове мысль и растаяла. В глазах всё поплыло от невозможности происходящего, и сознание отключилось.

Пришла в себя от игры солнечных лучей на лице. Чуть приоткрыла глаза, пытаясь вспомнить, что произошло. Увидела два огромных лучистых глаза (откуда я знаю их?!), с большим сочувствием глядящих на меня, и ощутила невесомую руку на своей щеке. Это от нее ощущение солнца.

– Ну и напугала ты меня, Чира... И знаешь, матушка, – худеть тебе надо, еле дотащил ведь до кровати.

Чира?! Так назвал меня дедушка в три года. Я принесла из садика в первый же день песню: «Чира-а-чира-ра! Суп с поганками сварили, животы у нас болят! Чира-а-чира-ра!» — и с тех пор дедушка звал меня Чирой. Это такое детское, личное прозвище, которое никто — никто! — на этом свете не знает. Потому что дедушка через год умер, и я никогда об этом не рассказывала.

В сознании опять взорвалась какая-то световая бомба, залила всё ослепительным светом, и я опять отключилась.

- ...Если ты не перестанешь всё время хлопаться в обморок, я больше не скажу ни слова и вообще уйду! И живи опять в вечном диалоге со своим мозгом. Взрослая тетенька, а ведешь себя как припадочная барышня из прошлого века.
  - Сам ты... слабым голосом проскрипела я.
  - О! Очухалась, слава Небесам! Водички дать?
  - Давай...

С трудом отняла гудящую голову от подушки и села. С каждым глотком воды мысли, как сбесившиеся муравьи,

мечущиеся в черепной коробке, находили себе пару и както начинали выстраиваться в осмысленные фразы.

- Ты кто? это главное, что удалось вычленить из салата в голове.
  - Я? Ангел. А кто же еще? Твой личный Ангел-хранитель. Ребенок подбоченился и выставил ножку вбок.
- Почему босиком? Почему я задала этот вопрос, как будто это самое главное из услышанного?

Он тоже не ожидал этого вопроса и слегка растерялся:

– А ты бы мне купила тапочки! Одеждой нас снабжают, а вот обувь – это задача Подопечного. А ты сама всегда босиком ходишь, вот и мне приходится. Чихаю даже...

Ангел сел на кровать и поджал под себя ноги. От него исходило слабое золотистое свечение, а сам он был весь как мутное стекло – полупрозрачный, на грани. Как будто надо напрячь зрение, и можно будет сквозь него увидеть стул с другой стороны кровати.

- Ты мальчик или девочка? Не очень вежливый вопрос, но, наверное, для Ангела нормальный.
- У нас нет пола, заулыбался, просто Ангел. Ну давай, спрашивай. Я же знаю, что тебе всё интересно.
  - Ты давно здесь?
- С тобой? Всегда, с рождения. Мы растем вместе с человеком до того возраста, когда он ближе всего к нам, к своей Душе. А когда он начинает отходить от нас в силу заложенных стереотипов, навязанных моделей жизни, мы остаемся прежними и надеемся и верим, что он когданибудь остановится, посмотрит на свою жизнь и вернется.
- Я хочу задать главный вопрос если ты Ангел-хранитель, почему ты не уберег меня от стольких ошибок и слёз в моей жизни?
- О, я уберег тебя от фатальных ошибок. Тех, что невозможно исправить. Пару раз не пустил тебя в поезд на пути к человеку, который бы разбил твою жизнь вдребезги. Пару раз провел другой дорогой, и кирпич рухнул на пустой асфальт. Да много чего было... всего уже не помню. Но иногда нельзя было тебя удерживать душа должна пройти свои уроки и очиститься. Всё происходит на этой земле правильно, так, как должно происходить. Ты

просто знай, что я – всегда рядом. Веду тебя за руку. Или несу тебя на руках. Опять скажу – худей, а то тяжело мне. Я навсегда остался в твоем четырнадцатилетнем возрасте, а ты вон какая... вымахала...

Перо опять выпало из крыла и фигурно закружилось в воздухе.

- Это не больно, когда перо выпадает?
- Нет, не волнуйся. Они всё время обновляются, а старые выпадают. Крылья это основная часть Ангела. Мы ими укрываем от невзгод, поднимаем вас в моменты счастья, поддерживаем в трудностях.
  - А можно потрогать?
- Да трогай на здоровье! Ангел с гордостью развернул крылья во всю ширину и сшиб герань с подоконника.

Расстроился, поднял горшок и долго извинялся перед цветком.

Дружно решили идти на кухню пить чай. Ангел откудато из-за спины достал красную чашку в белый горошек. Это моя чашка, из детства! Из маминого сервиза! Я растрогалась до слёз. Ангел дал мне салфетку и подарил эту чашку.

– Почему ты раньше не показывался?

Ангел откусил печеньку и пожал плечами:

– Ты бы раньше не увидела. Нужно душой дорасти до себя – прежней, понимаешь?

С тревогой беру его за руку:

- Но ты же не уйдешь?
- Ну куда я от тебя! Я всегда рядом. Ты можешь всегда найти меня в своем детском альбоме.

Поняла! Я поняла, откуда знаю его глаза — это мои глаза. Я каждый день вижу их в зеркале. Только выражение с годами поменялось, стало строже и печальнее. А у Ангела — мои детские глаза.

Поняла? – смеётся. Чихает, зажав свой – мой – курносый нос прозрачной рукой.

Я вскакиваю и стремительно бросаюсь к входной двери.

- Куда?..
- Я сейчас! Я куплю тебе тапочки. Самые теплые и пушистые. Самые красивые на свете. И зови меня Чирой, пожалуйста. Всегда!..

ДРАКОН

- А давай мы сегодня читать не будем?
- Что же ты хочешь, сердце моё?
- Придумай мне сказку, сама!..
- Ну давай. Жила была одна Принцесса...
- Нет, не про принцессу. Это очень... слово такое, ты вчера говорила. Как банан...
  - Банально?
- О, вот да. Банально. Расскажи про Дракона, а то он, бедненький, всегда сторожит Принцессу, а потом его побеждают.
- Ну что же, давай про Дракона. Жил был один Дракон. Из рода древних, мифических существ (помнишь, что такое «мифический»? молодец!). Был он очень красивый, многоцветный. Весь в переливающейся чешуе. Жил он на высокой горе, в огромном старинном замке. И все жители округи боялись его, потому что думали, что он извергает огонь. А он на самом деле ничего не извергал, это его чешуя так ярко горела на солнце разными цветами, что Дракон становился похож на факел. Был он очень благородный и одинокий. Никто не знал, что в замке стояли огромные книжные шкафы с книгами всего мира. И самым любимым занятием Дракона было читать эти книги, переживать все приключения вместе с героями. Он обсуждал прочитанное по вечерам сам с собой, вернее - с огнем в огромном камине, который разжигал каждый вечер. И так он жил сотни лет – ведь Драконы живут очень долго. Но вот однажды вечером в тяжелые ворота постучали. За дверью стояла прекрасная Принцесса...

Дракон

471

- Ты опять про Принцессу?
- Ну какая же сказка без неё. Закрывай глазки, милая, слушай дальше. Когда Дракон открыл ворота, Принцесса страшно испугалась. Ведь она точно знала, что Драконы страшные и едят людей. Но бежать было поздно, и она просто закрыла глаза. А когда открыла она стояла в большом теплом зале, ярко освещенном свечами и камином. В углу был круглый стол под белоснежной скатертью, на котором разлеглась ваза с ароматным печеньем и приветливые пузатые чашки с земляничным чаем. А рядом лежала открытая книга сказок. Принцесса так удивилась, что совсем забыла на минуточку, как она тут оказалась...
- Мама, рассказывай скорее, а то я спать хочу, а мне интересно.
- Ну так вот. Принцесса эта, из соседнего Королевства, потерялась и долго блуждала по лесу. И так ей понравилось у Дракона, так было с ним интересно, что она попросилась у него погостить неделю-другую. Почитать вместе книги, пить чай вечерами.
  - Дракон позволил?
- Конечно, он же был очень благородный и добрый. Драконов все считают страшными и злыми, а ведь они просто большие и сильные. А душа у них – прекрасная...
- ...Спит моя девочка. Только что слушала, а сейчас закрылись глазки и нос любопытный тоже спит.

Осторожно наклоняюсь и целую одеяло около тонкой ключицы в цветастой пижамке. Так боюсь разбудить. Слышу этот запах, неповторимый и ни с чем не сравнимый, — моё личное лекарство — запах спящей дочки. Мне хватит этого до утра.

Он стоит в полутемной кухне, слегка сгорбившись, спиной ко мне. Мешает сахар в чашке. Чай пахнет земляникой. Как мы сегодня утром... резко... лучше бы наорали друг на друга, как в юности. А потом бы бурно помирились. Но мы уже взрослые, поэтому бросаем друг другу несколько холодных, острых фраз, как ножи. И каждый в сердце, и очень больно... Мне страшно. Я подхожу близко

и, сглотнув комок страха и неловкости, говорю спине, почти шепотом:

– Ты мой Дракон...

Спина чуть вздрагивает и горбится больше:

- Такой же страшный?
- Нет, ты просто не знаешь. Дракон прекрасный и благородный. Он просто большой и сильный, а душа у него очень добрая. И вообще... Дракон это древнее, мифическое существо...

Мне очень важно донести эту мысль вороту твоей рубашки, и я смотрю в него, не отрываясь.

Ты молчишь, и за эти пару минут я торжественно поднимаюсь на эшафот, кладу голову на плаху, и толстый палач с громким выдохом отрубает ее. Голова весело прыгает со ступенек и катится, катится...

- ...А ты моя Принцесса...

Фильм быстро отыгрывается обратно, голова с чмоканьем усаживается на шею, а внутри происходит обвал и камнепад. Сердце заваливает этой лавиной, и оно начинает опять стучать только, когда ты поворачиваешься и прижимаешь меня к себе.

И твое сердце опять запускает моё. Мое сердце всегда слышит тебя. Даже когда я думаю, что время и обиды сделали свое дело.

Это в сказках Принцессы ждут прекрасных Принцев. А в жизни каждая Принцесса мечтает встретить настоящего Дракона. Древнее, мифическое существо...

СЕРАФИМА

Молодой бабу Симу не помнил никто. Казалось, что она всегда была сухой, смуглой старухой, в клеточках морщин, с мелкими узловатыми руками и спиной в полупоклоне. Конечно, были и фотографии — но невозможно было узнать в полной, завитой женщине, пугливо таращившей глаза в объектив, спокойную и равнодушную к жизни маленькую бабу Симу. Сын ее давно умер, невестка практически сравнялась с ней годами — по виду и по здоровью, остались взрослые внуки и особая гордость — правнучка. Сима каждый день собиралась умирать и обозначала себе конечную точку: вот внуки выучатся, вот внуки женятся. Потом — вот дождусь правнучку. А теперь был новый последний срок — вот пойдет правнучка в школу.

Никто не знал, сколько Симе лет, и она сама уже забыла. Знали только, что день рождения у нее весной, и домашним пришлось самим придумать дату, Сима ее не помнила. Но свой праздник любила, особенно радовалась тюльпанам — и внуки охотно привозили разноцветный букет, не озадачиваясь другими подарками. Невестка Люба всегда дарила что-то нужное — байковый халат, теплые тапочки с жесткими задниками, бежевые хлопчатые колготки. Баба Сима и жила с невесткой вместе, в маленькой двушке на пятом этаже. Во двор гулять не спускалась, говорила, что ноги болят от лестницы. Открывала застекленный балкон, ложилась грудью на перила и сверху переговаривалась с соседками.

– Чой-та у тебя, Нинка, кофта новая?

Спрашивала соседку с третьего этажа, которая отчаянно отказывалась принимать свой возраст и тянулась за новой молоденькой невесткой. Та, обидчиво поправляя норковый полушубок, вполголоса отвечала:

- Это шуба такая, вязаная. Дорогущая.
- Шу-уба-а..... с нескрываемым сарказмом тянула Сима. Сама, что ль, вязала? Где ж ты столько кусков-то старых набрала? Кошек, что ль, ловила?

Й пока возмущенная соседка хватала ртом воздух, удовлетворенная Сима себе под нос говорила:

 Грымза старая, я тебе вовек ту кошку не прощу, что с котенком на мороз выкинула.

Соседки ее недолюбливали — и их можно было понять. Своим дома по хозяйству Сима помогала: вязала пуховые носки любого размера и ходила в магазин на углу за свежим хлебом. Она сшила себе из цветастой плащевки авоську и, размахивая ею на ходу, как флагом, медленно шествовала через весь двор. Продавщицу в магазине она любила, потому что та всегда спрашивала про правнучку, а эта тема была безотказным пропуском в Симино сердце. Покупала всегда одно и то же, через день — два батона и полбуханки ржаного. Один батон съедала сама, по кусочкам, отламывая. Любила булку больше всех пирожных и конфет на свете. Могла прибраться дома, к Любиному приходу с работы, и свои тряпочки всегда стирала руками в тазу хозяйственным мылом, не доверяя машинке и порошку.

К лету вдруг стала выходить дышать воздухом во двор — прежняя компания разбавилась новыми людьми, заселили соседний новый дом. Сима выходила с утра, попив чаю с батоном, а возвращалась уже вечером, пропитанная пылью и смесью запахов листьев, цветов с клумбы и ветра. Люба первое время тревожилась, часто выглядывала с балкона, но видела сверху только пестрое обилие голов и одежд на трех лавочках возле детской площадки. К зиме Сима вдруг попросила новое пальто. Крайне удивленная Люба рассказала о просьбе сыновьям, и располневшая после родов невестка отдала симпатичную шубку из серого каракуля — как раз маленькой Симе по размеру. Потом вдруг Люба заметила, что Сима стала красить губы — яркой бордовой полосой.

Серафима

— Баба, ты опять молодая, что ли, будешь? — наивно спросила правнучка на воскресном обеде. И все с крайним удивлением заметили, как покрылись нежной краской морщинистые щеки всегда невозмутимой и ироничной Симы. А Люба усадила внучку на колени и рассказала ей, что баба Сима ничего в своей жизни хорошего не видела, росла после войны, в голоде и нужде, и сына потом сама растила, одна. И так ей было тяжело — пусть сейчас хоть на старости живет как хочет. Она ведь у них у всех одна, самая старенькая бабушка.

А за пару дней до своего дня рождения Сима, набравшись решимости, вдруг объявила, чтобы дети не готовились – она уходит на целый день. А куда, с кем, к кому – ничего не сказала. И такое лицо у нее было – странное, что постеснялись расспрашивать. И Сима правда ушла, к обеду, – наказав не беспокоиться, надев синее платье, мазнув губы бордовой помадой и брызнув на шубу Любиными духами. Невестка позвонила сыновьям, целый час по телефону строила предположения и, устав, прилегла перед телевизором.

Проснулась в шесть вечера, собралась тревожиться, но услышала в двери ключ.

На пороге стояла баба Сима. Совсем не похожая на себя обычную — спина прямая, щеки разгладились, глаза сияли. В руках у нее была охапка тюльпанов, от нее сладко пахло фруктовым вином, а рядом с ней стоял мужчина. Очень пожилой, высокий мужчина, опираясь на красивую трость и в белом кашне под пальто. В первые секунды Любе показалось, что это она еще спит и видит сон. Потом мужчина чуть треснутым, но твердым голосом попросил у Любы... руки Симы.

- Чего вам нужно? не поняла Люба.
- Прошу у вас, Любовь, руки Серафимы. Обязуюсь любить и беречь ее, в горе и в радости.

Люба ушам своим не верила.

– Застегни халат и закрой рот, – засмеялась баба Сима.

Потом по Любиному звонку примчались оба внука с женами и правнучка. И Иван Капитоныч опять и опять рас-

сказывал, как сын купил ему квартиру в соседнем доме, как он стал во двор выходить. Как заболел, и Сима ходила ему в магазин и варила суп (ведь никому не сказали, ни его сыну, ни Любе), как гуляли потом возле дома и разговаривали с утра до ночи. Как поняли потом, что вместе им лучше, чем врозь, и как не хватает присутствия рядом, когда приходится расходиться по домам.

- А зачем жениться-то? обалдела Люба.
- А я хочу, чтобы всё было честно. Сима очень важный человек в моей жизни, я давно вдовец. Нет у нас времени на пустое. Хочу, чтобы она была моей женой. Хочу ее беречь.

Сидели так долго, потом всей компанией провожали Ивана Капитоныча домой. Потом Люба с Симой провожали до машин родственников. Правнучка осталась ночевать у бабушек.

Люба долго укладывала внучку, рассказывала ей сказку. Несколько раз приносила попить. Потом стала ложиться сама и почему-то заглянула к Симе. Та сидела в темноте на кровати, влажно блестя глазами в окно. Люба села рядом:

– Мама, тебе это всё зачем? Тебе со мной плохо?

Сима долго молчала, не отводя глаз от огней на улице. Люба решила, что она обиделась на вопрос, и уже открыла рот для извинений. Сима молча положила сухую ладонь ей на руку.

- Погоди... Объясню сейчас. Я давно забыла, кто я и что хочу сама. Я и с Иваном Капитонычем подружилась, потому что ему нужна была помощь. А он меня таким вниманием окружил. Он меня всегда спрашивает: Сима, что ты хочешь?
  - Мама, мы же тоже всегда....
- Погоди. Вы тоже спрашиваете. Что я хочу есть, что пить. А он спрашивает как я хочу жить, что я чувствую. Вы меня любите, но рядом с ним я вдруг поняла, что я человек, что я женщина. Только не смейся. И что я как женщина имею право что-то хотеть. А он как мужчина рядом и рад моим желаниям. Никогда у меня такого не было, да я и не знала, что бывает.

Сима замолчала, пораженная Люба стала вспоминать свою жизнь и поняла — тоже всегда жила как нужно, как положено. И тихонько заплакала от этих мыслей. Сима стала гладить ее по голове, как маленькую.

— Я с ним жить хочу. Сколько бог даст. Месяц, год. И женой я ведь не была никогда. Жизнь прожила, а как это — быть женой, беречь друг друга, смеяться вместе, разговаривать — никогда не знала. А ты не реви — у счастья нет возраста. Видишь, когда меня догнало! Кто знает, что там у тебя впереди. Главное — если чудо постучалось в твою дверь — открой, не бойся.

Люба до утра не могла уснуть: «Открой, не бойся!». А ведь она совсем не знает Симу! Оказывается, можно уже сложить крылья уставшей птицей и каждый день ждать смерти. Но выстрелить набухшей почкой на теплое прикосновение весеннего солнца. И измениться за один день — вот так сиять на пороге. Пахнуть фруктовым вином. Ронять разноцветные капли тюльпанов к ногам... И стать счастливой. И стать чьим-то счастьем...

MOHETA

Что-то пошло не так... что-то пошло не так...

Навязчивой шарманкой вертелось в голове. Два сорванных важных контракта на работе, ссора на этой почве с лучшим другом и партнером по бизнесу. И, как вишенка на торте, — вчерашний скандал с Ладой, который закончился очередной крупной ссорой. Даже не ссорой, а, похоже, разрывом отношений. Она хоть и швырнула ему билеты в лицо, и уехала с вещами к подруге — но все-таки была уверена, что без нее Сергей никуда не полетит. А у него внутри лопнула какая-то последняя нить, которая давно уже каким-то чудом удерживала их отношения. Он так боялся потерять Ладу, что позволял ей всё. А она привыкла к поклонению и не стеснялась.

Вчера Сергей был настолько зол, что даже не помнил, что за вещи он покидал в большую спортивную сумку и как вызвал наутро такси. И вот он, не совсем осознавая, бродит по огромному стеклянному зданию аэропорта и переживает эту ссору. Он так любит всегда предвкушение поездки! Особый мир аэропорта с его надеждой на отдых и лучшие перемены. Здесь он всегда представляет себя кем-то другим — то отважным и бывалым путешественником, то серьезным деловым человеком, едущим по делам бизнеса, то искушенным и обеспеченным завсегдатаем дьютифри, лениво наполняющим тележку всем подряд, не глядя на цены и, как бы передумав, оставляющим ее полную перед кассами. Аэропорт — как театр, где можно играть любую роль.

Он купил себе кофе и сел в углу в зоне вылета. До последнего ждал звонка от Лады – ведь она вчера жестко

Монета

и презрительно бросила ему «ты не мужик!», хотя прекрасно знала, что он не виноват в срыве контрактов — но круглая сумма теперь уплыла, только подразнив своей возможностью.

Опять разозлился и резко выключил телефон, чтобы не терзать себя ожиданием. Объявили посадку. Его место оказалось крайним у прохода. Рядом сидела маленькая, нарядная старушка, улыбчивая и в кокетливой шляпке. Он помог ей убрать сумку. Пристегнулся и прикрыл глаза. Почувствовал, что она смотрит, и с большим неудовольствием повернулся к ней. Женщина протягивала ему конфетку, как маленькому:

– Вы боитесь летать?

Недовольство разом сменилось благодарностью за заботу:

- $\mathring{A}$ очень люблю летать. Просто у меня неприятности. Показывая, что разговор окончен, опять слегка отвернулся.

Сразу даже не понял – что это. Маленькие сухие пальцы легли на его руку:

– Я очень боялась летать, раньше. Когда не знала, чего надо бояться... Знаете, у меня был сын. Он очень любил летать. И всегда на взлете держал мою руку. А потом разбился на машине, и наши с ним полеты остались для меня самым главным и теплым воспоминанием. И теперь я летаю часто, потому что в воздухе мне кажется, что он сидит рядом... Нет таких неприятностей, которые нельзя пережить, – кроме смерти. Все будет хорошо, поверьте мне, я знаю жизнь!..

Какой-то ком встал в горле и мешает... Сергей с трудом проглотил его:

– Я все-таки немного боюсь летать. Можно, я буду держать вас за руку во время взлета?

С какой детской доверчивостью и готовностью она вложила ладошку в его руку... Сколько чувств можно услышать в одном кратком, еле слышном:

Спасибо...

Самолет загудел и приготовился к взлету. Легко проплыла в голове мысль – нет таких неприятностей, которые

нельзя пережить. Хорошо, что он едет один. Поплавает в густо просоленном море, полежит на горячем белом песке. Приведет в порядок свои мысли и свою жизнь. Решит для себя главный вопрос — та ли женщина рядом с ним...

Эта хрупкая рука в его ладони возвращает в детство, когда все вопросы решались легко, подброшенной монеткой – орел или решка... Вот бы и сейчас так можно было: бросить монету, решка – пусть все остается как есть; орел – начинаю новую жизнь, с чистого листа.

Самолет вырулил на взлетную полосу и понесся, набирая скорость. Оторвался от земли – и вдруг в свободную руку Сергея откуда-то с потолка упала монета – один евро. «Орел», – автоматически отметил Сергей. И только потом уже изумился самому факту.

– Это на счастье!

Стало легко и ясно, как будто вышел из душного дома с темными окнами на свет и воздух.

Иногда жизненно важные решения принимаются за несколько секунд благодаря Провидению или людям, посланным этим Провидением. Чудеса случаются с теми, кто в них верит. И кто умеет увидеть подсказки, всегда посылаемые Жизнью. Ведь пока мы живы — все можно исправить. Начать с Начала...

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск двадцать шестой

Редактор-издатель *Олег Рябов* Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Редактор Андрей Иудин Макет Арсения Костромина Дизайн обложки Геннадия Щеглова Корректор Лев Зелексон

В оформлении обложки использована работа *Виктора Молева* «Адам и Ева»

Подписано к печати 03.06.2019. Выпущено в свет 21.06.2019. Бумага $60x84^{1/}_{16}$.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 27.9. Тираж 1000 экз.

Издательство «Книги» 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2. Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в типографии АО «ИПК «Чувашия» 428019 Чувашская Республика, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13